

1 руб. 70 коп

П. РАДЧЕНКО
НА ЗАРЕ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

П. РАДЧЕНКО

НА ЗАРЕ

Роман

КНИГА

2

СМЕРЧИ НАД МОРЕМ

Четвертое, переработанное издание

КРАСНОДАРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

P 2
P 15

Рецензент *И. Н. Бойко*

Художник *П. Е. Анидалов*

P 4702010200-44
M 146 (03)-88 без объявл.-88

ISBN 5-7561-0035-0

© Краснодарское книжное издательство, 1988

Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском-то:
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все вражеские корабли!

Из старинной казачьей песни

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Приморско-Ахтарская потонула в густых зеленых садах на невысоком берегу Азовского моря. Белые ее мазанки, прислушиваясь к неумолчному шуму прибоя, застыли под палящими лучами полуденного солнца.

На юге охваченные зыбким маревом лежат в зарослях камыша пойменные луга, непроходимые плавни. Сверкает, искрится гладь Ахтарского лимана. С севера на станицу набегают полюбившийся всем ветрам широкий, изрезанный оврагами простор Шамрайского поля. За ним — хутор Чернявский и станица Бородинская. В полтора верстах на восток от Приморско-Ахтарской, на изволоке, одиноко виднеются хаты поселка Изюмного. К южной окраине станицы примыкает вокзал. Железнодорожное полотно упирается тупиком в морскую пристань.

Выцветшее от жары небо кажется белесым. С моря тянет солоноватой свежестью. Чуть покачиваются деревья в садах, лениво шепчутся листвою...

Дыша горячим паром, на станцию прибыл поезд. Из вагонов повалили пассажиры. Маленькая сонная станция сразу проснулась. Крики, возгласы, поцелуи, смех, шарканье ног по истоптанной, хрустящей ракушке перрона. Людской поток, запрудив привокзальную площадь, устремился в улицу.

Жебрак задержался в тамбуре. Прищурившись от солнца, он внимательным взглядом окинул невзрачный вокзал и прыгнул с подножки. Был он налегке, без вещей: на левом боку — полевая сумка из желтой лакированной кожи с газырями для карандашей и гнездом для дорожного несессера, на правом — в кобуре браунинг. Дородная казачка зацепила его огромным узлом, потом кто-то толкнул мешком в спину. Жебрак снял шапку с

заломленным верхом, отряхнул с нее дорожную пыль и, сплюснув пирожком, снова надел. Вышел на улицу. Стройный, рослый, широкий в плечах, он резко выделялся из общей массы людей, обращал внимание на себя своей ладно пригнанной в талии темно-синей черкесской. За несколько минут добрался до ревкома, размещавшегося в здании бывшего казачьего правления.

Жебрак толкнул калитку и по узкой дорожке, протоптанной в спорыше, подошел к дому, стоявшему в тени густолистных дубов, поднялся на крыльцо. В коридоре встретил невысокую белокурую женщину в простой казачьей одежде — цветастой кофточке навыпуск и коричневой сбористой юбке. Он догадался, что это жена председателя ревкома, но на всякий случай спросил:

— Если не ошибаюсь, Феодосия Тихоновна Черноус?

— Она самая,— мягким голосом ответила женщина, разглядывая незнакомца, и в свою очередь поинтересовалась:— А вы кто будете?

— Я из области, для закупки лошадей приехал,— представился Жебрак и назвал имя и фамилию.

— А... нам звонили про вас из Екатеринодара.— протянула Феодосия Тихоновна.— Ну, как говорится, добро пожаловать.— Она проводила Жебрака в кабинет председателя ревкома, любезно кивнула:— Отдыхайте, вот водичка свежая.

— Мне надо повидать Василия Ивановича,— сказал Жебрак, и на его скуластом лице и в суровых глазах выразилась сосредоточенность.

— Одну минутку!— сказала Феодосия Тихоновна и проворно вышла.

Жебрак вспомнил, как тепло отзывался Балышеев о супругах Черноус. Эта чета плечом к плечу прошла всю гражданскую войну на Кубани, подчас жизнь их висела на волоске, в боях не раз были ранены.

«А с виду — тихая, застенчивая,— подумал Жебрак.— Даже трудно представить ее с шашкой в руке!» Он опустился на диванчик, сплетенный из ивовой лозы, оглядел просторную комнату. Краска на деревянном полу была вытерта. У окна, обращенного к церковной площади,— небольшой письменный стол, застланный газетой. На столе — школьная чернильница и тоненькая ручка с заржавленным пером. У стены с кое-где облупленной штукатуркой — старый стеклянный шкаф с паннами. Тут же висит телефонный аппарат.

Где-то рядом грохнул винтовочный выстрел. Жебрак знал, что в плавнях бродят белогвардейские банды, налетают на хутора и поселки. Чего доброго, их можно ждать и в станице. Жебрак вскочил с дивана и выбежал на крыльцо. Там стояла Феодосия Тихоновна с винтовкой в руках. Она смущенно улыбнулась, щелкнула затвором и, выбросив из патронника дымящуюся гильзу, пояснила:

— Это я мужа кличу. Он где-то в станице продрозверсткой занимается.

Теперь Жебрак убедился, что эта женщина не такая уж тихая, какой показалась.

— Скоро будет,— заверила она и отнесла винтовку в комнату с зарешеченными окнами, в которой хранилось ревкомовское оружие, вышла на улицу и, постояв немного, обернулась к Жебраку, сказала: — Вы тут сами, Николай Николаевич... Василь зараз придет. А мне надо домой.

Жебрак проводил ее долгим взглядом, подумал:

«Экая беспечность!.. Ушла, а ревком так... без всякого присмотра?» Он спустился по гулким ступенькам, расстегнул ворот бешмета и сел на скамью под стеной конюшни, в тени дуба. Здесь было не так жарко, даже ощущалось дыхание ветерка. За оградой, по дороге, хрустя бурой ракушкой, катились арбы с пшеницей. Лошади, отгоняя хвостами мух и слепней, потряхивали гривами, фыркали.

Скрипнула калитка. Показался щуплый мужчина в фланелевых поношенных брюках, серой рубашке и парусиновых сапогах. Курпейчатая кубанка чудом держалась на его затылке.

Жебрак поднялся, усталым шагом пошел ему навстречу.

— Вы ко мне? — спросил мужчина.

— Если вы председатель ревкома, то к вам,— ответил Жебрак.

Познакомились.

— Значит, по закупке лошадей приехали? — переспросил Василий Иванович, когда они вошли в кабинет.

— Так складывается обстановка,— сказал Жебрак.

— Прошу, присаживайтесь,— Василий Иванович указал глазами на диван, а сам расположился за столом, начал вынимать из кармана какие-то бумаги. Ровня их огрубелыми пальцами, добавил: — А у нас тут горячка с продрозверсткой! Вот квитанции. День и ночь весь актив на ногах.

— Как настроены казаки? — поинтересовался Жебрак.

Василий Иванович задумался и ответил не сразу:

— Видите ли... Последнее время к нам почти каждый день аэропланы из Крыма наведываются. Сбрасывают листовки, воззвания разные. Врангель людей призывает к бунту. А тут еще под боком орудует банда полковника Скакуна.

— Большая?

— Была большая, да мы ее сильно потрепали.

Жебрак вскинул ногу на ногу и, взглянув на председателя, сказал:

— Видимо, Скакун связан с Крымом.

— Это точно,— поющим голосом протянул председатель.— Не зря ведь величает себя уполномоченным штаба армии Врангеля на юго-востоке России. Поначалу у него был полк с крикливым названием — «Спасение России». Дали мы прикурить этому полку в двух боях так, что от него только пшик остался. С полсотни, а может и того меньше, вояк уцелело. Теперь по плавням ходят.

Приоткрылась дверь. На пороге остановился крепко сбитый, смуглолицый человек, выше среднего роста, в рыжей войлочной шляпе с обвислыми полями, из-под которой на высокий лоб падали светло-русые, прихваченные потом волосы. Он как-то сразу недоверчиво покосился на Жебрака, так как ему сразу бросилась в глаза черкеска незнакомца, как символ по тем временам контрреволюционного казачества, хотя он хорошо знал, что черкески носили и те казаки, которые сражались на стороне красных против белых, и это вывело его из некоторого первоначального замешательства, потом вопросительно взглянул на председателя ревкома:

— Можно? Аль заняты?

— Заходи, заходи, товарищ Аншамаха,— покрутив остренькие усы, сказал Василий Иванович.— Рассказывай, как ездило? Что нового в области?

Аншамаха плотно прикрыл дверь и, как бы собираясь немедленно вступить в кулачный бой, подвернул рукава холщовой рубашки, неторопливо опустил на плетеный стул.

— Товары для нашей станицы выделены, но... выдавать их до особого распоряжения не будут.

Василий Иванович поднял широкие брови:

— Это ж почему?

— Не знаю,— Аншамаха снял шляпу и вытер ею вспотевший лоб.

Василий Иванович повернулся к Жебраку:

— Вы не в курсе дела?

Жебрак отрицательно покачал головой. Василий Иванович пощипал свою клиновидную бородку, вышел из-за стола и, положив руку на плечо Аншамахе, сказал мягко, по-отечески:

— Вот что, Тереша. Собирай-ка сейчас всех своих людей, будем решать вопрос насчет продрозверстки. Пора кончать с ней... Потом товарищу из области надо помочь. Всех рабочих лошадей приказано закупить у населения для Красной Армии и немедля убрать из станицы.

Аншамаха широко улыбнулся Жебраку:

— Добре, я... это самое... потолкую со своими хлопцами.

Он надел шляпу и, громко стуча каблуками тяжелых, изрядно поношенных сапог, шагнул через порог. Василий Иванович собрал документы со стола, сунул их в шкаф, кивнул:

— Пошли, Николай Николаевич, перекусим.

* * *

Узкая кривая улица вела к морю. На западе собирались тучи. Они медленно надвигались на станицу, и все ошутимее становилось порывистое дыхание ветра, вздымавшего пыль по всей Приморско-Ахтарской.

Жебрак с любопытством рассматривал добротные казачьи хаты, просторные дворы. То там, то сям гудели паровые молотилки, стучали конные катки, слышались размеренные удары цепов — шла молотьба хлеба. Василий Иванович рассказывал своему попутчику об активистах ревкома, о чоновском отряде и о станичном комсомоле.

А вот и море. Волны шумно набегали на пологий берег, покрытый светло-бурой ракушкой. Чайки с криком носились над водой. Жебрак поинтересовался, откуда родом председатель.

— Здешний я, из Бриньковской,— ответил Василий Иванович и мельком взглянул на склонившееся к горизонту солнце.

— Давно из армии?

— В июне пришел. В отряде Юдина артиллерией командовал.

— У Василия Петровича? — удивился Жебрак.

— Да вы, никак, знаете его? — спросил Василий Иванович.

— А как же! — воскликнул Жебрак с веселостью. — Я позавчера виделся с ним. Он в Краснодольскую на борьбу с бандитизмом направлен.

— Значит, выздоровел?

— Говорит, из больницы сбежал.

— Он такой, — улыбаясь, протянул Василий Иванович.

Вперед, на косогоре, показалась ветхая халупа, обнесенная старым, покривившимся плетнем. Здесь, на возвышенности, озорничал ветер, норовил сорвать с халупы замшелую камышовую кровлю.

— Мои хоромы, — пошутил Василий Иванович, подходя к хатенке. — Правда, вид неказистый, но жить можно.

В прохладной, с земляным полом комнате у стола хлопотала хозяйка.

— Ну, здравствуйте в вашем доме, — поклонился ей Жебрак.

— Раздевайтесь, присаживайтесь, — любезно пригласила гостя Феодосия Тихоновна.

Жебрак положил сумку на сундук, повесил черкеску и шапку на гвоздик, забитый в стену около шкафчика, пригладил волосы пятерней и залюбовался морем, которое шумело за раскрытым настежь окном.

— Красота-то какая у вас! — воскликнул он, опираясь руками на подоконник.

— Что хорошо, то хорошо, — нараспев подхватил Василий Иванович. — Сколько ни смотрю на море, а никак не могу насмотреться! В станицу, поближе к центру, можно перебраться, но, верите, неохота с морем расставаться.

За обедом, продолжая начатый разговор о море, Феодосия Тихоновна сказала:

— Кажется мне порой, что нет на земле места лучше этого. И всему красу море придает. Загадочное оно, непонятное какое-то. Смотришь, только что веселилось, пело и вдруг насупилось, потемнело и уже ревет грозно, как живое, как человек в своем буянстве.

Раздался стук в дверь.

— Кто там? — откликнулся Василий Иванович.— Заходите.

В комнату торопливо вошел запыхавшийся, чем-то взволнованный Аншамаха.

— Василий Иванович, тут такое дело! — проговорил он встревоженно.— Говорят, этой ночью Никита Копоть в станице будет.

— Откуда ты взял? — недоверчиво спросил Василий Иванович.

— От надежного человека,— сказал Аншамаха.

Весть взбудоражила Василия Ивановича. Он давно со своими чоновцами охотился за матерым бандитом, но никак не мог напасть на его след. А тут он сам шел на ловлю.

— К кому же это Копоть в гости собрался? — спросил Василий Иванович.— Станица большая, не диво и проглядеть бандюгу.

— Напредь он должен домой заглянуть,— убежденно проговорил Аншамаха.— А мы... это самое... и сцапаем его.

— Не такой дурак Копоть, чтобы идти домой,— возразила Феодосия Тихоновна.

— Верно говоришь, мать,— согласился с нею Василий Иванович.— Тут точно надо выяснить, у кого он будет. Видно, Скакун шлет его в станицу за какой-то надобностью.

Будто жужжание гигантского шмеля, в комнату внезапно ворвался гул самолета. Стекла в окнах жалобно зазвенели.

— Кажись, опять летит к нам крымский «дачник»,— проговорила Феодосия Тихоновна, поправляя сползшую на лоб прядь волос.

Все вышли из хаты. Жебрак внимательно присмотрелся к самолету, низко кружившемуся над центром станицы, сказал:

— Нет, это не врангелевский... По-моему, наш, из области.

— Похоже, что так,— сказал Аншамаха и, приложив ладонь к глазам, повел ими за самолетом, который снижался на посадку.

Ветер усиливался. Западный небосклон уже был сплошь затянут темно-синими тучами. Мрачной пеленой они надвигались на чистую лазурь неба, и по бушующему морю вслед за ними ползла грязно-серая тень. Сверкнула белая молния, ударил трескучий гром. Море вспени-

лось, еще свирепее взревело. Пугливо заметались чайки.

На берегу быстро росла толпа станичников. Уже почти никто не обращал внимания на самолет. Встревоженные взоры были прикованы к морской дали.

— Чего это они всполошились? — заинтересовался Василий Иванович, закрываясь рукой от ветра.

Как бы в ответ ему, из толпы вдруг донесся крик:

— Рукав! Рукав!

— Ой, лышенько! Та який же длинный!

Все стоявшие на косогоре только теперь увидели громадный черный хобот смерча, который выползал из темно-синей тучи. Ввинчиваясь в воздух, то опускаясь, то поднимаясь, он мчался на станицу и становился все грознее, зловещее. Вслед за ним неслось еще два смерчевых хобота, поменьше.

— Скажи, какая сила! — покачал головой Аншамаха, испытывая смешанное чувство удивления, восторга и страха.— Такая штука...это самое... может беды на творить.

Жебрак был захвачен грозной картиной редкого явления природы.

— Здорово! Ей-богу, здорово! — повторял он.

Феодосия Тихоновна придержала на голове платок, сорванный ветром, сказала:

— Слыхала я от людей, что не к добру это!

— Брось ты, мать, бредни эти стариковские,— с укором взглянул на нее Василий Иванович, взял Жебрака под руку, и они направились в ревком.

Аншамаха решил сбегать на свой участок, узнать, как там выполняется продрозверстка.

* * *

Воздух над станицей побурел от бушевавшей непогоды. Жебрак и Черноус то и дело закрывали глаза от кружившейся пыли. Молотьба хлеба в станице прекратилась: уже не слышно было ни гудящих молотилок, ни глухих постукиваний конных катков, ни размеренных ударов цепов на токах.

— И часто у вас бывает такая погодка? — спросил Жебрак, прижимая левой рукой полевую сумку на боку.

— Нет, но бывает,— ответил Черноус, сдерживая шаг от ветровых толчков в спину.— Море ж под боком...

Во дворе ревкома их встретил дежурный.

— А я только хотел посылать за вами,— обратился он к Черноусу.— Какое-то начальство на самолете прибыло. Линейку направил за ним.

Вскоре прибыли комиссар 9-й Красной армии Соловьев и Виктор Левицкий. Поздоровавшись с Жебраком, Соловьев обернулся к Черноусу, который сухощавой фигурой и лихо закрученными усами напомнил ему Чапаева. Не будь у председателя бородки, он мог бы сойти за двойника погибшего комдива. Соловьев обменялся с ним крепким рукопожатием, сказал:

— А я по очень важному делу прилетел. Настолько важному, что, как говорится, нельзя терять ни минуты.

— Теперь все дела важные,— заметил Черноус спокойно.— Куда ни кинь, везде клин.

— Да, конечно,— согласился Соловьев и тут же подчеркнул с напряжением в голосе: — Но далеко не все чреватой той опасностью, с которой предстоит на днях нам встретиться.

Черноус остановил на нем вопросительный взгляд. Соловьев в своей выгоревшей на солнце фуражке, защитной гимнастерке, темно-синих диагональных полугаулифе и солдатских сапогах с низкими голенищами мало походил на военное начальство. После небольшой паузы он продолжал:

— По данным нашей разведки, здесь не сегодня завтра должен высадиться десант из Крыма. Скорее всего это произойдет завтра утром.

Известие произвело на Черноуса ошеломляющее впечатление. Он переглянулся с Жебраком, воскликнул:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Можно сказать, как снег на голову!

— Врангель и рассчитывает на то, чтобы застать нас врасплох,— сказал Жебрак.— Но мы постараемся спутать ему карты.

— В этом сейчас главное,— подчеркнул Соловьев и, сделав несколько размеренных шагов назад и вперед, кивнул: — Будем действовать твердо и решительно. Надо немедленно убрать из станицы всех бывших офицеров, взятых на учет, объявить военное положение и подготовиться к обороне. Всем жителям запретить выезд из станицы без ведома ревкома. Подозрительных — задерживать.— Он перевел взгляд на Жебрака.— Ответственность за выполнение этого приказа возлагаю на вас, Ни-

колай Николаевич, и на вашего помощника — товарища Левицкого!

— Слушаюсь! — четко, по-военному ответил Жебрак.

Левицкий подтянулся, и его фигура стала еще статней, молодецкостей.

— Итак, за дело, товарищи! — заключил Соловьев.— А я — к начальнику гарнизона.

II

В три часа дня Приморско-Ахтарская была объявлена на военном положении. По улицам разъезжали верховые патрули, на перекрестках стояли дозорные.

Соловьев вернулся из воинской части, спросил у председателя ревкома:

— Сколько пулеметов у вас в чоновском отряде?

— Три станковых и два ручных,— ответил Черноус.

— И в батальоне Перевертайла восемь,— барабанил пальцами по столу, задумчиво произнес комиссар.— Выходит, всего тринадцать. Маловато!

— А с пушками совсем плохо,— добавил Черноус.— Ни одной нет.

Соловьев дотронулся рукой до его плеча и многозначительно посмотрел в лицо.

— Знаю, Василий Иванович, знаю...— сказал он и обернулся к Жебраку:

— Закупку лошадей начали?

— В станице уже работают оперативные группы,— доложил Жебрак.— Поступила первая партия лошадей.

— Хорошо,— одобрительно кивнул Соловьев и, тяжело оторвав руку от стола, сказал: — Кажется, обо всем договорились. В случае высадки десанта держите тесную связь с Перевертайло. Я предупредил его об этом. А теперь мне пора: к вечеру я должен попасть в Ейск. Туда прибыл Михаил Иванович Калинин...

Простившись, он вышел на крыльцо и там повстречался с Виктором Левицким, спросил:

— Как настроение?

— Самое боевое! — весело ответил Виктор.

Соловьев дружески похлопал его по спине.

— Молодец! Побольше бы нам таких орлов!

Виктор улыбнулся: приятно было услышать от комиссара армии такой лестный отзыв о себе. Пожелав ему на

прощание доброго пути, он переступил порог, в пустом коридоре раскатисто отдались его шаги. В кабинете он передал Жебраку новые данные о ходе закупки лошадей.

Черноус выглянул из окна во двор, крикнул:

— Шмеля ко мне!

Шмель, молодой казак в коротком кремовом балахоне в талию и белой кубанке с ярко-красным верхом, перекрещенным золотыми галунами, явился немедленно, вытянулся в струнку.

— Слушаюсь, Василий Иванович! — воскликнул он по-юношески звонко, и карие глаза его заблестели весело, задорно.

— Вот что, Юня,— сказал Черноус с теплотою в голосе.— Просьба у меня к тебе особая есть... Дело, правда, щепетильное, но, думаю, ты справишься с ним.

Шмель выжидательно смотрел на председателя.

— Хоть и работы у нас по горло, но для такого дела можно и отпустить тебя сегодня,— продолжал Черноус.— Отдохнешь малость, погуляешь... Не догадываешься, к чему разговор веду?

Шмель дернул плечом. Чистое, безусое его лицо выражало крайнюю степень любопытства.

— Никак не докумекаю, Василий Иванович,— проворкотал он.

— Вечером пойдешь к Копотю в гости,— наконец объявил Черноус.

Чего-чего, но этого Шмель совсем не ожидал. Ошеломленный, не веря своим ушам, он захлопал глазами.

— Вернее, не к Копотю, а к его падчерице,— положив руку на его плечо, уточнил Черноус.

— К Марьяне? — изумился Шмель.

Черноус сел с ним на диванчик.

— Вопрос один надо выяснить, серьезный. Понимаешь, Юня?

Шмель вздрогнул, будто его окатили ледяной водой.

— Василий Иванович! — взмолился он.— Хорошая она... ни в чем не виновата! Разве только в том, что отчим ее бандюга.

— Вы, товарищ Шмель, не так поняли Василия Ивановича,— вмешался в разговор Жебрак.

— Кто ж тебе сказал, что Марьяна в чем-то виновата? — спросил Черноус.— Мы, наоборот, верим ей и, признаться, рассчитываем на ее помощь. Знаем, и она, и мать ее натерпелись лиха от Копотя.

— Еще как натерпелись! — тяжело вздохнул Шмель. — Марьяна мне рассказывала.

Черноус понимающе наклонил голову.

— Уж кому-кому, а тебе больше всех известно, как живет Марьяне у отчима. Чую, души не чаешь в ней.

Шмель потупил глаза, кумачово зарделся.

— А встретиться тебе надо с ней для того, чтобы узнать, к кому придет Копоть этой ночью, — сказал Черноус и предупредил: — Только будь осторожен. Марьяна не должна тебя заподозрить. Ясно?

Шмель молчал.

— Может, не надеешься, что Марьяна откроет правду? — спросил Черноус.

— Зря вы так думаете про нее, Василий Иванович, — обиженно проговорил Шмель и, вскинув голову, добавил с глубокой убежденностью: — Если что знает, то все скажет. От меня она ни в чем не таится.

— Сведения немедля сообщи нам.

— Сделаю, Василий Иванович. Обязательно сделаю!

* * *

Ревкомовцы подошли ко двору Копотя, обнесенному высоким дощатым забором. Захлебываясь от лая, у калитки заметались разъяренные псы. На крыльцо кирпичного дома, окруженного густой зеленью яблоневых деревьев, вышел старый Копоть. Кряхтя, спустился по крутым ступенькам.

— Мы к вам, Гаврила Аполлонович, — сказал рослый казак с длинной сухой шеей.

Копоть отогнал собак и, поблескивая колючими глазками, притаившимися под вихрастыми седыми бровями, приложил ладонь ко лбу, глухо спросил:

— А... по какому делу?

— Лошадок думаем купить у вас.

— То есть как это? — опешил старик, недобро заворочав белками. — А ежели я не думаю продавать их?

— Тогда мы реквизируем их, силком заберем — и вся недолга, — огорошил его ревкомовец. — Такой приказ.

Копоть с минуту стоял в раздумье, не зная, как поступить, потом сокрушенно махнул рукой:

— Ну, ежели такой приказ, то... воля ваша!

Ревкомовцы направились в глубь двора. Конюшня располагалась за амбарами, примыкала к саду. Запахло свежим сеном и залежавшимся навозом.

— У нас все чин по чину,— сказал казак, следуя за стариком.— Возьмем лошадей, вам выдадим документ. Деньги получите в скатеринодарском банке.

Копоть молчал... Переступив порог просторной конюшни, он указал на лошадей в станках.

— Вот! Берите...— затрясся всем телом.— Деньги ваши не нужны!

— Это вы зря, Гаврила Аполлонович. Себе же только худо сделаете.

— Не надо мне ваших денег! — отмахнулся взбесившийся Копоть.

Ревкомовцы оставили пару лошадей, а остальных вывели из конюшни и угнали к сборному пункту.

Над землей сгущались вечерние тени. Старый Копоть стоял посреди двора, чертыхался в бессильной ярости. Вокруг не было ни души. Злился он и на ревкомовцев, и на сына, скрывавшегося в плавнях.

«Эх, Никита, Никита!.. Высидишь ли что-нибудь в тех камышах?..» Затем, тупо глядя в землю, едва передвигая ноги, старик направился к конюшне, заглянул в открытую дверь. Черная пустота показалась ему безграничной пропастью. Лишь в дальнем углу виднелись силуэты двух лошадей, тревожно переминавшихся с ноги на ногу. Привычно, как это он часто делал раньше, старик протянул руку в темноту, надеясь положить ее на широкий круп любимого коня, умного и работающего, но рука, не встретив опоры, упала вниз по шву. В сознании молнией пронеслись памятные картины... Вот он ранним июньским утром, услышав конское ржание, со всем семейством выбежал во двор. Посреди двора — арба с травой, к ее люшине на длинном поводке привязана кобылица. Ночью она ожебила... Но где же лошонок? Его нигде не видно...

А случилось все так: Бравчик, как был назван потом лошонок, почувяв свободу, отправился изучать двор, зашел за клуню в сад и там угодил в полуразрушенный заброшенный нужник — не утонул, но изрядно вымазался, барахтаясь в вонючей жиже и безуспешно стараясь выбраться из западни. Так и нашли его хозяева. Вытащили, обмыли и ахнули от восторга. Лошонок оказался необыкновенно красивым и резвым. Особенно выделялся у него пухлый круп с ямочкой в середине, на позвонке.

Впоследствии все привязались к жеребенку, а старик Копоть особенно. Он кормил его с рук, баловал лакомствами: то недозрелую шляпку подсолнуха даст, то молочный кочан кукурузы, то кусок арбуза, показавшийся кому-то несладким. Конь рос. За необычную живость и подвижность его и назвали Бравчиком. Часто, бывало, в степи на скошенной пшенице, когда стерня прорастала сочным разнотравьем, старик пас лошадей. Бравчик предпочитал быть с ним рядом. Старик клал на его мягкий лоснящийся круп руку и так тихонько с ним шел по жнивью, поросшему густым лихохвостом, мятником, пыреем, душистым горошком... Бравчик выражал удовольствие, аппетитно хрупя травой...

Только теперь, вот в эту самую минуту, в тот миг, когда рука нашла пустоту в том месте, где всегда стоял любимый конь, старик понял всю трагедию случившегося. Он в судорогах громко зарыдал и с трудом произнес:

— Нет Бравчика!.. Нет больше моего дорогого коня...— Ноги его дрожали, подкашивались. Старик вернулся во двор, повел диким, отчужденным взглядом вокруг, простонал иступленно: — Так вот она... какая эта коммуна... Началось!..

И он тут же, перед домом, не устояв на своих дряблых ногах, грохнулся на землю.

На крыльцо вышла падчерица сына, стройная, гибкая девушка в белом платье. Увидев деда, она со страхом спросила:

— Что с вами, дедусь?

— Коней увели...— прохрипел старик, вставая.

— Кто? — испугалась падчерица и машинально забросила за спину свою толстую русую косу.

— Известно кто — ревкомовцы окаянные! — ответил Копоть и заговорщицки оглянулся по сторонам, перешел на шепот: — Вот что, Марьяна. Сейчас же беги к Гаркуше... Передай ему, чтоб ночью гостя ждал. Батько твой к нему придет.— И пригрозил: — Да гляди, кому зря про то не болтай.

* * *

На станицу спустился тихий, прохладный вечер. Вернувшись домой, Марьяна переделалась в черное платье, прошла в сад, под алычовое дерево, села на свою заветную скамейку, где всегда поджидала милого дружка

на свидание. Между густыми ветками проглядывало вороненое небо серебристыми крапинками звезд. Марьяна засмотрелась на них, пошли разные мысли о прошлом, вспомнился и родной отец. Ему так и не удалось осуществить свою мечту — дать возможность завершить любимой дочери, Марьяне, учебу в Екатеринодарской гимназии, где она училась и собиралась стать учительницей, но на полпути пришлось уйти из гимназии. Да и несладко потом жилось ей в доме Копотя. А матери и того хуже: не хозяйка, а батрачка у богатого казака. Такова уж была доля вдовы бедняка. У Марьяны не без боли в сердце еще глубже пошли мысли об отце, сухоньком станичном аптекаре, угасшем внезапно, неожиданно. Поплакала, погоревала тогда ее мать над ним, над его могилой и вышла замуж за Копотя — угрюмого, неразговорчивого, скрытного человека. Он не любил падчерицу. Марьяна платила ему тем же, не раз хотела бежать из дому, но не решалась оставить мать в одиночестве. Да и куда убежишь?

Марьяна грустно вздохнула, почувствовала, как на глаза неволью набежали слезы.

За кустом мелькнула тень, хрустнула под чьими-то ногами обломленная сухая ветка. Девушка вздрогнула, замерла.

— Это я, Марьяся! — еле слышно прошептал Шмель.

— Ой, как ты испугал меня! — сказала девушка, радостно встрепенувшись. — А я думала, ты не придешь. В станице такая заваруха началась. Коней забирают... Зачем это, Юня?

Шмель сел рядом с ней, обнял за плечи.

— Верно, станица бурлит! — согласился он. — Коней берут, мабуть, для Красной Армии.

— У нас сегодня всех увели, — пожаловалась Марьяна. — Дедушка так плакал, так голосил... как дитё малое.

— Но не всех же забрали, — возразил Шмель.

— Пару оставили, — сказала Марьяна. — Но что с ними?.. Хлеб-то немолоченый.

— Сколько же осталось?

— Десятины две-три.

— Пустяки! — махнул рукой Шмель.

— Как-нибудь, конечно, домолотим, — промолвила Марьяна.

Шмель помолчал, потом заглянул ей в глаза, сказал:

— А я вот выкроил время, так хотел повидать тебя. Летел сюда, как на крыльях.

Марьяна прильнула щекой к его плечу.

— Страшно мне, Юня! — прошептала она. — Вдруг опять белые вернутся.

— Если и вернутся, то ненадолго, — ответил Шмель. Мы им так наломаем бока, что будут бежать без оглядки!

— Ой ли? — возразила Марьяна. — Может быть, все наоборот... За тебя я больше всего боюсь, Юня. Беляки злые, жестокие. От них не дождешься пощады.

— Это еще посмотрим, бабушка надвое сказала, кто у кого пощады будет просить, — усмехнулся Шмель, прижимая девушку, темное платье которой совсем слилось с чернотой ночи. — Обо мне ты не беспокойся.

Марьяна припала к его груди, и слезы брызнули из глаз.

— Ненавидит тебя мой отчим, — сказала она едва слышным голосом и, переведя дух, воскликнула: — Ой, как ненавидит!

— Знаю. Теперь пуще прежнего возненавидит... — Шмель достал из кармана комсомольский билет и потряс им в воздухе. — Вот! В комсомол меня приняли.

Марьяна застыла от неожиданности. Потом осторожно взяла билет, полистала его в темноте, обняла парня и, поцеловав в щеку, прошептала:

— Молодец, Юня!

III

В одиннадцатом часу ночи Жебрак и Левицкий отправили первый эшелон с лошадьми. Когда они вернулись в ревком, Черноус куда-то собирался с десятком вооруженных чоновцев.

— Может, и вы с нами? — предложил он Жебраку и Левицкому. — Копотя брать будем.

— Значит, он здесь, в станице? — спросил Жебрак с напряженным вниманием.

— Сведения точные, — сказал Черноус. — Шмель все разузнал. С Копотем пятеро бандитов пришло.

* * *

Станица лежала в непроглядном мраке. Кое-где во дворах сипло лаяли собаки. Когда они затихали, ули-

цы казались совсем пустыми — ни шороха, ни звука.

Чоновцы пробрались через сад к дому Гаркуши, бесшумно убрали часового, приникли к окнам. За ставнями слышался глухой гомон. Сквозь щели прорывались узкие полоски света. Черноус потянул дверь за ручку на себя, она легко подалась. Видимо, бандиты целиком положились на дежурного и оставили ее незапертой. Выждав немного, Черноус резко рванул дверь и крикнул:

— Огонь!

Чоновцы, расположившиеся у окон, дали в воздух дружный предупредительный залп и одновременно ворвались в дом. Бандиты были настолько ошеломлены внезапным налетом, что не оказали никакого сопротивления.

Однако Копоть не растерялся, в мгновение, выхватив кинжал из ножен, отпрянул к открытой двери в боковушу и заперся на крючок. Черные цыганские его глаза, однако, успели на миг встретиться с глазами Виктора Левицкого, выступавшего вперед с браунингом в руке.

«Это же зять Бородули!.. Была на свадьбе у Молчуна...» — пронеслось в голове бандита.

— Ломай дверь! — закричал Черноус.

Забарабанили приклады по крепким дубовым доскам. Копоть бросился в кухню, оттуда через специальный лаз проник на чердак и вылез на крышу. У глухой стены дома росла старая шелковица. По ней он спустился на улицу и скрылся в темноте.

Черноус плюнул с досады.

— И надо ж такое!.. — почесывая затылок, сказал он раздраженно. — Упустили главного бандюгу.

Чоновцы смущенно переглядывались: каждый в какой-то мере чувствовал себя виноватым. Схваченных пятерых бандитов отправили в ревком. Там Жебрак и Черноус допросили их. Бандиты сообщили, что они во главе с Копотем прибыли по заданию Скакуна, чтобы ночью, перед высадкой десанта, о котором им было сообщено, уничтожить руководителей ревкома и командира батальона Красной Армии, а днем, во время боя за Приморско-Ахтарскую, поднять панику среди населения.

Во втором часу ночи, когда луна осветила небо, Левицкий отправился на вокзал. Жебрак и Черноус не уходили из ревкома. Во дворе находился дежурный взвод чоновцев. Вдоль морского берега и по улицам непрерывно патрулировали группы дозорных.

Черноус дремал у стола. Жебрак стоял у раскрытого

окна и глядел в сторону моря, которое искрилось на темном горизонте от лунного света. Все вокруг казалось ему безмятежно спящим. Не верилось, что где-то таились вражьи силы, о которых он узнал от комиссара 9-й Красной армии и потом еще от банды, схваченной у Гаркуши.

«Того и гляди, они могут в любую минуту разорвать тишину грохотом пальбы и обрушить на станицу огонь и свинцовые ливни...— рассуждал он про себя и тут же, отбрасывая в сторону эту мысль, спрашивал вкрадчиво: — А может быть, все это пустое? Никакого десанта не будет, а?..» Он сполоснул лицо холодной водой под ручным мыльником, вытерся полотенцем и, снова подойдя к окну, вдохнул полной грудью свежий, бодрящий воздух.

Но что это? Жебрак подался вперед, схватился руками за подоконник. На южной окраине станицы, там, где находилась пристань, в небо взметнулся столб яркого пламени, озарившего белые мазанки и деревья. В ту же минуту прогремели три винтовочных выстрела и откуда-то издали донеслись крики.

— Василий Иванович! — громко окликнул Жебрак Черноуса.

Тот вскочил спросонья и невпопад спросил:

— А?.. Что? Уже высаживаются?

— Пожар! — крикнул Жебрак.

Через несколько минут они уже были на пристани. Горел длинный деревянный пакгауз. Пламя быстро разрасталось. Вокруг пакгауза металась группа людей с ведрами, окатывали водой горевшие смоляные стены, но сбить огонь им никак не удавалось...

К Черноусу и Жебраку подбежал запыхавшийся Аншамаха, сказал:

— Это дело рук бандитов! Видно, сигнал подают врангелевцам.

— Пожалуй, так оно и есть,— ответил Жебрак спокойным голосом и, видя, что с пожаром теперь уже не справиться, махнул рукой: — Пошли, товарищи.

Народ стал расходиться, и берег моря вскоре опустел. Но пакгауз продолжал гореть, пламя начало униматься только под утро.

IV

На востоке брезжила заря. Потянул горишняк¹, вначале робко, потом сильнее, порывистее. Заволновалась морская ширь. Взошло солнце, скользнули по волнам лучи, заиграли всеми красками радуги...

На морском горизонте показались дымки вражеских кораблей. Дозорные сразу заметили их.

Жебрак дал команду объявить тревогу и немедленно приступить к эвакуации учреждений.

Над Приморско-Ахтарской поплыл гул набатного колокола, протяжно застонали гудки паровозов. Всполошенный народ высыпал на улицы, на берег моря. В ревком прибыл Перевертайло, чтобы уточнить план оборонительных операций и согласовать окончательно порядок взаимодействия батальона с чоновцами.

А вражеская флотилия приближалась. Уже без бинокля можно было разглядеть пароходы, десантные суда и баржи. Шли они кильватерной колонной, держа курс на Ясенскую косу, что находилась в семи верстах за Шамрайским полем. Грозно и зловеще выглядели неприятельские корабли, и люди, толпившиеся на берегу, смотрели на них с тем же беспокойством, с которым вчера наблюдали за смерчевой тучей.

Несколько канонерских лодок, выйдя из колонны, начали курсировать в прибрежной зоне, видимо, с целью разведки. Другая группа судов остановилась на траверзе Шамрайского поля. Теперь эскадра походила на стаю хищников, чего-то выжидающих, притаившихся... И вдруг воздух содрогнулся от громоподобного раската первого оружейного залпа. В следующее мгновение отрывисто застучали пулеметы. И снова залп за залпом. Снаряды с воем неслись над морем к хутору Чернявскому, гулко разрывались там, вздымая над землей черные султаны дыма.

Под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня к Ясенской косе двинулась самоходная баржа. Следом за ней буксирный пароход потянул баржу с десантниками. Началась высадка пехоты. Держа винтовки над головами, солдаты бросались в воду и по песчаной отмели устремлялись к берегу.

Встречая незваных гостей, из хутора ударили станковые и ручные пулеметы, захлопали винтовки.

¹ Горишняк — восточный ветер.

Феодосия Тихоновна прибежала домой, торопливо вынула из сундука темно-синие брюки, гимнастерку, фуражку с синим околышем. Не думалось ей, что придется снова облачаться в военную форму, ту самую, которую хранила на память о гражданской войне. А вот пришлось. Переделалась, подпоясалась широким ремнем, пристегнула к нему слева шашку, справа — наган и, мельком глянув в зеркало, поправила под фуражкой подстриженные волосы, выбежала из хаты. Всего несколько минут потребовалось для того, чтобы оседлать лошадь — привычное дело! И как прежде, вынесла быстроногая Ночка умелую всадницу к обрывистому берегу. Далеко в море маячили неприятельские суда. У Ясенской косы нарастала перестрелка. И словно почуяв близость предстоящих схваток, Ночка вскинула голову, громко заржала.

В улице Феодосия Тихоновна увидела Шмеля, шагом ехавшего на Вихре мимо усадьбы Копотя. Парень шарил тревожными глазами по двору, по саду, выискивая кого-то.

— Марьяну высматриваешь? — спросила Феодосия Тихоновна.

Шмель настолько увлекся своим занятием, что даже не заметил ее, покраснел вдруг, ответил с виноватой улыбкой:

— Попрошаться хочу. Может, больше не увидимся.

— А ты кликни, отзовется! — посоветовала Феодосия Тихоновна и, ободряюще подмигнув, поехала дальше.

Шмель хотел уже последовать совету Феодосии Тихоновны — окликнуть Марьяну, но тут увидел ее. Она выглянула из окна.

— До свиданья, Марьяся! — крикнул Шмель ослиным от волнения голосом.

Марьяна прощально помахала рукой. Шмель почувствовал, как тоскливо сжалось сердце.

— Не горюй, Марьяся! — бросил он, натужно улыбнувшись, стегнул коня и умчался прочь.

Флагманский корабль «Буг» с развевающимся трехцветным флагом направлялся к берегу. За ним следова-

ло торговое судно «Мария», переоборудованное в крейсер. Замедлив ход, в миле от берега «Буг» начал производить высадку. На палубе толпились солдаты. Сбегая по штурмтрапам, они грузились в шлюпки, байдарки и плыли к песчаной отмели, где прыгали в воду и брели к месту назначенной высадки. Стал разгружаться и крейсер «Мария». На «Буге» хлопотала у пушек артиллерийская прислуга 1-й Дроздовской батареи, одетая в английское обмундирование — френчи, гимнастерки с накладными карманами, полугалифе, сапоги или же ботинки с обмотками, темно-вишневые фуражки с голубовато-белыми околышами. Из глубоких крыйт-камер лебедками поднимали снаряды.

Приземистый офицер с крючковатым носом, обосновавшись на капитанском мостике, то и дело выкрикивал: — Огонь!

На шканцах в кругу генералов и штабных офицеров стояли британский представитель Стрэнг — шестидесятилетний старик с гладко выбритым розовым лицом и генерал-лейтенант Улагай — командующий Группой особого назначения. Его смуглое лицо с резко выраженными кавказскими чертами и черными усиками было напряженно, сосредоточенно. В глазах поблескивали холодные огоньки. Раньше он командовал у Деникина кубанскими частями. Потому-то Врангель и предпочел поставить его во главе операции на Кубани. Наблюдая за высадкой солдат на берег, Улагай недовольно хмурил брови и нервно тербил на левой стороне груди черкески все четыре Георгия, приколотые к газырям.

— Плохо сработала наша разведка! — произнес он с едва уловимым горским акцентом. — Здесь, видимо, большие неприятельские силы.

Стрэнг снял очки в черной роговой оправе, подышал на квадратные стекла и, протирая их платочком, промычал скрипуче:

— Война есть война. Надо быть готовым ко всему.

— У красных здесь ничтожно малые силы! — резко заявил Драценко, начальник штаба десантной группы, выхолонный, статный генерал-майор в потрепанном военном мундире.

Улагай хорошо знал, что Драценко относится к нему крайне неуважительно и при каждом удобном случае старается подорвать его авторитет (на этой почве между ними не раз происходили стычки в Крыму). Задиристый,

язвительный тон, с которым Драценко бросил фразу о «ничтожно малых силах красных», задел самолюбие Улагая, но Улагай, не желая обострять отношения с начальником штаба в столь ответственный момент, взял себя в руки, промолчал. Драценко бросил на него уничтожающий взгляд, демонстративно перешел на носовую часть корабля.

Из капитанской рубки на палубу спустился молодой человек со свежим румяным лицом. Это был английский эmissар, капитан первого ранга Вокэр. К нему подошел генерал Казанович — высокий, шуплый, лет под пятьдесят, типичный солдафон. Мигая воспаленными веками, он украдкой взглянул в сторону начальника штаба, тихо сказал:

— Опять Драценко... наш непревзойденный стратег, подкусил командующего... — Он едко усмехнулся в выцветшие усы, наклонился к эmissару и пренебрежительно шепнул: — А стратегия у него липовая... Всякий бой научно обосновывает, много о нем говорит и до и после, но неизбежно его проигрывает!

Вокэр повернулся к своему собеседнику, неодобрительно проговорил с английским акцентом:

— Это нехорошо!..

Длинное, лисье лицо Казановича вытянулось еще больше, побагровело. Он раздраженно поправил зеленую фуражку с лакированным козырьком, на околыше которой была приколота трехцветная кокарда, оттопырил нижнюю губу и, высоко подняв левую бровь, промычал:

— М-да... Не знаю, какими соображениями руководствовался барон, но я бы на его месте не назначил начальником штаба человека, который на ножах с командующим.

— Но, знаете... барону виднее,— Вокэр пожал плечами и положил руки на фальшборт.

Песчаная отмель кишела солдатами. Достигнув земли, они бежали к хутору, скрывались в кривых улицах.

Дух Улагая поднимался. Мысленно он уже видел себя в Екатеринодаре. На какое-то мгновение его охватило приятное чувство. Опустив бинокль, он с радостной улыбкой сказал Стрэнгу:

— А знаете, господин эmissар, мои солдаты ведут себя по-молодецки. Чертовски храбро! Похоже на то, что я снова увижу свой осиротелый желтый домик в Екатеринодаре!

— Это будет очень хорошо, господин генерал,— ответил Стрэнг.— Мы тогда пожалуем к вам в гости.

— Разумеется, непременно! — выражая свое удовольствие, сказал Улагай.— Буду вам весьма благодарен.

И опять приложил бинокль к глазам.

* * *

Захватив хутор Чернявский, белогвардейцы сразу же развернули наступление на станицы Бородинскую, Бриньковскую и хутор Свободный. Сводногренадерский батальон и офицерская рота алексеевского полка, подерживаемые огнем артиллерии с кораблей, двинулись на Приморско-Ахтарскую, пытаясь охватить ее с северо-востока. Гренадеры рвались к станице широким фронтом. Короткими перебежками, прячась за кустарниками и копнами пшеницы, они быстро продвигались вперед.

Чоновцы и батальон Перевертайло с приданным ему эскадронам кавалерии, не открывая огня, выжидали, пока враг подойдет ближе, чтобы нанести ему внезапный сокрушительный удар.

Десантники, накопившись в балке, выскочили на открытый выгон, за которым начиналась Приморско-Ахтарская, устремились к станице.

Жебрак наконец взмахнул рукой и громко закричал: — По белой нечисти — огонь!

Наперебой ожесточенно и гулко затарахтели пулеметы, отдельные винтовочные выстрелы.

Из укрытий, вздымая клубы пыли, вылетел конный отряд чоновцев. Впереди на вороном коне мчался Черноус. Он размахивал сверкавшей на солнце шашкой и призывно орал фальцетом:

— За мной, хлопцы! Бей золотопогонников!

— Вперед! Вперед! — не отставая, вторила ему Феодосия Тихоновна.

Пулеметчики и стрелки перенесли огонь на левый фланг, а на правом уже действовали конники красноармейского эскадрона. Врезавшись в ряды десантников, они пустили в ход сабли. Гренадеры не выдержали натиска чоновцев и эскадронцев, бросились врассыпную. Тем временем офицерская рота алексеевского полка, обойдя выгон под обрывистым берегом, атаковала красных с тыла. Подоспевшая помощь ободрила гренадеров.

Они остановились, залегли... Многие чоновцы и красноармейцы попали в тиски. Половина отряда во главе с Черноусом отбивалась от гренадеров, вторая половина — от алексеевцев. Левицкий рубился рядом с Аншамахой и Шмелем. Он понимал, какая опасность нависла над отрядом. Надо было пробиваться назад, в станицу, под прикрытие пулеметов, которые вели сейчас только фланговый огонь.

Выручил Жебрак. Правильно оценив обстановку, он повел за собой в атаку стрелков.

— Хлопцы!.. В шашки, в шашки! — выделялся из общих криков охрипший голос Черноуса. — Не давайте врагу заново сомкнуться!

Чоновцы услышали его призыв, пустили коней в намет... Одновременно на правый фланг противника навалился со своей пехотой комбат Перевертайло. Белогвардейцы снова были отброшены назад и поспешно перешли к обороне.

Огонь с обеих сторон постепенно слабел. Казалось, вот-вот наступит передышка... Но передышки не последовало. Обеспокоенный заминкой гренадеров и алексеевцев, Улагай приказал дроздовцам начать интенсивный орудийный обстрел окраины Приморско-Ахтарской. Тяжелые снаряды падали во дворы, сады, разнося в пух и прах мазанки, дворовые постройки... По Шамрайскому полю, как саранча, двигались на станицу новые десантные части. Гренадеры во взаимодействии с алексеевцами возобновили атаку с такой силой, что сразу стало ясно — оборона станицы бесполезна.

Взвесив все обстоятельства, Жебрак, Черноус и Перевертайло быстро начали отход в сторону Изюмного...

Через час Приморско-Ахтарская была полностью занята врангелевцами.

V

У длинного бревенчатого пирса пришвартовались флагман «Буг» и крейсер «Мария». На рейде разместились еще пять канонерок, несколько эскадренных миноносцев и сторожевых катеров — английских крупных и французских мелких судов.

Началась поочередная разгрузка. Десантники строились на пристани в колонны и направлялись к местам

сосредоточения. С флагмана скатывали на причал броневики: «Диктатор», «Линеец» и «Ген. Бабиев». Авиаотряд — три самолета — в начале высадки покругил над Приморско-Ахтарской и приземлился рядом с вокзалом.

В тени, падавшей от флагмана, стояли Улагай, Стрэнг и Вокэр, окруженные генералами, штабными офицерами и другими военными чинами.

Поодаль, на пристани, держась особняком, стояло десятка полтора казаков. Это была делегация полковника Скакуна. Она терпеливо ждала, пока командующий освободится, чтобы потом подойти к нему с докладом. Но Улагай продолжал отдавать распоряжения подчиненным и одновременно беседовал с военно-дипломатическими представителями Англии.

Перед делегатами неожиданно появился казак в светлой черкеске и серой папахе с заломленным верхом. Он вскинул руку и молодцевато выкрикнул:

— Здравия желаю, господа казаки!

— А, Загуби-Батько! — загудели голоса, оживившись. — Здорово! Откуда тебя бог принес, Тит Ефимович?

— С того света! — отшутился Загуби-Батько. — Решил посмотреть, как вы тут казакуете.

К ним подлетел адъютант Улагая — Василий Бородуля — в чине штабс-капитана. Щелкнув каблуками, он приложил пальцы к белой шапке раструбом кверху, сказал:

— Командующий просит старшего к себе.

Пожилой есаул, выпятив грудь, твердым шагом направился к Улагаю. Отдав честь, он сказал:

— Дозвольте доложить, ваше превосходительство! Полковник Скакун просит передать вам свой нижайший поклон!

— Благодарю, — сухо ответил Улагай. — Прошу и от меня лично передать Сергею Борисовичу глубокое почтение.

— Спасибо, — поблагодарил есаул, стоя навтыжку, и тут же спросил: — Какие будут распоряжения, господин командующий?

— Пусть полковник в срочном порядке от моего имени мобилизует казаков в своем районе и захватит станцию Гривенскую.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Улагай пожал руку есаулу, и делегация покинула пристань.

В улице показалась депутация от станичников. Седобородые казаки торжественно несли распятие, иконы, хоругви, на которых были изображены Христос, Георгий Победоносец и другие святые. Впереди шел Никита Копоть с традиционным хлебом-солью на подносе, а рядом с ним, сияя ризой и золотым крестом на груди, шагал гривастый станичный поп.

Миновав пожарище, оставшееся от сгоревшего пакугауза, где все еще тлели и дымили обугленные бревна, депутация наконец пробралась сквозь гущу солдат, артиллеристов из дроздовских батарей, скатывавших на берег свои пушки, остановилась на пирсе. Копоть произнес перед Улагаем короткую приветственную речь и, низко поклонившись, передал генералу хлеб-соль, сказал:

— Ваше превосходительство, покорнейше просим пожаловать на обед к нам в станицу.

Улагай заставил себя милостиво улыбнуться, поблагодарил за приглашение.

— К сожалению, сейчас я очень занят,— сказал он и совсем уже ласково предупредил: — Передайте ахтарцам, что я, конечно, встречу с ними...— Он отыскал глазами генерала Филимонова, принарядившегося в новенькую бордовую черкеску, кивнул: — Вот. Уполномочиваю своего помощника по гражданской части Александра Петровича, бывшего атамана Кубани.

Филимонов слегка наклонил голову и взялся левой рукой за кинжал с дорогой насечкой, висевший на туго затянутом казачьем поясе.

Копоть в растерянности вылупил на него, воскликнул от неожиданности:

— Ба, ба!.. Какая встреча! Здравствуйте, дорогой Александр Петрович!

Филимонов, сощурив серые глаза, расплылся в улыбке, пожал локти войсковому старшине, потом они обнялись и поцеловали друг друга.

— Значит, живой, Никита Гаврилович. Выстоял бурю, дождался нас,— сказал Филимонов.

— Не говорите, Александр Петрович! — сокрушался Копоть, вытирая тылом ладони набежавшие слезы.— До сих пор не верится, будто все во сне.

— О, теперь Кубань забурлит! — заявил Филимонов и сбил на затылок черную каракулеву шапку.

— Дай бог, чтобы сбылись ваши слова, Александр Петрович! — сказал Копоть и вдруг заметил, что на него

пристально глядит генерал Казанович, у которого из-под фуражки, что было нехарактерно для кубанских казаков, выбивались чуть прихваченные сединой курчавые волосы. Копотя покоробило это, он невольно повел взглядом по казакам и офицерам, стоявшим вперемешку с другими белогвардейскими десантными частями на пристани. И тут ему бросилась еще в глаза та особенность, что все казаки и младший офицерский состав были либо безусые, что встречалось очень редко, либо носили небольшие усы; а офицеры старшего командного состава носили усы и острую клиновидную бородку. Копотю понравилось это своеобразное сохранение в десантных войсках остатков старых обычаев кубанской армии, и он как бы в свое утешение, одобрительно покивал головой...

Улагай остановил сумрачный взгляд на Филимонове, стараясь скорее выпроводить депутацию, сказал:

— Александр Петрович, выступите перед ахтарцами, расскажите им о задачах нашей операции.

Филимонов охотно взял на себя эту миссию и вместе с иностранцами и депутацией направился в станицу.

* * *

У здания бывшего ревкома толпились старики и старики да еще десятка полтора-два любопытных ребятишек, прибежавших сюда верхом на палочках. Хор, составленный из таких же древних певчих, как и те, что ожидали здесь гостей с особой почтительностью, встретил генерала и сопровождающих его лиц хоралом «Коль славен господь во Сионе».

«Да, жидковато что-то!» — невесело подумал Филимонов, и его приятное лицо посуровело. Он не видел в толпе молодых казаков, именно тех, за счет кого можно было пополнить десантные войска. А ведь не кто иной, как он, Филимонов, заверял Врангеля, что кубанское казачество восторженно встретит десант и сразу примкнет к нему. Вокэр и Стрэнг, скорчив постные мины, недоуменно переглядывались.

— Народ отборный, — сказал Стрэнг на своем языке и брезгливо усмехнулся.

— Войско из богадельни, — прибавил Вокэр.

Когда наконец хор умолк, выступил Филимонов.

— Господа казаки, дамы, приглашенные зарубежные гости! — сказал он срывающимся голосом. — Мы при-

шли в родной край, чтобы восстановить прежнюю жизнь вековые порядки и обычаи наших праотцев.

Генерал вытер платочком испарину на лбу, продолжил свою речь, в которой призывал казаков вступать в ряды освободительной русской армии.

Ахтарские богатеи, стоявшие обособленно у крыльца, слушали речь, как райскую музыку. Они верили, что отныне и навсегда к ним снова перейдет потерянная власть, кубанская земля, переданная народу Советами. В их глазах Филимонов олицетворял самостийную Кубань, автономное казачье государство. Это он, Филимонов, еще в семнадцатом году сколотил вокруг Кубанского войскового правительства силы для борьбы с революцией. И поскольку он вернулся на Кубань, значит, не за горами тот день, когда с красными будет покончено.

После выступления Филимонова все направились в церковь, где начался молебен в честь взятия Приморско-Ахтарской «христоролюбивым воинством».

Во время молебствия к Копотю, стоявшему позади англичан, протискался Василий Бородуля. Держа папаху на сгибе руки, он сказал приглушенно:

— Здравия желаю, крестный!

Копоть обернулся и, не веря своим глазам, вполголо-са, обрадованно воскликнул:

— О, и впрямь Вася! Ты тоже здесь?

— А как же! — сияя широкой улыбкой, сказал Бородуля. — Без нас дело не обойдется.

Копоть взглянул на погоны.

— О, штабс-капитана уже заполучил! — одобрил он и спросил: — В какой же ты части?

— При командующем я.

— Неужто в адъютантах?

— Так точно!

— А я только что был с делегацией у командующего, хлебом-солью встречали.

— Я отлучался, — сказал Бородуля.

Копоть оглядел его, всплеснул руками:

— Ай да Васька! Ай да молодец!

VI

После молебна Копоть рабленно заглянул генералу в глаза и с волнением сказал:

— Уважаемый Александр Петрович, оно, конечно, рановато затевать торжества, чи там, как у нас говорят на Кубани, всякие вытребеньки, но все же... теперь прошу вас как истого кубанского казака осчастливить мой дом, пожаловать на скромный обед, который я даю в вашу честь. Дуже жалкую, что командующий не сможет заглянуть ко мне.

Филимонов пожал плечами, проговорил:

— Идем, Никита Гаврилович. Мы же договорились.

Копоть обернулся к станичным богатеям, изнывавшим у крыльца от духоты, поклонился в пояс, пропел просительно:

— И вас, дорогие други, господа казаки, приглашаю.

* * *

В саду стояли столы, уставленные холодными закусками, вазами с фруктами, графинами с вином, водкой и наливками. Воздух был напоен ароматом спелых плодов.

— Присаживайтесь, други, господа,— сказал Копоть, приглашая гостей к столам.— Извините, что обед так скромен — все делалось наспех.

— Было бы пития в избытке, а за скромность яств душа жаждущего не возневется,— поблескивая золотым крестом на округлой груди и вожделенно поглядывая на графин с водкой, пробасил станичный поп в черной рясе.

— Воистину так, батюшка,— согласилась пухлощечная вдова, жена погибшего в Крыму статского советника.— Хотя мы так наголодались, что вы и представить себе не можете!

Много здесь было и екатеринодарской буржуазии, в свое время отступившей в Крым и теперь вернувшейся с десантом на Кубань, тая надежду на успех врангелевской операции. Копоть обратил внимание, что среди гостей, а также и военных много было людей нерусского происхождения... Ему это не понравилось. Потом он забыл про них, окунувшись в другие заботы.

Гостей обслуживали молодые казачки, как на подбор, грудастые, румянощечные. Они украдкой поглядывали на незнакомые им наряды худосочных дам, прибывших с экспедицией, шептались между собой, прыскали со смеху.

Вокэр с заморской холодной пренебрежительностью

шарил глазами по всей этой пестрой, разношерстной массе, присматривался к некоторым молодым дамам, девицам, их смуглым, обворожительным лицам, бормотал про себя:

— Очень хорошо, очень хорошо!

Бокалы и стопки были уже наполнены вином, водкой, наливкой. Филимонов снял шапку, повесил на сучок яблони, причесал жидкие седые волосы, пригладил короткие густые усы и клиновидную бородку, застегнул пуговицу на воротнике белого бешмета, выступавшего из глубокого выреза черкески, и приготовился к выступлению, но оживленный шум и гомон не умолкали, мешали ему начать застольную речь. Копоть повел глазами вокруг и, не найдя Марьяну, стиснул зубы.

«Ну погоди, негодница, я проучу тебя за непослушание! — обозленно произнес он мысленно.— Шутка ли, сам генерал Филимонов пожаловал на обед, а она не удостоила чести... спряталась, паршивка!..» Но тут генерал поднял стопку, и мысли войскового старшины прервались.

— Господа! — наконец заговорил Филимонов.— Разрешите мне провозгласить тост за наше возвращение на просторы родных кубанских полей и за успешное начало освободительного похода доблестной русской армии против большевистских полчищ, заполонивших многострадальную кубанскую землю.

Раздались громкие аплодисменты, крики: «Да здравствует наш кубанский край! Да здравствует наш командующий, храбрейший из храбрейших кубанцев — генерал Улагай!» Филимонов поставил стопку на стол, выждал тишину и продолжал:

— Я должен вам сказать, господа казаки, что мы пришли на Кубань не с пустыми руками: у нас теперь есть первоклассное вооружение, надежный офицерский состав, есть людские силы, хотя их еще недостаточно... Тут мы возлагаем большие надежды на кубанское казачество. Наши офицерские части за счет мобилизованных контингентов на Кубани должны будут развернуться в крупные соединения.— Он сделал небольшую паузу, потом прибавил: — Четвертого августа мы, то есть атаманы Кубани, Дона, Терека и Астрахани, заключили соглашение с Врангелем на предмет того, что в случае успеха нашей операции на Кубани все эти области станут

независимыми в своей внутренней жизни автономными казачьими областями.

— Ура! Ура! Ура! — дружно грянули приглашенные, потрясая бокалами, стопками.

Филимонов высоко поднял свой хрустальный сосудец с искрометным вином, осушил его до дна и сел. Его примеру последовали остальные.

Из дома вышел празднично одетый старый Копоть: на нем была новенькая черкеска табачного цвета, на груди сияли начищенные кресты и медали. Сын с опаской покосился на него. Филимонов обратил внимание на старика, заинтересовался, кто это.

— Мой батько, — ответил Копоть.

— Геройский старик! — воскликнул Филимонов. — Просите его к столу.

Старый Копоть, польщенный вниманием генерала, прежде чем сесть за стол, поклонился Филимонову в пояс, сказал:

— Покорнейше благодарствую, ваше превосходительство. Сын считает, что я уже выживаю из ума, сторонится меня на людях, но я еще тово... могу и показать энтим, что моих лошадок увели, где раки зимуют.

— И такое скажете, папаша! — с нескрываемой досадой бросил ему Копоть.

Филимонов протянул старику рюмку с водкой:

— Выпьем за старую гвардию, добрый казак!

Старый Копоть опрокинул рюмку над беззубым ртом и даже не поморщился. Еще раз отвесил генералу земной поклон и сел рядом с сыном. Вскоре о нем забыли. Старик чувствовал себя одиноким и лишним. Чтобы заглушить обиду, он выпил кряду, не закусывая, две рюмки наливки, затем стакан вина и, осмелев, обратился к Филимонову:

— А скажете, ваше превосходительство, не получится опять конфузия?

— То есть? — непонимающе посмотрел на него Филимонов.

Копоть подумал: «Так и знал, что начнет молоть...» Незаметно толкнул отца в бок. Старик отмахнулся.

— Постой, не шпыняйся! — сказал он и, наклонясь через стол, прохрипел: — Я кажу про то, как бы заново тикать не довелось войску белому. Красные Корнилова разбили, Деникина потурили, а теперички с моря не так просто их взять!

— Возьмем! — убежденно заявил Филимонов. — За нашей спиной — Англия!.. И другие великие державы.

— Ну разве что так... — протянул старый Копоть и, вздохнув, покрутил головой: — Хотя задаром та Англия ничего нам не даст. В прошлом году в нашей станице братья Некрасовы, Иуда и Савелий, вкупе с Малышевым и Жигалкой собрали два эшелона хлеба и выменяли в Англии на тот хлеб танки. А что толку? Танки те к большевикам попали. Тут у нас песню потом такую пели:

Ой, Кубань, ты, наша плодородная,
Хлеб за танки отдала —
Сама голодная!

«Пошел, пошел молоты!» — раздраженно бормотал себе под нос Копоть и, видя, как недовольно скривился Филимонов, сказал отцу:

— Папаша, вы бы пошли позвали Марьяну. Где она там запропастилась?

«Гонит!» — промелькнула мысль в голове старика. Хотел было запротестовать, но, зная крутой нрав сына, решил покориться, ушел.

* * *

Марьяна сидела с матерью в спальне.

— Иди, внучка, — сказал ей дед. — Твой батько уже на взводе. Как бы лиха на свою голову не накликала. Сходи уж, представься.

Марьяна прошла в сад, шагах в десяти от первого стола со страхом остановилась, краснея и чуть не плача от смущения.

— Сюда, сюда, дочечка! — закричал Копоть пьяным голосом, представил ее гостям и сказал с бахвальством: — Вот какая у меня дочь! Красавица из красавиц в станице! В гимназии училась. Грамотная!..

Из-за яблони, спотыкаясь на высоких тонких ногах, вышел Василий Бородуля в белой расхристанной черкеске с серебряными погонами и костяными газырями и вдруг остановился перед Марьяной. Играя кинжалом — то вынимая до половины, то засовывая его в ножны, он окинул девушку мутным, осоловелым взглядом и, расставив ноги, чтобы не упасть, промычал:

— Хорошая падчерица у крестного, а я не знал!
В адрес девушки посыпались комплименты. Но тут

рядом с Бородулей появился Вокэр. Он тоже был сильно пьян. Взял Марьяну за руку, заглянул в лицо. Марьяна не сопротивлась. Не мигая, она смотрела на него с презрением. Копоть положил ладонь на плечо эмиссара и снова, возвысив голос, спросил:

— Ну скажи, господин... Красивая у меня дочечка?

— Разрешите поцеловать ее руку? — обратился к нему Вокэр.

— Это пожалуйста! — сказал Копоть заплетающимся языком. — Можно, господин капитан первого ранга.

Вокэр наклонил голову, намереваясь поцеловать руку Марьяны, но девушка резко отдернула ее.

— Не надо! — сказала она сурово.

Копоть обжег ее глазами и тоже посуровел. Вокэр весело захохотал.

— Девушка смущается, — пролепетал он, откидывая назад голову. — Ничего, ничего. Мы будем хорошими друзьями. — Он снова завладел рукой Марьяны и указал в сторону стола. — Не обижайте меня. Выпейте вместе с нами немного вина.

— У меня болит голова, я не могу пить, — сказала Марьяна, еле сдерживая слезы.

— Марш за стол, слышишь? — прикрикнул на нее отчим.

Марьяна покраснела, растерянно посмотрела на подвыпившую компанию. Вокэр уже бесцеремонно обнял ее за талию и потянул к столу, бормоча что-то на своем языке.

Василий Бородуля хотел уже пойти в защиту Марьяны, но тут неожиданно над садом, рассекая воздух, с визгом пролетел снаряд и разорвался где-то неподалеку.

В саду поднялась паника.

— Спокойно, господа, спокойно! — призывая к порядку, сказал Филимонов. — Это, видимо, шальной.

Разорвался второй снаряд. Третий и четвертый — на берегу моря.

— Это из Изюмного по пристани бьют! — определил Копоть, намереваясь, как и многие, улизнуть из сада.

Филимонов надел шапку, нахмурился.

— Простите, господа, я должен возвратиться в порт, — сказал он и зашагал по аллею.

Следуя за Филимоновым, прибывшие из Крыма поспешно направились к морю, и сад опустел.

Вокэр попрощался с Марьяной, сказал:

— Не хочется расставаться с вами. Очень не хочется — Марьяна вырвалась из его рук, пустилась к дому. Прислушиваясь к вою и разрывам снарядов, летевших от красных, она с радостью про себя повторяла:

«Еще, еще поддайте им!»

Пересекая двор, поп пьяно уставился на Копотя, спросил:

— Что же это получается, Никита Гаврилович? Стреляют!..

Тот беспомощно развел руками, ответил:

— Ничего не поделаешь, отец Иринеи. Война!

VII

Вбежав в дом, Марьяна бросилась к матери.

— Слышишь, мамочка? — проговорила она с волнением. — Наши бьют из пушек!

Нина Арсеньевна, невысокая, щуплая, но довольно еще красивая женщина лет сорока двух, боязливо оглянулась назад.

— Тише, тише, доченька. Не дай бог, батько услышит!

Марьяна прижалась к матери, прошептала:

— Не бойся, мамочка! Вот увидишь, крымские «дачники» недолго будут здесь.

Нина Арсеньевна опять покосилась на дверь, сказала со вздохом:

— Чует мое сердце беду.

С крыльца донесся топот ног и какая-то возня.

— Уйди отсюда, — сказала Нина Арсеньевна дочери и легонько втокнула ее в спальню. — Закройся там.

Марьяна нырнула в дверь и, щелкнув замком, притихла. Что-то загромыхало в передней. В комнату ввалился Копоть, лютый, с налившимися кровью глазами. Два казака с трудом удерживали его.

— Пустите! — вырываясь, кричал Копоть. — Я голову сорву с этой паскуды, чтоб знала, как батька не слушать!

Из кухни, позвякивая крестами и медалями, пришел старый Копоть.

— Чего ты тут расшумелся? — взглянув на сына злобными глазами, спросил он глухим голосом.

— Где Марьяна? — топнув ногой, заорал Копоть. —

Батько в плавнях гниет, а она со Шмелем, заклятым моим врагом, милуется

— Угомонись, скаженный! — сказал старый Копоть.— Может, все это брехня!

— Люди не станут зря болтать! — горячился Копоть.— Говорил я ей, предупреждал. Не послушалась. Прошлой ночью этот ее Юнька разлюбезный вместе с човновцами за мной гонялся. Пустите!

Он вырвался из рук казаков, оттолкнул отца и двинулся на жену, прикрывавшую собой дверь в спальню.

— Не смей, очи выцарапаю! — закричала Нина Арсеньевна.— Геть, душегубец!

Сбив ее с ног, Копоть высадил плечом дверь, очутился лицом к лицу с падчерицей.

— Ну, где твой Юнька? — гаркнул он.— Рассказывай, как ты красным продалась?

Марьяна стояла перед ним, не шевелясь, молчала с огоньками ненависти в глазах. Копоть наотмашь ударил ее по щеке. Она покачнулась, но не упала, не закричала от боли, не заплакала.

Нина Арсеньевна подползла к мужу, обхватила его колени.

— Никита, не надо! — вырвалось у нее отчаяние с рыданием, с мольбой.— Не надо!

Старый Копоть повис на руке сына.

— Не тронь Марьяну, говорю тебе, не тронь!

Казаки выволокли распалившегося Копотя из спальни. Тяжело дыша, он с минуту стоял посреди комнаты, затем надел свалившуюся шапку, сунул наган в карман и направился к выходу.

— Попляшут сейчас у меня Шмели!

Нина Арсеньевна бросилась за ним, догнала на крыльце.

— Никита, опомнись! Они не виноваты! Вернись!

Но Копоть не остановился, сбежал вниз и, спотыкаясь, пьяно запетлял на улицу. Казаки последовали за ним.

* * *

Двор Шмеля находился на северо-восточной окраине станицы, недалеко от выгона. Хата, конюшня и сарайчик, крытые черепицей, были обращены глухими стенами к улице. Посреди двора — колодец с журавлем. За двором — небольшой сад, огороженный плетнем. У плетня — саж и курятник.

Старый Шмель — потомственный казак. В молодости работал на рыбных промыслах. Ежегодно откладывал часть жалованья, собрал немного денег и купил это подворье. Занимался хлебопашеством. У него было четверо детей. Два старших сына ушли на германскую войну и там сложили головы; дочь вышла замуж, уехала с мужем в другую станицу и редко навещала родителей. Единственным утешением Гордея Анисимовича и его жены, Гликерии Семеновны, был Юнька. Они возлагали на него все свои надежды.

Гордей Анисимович сидел на катке возле хаты, строгал держак для граблей, когда протяжно скрипнула калитка. Шмель поднялся, поправил полотняную рубашку, отряхнул стружки с колен. Из-за хаты вышел Копоть в сопровождении двух казаков.

«Не с добром, видно, явился!» — подумал Гордей Анисимович, заметив по багровому лицу, что Копоть пьян.

— Что, не ждал? — кривя рот и багровея, спросил Копоть и, приблизившись к старику, дохнул в лицо перегаром водки: — Где сын?

— Зачем он тебе? — Гордей Анисимович выжидательно смотрел в налитые бешенством глаза Копотя.

— Я спрашиваю, где сын? — заорал разъяренный войсковой старшина.

— Не знаю! — отворачивая лицо в сторону, ответил Гордей Анисимович.

— Не знаешь? — Копоть вынул из кармана наган. — Ну, тогда с тобой поговорит вот эта штука!

Казаки опять схватили его за руки.

— Брось, Никита Гаврилович, не бери греха на душу, — сказал один из них. — Пойдем.

Копоть с силой вдохнул воздух, потряс наганом перед самым носом старика:

— Счастье твое, что здесь люди.

Гордей Анисимович, не повышая голоса, спокойно сказал:

— Только за тем и пришел?

— погоди, я еще вытрясу из тебя душу! — пригрозил Копоть.

* * *

По предложению Филимонова Улагай разместил свой штаб в доме Копотя. У калитки и у крыльца были вы-

ставлены часовые, в саду расположился караульный взвод.

Тут же, в доме, для жены генерала и жены командующего выделили комнаты. Но жены все еще находились на специальном пароходе далеко в море и вот-вот должны были приехать, но почему-то задерживались.

Улагай созвал экстренное совещание в ставке, чтобы окончательно уточнить план наступательных операций. Старший командный состав и офицеры штаба собрались в самой просторной комнате, разместились вокруг длинного стола, толпились у двери.

Улагай стоял с указкой в руке перед большой картой Кубанской области. Справа от него сидели Стрэнг и Вокэр, слева — начальник штаба Драценко.

— Господа генералы и офицеры, я еще и еще раз подчеркиваю ту огромную ответственность, которая возложена на нас верховным главнокомандующим в связи с началом нового похода русской армии,— открывая совещание, сказал Улагай.— Кубань уже дважды была ареной тяжелых боев нашей армии с большевиками. И вот теперь мы начинаем третий поход. Весь мир смотрит на нас с надеждой, и мы должны оправдать эту надежду.— Он сурово сдвинул брови, продолжал: — К сожалению, у нас не все идет гладко. Я, например, крайне обеспокоен затянувшейся высадкой войск и медленной разгрузкой военного имущества. Во-первых, это ведет к снижению темпов нашего наступления и к ослаблению фактора внезапности. Пока мы здесь возмемся, красные определенно накапливают силы для ответного удара. Во-вторых, мы непростительно долго задерживаем корабли, которые необходимы для переброски резервных частей из Крыма. Должен признаться, что меня поставил в очень затруднительное положение генерал Драценко. Он отдал распоряжение сосредоточить высадку у пристани, приостановив ее в других местах, в частности у Ясенской косы.

— А почему вы не отменили это распоряжение, если считали его ошибочным? — спросил Драценко.

— Потому что не хотел устраивать кавардак! — резко ответил Улагай.— Любой наш солдат, даже самый тупой, не говоря уже об офицерах, подумая бы: у нас в штабе творится что-то неладное — правая рука не ведает, что делает левая.

— Вы вообще не привыкли считаться с моим мнением,— заявил Драценко.

-- Не валите с больной головы на здоровую,— раздраженно возразил Улагай и, сделав небольшую паузу, добавил: — Я надеюсь, господин генерал, что впредь свои действия вы будете согласовывать со мной. От этого мы только выиграем.

Драценко поджал губы, уставился в потолок и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Итак,— не спеша продолжал Улагай, поблескивая черными глазами. — Теперь о главном... о тех поправках, которые я внес в план наступления. Чтобы отвлечь внимание врага от главного удара, ввести его в заблуждение, мы прибегнем к ложным атакам вдоль реки Бейсуг, а потом ударим во фланг противника и поведем стремительное наступление следующим образом.— Командующий повернулся лицом к карте, провел по ней указкой.— 1-я Кубанская конная дивизия генерала Бабиева, 2-я Кубанская конная дивизия генерала Шифнер-Маркевича, поддерживаемые броневиками «Ген. Бабиев» и «Линеец», поведут наступление по-над Бейсугскими лиманами, а Сводно-Кубанская дивизия генерала Казановича с броневиком «Диктатор» и 4-я Кубанская дивизия полковника Буряка двинутся по Приморско-Ахтарской железной дороге, как и было раньше предусмотрено планом. Но учтите, господа, до подхода резервов зарываться особенно не следует. Врага изматывайте на месте.

— Вот уж с этим я никак не согласен! — возразил Драценко.— Наоборот, нам надо рваться в глубь области, не давать передышки противнику.

— Нет, нет! До прибытия резервов надо быть очень осторожными в смысле продвижения,— категорически возразил Казанович, и на его лисьем волосатом лице выразилась гримаса неудовольствия.

— Нужно мобилизовать казачество,— сказал Драценко.— Я уверен, что казаки поддержат нас, поднимут восстание против Советов.— Он взглянул на Филимонова.— Вот и Александр Петрович такого же мнения.

— Да, я считаю, что на казаков вполне можно положиться,— неуверенно проговорил генерал.

— Почему же они тогда так враждебно встретили нас в Приморско-Ахтарской? — спросил Улагай.— В станице остались в основном только старики да дети.

— Линия поведения казаков вполне естественна,— сказал Драценко.— Они выжидают, как у нас пойдет дело. Первый же наш успех окрылит их.

— И все же я рекомендую исходить из реальных возможностей,— проговорил Улагай после небольшого молчания.— Главное сейчас форсировать высадку и разворачивать боевые действия. Прошу, господа, высказаться по поводу внесенных поправок в план наступления.

— Разрешите,— попросил слова Казанович и неторопливо начал: — Я одобряю этот план и голосую за. Рельеф местности данного района сложный, и другого, более удобного пути продвижения наших войск в глубь области нет.

— Ваше мнение, господин Бабиев? — спросил Улагай.

Бабиев проворно подхватился и, пряча за спину левую руку с поврежденными пальцами, скороговоркой ответил:

— Я согласен. У меня возражений нет.

— А вы, господин генерал? — Улагай перевел взгляд на Шифнер-Маркевича.

Тот встал. Это был хорошо сложенный мужчина лет пятидесяти, в казачьей форме. Некоторое время он глядел на командующего молча. В черных его глазах выразилось спокойствие. Он положил руку на эфес шашки, сказал:

— У меня возражений нет.

— Слово за вами, господин полковник,— обратился Улагай к Гейдеману, заместителю начальника генерального штаба, работнику контрразведки.

Гейдеман поднялся. Почесав голую макушку, он машинально застегнул нагрудный карманчик гимнастерки, и заговорил умиротворяющим голосом:

— В данный момент, господа, все свое внимание мы должны сосредоточить на разгроме большевиков! Другой цели у нас нет и быть не может. Скажу откровенно, меня беспокоят те разногласия, которые наметились между начальником штаба и командующим. Они, эти разногласия, будут только на руку нашим врагам. Обстановка сейчас очень сложная, и я призываю к сплочению, господа...— Он хотел сесть, но, вспомнив, что не ответил на основной вопрос, добавил: — Коррективы полностью одобряю.

Драценко покосился на него, подумал: «Тоже мне примиритель нашелся!»

— Стало быть, мы пришли к общему мнению,— удов-

летворенно сказал Улагай и обратился к Драценко: — Господин генерал-майор, подготовьте соответствующий приказ с таким расчетом, чтобы вручить его командирам дивизий не позже как через два часа.

VIII

Во двор Копотя въехала открытая легковая машина. Позади сидели жена Филимонова и жена Улагая, рядом с шофером — Филимонов. Остановившись перед крыльцом, шофер открыл дверцы машины. Вышел генерал, потом дамы. Отдавая им честь, Василий Бородуля и штабной офицер шелкнули каблуками, хотели помочь дамам взойти на крыльцо и проводить в дом, но те отказались от услуг и стали подниматься по ступенькам. Филимонов взял жену под руку. Ей было не больше двадцати пяти лет. Темно-русые волосы аккуратно причесаны на прямой пробор, сплетены в две косы, собраны на затылке корзинкой и приколоты роговыми шпильками.

Жена Улагая лет на пять старше жены Филимонова, с красивым горским лицом. Черные, коротко подстриженные волосы вились колечками. На ней длинное платье из тонкой шерсти с поперечными белыми полосками по коричневому полю, длинные зауженные рукава; тонкая талия затянута широким поясом с дорогими украшениями и золотой пряжкой; в глубокое декольте вшита вставка из поперечных белых шнурков, посередине которых снизу до стоячего воротника, отороченного белой тесьмой, поднимался ряд мелких блестящих пуговиц.

На пороге гостей встретил Копоть, любезно раскланялся и провел в предназначенные им комнаты.

Оставшись наедине с женой, Филимонов снял шапку, повесил на стоячую вешалку, всем телом плюхнулся на диванчик и повел усталыми глазами по уютной спальне, обставленной старомодной мебелью, от которой веяло казачьим вековым духом, патриархальностью, и, откинувшись на спинку, облегченно воскликнул:

— Ну, Зинаида Ивановна, скоро мы будем в Екатеринодаре! Понимаешь, в своем родном доме! — Он, всплеснув руками, вздохнул: — Даже не верится!.. Скоро уже полгода, как скитаемся.

Зинаида Ивановна, оглядывая себя со всех сторон перед зеркалом и поправляя черное платье, совсем закрывавшее ноги, спросила:

— Ты надеешься?

— А зачем же мы тогда высадили здесь свои войска? — широко расставив усталые ноги и заложив руки за голову, ответил Филимонов.

Зинаида Ивановна, не отрываясь от зеркала, одернула на платье короткие рукава, обшитые кружевом, поправила квадратный двухсторонний воротник, из прорези которого выступала белая ее шея, подкрасила розовой помадой губы, проговорила:

— Но ты же знаешь, мой дорогой, что этого недостаточно. Надо врага победить.

— Мы победим, Зиночка! — самоуверенно заявил Филимонов. — Кубань отзовется на наш клич, через месяц-полтора будет в наших руках!

— Дай бог, дай бог! Твоими бы устами мед пить! — припав опять к зеркалу, сказала Зинаида Ивановна и пристально начала рассматривать лицо. Проведя мизинцем по слегка напояженным, припухлым губам, она продолжала: — Ты тогда, конечно, уступишь мне своего Метеора, и я буду кататься на нем верхом по городу в костюме амазонки, как бывало до прихода большевиков. Помнишь? Я так люблю это катанье, тем более Метеор, которого я так обожаю, до сих пор здоровствует, выглядит не хуже, чем был раньше, в былые времена.

— Помню, Зиночка, все помню, моя милая, — сказал Филимонов голосом скорби и сожаления.

— Ах, как я тоскую, как тоскую о том, что мы оставили с тобой в Екатеринодаре! — садясь в кресло, продолжала вздыхать Зинаида Ивановна. — Никак не могу успокоиться...

Вошел Копоть, зажег висячую лампу-молнию, потом, обратясь к супругам, спросил:

— Вам ужин подать сюда или вы пойдете в столовую?

— Если можно, Никита Гаврилович, — попросил Филимонов, — то мы поужинаем здесь, в своем кругу.

— Хорошо, — сказал Копоть. — Тогда и я заодно поужинаю в вашем семейном обществе, ежели вы, конечно, не погребуете сидеть за одним столом с войсковым старшиною.

— Что вы, Никита Гаврилович! — Зинаида Ивановна приложила руку к груди. — Мы так рады, так вам благодарны!

— Вы для нас, — добавил Филимонов, — самые дорогие люди...

Копоть удалился, а вскоре молодая казачка принесла на подносе еду: первое блюдо — украинский борщ с говядиной. По комнате распространился приятный дух, напомнивший генералу и его любимой супруге те кубанские времена, по которым они так истосковались, изныли сердцем и душою за период изгнания из родного края. Филимонов снял с себя оружие, черкеску и, оставшись в бешмете, пригласил жену к столу и, сев с нею рядом, нюхнул борщ в тарелке, крикнул, потер руки от удовольствия, разрезал ножом свежесорванную перчинку, положил кусочки в тарелку и сказал:

— Видать, хороший борщок, давненько мы такой едали с тобой, Зиночка.

— В Крыму? — покрутила головой супруга. — Ни разу!

Вернулся Копоть. Наполнив чарочки наливкой, он чокнулся с генералом и его супругой. Выпили за успех операции, отхлебали по полтарелки борща, потом опрокинули по второй, третьей чарочке...

Когда на стол подали вторые блюда, Копоть заглянул гостю в лицо, осторожно спросил:

— Александр Петрович, а кто такие по своему национальному происхождению генерал Казанович, генерал Шифнер-Маркевич и полковник Гейдеман? Почему они носят фуражки вместо традиционной шапки-кубанки? Русские казаки они или какой другой народности?

Филимонов положил обглоданную куриную ножку на тарелку и, вытерев салфеткой губы, не совсем уверенно, сбивчиво ответил:

— Да... вероятно, казаки, русские...

Копоть отрицательно покачал головой, улыбнулся в усы, и на его цыганском лице застыл вопрос:

— А по-моему, они из тех... Помните Кутепова?

— Александра Сергеевича? — переспросил Филимонов.

— Да.

— Как же не помнить. Он сейчас в Крыму командует 1-м армейским корпусом.

Копоть с явным недоверием взглянул на Зинаиду Ивановну, наклонился к генералу и, что-то шепнув ему на ухо, продолжал вслух:

— Получается, что и у большевиков «они», и у нас тоже «они». Почему это так, Александр Петрович? Для меня это совсем непонятно.

Филимонов был поставлен в затруднительное положение. Не находя слов для ответа, он пожал плечами и безнадежно развел руками. Копоть с той же предосторожностью добавил:

— Раньше я как-то не обращал на это никакого внимания, а теперь — батенька ты мой!.. Все больше и больше задумываюсь над таким вопросом.

Филимонов слегка дотронулся до его локтя и, придав своему гладко выбритому лицу кривое выражение, недвусмысленно предупредил:

— Об этом сейчас надо молчать, Никита Гаврилович. Тут дело такое, весьма щепетильное...

— Значит, выходит так,— продолжал Копоть с некоторой возбужденностью в голосе.— Если мы победим — «они» прежде всего засядут на главных постах у нашей власти, ежели победят большевики, то и тут «они» — первые! Непонятно, Александр Петрович. Ей-богу, непонятно! А мы кричим: «Спасай Россию!..» От кого спасать? Вот вам святой крест, Александр Петрович, не разумею!

* * *

Наступила ночь. По улицам сновали конники: связанные, ординарцы, патрули. Одни мчались в порт, другие из порта — в штаб-квартиру командующего. Местные жители все еще отсиживались в хатах, не решались показываться на улицу.

Где-то вдаль изредка ухали пушки, порой ветер доносил отрывистые хлопки винтовочных выстрелов и дробный стук пулеметов.

В доме Копотя уже спали. За окном зашевелились листья на деревьях. Марьяна поднялась с постели, прильнула лицом к прохладному стеклу. При лунном свете она увидела скамью, ту самую, на которой вчера сидела с Юнькой. И слезы снова подступили к глазам.

В спальню осторожно, на цыпочках, вошла Нина Арсеньевна.

— Доченька,— тихо окликнула она.— Ты не спишь? Марьяна прижалась к кровати, прошептала:

— Нет, мамочка.

— Тебя чужеземец спрашивает. Тот, что на обеде был.

— Что ему надо? — спросила Марьяна.— Какие могут быть у меня с ним разговоры?

— Нельзя так, доченька,— сказала Нина Арсеньевна.— Пусть войдет.

— Противный, видеть его не хочу! — бросила Марьяна.

Мать стояла в растерянности.

— Ну что ему сказать?

— Ладно! — Марьяна махнула рукой.— Зовите эту заморскую цаплю!

Она быстро накинула на себя платье, зажгла свет. Нина Арсеньевна вышла.

На пороге появился Вокэр. Прилизанные его волосы тускло поблескивали. На гладко выбритом лице расплылась та же приторная улыбка.

— Добрый вечер, мисс! — сказал он, низко наклоняя голову.— Разрешите войти?

— Заходите, раз уж пришли,— холодно ответила Марьяна.

Вокэр переступил порог, остановился у двери.

— Я хотел вас пригласить на прогулку,— объяснил он цель своего прихода.— Ночь такая светлая, хорошая, только что взошла луна.

— Сейчас не время для прогулок,— ответила Марьяна.— Чего доброго, можно нарваться на какую-нибудь засаду — кругом ведь большевики.

Губы Вокэра нервно дернулись.

— Я не боюсь большевиков!

«Врешь, боишься! — внутренне усмехнулась Марьяна.— Что-то твои глаза заметались!»

Вокэр покосился на кресло, надеясь, что девушка пригласит его сесть. Но Марьяна вдруг шагнула к окну и, полуобернувшись к гостю, раздраженно спросила:

— Зачем подняли меня с постели?

Вокэр замигал глазами от неожиданного поворота дела, попятился к двери.

— Тогда извините,— проговорил он, надел фуражку и, взяв под козырек, вышел.

IX

Улагай курил папиросу за папиросой. Перед ним лежала карта, на которую из-под зеленого абажура падал свет настольной лампы. За открытым окном, в лунной полутьме ночи, шагал часовой, где-то близко пофыркивали кони.

Судя по донесениям, красные не оказывали особого сопротивления продвигавшимся вперед десантным частям. Казалось бы, отрядные вести — фактор внезапности сыграл свою положительную роль, но искушенный в боевых делах Улагай боялся строить какие-нибудь иллюзии насчет дальнейшего хода событий. Первый успех мог быть обманчивым.

«Кто знает, — рассуждал он, — не заманивают ли большевики экспедицию в ловушку? Пропустят подальше в глубь области, отрежут от тылов и уничтожат весь десант. Хорошо, если оправдаются расчеты на помощь кубанского казачества и на восстание... А если этого не случится?» Командующий задумчиво глядел на карту, пытался настроить себя на оптимистический лад, но чувство беспокойства, неуверенности не покидало его. Настороженно и нетерпеливо ждал он новых вестей с передовых позиций, но их не было. Вспомнив про жену, он взглянул на настенные часы — стрелки показывали без пяти минут час. Улагай вышел из штабной комнаты. В коридоре, около двери, стоял часовой с винтовкой. Вытянувшись, он стукнул каблуками и, отдав честь командующему, чеканно опустил руку. Улагай запер дверь на ключ и зашагал по коридору.

Жена еще не спала, но уже лежала на кровати под легким верблюжьим одеялом, на котором сиял белозной ситцевый пододеяльник. На тумбочке тускло горела лампа.

Улагай тихо вошел в спальню. Жена выпростала руку из-под одеяла, выкрутила фитиль, и комната осветилась ярким светом.

— Что же ты не спишь? — обратился к ней Улагай.

— Тебя дожидаюсь, — отозвалась жена и, чтобы дать место мужу, подвинулась к стене, на которой висел большой персидский ковер.

Раздевшись Улагай лег на спину рядом с женой. Заложив руки под голову, он устремил глаза в потолок, сказал:

— Вот так, Зулимхан Махмудовна! Мы снова на родной Кубани.

— Ах, дорогой! Это похоже на сон, на сказку! — вздохнула супруга.

Наступило молчание. Через минуту раздался легкий храп. Зулимхан Махмудовна еще долго смотрела на осунувшееся лицо мужа, потом погасила свет.

В восемь часов утра Улагай был уже в штабе и только хотел заняться делами, как на пороге появился Василий Бородуля. Вскинув руку к папахе, он по-молодецки воскликнул:

— Ваше превосходительство! Войсковой старшина Копоть просит принять его.

Улагай поднял голову:

— Что у него?

— Не могу знать, ваше превосходительство. Говорит, секретное дело.

— Пусть войдет.

Адъютант удалился, и тотчас перед командующим предстал Копоть. Отдав честь, он протянул ему листок из школьной тетради.

— Разрешите вручить!

— Что это? — спросил Улагай.

— Списочек один. Мной составлен. Так сказать, самые неблагонадежные.

— Садитесь, — сказал Улагай и, взяв листок, пробежал его глазами. — Иногородние?

Копоть пристально посмотрел на него, привстал.

— Есть иногородние, но больше казаков.

Улагай положил список на стол, закурил.

— Не такого списка ждал я от вас, господин войсковой старшина, — сказал он. — Мне нужны добровольцы, люди, которые пополнили бы наши войска. А это весьма печальный документ, свидетельствующий о том, что станица пропитана враждебным нам духом! — Глаза его недобро сузились. — Выходит, казаки изменили нам? Позор!

— Не моя вина, ваше превосходительство, — ответил Копоть. — Меня долго не было в станице. В плавнях скрывался. А тем временем большевики тут обработку вели, мозги казакам свихнули.

— А вы решили исправить их репрессиями? — недовольно спросил Улагай.

— А как же иначе? Чтоб другим неповадно было!

— Надо попытаться вернуть этих казаков в наш лагерь, — сказал Улагай. — А расправиться с ними всегда успеем.

— Как вам будет угодно, — развел руками Копоть. — Можно попытаться. Но будет ли толк.

— А вы генералу Филимонову докладывали об этом? — спросил Улагай.

— Никак нет, — ответил Копоть. — Я решил прежде поговорить с вами, ваше превосходительство.

Командующий затушил недокуренную папиросу в пепельнице, откинулся на спинку кресла. Копоть закаменел под его взглядом.

— Мы решили назначить вас атаманом Приморско-Ахтарской, — неожиданно заявил Улагай.

От радости у Копотя сперло дыхание. Ждал нагоняя, а тут вдруг такое ниспослание. Атаманство! То, о чем мечталось! Придя в чувство, он расплылся в улыбке, промолвил:

— Это уж вам лучше знать, ваше превосходительство. Со своей стороны, ежели мне будет оказана такая честь, я согласен.

Он умолк и благодарно склонил голову.

— Значит, решено, — сказал Улагай. — Завтра выполним все формальности.

Он вышел из-за стола и этим дал понять, что разговор окончен. Копоть встал.

— Разрешите идти, ваше превосходительство?

— Да, вы свободны! — ответил Улагай.

Копоть шелкнул каблуками и удалился из комнаты.

* * *

На следующий день он проснулся чуть свет. Не вставая с постели, посмотрел на темное окно, стал восстанавливать в памяти события прошедшего дня, анализировать свои поступки, вспоминать разговоры с людьми, которым отныне должен служить верой и правдой.

Как в калейдоскопе, замелькали лица, фамилии, титулы. Очень нравился ему Филимонов — умный, обходительный, красивый, простой. Этот за родную Кубань все отдаст, жизни не пожалеет за ее независимость!

Симпатизировал он и Улагаю... но такого расположения, как к Филимонову, не чувствовал. Где-то далеко в подсознании зарождалось какое-то сомнение: а так ли уж нужна Улагаю казацкая вольная Кубань, а не отдаст он ее своим родным братьям-туркам, не пропитан ли он турецким духом. Турки веками мечтали о богатых кубанских землях. Возьмут да и организуют какое-нибудь горно-турецкое ханство, и угодят кубанские казаки в

рабство к турецким нехристям... Врангель тоже ведь немец. Этому и совсем Кубань ни к чему. Он, если и завоюет ее с этими... кутеповыми, казановичами да гейдеманами, то, чего доброго, пораздарит кубанские земли немецким баронам, и тогда прощай казачество, воля, земля благодатная, родная. И Украину могут немцы прибрать к рукам. Они давно на нее зарятся...

«Что же оно делается? — мысленно спросил себя Копоть.— Хоть бы кто растолковал, объяснил! Видимо, потому-то казаки и воздерживаются, не идут в войско Улагаево...»

Копоть встал с постели с тяжелой головой: не радовали его ни атаманство, ни почести... В открытую форточку врывались оклики часовых: шла смена караула. Потом снова наступила тишина.

* * *

Улагай вызвал в штаб Василия Бородулю.

— Как с аэропланом?

— Готовят, ваше превосходительство,— ответил адъютант.

— Маршрут хорошо изучили?

— Так точно.

— Немедленно вылетайте.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

Улагай вынул из металлического ящика большой пакет с сургучовыми печатями, вручил его Бородуле.

— Лично Хвостикову,— сказал он.— Если не найдете главнокомандующего у полковника Крым-Шамхалова, следуйте в станицу Зеленчукскую. Передайте генералу от моего имени, что я жду от него активных действий.

— Слушаюсь!

— И постарайтесь не задерживаться. Мне нужен срочный ответ.

— Слушаюсь, не задерживаться! — чеканил слова Бородуля.

Улагай отпустил адъютанта и уже собирался выехать на фронт, но тут доложили, что прибыл полковник Скакун.

— Зовите, зовите его! — распорядился командующий и остановился посреди комнаты.

На пороге появился Скакун в серой черкеске с крас-

ными отворотами на рукавах. Приложив руку к кубанке, он поздоровался.

— Сергей Борисович! — бросился к нему Улагай.

И они обнялись, как старые боевые друзья.

Улагай сделал шаг назад, окинул полковника взглядом и снова заговорил возбужденно:

— Давненько мы не виделись! Если мне не изменяет память, это было в моем доме, на Рашпилевской улице, в ночь после похорон генерала Алексева.

— Так точно! — сухо улыбнулся Скакун.

Командующий осторожно потрогал его газыри, покачал головой.

— О, боевые патроны.

Да, винтовочные,— ответил Скакун.— Про запас ношу Тут их как-никак двадцать четыре пули.

Он повесил шапку на вешалку, причесал каштановые волосы и жиденькие остроконечные усики. Улагай взял его за плечи, на которых сняли серебряные погоны, усадил в кресло и сам сел у стола, напротив.

— Ну, как у вас тут шли дела? В Екатеринодаре были?

— Был,— ответил Скакун, высвобождая шею из-под туго застегнутого воротника красного бешмета.— Так сказать, с оглядкой, чтобы не попасть в руки чекистов.

— Ничего,— уверенно заявил Улагай,— скоро Екатеринодар снова будет наш.

— Теперь дело, конечно, пойдет! — сжимая эфес кинжала левой рукой, воскликнул Скакун.— Силы наши сразу начнут расти, как только станем продвигаться в глубь области

— Да, мы хорошо реорганизовали и подготовили свои войска в Крыму для вторжения на Кубань,— протянул Улагай и мельком взглянул на кавалерийский свисток, висевший у полковника на груди.— Провели тщательный отбор личного состава, укомплектовали офицерскими кадрами с таким расчетом, чтобы при удачной мобилизации казачества можно было развернуть свои полки и дивизии в крупные соединения.

— Вы сделали великое дело! — подчеркнул Скакун.— Чрезвычайно великое!

Улагай заглянул в скуластое лицо собеседника, сказал:

— Я слышал, что у вас здесь все же неплохо шли дела.

Скакун откинулся на спинку кресла.

— Как вам сказать,— заговорил он, растягивая слова.— Были, конечно, и светлые деньки... А если быть откровенным, то нелегкую задачу возложил на меня Антон Иванович... Разуверились казаки в победе. Я прибыл сюда из Новороссийска, приступил к формированию добровольческого отряда. Собрал более трехсот человек. Как кабаны дикие, в плавнях жили. Все ждали десанта. Но мало кто дождался. Недавно обложили нас красные со всех сторон близ лимана. Дрались мы отчаянно, но враг был силен, и все мои три сотни погибли. Чудом уцелел я с двумя десятками офицеров и казаков.

— Да, три сотни храбрецов — это сила! — сказал Улагай.

— Но я теперь постараюсь выправить положение,— пообещал Скакун.— Сейчас казаки уверенно пойдут за нами. Думаем захватить на днях Гривенскую, хутора Лимано-Курчанский и Лебединский и немедленно приступить к мобилизации.

— Атаманов и старост назначайте из надежных людей,— предупредил Улагай.— Таких, которые смогли бы обеспечить быстрое формирование боевых отрядов для пополнения нашей армии.

— У меня на примете есть такие люди,— сказал Скакун.— Любой из них готов горло перегрызть совдепии.

— Вот, вот! — подхватил Улагай.— Чем больше ненависти к врагу, тем лучше.

— Без ненависти не победишь,— согласился Скакун.— Словом, я сделаю все, что в моих силах, ваше превосходительство...

Х

Василий Бородуля вернулся в Приморско-Ахтарскую на второй день после полудня.

— Молодец! Быстро смотался,— похвалил его Улагай и спросил: — Привезли что-нибудь?

— Никак нет, ваше превосходительство! — ответил Бородуля.

Командующий нахмурился:

— То есть как? Хвостикова видели?

— Так точно, видел.

— Пакет вручили?

— Так точно.

— И что же?

— Генерал обещал прислать ответ дня через два-три,— сказал Бородуля.

Улагай возмутился:

— Как же так? Ведь сейчас дорога каждая минута! Что он думает?

— Не могу знать, ваше превосходительство.

Улагай отпустил адъютанта и долго не мог успокоиться. Нервно похаживая взад и вперед по комнате, он думал: «Мы ведь рассчитывали, что Хвостиков окажет нам немедленную помощь, отвлечет на себя часть неприятельских войск, а он даже не счел нужным дать ответ на мое письмо...»

Вошел Стрэнг. Вид у него был раздраженный. Усевшись в кресло и глядя на командующего сквозь квадратные стекла очков, он поинтересовался положением на фронте.

— Наши сторожевые катера ночью отогнали флотилию красных к Ейску,— ответил Улагай.— На суше мы заняли ряд населенных пунктов.

— В каком положении Ольгинская? — спросил Стрэнг.

— Уже шестой раз переходит из рук в руки. Красные совместно с населением забаррикадировали все улицы.

— Значит, местное население поддерживает Советскую власть?

— Я констатирую факт.

Стрэнг недовольно пожевал губами.

— Факт довольно неприятный. По-видимому, барон Врангель был дезинформирован своими лазутчиками относительно настроения кубанцев. Мы надеялись на поддержку, а натолкнулись на сопротивление.

— Мне кажется, что делать окончательные выводы еще рано,— возразил Улагай.— У Хвостикова большие силы — в основном из казаков-повстанцев.

— Что за войска противостоят нам под Ольгинской?

— Вчера во второй половине дня туда подошла 1-я Кавказская кавдивизия, насчитывающая до тысячи сабель. Она сразу же вступила в бой с нашими частями. На ее правом фланге внезапно появилась 2-я кавалерийская бригада и заняла оборону по линии железной дороги от Бейсугского лимана до хутора Терещенко. На левом фланге сконцентрировалась 1-я кавбригада. Кроме того, там действуют два бронепоезда красных.

— Что ответил генерал Хвостиков?

— Я еще не получил ответа.

— Когда же он намерен разворачивать босвые действия?

— Пока ничего определенного не могу сказать,— ответил Улагай.

Стрэнг недовольно скривил обрюзгшее лицо.

— Ваша медлительность, господин командующий, льет воду на мельницу большевиков,— проговорил он скрипучим голосом.— В Приморско-Ахтарском порту скопилось теперь двадцать шесть судов, из которых еще не разгрузили и половины, а сегодня уже второй день идет высадка. Вместо одного-полутора дней, как было предусмотрено планом, разгрузка затянется на целых три дня. Это никуда не годится!

— Вы же в курсе дела, как все получилось,— сказал Улагай.— Однако мы вчера сумели высадить почти всю Сводно-Кубанскую дивизию генерала Казановича и 1-й Уманский конный полк 1-й Кубанской дивизии генерала Бабиева. А сейчас высаживаются другие части.

Стрэнг резко встал, бросил руки за широкую спину и, отбивая на деревянном полу гулкие ритмичные шаги тяжелыми ботинками с толстой кожаной подошвой и железными подковами на каблуках, высоко поднял острые плечи и, остановясь в углу комнаты, возмутился:

— Ничего не понимаю! Что думает этот генерал... Хвостиков? При таких черепаших темпах ввода войск в боевые действия вряд ли можно рассчитывать на победу. Надо исправлять положение, господин командующий. Запомните, мой друг, что помощь, оказываемая русской армии Великобританией, налагает на Россию определенные обязательства. Мы не можем бросать на ветер боеприпасы, оружие, танки, корабли, самолеты. Мы, англичане, не привыкли вкладывать капиталы в сомнительные предприятия.

— Вкладывать капиталы проще, чем воевать, господин эмиссар! — не сдержавшись, бросил Улагай, отошел в глубину комнаты и оттуда добавил: — Кстати, я где-то читал такое, очень любопытное изречение на сей счет, в котором сказано: «... англичане приходят, чтобы взять, а не дать. У русских же наоборот. Русские дают, но не могут, не умеют брать...»

— Да, это верно,— протянул Стрэнг.— Англичане — народ практичный. Мы знаем: воевать без капиталов —

безнадежное дело! Поэтому рекомендую вам, господин командующий, считаться с мнением тех, кто вкладывает в вашу армию большие денежные средства...

* * *

На перилах крыльца сидел Василий Бородуля. К нему подошел Никита Копоть.

— Пойдем, крестник, посидим,— сказал он, беря Бородулю под руку,— опрокинем по маленькой.

— Не могу,— ответил Василий.— Меня в любую минуту может покликать командующий.

— Тут же недалеко, за стеной,— подмигнул Копоть.— Ежели и покличет, сразу услышишь. Я ж теперь уже атаман станицы.

— Слышал,— улыбнулся Бородуля и, не устояв перед соблазном, проговорил: — Разве что в честь вашего атаманства?

— Можно и в честь,— шепнул Копоть, и цыганское его лицо засияло.

В кухне уселись за стол. Нина Арсеньевна подала им водку и закуску.

— А я у Хвостикова был,— сказал Бородуля.— Самолетом летал, только что вернулся.

— Да ну?

— За сутки туда и обратно смотался.

— И как там Хвостиков?

— Готовит наступление.

— Скорее бы! — мечтательно вздохнул Копоть, поднял стопку, чокнулся с крестником.— Ну, Вася! За твое здоровье, за здоровье твоих родителей, дедушки и сестрицы Оксанки.

Глаза Бородули повлажнели.

— Выпьем, крестный, и за ваше атаманство! — произнес он взволнованно и осушил стопку.

Ели некоторое время молча.

— И кого ж ты видел там из своих? — спросил Копоть.

Бородуля тяжело вздохнул:

— Случайно с батьком повидался.

— Неужели? — вырвалось у Копотя.— Где же он?

— Сидит с Хвостиковым в Сентийском монастыре, в поход собирается.

— Молодец твой батько! — похвалил Копоть.— Цар-

скому престолу Бородули всегда были верными казаками!

— Оно-то так, но плохо, что пришлось бежать из родных краев,— посетовал Бородуля,— а теперь в горах сидит, как щур в норе.

— А что подделаешь? — сказал Копоть.— И мы тоже до вашего прихода в камышах пропадали... Из рук твоего зятка еле вырвался.

— Какого зятка? — недоуменно уставился на него Бородуля.

— Известно какого,— ответил Копоть.— Виктора Левицкого, муженька Оксанкиного.

— Не зять он мне! — выдохнул Бородуля, стиснув зубы,— Оксанка не живет с ним. С Матяшом сошлась.

* * *

Генерал Казанович вместе с двумя адъютантами ехал на открытом автомобиле по дороге, идущей вдоль хуторов Слободского и Курчанского, где сосредоточились силы вверенной ему Сводно-Кубанской пехотной дивизии, вглядывался в степные просторы, раскинувшиеся до самого горизонта. Из частей, входивших в состав его дивизии, здесь уже были 1-й партизанский имени генерала Алексеева полк с приданной офицерской ротой Сводногренадерского батальона и 1-й Кубанский стрелковый полк, а также юнкера Кубанского имени генерала Алексеева и Константиновского военных училищ и железнодорожная сотня.

Обгоняя пехотные и кавалерийские части, которые двигались по дороге, автомобиль вскоре прибыл на передовые позиции, остановился под развесистым дубом.

Казанович поднялся на ноги, посмотрел в бинокль. Красноармейские цепи лежали на железнодорожной насыпи. Белогвардейские пехотные подразделения, залегшие в поле, вели с ними винтовочную и пулеметную перестрелку. По дороге, пролегавшей у железнодорожного полотна, на восток тянулись какие-то обозы. Бурая пыль, как дымовая завеса, окутывала длинные вереницы арб, тачанок и военных повозок.

К Казановичу подъехал в фэртоне командир 1-го партизанского полка, доложил обстановку.

— А то что за обозы? — указал Казанович на восток, где клубилось пыльное облако.

— Видимо, тыловые части противника и обозы с беженцами! — ответил офицер.

— М-да, значит, бегут,— промычал Казанович и, выйдя из автомобиля, сказал: — Сейчас к вам прибудет подкрепление. Подготовьтесь к наступлению.

Офицер приложил руку к папахе и, сев в фаэтон, укатил по дороге.

В третьем часу пополудни на подступах к станции Ольгинской снова развернулись ожесточенные бои.

* * *

Вечерело. В кривую улицу хутора Украинского, утопавшего в зелени фруктовых садов, въехал обоз. На телегах сидели запыленные старики, женщины, дети.

С моря дул свежий ветер, доносивший в хутор гул близкого боя. Беженцы хлестали лошадей, чтобы скорее вырваться в степь, за пределы населенного пункта. Но усталые кони едва плелись.

Десантники настигли обоз на восточной окраине хутора. Конники с гиканьем и свистом на полном скаку расстреливали сидевших на телегах людей, рубили их саблями и орали неистово:

— Бей хриstopродавцев! Руби комиссарских прихвостней!

Над хутором неслись страшные крики, вопли, мольба о пощаде. Перепуганные хуторяне закрылись в хатах, попрятались в сараях, подвалах. Дворы опустели.

Захватив обоз, белогвардейцы согнали уцелевших беженцев на выгон, выстроили в шеренги. С дикой злобой расшвыривали их жалкий скарб, лежавший на телегах. С мужчин стаскивали одежду, с женщин срывали серьги, кольца...

Сюда же, на выгон, пригнали группу пленных чоновцев, среди которых был и Аншамаха. Избитые, с окровавленными лицами, в одном исподнем белье, они с ненавистью смотрели на врагов, чинивших произвол над беззащитными людьми.

Близилась ночь. Уже в потемках толпу обреченных погнали к яру. Прижимаясь друг к другу, тоскливо озираясь по сторонам, люди медленно брели по пыльной дороге.

Глубокий, мрачный яр с обрывистыми стенами зиял, как огромная черная могила. На дне его тихо журчал ручей.

Усатый, кривоногий хорунжий окинул свирепым взглядом согнанную к яру толпу, крикнул солдатам: — Баб и пискливую мелочь в одну сторону, мужиков — в другую!

«Хоть бы детвору и женщин пощадили!» — подумал Аншамаха.

Плач и стоны заглушались громкой матерщиной. Свистели плети, глухо ударяли приклады в спины и головы замешкавшихся.

Наконец перетасовка закончилась.

— Ты займешься этими! — сказал хорунжий ефрейтору, кивнув в сторону мужчин. — А я беру на себя бабье!

«Неужели будут стрелять в детишек?» — содрогнулся Аншамаха. Среди женщин он увидел шупленького подростка, который, вобрав голову в плечи, прижался боком к худой, сгорбившейся старухе. Левой рукой она обняла мальчика, а правой беспрестанно крестилась.

— Что же вы делаете, гады? — обращаясь к белогвардейцам, закричал Аншамаха.

Хорунжий, обернувшись к солдатам, скомандовал: — Взво-о-од!

Солдаты вскинули винтовки. И тотчас, будто вторя хорунжему, ту же команду повторил ефрейтор. Аншамаха понял, что жить осталось несколько секунд. Эта мысль заставила его метнуться к краю обрыва. В следующее мгновение он соскользнул по крутому откосу на дно яра.

— Пли! — крикнул хорунжий.

Вразнобой загремели выстрелы. Аншамаха вскочил на ноги и, низко пригибаясь, побежал по яру в сторону перелеска. Где-то вверху свистели пули. Позади сквозь треск стрельбы слышались крики, стоны, отчаянный детский визг.

Яр заканчивался. До перелеска было не больше сотни шагов. В сознании Аншамахи разрасталась надежда на спасение. Но тут кто-то из белогвардейцев заметил его, закричал:

— Один тикае! Вон в яру бежит! Стреляйте его!

Аншамаха услышал и увидел, как по откосу обрыва застучали пули, высекая из гальки искры.

«Конец!» — мелькнуло у него в мозгу, но он продолжал бежать. И вдруг сверху, почти над его головой, прозвучал крик:

— Эй, вы, не стреляйте! Я зараз сам его прикончу!

Свист пуль прекратился. Аншамаха припал плечом к откосу обрыва и, тяжело дыша, поднял глаза. На краю кручи появился верховой казак в белой папахе и серой черкеске, и хотя уже были густые сумерки, Аншамаха хорошо разглядел его безусое лицо. Казак выхватил из кобуры наган, взвел курок.

— Эй, ты, дурень, чего стоишь? — прикрикнул он глуховато. — Лезь под тот оберемок.

Аншамаха оглянулся в ту сторону, куда указал наганом казак. Там лежала куча перепревшего сена.

— Лезь, кажу! — повторил верховой.

Аншамаха зарылся под сено, сжался в комок, зажмурился.

«Сейчас, сейчас смерть!» — билось у него в сознании. Один за другим прогремело два выстрела. Никакой боли Аншамаха не почувствовал и лежал ни живой ни мертвый.

— Не забывай Матвея Охрименка! — крикнул казак и, развернув коня, громко сообщил белогвардейцам: — И цей готов!

По дороге, пролегавшей вдоль яра, часто зацокали подковы.

XI

Жебрак и Левицкий держали путь в Брюховецкую. До Ольгинской они отступали с чоновцами, а оттуда отправились в штаб 1-й Кавказской кавдивизии Мейера.

Много верст мчались всадники на рысях, а теперь, давая отдых лошадям, ехали шагом. Молчали. Каждый был занят думами.

С детства полюбилась Виктору Левицкому родная степь. И как ни тяжело было сейчас у него на душе от мысли, что враги снова ворвались на Кубань, он не мог не любоваться степью. Испокон веков манила эта необъятная ширь людей на свое приволье, испокон веков шли кровавые сечи за благодатный и сказочно богатый кубанский край.

Вглядываясь в степную даль, охваченную зыбким маревом, Виктор видел в мыслях шатрыполовецких становищ, витязей в кольчугах, с бунчуками в руках, табуны длинногривых скакунов. Чудилось, будто там, в мареве, схлестнулись половцы с несметными полчищами

татар. А может быть, это не половцы и не татары, а турки и доблестные суворовцы лавинами шли навстречу друг другу, чтобы скрестить мечи и усеять степь своими телами?..

Далекое прошлое! Но вот оно повторилось совсем недавно, когда черными стаями носились по этой степи корниловцы, денкиинцы, шкуровцы! Только-только смели эту нечисть с земли кубанской бойцы Жлобы, Ковтюха, Балахонова, и снова бои, снова потоки крови, пожары, тревоги...

— О чем размышлялся, Виктор Лаврентьевич? — неожиданно спросил Жебрак.

Виктор очнулся от дум, обернулся к попутчику, сказал:

— Не мечты... Раздумья всякие, Николай Николаевич.— И, помолчав, пояснил: — Видно, люди никогда не смогут жить в мире. Все войны да войны.

Жебрак скрутил сигарку, закурил.

— Да, войн слишком много,— сказал он задумчиво.— И, пожалуй, они еще долго будут тревожить людей на нашей планете. А вот насчет того, что люди не могут мирно жить, я никак с тобой не согласен. Придет время, когда рабочий люд сметет с лица земли богачей-угнетателей, тех, что наживаются за счет труда других. А раз не станет эксплуататоров, то и войны исчезнут.

— Скорее бы наступило то время! — вздохнул Виктор.

— Надо бороться, чтобы приблизить его,— сказал Жебрак.— Когда-нибудь люди вспомнят нас добрым словом за то, что мы, не жалея своих жизней, сражались за светлое будущее.

— А если белые одолеют нас? — спросил Виктор.

— Не бывать этому,— убежденно ответил Жебрак.

Вдали заалело знамя. Завидев его, Жебрак пустил коня в намет. Виктор понесся за ним. Пыль клубилась под ногами лошадей, медленно оседала на придорожье.

Невдалеке от станции Роговской, там, где на берегу реки высится древний курган, Жебрак и Левицкий повстречали 2-ю кавалерийскую бригаду. Она направлялась на фронт. Впереди, рядом со знаменщиком, гарцуя на тонконогом буланом скакуне, ехал комбриг. Он издали узнал Жебрака, поскакал ему навстречу. Спешились и на стерне развернули полевую карту. Жебрак начал рассказывать, где находится противник.

Над эскадроном, проходившим мимо, как бы в подтверждение его слов, понеслось могучее:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

— Орлы! — провожая бойцов глазами, улыбнулся Жебрак, потом обратился к комбригу: — Ну что ж, дорогой товарищ, желаю вам успеха!

— Спасибо! — ответил тот и, поправив папаху, взлетел на коня и помчался вдоль колонны к знаменщику.

А по широкому большаку непрерывным потоком тянулась конница. За эскадронами катились пушки. В конце колонны двигался большой обоз. Запыленные бойцы густо лепились на подводах, пулеметных тачанках, на лафетах пушек. Стояла нестерпимая жара, но, казалось, никто не замечал ее. Говор, шутки, смех и песни не умолкали.

Пропустив всю бригаду, Жебрак и Левицкий поехали дальше. В Брюховецкую прибыли во втором часу дня.

Сдав лошадей в воинскую часть, Жебрак и Левицкий направились поездом в Екатеринодар, в распоряжение штаба 9-й Красной армии.

В вагонах было душно. Пассажиры облепили все полки, сидели на вещевых мешках, узлах. Повсюду шли разговоры о высадившемся врангелевском десанте, о продвижении его в глубь области.

Левицкий устроился в коридоре у открытого окна. Перед ним в сумерках каруселью проплывала неоглядная степь, пересеченная оврагами, маячными курганами, сурово и мертво глядевшими в бесконечную даль. Каштановыми папахами на щетинистой стерне были разбросаны копны. Пахло прогретой землей, опаленными травами и скошенной пшеницей.

У соседнего окна стоял Жебрак, подставив лицо под освежающую струю воздуха. За его спиной в купе о чем-то спорили пассажиры. Занятый своими мыслями, Жебрак долго не обращал внимания на разговоры, но затем, случайно уловив одну фразу, прислушался.

— Если б не американцы, то в Армении все бы с голodu подошли! — сказал кто-то.

Жебрак обернулся, остановил взгляд на шуплом мужчине в серой косоворотке. Это он говорил об американской помощи армянам.

— Знаю я этих мериканцев,— пренебрежительно махнул рукой старик, сидевший напротив.— Они вроде нашего дьякона Филата. Тот зазря и не перекрестится. Одолжит копейку, опосля целковый сдерет.

— Нет, папаша,— возразил шуплый мужчина,— американцы — гуманный народ, и если помогают, то от чистого сердца.

— Я слышал, что в Америке золота — куры не клюют,— вставил толстяк, лежавший на второй полке.

— Обдиралы они, твои мериканцы! — не сдавался старик.— Золото ихне кровью людской напитано. Думаешь, зазря они прошлый год Деникина подкармливали? Дадут ему одну танку, а за ту танку все наши амбары выворотили наизнанку. И теперички лезут сюда за живою. Беженцы из Приморско-Ахтарской рассказывали, как там белые все подчистую метут.

— То белые, а то американцы,— сказал толстяк.— Не путайте божий дар с яичницей.

— Одна масть! — махнул рукой старик.— И те, и энти — шельмы. Кабы не ваши мериканцы, то белые б сюда и носа не сунули.

— Вы бы прежде по-русски научились говорить, а потом уж брались спорить,— скривил губы белобрысый.— «Мериканцы», «энти», «сюды»...

— А старик все-таки прав,— вмешался в разговор Жебрак.

Пассажиры, находившиеся в купе, повернули лица в его сторону. Одни выражали любопытство, другие — настороженность, третьи — недовольство.

— Дело, конечно, не в том, правильно или неправильно произносится слово «американцы»,— продолжал Жебрак.— Куда важнее понимать сущность действий американцев. Да, они кричат о своем гуманизме, о бескорыстной помощи армянам. А что получается?

— Давай, давай, сынок, ты, видать, с головой! — сказал старик.

— Американцы помогают Армении точь-в-точь так, как говорится в пословице: «Вот тебе, боже, что нам негоже»,— заявил Жебрак.— Присылают муку прелую, ботинки — из перегоревшей кожи, ситец — гнилой, какао и сахар — подмоченные, рис — с жучками. Другими словами, в Армению доставляется то, чего в Америке никто не покупает.

— Оце так благодетели! — возмутилась казачка с

грудным ребенком на руках.— Неужели и гроши берут с армян?

— Еще какие! — сказал Жебрак.— За одну пару бо-тинок платят пятнадцать пудов шерсти. А за пуд прелой муки — и того больше.

— Из пальца можно все высосать! — насмешливо бросил щуплый.

Жебрак достал из полевой сумки газету «Красное знамя».

— То, о чем я говорю, не высосано из пальца,— возразил он.— Кто хочет знать подлинную подоплеку так называемой «американской помощи», тому рекомендую прочесть статью «Американские благодетели в Армении», напечатанную в этом номере газеты.

— А ты, сынок, дай почитать энтому,— указал пальцем старик в сторону толстяка.— Он, видать, грамотей, увесь русский язык вдоль и поперек знает, да токо не с русского голоса говорит.

— Не нуждаюсь! — фыркнул белобрысый и отвернулся к стенке.

— Ну что ж,— сказал Жебрак.— Я тогда вслух прочитаю для всех.

И когда он познакомил пассажиров со статьей, старик с победным видом взглянул на того, кто затеял этот разговор, и спросил:

— Ну, вразумел? — И, не дожидаясь ответа, бросил едко: — Эх ты, мериканец!

Пассажиры рассмеялись.

XII

Верстах в двадцати пяти к югу от Анапы, в долине Сукко, течет одноименная горная речушка, впадающая в Черное море неподалеку от полуострова Большой Утриш. По обеим ее сторонам высятся живописные холмы, покрытые виноградниками, фруктовыми садами и дикорастущими деревьями. На узком плато левого берега раскинулось небольшое селение.

От него в горы полого поднимается неровная каменная дорога. Сегодня с утра по ней в сторону перевала тянулось много пустых подвод. Их грохот гулко отдавался в горах.

Чуть свет из селения вышел пожилой охотник с вин-

честером за плечами, патронташем на боку и ягдташем, наполненным продуктами. Некоторое время он шагал вдоль дороги, по извилистой тропке. Фуршики, то и дело обгонявшие его на подводах, кричали приветственно:

— Здоров, Шкрумов!

Шкрумов помахивал им рукой и отвечал негромко:

— Здорово, здорово.

Вскоре тропа свернула в сторону от дороги, круто поползла вверх. Шкрумов вышел на перевал, проросший густыми кустарниками. Внизу, в балках, еще плавали седые космы утреннего тумана...

Шкрумов подвязал под постолы базлуки¹, чтобы не скользили ноги, и начал спускаться по обрывистому склону в котловину, известную здесь под названием Сухой лиман. Стиснутая почти со всех сторон темно-бурыми скалистыми горами, она во время ливней наполнялась водой. Дождей давно не было, и сейчас котловина обезводилась.

Внезапно откуда-то снизу долетели людские голоса и ржание коней. Шкрумов насторожился. Добравшись до края стремнины, он заглянул вниз и увидел в долине, примыкавшей к Сухому лиману, множество подвод. Лошади были выпряжены и паслись. Вокруг подвод в тени деревьев сидели и лежали люди.

«Чего они сюда забрались?» — подумал Шкрумов и, заподозрив недоброе, решил обойти лиман стороной.

Он поднялся на вершину горы и вдоль пропасти вышел к Широкой щели, из которой виднелась сверкающая даль моря. Справа к морскому берегу тянулся изломанный хребет горы Медведь, сплошь покрытый лесами; слева громоздились голые утесы. На юге вздымался конус Лысой горы, позолоченный лучами утреннего солнца.

Часа через два, преодолев большое расстояние, Шкрумов достиг Безымянной щели, напоминавшей громадное гнездо, устланное мягкой зеленью. Воздух был напоен животительной прохладой. По-охотничьи зорко Шкрумов высматривал следы зверей, но мысли его невольно снова и снова возвращались к Сухому лиману, где притаилось подозрительное скопище людей и подвод.

У Гремучего ручья, поблескивающего среди хаоса камней, попало стадо диких кабанов. Растянувшись це-

¹ Базлук — род скобы или подковы с шипами, которую охотники подвязывают под середину подошвы для ходьбы по горам.

почкой, оно держало путь в долину. Впереди на толстых, коротких ногах бежал громадный черно-бурый вожак-секач.

Шкрумов увязался за стадом, выбрал в добычу вожака, но стрелять не спешил: ждал, чтобы зверь повернулся к нему мордой.

Один из кабанов, резвясь, стал обгонять стадо, толкая и сбивая с ног свиней. Вожак наострил уши, и когда озорник подбежал к нему, он так ударил нарушителя порядка рылом, что тот отлетел в сторону и шлепнулся в ручей. В это время Шкрумов выстрелил. Стадо с диким хрюканьем ринулось в кусты и мгновенно исчезло из виду. Ушел и вожак, оставив за собой кровавый след. Охотник начал преследовать раненого зверя.

Прозрачный, напоенный смолистым запахом воздух постепенно накалялся. Все звонче и дружнее стрекотали цикады.

Под тенистым бокаутом Шкрумов обнаружил свежее логово. Здесь кровавый след оборвался.

Шкрумов спустился под гору, переночевал у знакомого лесника и утром снова отправился на охоту.

Когда он приблизился к Топольной щели, из-за выступа скалы вдруг вышел подстреленный кабан. Он застыл на месте, с шумом принюхиваясь. Шкрумов вскинул винчестер, прицелился, выстрелил. Над горами пронеслось раскатистое эхо. Кабан захрапел, рванулся с места, ломая на пути кустарник.

— Нет, теперь не уйдешь! — крикнул Шкрумов, осторожно шагая за подранком.

Прямо на него, оцетинив гриву и сверкая маленькими желтыми глазами, со злым хрюканьем неся обезумевший кабан. Нижняя челюсть у него была отбита. Шкрумов опять приложился, но ружье дало осечку. Не успел он отскочить в сторону, как был сбит с ног разъяренным зверем. Кабан в бешенстве начал его топтать. Потом отбежал в сторону, грозно хрюкнул и стал уходить в горы. Шкрумов вскочил на ноги и, не чувствуя боли, схватил винчестер и устремился за смертельно раненым секачом.

С вершины горы, куда он взбежал, открылась вся Топольная щель. На самом берегу моря росло несколько стройных темно-зеленых кипарисов и широких серебристых тополей, отчего щель и называлась «Топольной». Это была усадьба князя Лобанова-Ростовского. Еще год назад ему принадлежал весь горный массив, лежащий между Широкой и Топольной щелями.

Шкрумов остановился и, опасаясь вторичного нападения зверя, внимательно осмотрелся. Кабан выскочил из-за огромного камня, судорожно повернул голову к охотнику. Грохнул выстрел. Зверь попятился и свалился на бок.

Шкрумов смахнул со лба испарину, устало опустился на землю, чтобы отдохнуть и закурить. Но в это время прямо перед ним раздвинулись ветки крушины и оттуда вышли три красноармейца, вооруженные винтовками, гранатами и револьверами. Шкрумов поднялся.

— Вы стреляли? — спросил молодой боец с русым чубом, выбившимся из-под фуражки.

— Я, — ответил Шкрумов.

— Кто вы такой?

— Охотник, — Шкрумов показал на убитого кабана. — Вот только сейчас завалил.

— Хорошая добыча, — улыбнулся боец и, глянув в сторону моря, спросил: — А другой дичи, двуногой, вы тут не встречали?

Шкрумов сообщил о подозрительном сборище фурщиков в Сухом лимане.

В это время у подножия горы неожиданно появилась группа белогвардейцев. Шкрумов и бойцы бросились за камни. Завязалась перестрелка...

ХIII

У Топольной щели с лихорадочной поспешностью выгружались с трех буксирных катеров и нескольких барж юнкера Корниловского военного училища и отряд бредовцев¹. На берегу быстро росли штабеля ящиков с боеприпасами. А за пляжем, в двух белых домиках, уже размещался штаб десантного отряда.

Одновременно против полуострова Малый Утриш и Соленого озера шла высадка с крейсера и двух транспортных пароходов.

На палубе канонерки, пришвартованной к причалу против Топольной щели, находились американский эмиссар полковник Полли и командующий десантным отрядом генерал Черепов, одетый в казачью форму.

¹ Бредовцы — белогвардейцы из отряда генерала Бредова, сформированного в Польше и с согласия польского правительства перебросенного через Румынию в Крым.

— Да, место для высадки выбрано удачно, — скользая рыбьими глазками по пляжу и прибрежным горам, сказал Полли. — Видно, большевики никак не ожидали нас в этих дебрях.

— Да, уголок для десанта чудесный! — передернув плечами, сказал Черепов и, помолчав минуту, сообщил: — Но здесь бывают очень сильные норд-осгы. Иногда достигают двенадцати баллов.

Полли, гордо выпятив грудь, сиявшую медными пуговицами на темно-зеленом френче, важно поднял палец.

— Главное, сломить шею большевикам, а с норд-остом мы как-нибудь уживемся.

Вскоре был подан катер. Черепов и Полли отправились на нем к полуострову Малый Утриш. Держа левую руку на глубоко утопленном эфесе шашки, генерал подошел к бортовому поручню, повел маленькими, несколько заплаканными глазами по скалистому берегу моря. Связисты торопливо тянули телефонный кабель, ныряли в зеленые кусты, пробирались между валунами. В полутора верстах от Малого Утриша, против Соленого озера, шла высадка десантников с буксирного парохода «Медуза» и с большой железной баржи. Крымские татары-белогвардейцы по наведенному понтонному причалу сводили лошадей на берег. Группа белоказаков тащила по каменистой тропе на подъем тяжелую пушку.

Полли долго вглядывался в береговые скалистые горы, поросшие кустарниками обожженного морскими солеными ветрами можжевельника, потом указал на связистов:

— Стараются солдаты.

— А, это выделили для нашего десанта небольшую часть из отряда генерала Бредова, — покручивая широкие усы, сказал Черепов.

— Какова численность вашей десантной группы? — поинтересовался Полли.

— Тысяча пятьсот штыков, два орудия и пятнадцать пулеметов, — ответил Черепов и, сбив на затылок высокую черную папаху, пояснил: — Обо всем этом и о местах высадки мы узнали лишь вчера поздно вечером, когда в Азовском море соединились суда, вышедшие из Феодосии и Керчи, и были вскрыты секретные пакеты. А до этого ставка все хранила в строжайшей тайне — даже от крупных начальников все было скрыто.

Полли молчал. Он в эту минуту вспомнил о своем

бегстве из Успенского пресвятой богородицы женского монастыря во время нападения чоновцев на повстанческий отряд полковника Набабова, о пребывании в Кара-чае, в усадьбе князя Крым-Шамхалова. Черепов заметил подавленное состояние американца и тут же встревоженно спросил:

— Вы никак чем-то обеспокоены, господин эмиссар?

— Нет, нет! — поспешно ответил Полли. — Это я кое о чем вспомнил... о князе Крым-Шамхалове.

— Вы его знаете? — спросил Черепов, и на калмыковатом, чуть обрюзглом его лице застыло удивление.

— А как же, — улыбаясь, сухо протянул Полли. — Вместе с ним я прибыл на Северный Кавказ и несколько дней гостил у него в доме.

Катер пришвартовался у причала. Командующий и эмиссар вышли на берег. К ним подбежал офицер-связист, доложил о положении на передовой под селением Сукко.

— Немедленно передайте мой приказ, чтобы пароходы «Честер Вальси» и «Сангомон» поддерживали наши части артиллерийским огнем! — распорядился Черепов.

Офицер козырнул и помчался к радиотелеграфному аппарату.

* * *

Вечерело. На помощь Ударному отряду, занимавшему оборону в районе поселка Сукко, и 191-му полку, сдерживавшему основные силы противника под селением Литвиново, прибыл 220-й Пензенский полк.

На фронт приехали Левандовский и Фурманов — начальник политуправления 9-й Красной армии, присланный ПУРом. Ознакомившись с боевой обстановкой, Фурманов срочно выехал в Сукко.

С севера надвигались грозовые тучи, дул резкий ветер. Наступила темная горная ночь. В углублении скалы, увитой плющом и лианами, тускло горел фонарь, собирались военные. Левандовский, заложив руки за спину, медленно похаживал взад и вперед по мрачному гроту, ждал, пока подойдут командиры и политработники всех воинских частей. Тщательно выбритое его лицо с плоскими щеками и маленькими русыми усиками было спокойно. Он, казалось, не обращал ни на кого внимания и был занят своими мыслями.

С передовой доносились пулеметные очереди и ру-

жейная пальба. Когда все были в сборе, командующий обратился к военачальникам:

— Буду краток, товарищи. Положение на Кубани сложилось серьезное. Врангель при поддержке англо-американских и французских интервентов, хозяйничающих в Грузии и Армении, высадил в нашей области два десанта. Один — в Приморско-Ахтарской, а второй здесь — в Сукко. Одновременно в районе Баталпашина, Майкопа и Армавира зашевелились крупные банды Хвостикова.

Левандовский уверенно взмахнул рукой, добавил:

— Мы должны железной метлой вымести с нашей земли всю белогвардейскую свору.

Где-то в горах несколько раз рывкнули пушки. Командующий умолк, определяя на слух, в каком месте была артиллерия, сказал:

— К утру из Екатеринодара сюда будет переброшен 1-й Афипский казачий полк под командованием Жебрака. Это стойкая, боевая единица, одна из тех казачьих частей, которые мы выставляем против врангелевского десанта по прямому указанию Владимира Ильича Ленина. Таким образом, товарищи, сил у нас достаточно, чтобы дать отпор врагу и сбросить его в море.— Желая переменить разговор, Левандовский затих на минуту и тут же продолжил:— А сейчас мы приступим к обсуждению плана ликвидации десантного отряда в данном районе...

* * *

На переднем крае — от Топольной щели до поселка Сукко — густой цепью лежали бойцы. Перестрелка постепенно утихала. Разгулявшийся ветер свистел и выл в тесных и глухих ущельях, сек лица каменистой пылью.

Красноармейцы и чоновцы устраивались поудобнее в ложбинах, за камнями, сторожко глядели во тьму — туда, где притаился враг.

Шкрумов так и не попал домой. Его, как прекрасного знатока всей этой горной местности, командование пригласило проводником, и он вместе с бойцами оказался на передовой и теперь лежал за обломком скалы, внимательно прислушивался к шорохам ночи.

— Так-то, товарищ охотник,— сказал в темноте сосед, спрятав в рукав сигарку,— твоя старуха, поди, и не гадает, какую ты дичь сейчас бьешь!

— Да, жаранчики¹ особые,— отозвался Шкрумов.— Правда, мне они не в диковину. Стреливать приходилось и раньше.

Кто-то окликнул его. Шкрумов повернулся, спросил:

— Кто там?

— Вас кличут в штаб,— донеслось из темноты.

Шкрумов подхватил винчестер, пошел на голос и едва не столкнулся со связным.

— Вы Шкрумов?

— Я!

— Пошли!

* * *

В гроте царил полумрак. Фонарь мигал, коптил. По стенам ползали причудливые черные тени. Левандовский стоял перед картой и делал какие-то записи в блокноте.

— Товарищ командующий, охотник Шкрумов прибыл! — доложил связной.

Левандовский поднял спокойные глаза на приглашенного. Прищурившись, он приветливо поздоровался с ним и, попросив подойти к карте, сказал:

— Надеюсь, вы хорошо знаете эту местность.

— Как же не знать! — воскликнул Шкрумов.— Я тут все горы вдоль и поперек исходил.

— Тем лучше.— Левандовский провел карандашом по пятиверстке.— Вот Топольная щель. А это скалистый отрог, выходящий к морю. Где-то здесь, среди скал мы должны установить пулемет и закрыть противнику путь к отступлению. Причем это надо сделать нынче ночью. Можно ли туда пробраться незаметно?

Шкрумов задумался. Он почувствовал всю тяжесть ответственности, которую ему предстояло взять на себя.

— Можно! — наконец ответил он уверенно.

— Когда лучше туда пройти? Сейчас или же на рассвете?

— Потемну сподручнее. К тому же и ветер поможет. Эх как шумит!

— Ну что ж, решено! — сказал Левандовский.— Идите, вас ждут.

Сверкнула молния и белой стрелой вонзилась в дальнюю верхушку горы. С оглушительным треском ударил гром.

¹ Жаран (охот.) — дикая коза.

Спустя полчаса Шкрумов во главе отделения красноармейцев двинулся в тыл врага. Шли в непроглядной темноте, по запутанным тропам, тянувшимся с восточной стороны Топольной щели. Бойцы несли на плечах разобранный станковый пулемет и коробки с пулеметными лентами.

Буря не унималась. То и дело сверкали саблевидные молнии. Небо содрогалось от гулких и трескучих раскатов грома. Но дождя не было.

А вот и море, злое, бушующее.

— Окопаемся здесь,— сказал Шкрумов, остановившись между двумя похожими на огромные клыки камнями.— Отсюда просматривается вход в Топольную щель, и весь берег как на ладони.

* * *

Десантный отряд генерала Черепова высаживался до вечера. На бурливых волнах, окрашенных в зловещий темно-зеленый цвет, искрились багровые огоньки заката. Военные корабли после разгрузки ушли в Батум, где базировались суда Группы особого назначения морских сил США. В подчинении полковника Полли осталась одна канонерка. Пароход «Медуза», катер «Кагул» и пять барж стояли на якорях у полуострова Малый Утриш. На горизонте маячил ледокол-флагман под белогвардейским флагом.

В штабе почти непрерывно звонили телефоны. Черепов выслушивал неутешительные донесения, поступавшие с передовой, отдавал распоряжения, приказы. Сопротивление, на которое натолкнулся десантный отряд, сразу сорвало намеченный ход операции. Черепов нервничал, злился и распекал своих подчиненных.

— Я приказываю не отступать ни на шаг! — кричал он в трубку.— Прекратите панические разговоры!.. Вы не офицер, а тряпка!

У штабных домиков, вдоль берега моря и по всей щели была расставлена усиленная охрана. Повсюду сновали патрули, разъезжали дозорные. Чувствовалась крайняя напряженность.

В штаб влетел Полли. Лицо его было покрыто красными пятнами, глаза растерянно метались.

— В чем дело, господин генерал-майор? — спросил он Черепова срывающимся голосом.— Почему наши части отошли от Сукко?

— Мы напоролись на крупные силы красных,— ответил командующий.

— Надо сломить их, рассеять! — крикнул Полли.

Черепов криво усмехнулся, поднял глаза на эмиссара.

— Именно эту задачу я и поставил перед своими войсками, господин полковник,— сказал он, поддельваясь под спокойный тон,— но они, увы, пока что никак не могут справиться с нею.

Полли опустил в кресло, вытер платком вспотевшее лицо.

— Кажется, не следовало бы отпускать корабли,— проговорил он сожалеюще.

— Да, пожалуй, мы это сделали опрометчиво,— согласился Черепов.

— Мне кажется, что мы, американцы, переоценили силы и возможности барона Врангеля,— заявил Полли, понизив голос.

— Операция только начинается,— сказал Черепов.— Временные неудачи вполне возможны. Наши силы уже полностью подтянуты к передовой. Начнем штурм.

— К сожалению, у нас очень слаба артиллерия и маловато пулеметов,— заметил адъютант Черепова.

— Что поделаешь,— бросив косо́й взгляд на Полли, развел руками генерал.— В данном случае наши союзники не проявили должной щедрости. И теперь нам остается уповать на милость божью.

Полли вскинул на него сухие, бесцветные глаза.

— Вы недовольны нашей помощью? — спросил он, хмуря рыжие брови.

— Помощь эта могла быть куда существенней,— подчеркнул командующий.

Полли молчал, как бы не слушая его, потом спросил:

— Как вы думаете, господин генерал-майор, можно ли положиться на охрану штаба?

— Сейчас трудно ручаться за кого бы то ни было,— ответил Черепов, расхаживая по комнате.

Полли снова вытер испарину на лице и шее. Черепов взглянул на часы и, вспомнив о приглашении князя Лобанова-Ростовского, сказал:

— Пойдемте, полковник, поужинаем. Князь обещал угостить нас трофейным кабаньим мясом.

Эмиссару не хотелось уходить из штаба: здесь он чувствовал себя в сравнительной безопасности, да и канонерка была под боком, но боясь обнаружить перед

командующим свою трусость, он поднялся и сказал с напускной бравадой:

— Пойдемте, генерал! Кстати, я зверски проголодался.

XIV

В середине ночи над Топольной щелью разразился ливень. С гор хлынули потоки, заклокотала вода в промоинах. Но вот из-за взлохмаченной черной тучи брызнул серебристый свет луны, озарив омытые дождем горы.

Все затихло. Еще задолго до рассвета бойцы подкрепились горячей пищей. Левандовский и Фурманов не спеша шагали по передовой линии, проверяя готовность к бою каждой воинской части.

У дороги через перевал их встретил начальник штаба 191-го полка. Он доложил о прибытии на фронт 1-го Афипского казачьего кавполка и спросил:

— Какие будут распоряжения?

— Кавполк оставьте здесь,— ответил Левандовский.

Начальник штаба нырнул за угол скалы. Левандовский и Фурманов поднялись на гребень горы. Оттуда в бинокль хорошо просматривались позиции противника, где все еще стояла тишина, и можно было подумать, что там уже никого нет.

— Дмитрий Андреевич, а вы слышали, что произошло с Балышеевым в Реввоенсовете? — спросил Левандовский, отняв бинокль от глаз.

Фурманов насторожился.

— Нет, ничего не знаю.

— Балышеев арестован.

— Этого не может быть! — сказал Фурманов.

— К сожалению, это так! — утвердительно кивнул Левандовский.

— За что?

— В том-то и дело, что причина ареста неизвестна. Говорят, председатель Реввоенсовета Республики приказал.

Арест Балышеева возмутил Фурманова до глубины души. Он задумался на минуту, провел растопыренными пальцами по жестким вьющимся волосам, как это иногда делают люди при затруднительном положении, сказал, суровая:

— Безобразнейший факт! Надо немедленно уведо-

мить об этом товарища Ленина. Пред уже не первый раз допускает подобный произвол. На Восьмом съезде выяснилось, что он хотел уничтожить некоторых неугодных ему ответственных партийных работников армии. И только благодаря вмешательству ЦК гибель этих товарищей была предотвращена.

* * *

Жебрак сидел у входа в грот и задумчиво смотрел на горные хребты, все отчетливее проступавшие на фоне светлеющего неба. Утром предстояло сражение. Сейчас бойцы отдыхали. Жебрак отвечал за их жизнь. И уж кому-кому, а командиру есть о чем подумать перед боем!

В глубине грота, пристроившись у камня, над которым горел фонарь, Вьюн читал книгу. Загорелое, обветренное лицо его с облупленным носом было напряжено, губы непрерывно шевелились, указательный палец медленно ползал по странице.

Рядом с ним, подперев голову рукой, полулежал Виктор Левицкий. До сих пор звучал у него в ушах голос Сони — ласковый, нежный, встревоженный: «Неспокойно у меня на душе, Витя! Береги себя, возвращайся! Я буду ждать тебя!»

«Вернусь ли?» — тоскливо думал Виктор. Он знал, что в эту предбоевую ночь подобный вопрос задавали себе сотни людей.

Виктор встал. Демка по-прежнему не отрывался от чтения. Виктор с минуту наблюдал за ним, затем спросил:

— Скоро ты одолеешь эту книгу?

— Заканчиваю,— не отрывая глаз от страницы, отозвался Демка.

— Ты бы и писать учился,— посоветовал Виктор.

— А я уже пишу,— сказал Демка.— В сумке тетради вожу.

Виктор закурил и вышел из грота.

* * *

Постепенно светлело. Деревья, горы, котловины окрашивались в причудливые цвета. Левандовский и Фурманов стояли на горе, господствовавшей над Топольной щелью.

— Не пора ли начинать? — спросил Фурманов.

Левандовский взглянул на часы — стрелки показывали три часа сорок пять минут.

— Ну что ж, пожалуй, начнем! — ответил Левандовский и окликнул командира 220-го Пензенского полка — грузного человека.

— Я слушаю вас, товарищ командующий! — выпрямившись во весь свой громадный рост, ответил усач.

— Приступайте! — распорядился Левандовский.

— Есть приступать! — отчеканил командир полка и, придерживая на боку саблю, побежал к своим бойцам.

По всей передовой линии дружно затрещали винтовочные и пулеметные выстрелы. Красноармейцы, используя камни, горные выступы, короткими перебежками начали подбираться к неприятельской цепи. Пули врага свистели по всей балке, где наступали 220-й Пензенский и 191-й полки. На правом фланге, в районе поселка Суко, шли в атаку 5-й Ударный отряд и два подразделения 197-го полка, стоявшего в Анапе; на левом, со стороны Абрау-Дюрсо, — 190-й полк.

Наконец противник прекратил отход, и вдруг перешел в контратаку. Теперь начали пятиться пензенцы. Воодушевленные наступившим переломом, белогвардейцы огласили щель громогласным «ура».

Вьюн бросил встревоженный взгляд на Левицкого.

— Зараз наши побегут, а мы тут отлеживаемся.

Жебрак взбежал на скалистый уступ, махнул рукой: — Вперед!

Казачьи отряды, будто подхваченные вихрем, выскочили из укрытий, понеслись под гору. Десантники, не ожидавшие удара с фланга, растерялись. Огрызаясь, они некоторое время пытались отходить сплоченно, но потом не выдержали, разомкнули ряды, рванулись к берегу. И тут их встретил пулеметный огонь из засады, где сидел Шкрумов с отделением красноармейцев. Белогвардейцы замечались из стороны в сторону. Неся большие потери, бросая оружие, они устремились к седловине на западной горе, чтобы уйти к Сухому лиману, где также шел жаркий бой.

Передовые части 220-го и 190-го полков вышли к морю и повели наступление вдоль берега к Широкой щели. Десантники откатывались к полуострову Малый Утриш, где, занимая оборону, поспешно окапывался отряд бредовцев.

Канонерка, на которой находился Полли, открыла по цепям наступающих интенсивный пулеметный огонь. Красноармейцы были вынуждены укрыться в Топольной щели.

Тем временем бойцы 1-го Афипского казачьего кавполка оцепили дачу князя Лобанова-Ростовского. Были захвачены князь и несколько офицеров, успевших переодеться в штатскую одежду.

Жебрак подозвал Левицкого и Вьюна, указал на захваченных:

— Отправьте их в штаб, там разберутся.

XV

Надвигалась ночь. Бой утих, но пушки с той и другой стороны все еще не успокаивались: нет-нет да и рывкнет какая-нибудь, огласит горы перекатистым эхом.

На высоте, расположенной против Широкой щели, артиллеристы 197-го полка еще с вечера установили гаубицу и до сумерек били по врагу, засевшему в щели, а когда совсем стемнело, стали обстреливать побережье.

В конце концов противнику удалось засечь огневую точку красных. С ледокола, приблизившегося к берегу, полетели тяжелые снаряды. Один из них разорвался вблизи пушки и едва не вывел ее из строя. Орудийный расчет вынужден был прекратить стрельбу.

В горах установилась тишина. 1-й Афипский казачий кавполк ужинал, когда в его расположение пришел Фурманов.

— Приятного аппетита, товарищи! — сказал начполит, обращаясь к Жебраку и другим командирам.

— Прошу к столу, Дмитрий Андреевич, — пригласил Жебрак, указывая на камень, где стоял котелок с кашей. — Поужинайте с нами.

— Спасибо, Николай Николаевич! — поблагодарил Фурманов. — Я у пензенцев только что такой котелок опорожнил. — Он опустился на продолговатый валун рядом с Жебраком и, поглядывая на казаков, сидевших и лежавших вокруг, сказал: — Смелые, боевые хлопцы у вас, Николай Николаевич. Наблюдал я за ними в бою. Особенно один мне бросился в глаза. Честное слово, львиной отваги человек. Прижали его белые к скале — три юнкера и два бредовца. Ну, думаю, пропал

казак! Но пропал не он, а его враги. До чего же увертлив, ловок и меток! Позже я узнал — это был Виктор Левицкий.

— Верно, товарищ начполит,— сказал Жебрак.— Левицкий отважный и смекалистый казак. Такой не растеряется в бою.

— Таких надо выдвигать в командиры,— порекомендовал Фурманов.

— Отец его у белых,— проговорил Жебрак.

— У белых? — удивленно переспросил Фурманов.

— Да, к сожалению. Но сам он — стойкий парень и окончил вышеначальное.

Фурманов достал из полевой сумки блокнот, сделал в нем какую-то запись и, положив руку на плечо Жебрака, сказал:

— Это прекрасно! О своих офицерских кадрах мы должны уже сейчас беспокоиться.

Пужинав, Левицкий и Вьюн устроились на плоском камне, еще не остывшем от дневного зноя. Вьюн уже дремал, а Левицкий, подложив руки под голову, глядел на бархатное небо, густо усыпанное серебристыми звездами, до которых, казалось, совсем было близко... Думал он о доме, о родных, о Соне. Горько было вспоминать об отце, бежавшем с повстанцами к Хвостикову.

«Эх, батя, батя! — вздыхал сокрушенно Виктор.— Жаль мне вас. Врагами мы стали. Только бы не повстречаться нам в бою. Кто кого первый будет рубить?.. Тогда даже оком моргнуть не успеешь!» От этой страшной мысли муторно стало у него на душе. Достав из кармана кисет, сшитый заботливыми руками матери, он скрутил сигарку и жадно закурил

* * *

На рассвете снова разыгрался бой. Жебрак проводил своих казаков в гнездовидную Безымянную щель. Перед схваткой он спросил проводника, что собой представляет данное ущелье, и, узнав о его коварных особенностях, подозвал к себе Левицкого, сказал:

— Видишь расположение противника?

— Вижу, товарищ командир!

— Как бы ты повел наступление на него?

Левицкий окинул быстрым взглядом позицию врага, засевшего меж валунами и бакаутовыми деревьями, ответил:

— Здесь надо выставить два ручных пулемета, чтобы отрезать ему путь отступления из щели. А атаку начал бы с того косогора: там много расселин — у нас будет меньше потерь.

— Правильно! — сказал Жебрак.

Разгорался бой за вершину горы Медведь, где с отчаянием обреченных сопротивлялись юнкера, крымские татары и офицерский взвод. Это был последний и самый упорный заслон на пути красных к тому участку побережья, где сгрудились остатки разгромленного десантного отряда. Там сейчас царила страшная паника.

«Кагул» и «Медуза» подтащили к берегу баржи. Белогвардейцы с дракой, с матерщиной грузились на них. Переполненные, облепленные людьми моторные лодки, шлюпки, баркасы спешили к ледоколу. Генерал Черепов уже давно перебрался туда и теперь растерянно наблюдал за тем, что творилось на берегу.

Высокий пожилой полковник и обливающийся потом штабс-капитан тщетно пытались навести порядок среди солдат, которые, дубася друг друга, пробивались к баржам и шлюпкам. В конце концов и полковник, и штабс-капитан были оттеснены к скале, где громоздились ящики с боеприпасами.

— Нет, нет, только не плен! — замотал головой штабс-капитан.

Он оглянулся, будто разыскивая кого-то злыми, воспаленными глазами, выхватил из кобуры револьвер, поднес дуло к виску.

— Опомнитесь! — крикнул полковник. — Что вы делаете?

Прозвучал отрывистый хлопок выстрела. Штабс-капитан, словно оступившись, повалился ничком на камни. Полковник сорвался с места и ринулся в гущу солдат, лезших в шлюпку.

* * *

Солнце поднималось над горами, зной становился нестерпимым.

«Кагул» и «Медуза» отчалили от берега, потянули перегруженные баржи, но те не двигались с места, прочно сев на камни. Офицеры кричали на солдат, требовали, чтобы они прыгали в воду и дали возможность бар-

же сняться с мели. Но солдаты, одурев от страха, не подчинялись приказам.

Артиллерийский обстрел берега усиливался. Несколько снарядов разорвалось вблизи «Кагула», подняв на море высокие водяные столбы. Капитан распорядился обрубить буксирный трос. В это время снаряд угодил в бок баржи, сделал в ней огромную пробоину. «Кагул» поспешно развернулся, вспенил воду за кормой и, набирая скорость, направился к ледоколу. За ним устремился и пароход «Медуза», тоже оставив баржу с десантниками.

Стрельба на вершине горы Медведь затихла. Деморализованные, стиснутые с трех сторон и прижатые к морю десантники больше не сопротивлялись. Они бросали оружие, сдавались в плен. Их построили в колонны и отправили в Широкую щель.

Санитары уносили раненых. Интендантские команды собирали и учитывали трофеи. Склоны гор и побережье превратились в огромный бивак. Одни бойцы, устроившись в тени деревьев и скал, отдыхали после боя, другие уже плескались в море. Заливисто пели тальянки, подзадоривая неутомимых плясунов... Здесь же, на берегу моря, под дубом стоял и Шкрумов с винчестером за спиной, спокойно глядел на всю эту суету военных, но думал о доме, о своей старухе...

XVI

Степной августовский воздух, влажный и прозрачный, струился над проснувшимися полями душистой свежестью. На золотистой стерне и зеленых травах радужными огнями переливалась роса. В безоблачном небе на все лады пели жаворонки

По проселочной дороге, ведущей в станицу Краснодарскую, легко катились рессорные дрожки. На них сидела игуменья в черной дорожной мантии и широкополой шляпе. Лошади бежали трусцой, то и дело переходя на ленивый шаг. Кучер Мирон не подгонял их. Положив под себя вожжи, он достал из кармана замасленных штанов красный кисет с мишурной бахромкой, свернул козью ножку и, вырубив кресалом огонь, закурил. Игуменья обернулась к нему, спросила скучающе:

— Что-то ты, Захарыч, неразговорчив сегодня? Все молчишь да молчишь...

— А что рассказывать-то, матушка? — лениво отозвался Мирон. — Новостей веселых нету. Опять кутерьма пошла.

— Какая кутерьма? — не поняла игуменья.

— Про войну я, — пояснил Мирон. — Рази не слыхали? Заново Кубань полумьям обнялась. Садют друг дружку в сусалы да под микитки. Не дюже весело от такой житухи.

— А в монастыре как? — поинтересовалась игуменья. — Тихо-мирно?

— Слава богу, матушка, покудова тихо, — ответил Мирон, дымя козьей ножкой. Он чмокнул на лошадей и, метнув лукавый взгляд через плечо, ухмыльнулся: — А что касасемо до отдыха и всего прочего, так тут была полная слобода. Все напрохлаждались предостаточно.

— Бездельничали, значит? — спросила игуменья.

— Знамо дело. Без кота мышам масленица, — сказал кучер и хлестнул лошадей вожжами.

Игуменья рассмеялась:

— Ай да Мирон Захарыч! Видно, и сам напрохлаждался вволю?

Кучер слегка стегнул кнутом подручного мерина, потом достал спину и дальнего, воскликнул:

— Эх, матушка! Да кто ить без греха?

— Ты прав, Захарыч, — согласилась игуменья. — Один только бог безгрешен.

— Как энто Иисус сказал книжникам и фарисеям: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» — подхватил Мирон и, помолчав немного, добавил: — В распутницу, стало быть.

— О, да ты, оказывается, святое писание знаешь! — удивилась игуменья. — Грамотой владеешь?

— Как же! — Мирон приосанился. — Я и печатные буквы, как следоват. Даже скоропись и церковные, под титлами, без всякого затруднения. Да... Вот токо латынь не по зубам.

— В школе учился?

— Какой там, матушка! Не про нас была школа. Своим умом дошел, ради интересу. А теперя и почитываю иногда на досуге.

Дрожки поднялись на бугор, и внизу, у самой Кубани, показалась Краснодарьская, окутанная густыми садами, среди которых пестрыми лоскутами проступали крыши домов. Впереди, по дороге, медленно шагал

сгорбленный старичок в сермяге, с котомкой за плечами и суковатой палкой в руке. На голове — соломенная шляпа с обвислыми широкими полями. Игуменья ненароком поглядела на него.

— Нищий, что ли?

— Похоже, что нищий,— ответил Мирон и, помолчав, спросил: — А что, матушка, может, подвезем этого старца? Видно, умаялся, еле ноги волочит.

Игуменья не успела возразить ему — в этот миг заяц перебежал дорогу. Мирон сорвал с головы ветхий картуз и, хлопнув им себя по колену, крикнул с досадой:

— Эх, чертова животино! Как помахал! Жаль, ружья нету.

Игуменья проводила зайца обеспокоенным взглядом, промолвила суеверно:

— Не к добру этот косой.

Старик, уступая дорогу, сошел на кочковатую обочину. Игуменья скользнула глазами по его запыленному рубищу, дырявым постолом. Их взгляды неожиданно встретились. Игуменья невольно съежилась, заметив, как путник уставился на нее застекленевшими, вытаращенными глазами. Она подтолкнула кучера локтем, шепнула:

— Гони!

Мирон хлестнул лошадей кнутом. Дрожки дернулись и, цокая осными тарелками о ступки колес, быстро покатились в станицу. Солнце зашло за свинцовую тучу. На просторное краснодольское поле, покрытое копнами хлеба, набежала тень. В лицо игуменьи дохнуло освежающей прохладой, но щеки ее не переставали пылать от духоты.

Дрожки въехали в улицу, и Мирон через некоторое время остановил лошадей у двора Бородули. Игуменья сошла с подножки. Ей навстречу выбежали собаки, подняли лай. Старый Бородуля отогнал псов и, трясая седою головой и утирая слезу, выкатившуюся из левого большого глаза, уставился на игуменью, прошамкал:

— Вам кого надобно?

Игуменья с опаской оглянулась, сказала тихо:

— Да вы что, Влас Пантелеймонович, не узнаете меня?

Бородуля поглядел на нее из-под руки, воскликнул:

— Да бишь! Это вы, матушка. Заезжайте, милости просим!

Еще раз прищыкнув на псов, он пошел открывать ворота, но игуменья остановила его.

— Я на одну минуту.— И снова оглянувшись, спросила: — Игната Власьевича не слышно?

Бородуля сильно закашлялся.

— Нет, матушка. Один я тут на весь двор.

— Ну, бог вам поможет,— сказала игуменья.— Всего наилучшего.

— Прощевайте,— глухим голосом ответил старик и опять надрывно закашлялся.

* * *

В монастыре игуменью встретили монахини земными и поясными поклонами и, осеня себя крестами, разбрелись в разные стороны. Во дворе наступила прежняя немая тишина.

Через несколько минут в келью к игуменье явилась мать Иоанна в длинной черной мантии и, трижды сотворив крестное знамение, пропела:

— С благополучным возвращением, матушка. Да хранит вас бог!

— Что нового в монастыре? — спросила игуменья, прихорашиваясь перед вращающимся зеркалом, стоявшим на комод.

— Ох, матушка! — тяжело вздохнула старуха, опускаясь в кресло.— Ангел помогает, а бес подстрекает... Беда да и только!

— Несчастье какое? — Игуменья повернула лицо в ее сторону, вспомнив вдруг о зайце, перебежавшем ей дорогу.

Мать Иоанна осушила платочком глаза, перекрестилась и сказала поспешно:

— Попутал, видно, бес сестер наших. На минувшей неделе все как одна явились к обедне в сатанинских красных платках и прямо-таки бунт подняли, скромное в среду и пятницу стали есть. А иные, так те совсем беспутничали. К пастухам ночью через ограду лазили. Приносили от искусителей сало, колбасы, хлеб белый. Пыталась я наказать их, но куды там. И слушать меня не стали!

— Негодницы! — возмутилась игуменья.— Вот я им!

Старуха отдышалась и, понизив голос, добавила по секрету:

— А давеча слух до нас дошел, будто Хвостиков должен в наши края возвратиться скоро. Припугнула я сестер, что выплетет он за красные платки... Сейчас присмирели, просят меня заступиться за них и обещание дали денно и ночью молить бога об отпущении грехов.

— А еще что? — раздраженно спросила игуменья, присаживаясь на диван.

— Покуда все, матушка.

— Идите! — сказала игуменья. — Я позже позову вас.

Мать Иоанна покорно склонила голову, вышла из кельи. Утомленная поездкой, игуменья разделась и легла в постель.

Проснулась она только вечером. Вскоре к ней грузно ввалилась мать Сергия и, отвесив поклон, обеспокоенно сказала:

— Матушка, вас хочет видеть какой-то странник. Давно уже дожидается.

Игуменья вздрогнула и с минуту не могла даже слова вымолвить. Наконец спросила с тревогой в голосе:

— Где же он?

— Здесь, матушка, в коридоре.

Игуменья быстро оделась, вытерла мокрым полотенцем лицо, поправила волосы.

— Зовите его.

Мать Сергия удалилась, и тотчас на пороге игуменья увидела того старика, который встретился на дороге: неподвижные, застекленевшие карие глаза, обросшее седой бородой каменное лицо, сгорбленная фигура. Старик держал в руке соломенную шляпу, и его длинные волосы ниспадали почти до плеч.

Узнав наконец, кто перед ней, игуменья в страхе откачнулась назад, вскрикнула:

— Боже мой! Отец! Неужели это ты? — Она бросилась ему на грудь и, обливаясь слезами, начала целовать его лицо, руки, приговаривать: — Я ведь знала, что ты вернулся. Мне сказали об этом в Екатеринодаре, и я приехала, чтобы встретить тебя!

Старик застыл как изваяние, и спазм, подступивший к горлу, совсем парализовал его речь. Он только зевал да глотал воздух и не мог вымолвить слова. Наконец, мало-помалу овладев собой, пробормотал с горечью:

— Так-то ты встретила отца! Проехала мимо, как чужая...

Игуменья помогла ему раздеться.

— Ты извини меня, отец, но я не узнала тебя,— сказала она, оправдываясь.— Ты так изменился за эти семь месяцев, так постарел. Да еще эта борода и усы.. длинные волосы. Нищенское рубище.

— Э... дочка,— грустно протянул старик, опускаясь в кресло.— На чужбине, как в домовине. Затосковал я там. Не рад был свету божьему.— Он указал на серьмягу, брезгливо скривил губы: — А хламида эта от злых глаз, чтобы не опознали Меснянкина.

— Да, да! — вздохнула игуменья.— Здесь маскировка так необходима! Почему же ты не окликнул меня на дороге? — спросила игуменья.

— Не захотел при кучере,— ответил Меснянкин.

— Да, конечно, ты поступил благородно,— сказала игуменья.— Тебе придется жить у меня под видом странника.

Меснянкин обвел глазами келью и, задержав взгляд на большой групповой фотокарточке, висевшей на стене под стеклом в багетовой раме, промолвил:

— А то у тебя Екатерина Любимовна Вербицкая со своими воспитанниками-казачатами? Хорошо, что она выстроила эту пустыньку. Теперь у тебя есть где голову приклонить.

— Да, это моя спасительница!

— Не в ладах мы жили с нею, часто ссорились из-за пустяков,— раскаянно проговорил старик, уставив в пол свое волосатое неподвижное лицо.

— Я помню ваши раздоры,— посетовала игуменья.— Как все глупо было!

— Да, не перед добром ссорились, положив руки на подлокотники, сказал Меснянкин с тоскою в голосе.— А нынче все прахом пошло!..

— А Екатерина Любимовна в Крыму живет, у своей матери,— сообщила игуменья.— Ты ее там, случайно, не встречал?

— Нет,— устало прохрипел Меснянкин.— Не до нее было.

— А помнишь, как к ней ночью в спальню забрались воры и, требуя золото, порезали ее? — спросила игуменья.

— Ну как же,— протянул Меснянкин.— Это было в шестнадцатом году. Ей тогда около тридцати ран нанесли. Особенно ноги сильно изувечили. Она потом все время хромала.— Он помолчал минуту, затем спросил: — А ты как живешь?

— Кое-как перебиваюсь,— уныло ответила игуменья и, садясь на диван, многозначительно сказала: — Со дня на день ждем освобождения Кубани. Лишь бы только бог помог Улагаю. Тут в горах уже действует армия генерала Хвостикова!

— Слышал я о нем еще в пути, когда плыл с десантными войсками,— сказал Меснянкин.

— А не рановато ли ты приехал? — спросила игуменья.

— Разве ты не веришь в победу наших войск? — удивился Меснянкин.

— Вера в победу — это еще не победа,— ответила игуменья.— Меня очень встревожило сообщение о разгроме десанта генерала Черепова.

— Зато на улагаевском фронте дела идут хорошо,— заметил Меснянкин.— Не сегодня-завтра наши займут Тимашевскую. А когда Хвостиков выберется из гор и ударит по красным с тыла, дела пойдут еще лучше.

— Меня все чаще одолевают недобрые предчувствия, что мы стоим на краю гибели! — сказала игуменья.

Меснянкин остановил на ней осуждающий взгляд.

— Что ты, бог с тобой, Верочка! Англия и Америка никогда не оставят нас в беде. Я слышал самого Черчилля. А этот человек слов на ветер не бросает.

— А большевики на польском фронте уже к Варшаве подходят,— возразила игуменья.

— Ну и что из этого? — настаивал на своем Меснянкин.— Погоди немного, и все изменится к лучшему — с большевиками скоро будет покончено.

— Ах, папа! — простионала игуменья.— Сколько я уже жду и все напрасно!

Она закрыла лицо руками, и глаза ее наполнились слезами.

XVII

На дворе совсем уже рассвело. Игуменья проснулась от какого-то шума, который приближался, нарастал. Она вскочила с постели, бросилась к открытому окну, приподняла гардину. За монастырской оградой, по дороге, двигалась кавалерия красных.

«Никак отступают!» — подумала игуменья и почувствовала, с какой радостью встрепенулось сердце.

Прибежала мать Сергия, затем появились и мать Ио-

анна с Меснянкиным. Игуменья накинула мантию поверх подрясника, обула комнатные туфли.

— Вот видишь, дочка,— сказал торжествующе Меснянкин.— Красные отступают.

— Да, да, вижу! — взволнованно отозвалась игуменья.— Наконец-то господь услышал наши молитвы.

К воротам монастыря подкатил легковой автомобиль, рядом с которым остановилось человек десять верховых казаков в черкесках, с красными лентами, нашитыми наискосок через черные папахи.

Увидев их, игуменья замахала руками на отца.

— Уходите, уходите от меня!

— Мы сейчас вас спрячем, Яков Николаевич! — беря старика под локоть, зашепила мать Сергия.

— Проводите его в библиотеку! — приказала игуменья.

— Они кого-то кличут, матушка,— указала мать Иоанна на окно.— Мирон к ним вышел.

Выпроводив всех из своей кельи, игуменья прикрыла дверь и опять заглянула в окно. Верховые въехали во двор.

Корягин поднялся на крыльцо монашеской обители, постучал в дверь. Вышла мать Иоанна, низко поклонилась.

— Что надобно, раб божий? — смиренно спросила она, мельком поглядывая на Воронова — командира 3-й Отдельной казачьей кавбригады, стоявшего с бойцами под колокольной.

— Позовите игуменьшу,— сказал Корягин.

— Сейчас кликну,— ответила монахиня.

Минуты через две на крыльцо вышла игуменья.

— Я вас слушаю, Петр Владиславович!

— В гости к вам приехали,— сказал Корягин.— Принимайте. Незваные, да желанные.

«Только черт вам рад!» — подумала игуменья, однако поклонилась и с деланным радушием ответила:

— Милости просим.

Корягин окликнул Воронова и, когда тот подошел, спросил игуменью:

— Вы знаете этого человека?

— Нет,— ответила она тихо, бросив короткий взгляд на сабельный шрам, искажавший щеку председателя ревкома.

Корягин познакомил ее с комбригом, заинтересовался:

— Как живете? Никто не тревожит вас?

— Пока тихо-мирно,— игуменья пожала плечами.

— Мы вот по какому делу, матушка,— разгладив черные усики, сказал Воронов.— Думаем тут, в вашем монастыре, одну воинскую часть разместить.

— Воля ваша,— покорно склонила голову игуменья.— Прикажете освободить часть обитатели?

— Нет, нет! — возразил Воронов.— Не надо. Мы люди не гордые — разместимся во дворе. Хлопцы не любят нежиться. У нас, казаков, обычай такой: где просторно, там и спать ложись.

— Как вам угодно,— сказала игуменья.

* * *

Оставив в монастыре две резервные казачьи сотни, 3-я Отдельная кавбригада двинулась дальше. Нескончаемым потоком тянулась конница по лесной дороге в Краснодольскую.

Воронов, словно впаянный в казачье скрипучее седло, лихо мчался на карем дончаке по обочине дороги, обгоняя пулеметные тачанки, верховых. По загорелому лицу текли извилистые струйки пота. Конь под ним екал селезенкой, фыркал и шел размашистой иноходью.

Легковая машина, оставив позади себя бригаду, въехала в станицу и направилась к ревкому. На улице молодайки и девчата вперемешку с парубками и ребятишками гонялись друг за дружкой с ведрами в руках, обливались водой, визжали и громко хохотали. Под ногами у них шныряли собаки, заливались лаем и хватали за штаны и юбки бегущих.

«Озорничают... — подумал Корягин.— Им и война ни почем...» Он попросил шофера остановить машину, окликнул:

— Галька, подойди на минутку!

Раскрасневшаяся Галина подбежала к нему и, с трудом переводя дыхание, спросила:

— Что, Петр Владиславович?

Корягин поманил ее пальцем. Галина прислонилась к борту машины.

— Василий Норкин просил тебя зайти к нему в больницу,— шепнул Корягин.

Галина зарделась еще сильнее, хотела что-то сказать, но девчата и хлопцы как оглашенные налетели на нее,

окатили холодной водой, залив и всех сидящих в машине.

— А, чтоб вас черти забрали! — отфыркиваясь, вскрикнул шофер, включил мотор, и «фордик» с ревом понесся к ревкому.

Галина пустилась домой, вскочила в хату. Денисовна склеивала замазкой разбитую макотру, беседовала с Левицкой. Увидев мокрую дочь, она уронила макотру в подол, всплеснула руками:

— Вы только поглядите на нее. Чистая анчутка!

Галина звонко засмеялась, нырнула в великую хату, начала переодеваться.

— Ось Мироновна до тебя пришла, — обратилась к ней мать. — Просит, чтобы ты помогла ей написать письмо Виктору. Батько наш завтра поедет в Екатеринодар базаровать, а заодно повезет и письмо.

— Сейчас не могу, — сказала Галина. — Некогда мне... Часа через два сама приду к вам, тетя Паша.

— Это еще лучше, — промолвила Мироновна. — Я тоже спешу: хлеб надо вынимать из печки.

Галина показалась в дверях в праздничном голубом платье и коричневых туфлях на высоких каблуках. Денисовна удивленно вытаращилась на нее.

— Свят, свят! Чего это ты вырядилась в будень?

— Причина есть! — весело сказала Галина, повязывая голову косынкой.

Выскользнув из хаты, она задержалась в сенях, прислушалась. На улице уже стояла тишина. Лишь со стороны моста доносился какой-то неясный шум. Выйдя за калитку, Галина увидела въехавших в улицу верховых казаков с развевающимся красным знаменем.

«Куда это они? — подумала она и невольно остановилась, но, спохватившись, снова ускорила шаг. Мысли о Норкине будто подгоняли ее. — Зачем я ему понадобилась?» — гадала она, чувствуя, как все сильнее колотится сердце.

Обширный больничный двор был обнесен железной оградой, вдоль которой росли высокие пирамидальные тополя. Длинное здание больницы располагалось в центре двора под размашистыми тенистыми дубами. С улицы к главному входу вела аллея.

Несколько минут простояла Галина у калитки, поглядывая нерешительно на парадную дверь, затем быстро

зашагала к ней. В светлом коридоре ее встретила медицинская сестра.

— Вам кого? — спросила она, подозрительно оглядывая посетительницу с ног до головы.

— Василия Норкина, — ответила Галина, смутившись.

Сестра дала ей белый халат и проводила в палату, густо заставленную койками. На одной из них сидел Норкин с забинтованной головой. Увидев Галину еще на пороге, он поднялся. На его бледном лице засияла радость.

— Здравствуй, Галя! — сказал он, улыбаясь.

— Здравствуй, Вася! — тихо ответила Галина, ощущая на себе любопытные взгляды раненых.

Норкин взял ее за руку и увел в палисадник к одинокой скамейке под кленом.

— Зачем кликал? — спросила Галина, когда он, усадив ее на скамью, сел рядом.

На щеках Норкина проступил слабый румянец. Робко заглянув ей в глаза, он опустил голову, сказал глуховато:

— Много я думал о тебе, Галя... Не могу больше жить так... Жениться хочу на тебе.

Галина ждала именно этого признания. Помолчав минуту, она подняла на него глаза, ответила:

— Но я же замужем.

Норкин пытливо уставился на нее.

— Неужто и впрямь думаешь жить с Гришкой Молчуном?

— На кой ляд он мне нужен! — без колебания ответила Галина. — Это не человек, а зверь.

— Так в чем же дело? — спросил Норкин, глядя на нее в упор. — Или, может быть, я тебе не нравлюсь?

— Хорошо, Вася, — поднимаясь, торопливо проговорила Галина. — Я подумаю.

— Подумай хорошенько, Галя. А на той неделе мы снова встретимся, и ты скажешь — быть чи не быть нам вместе.

Галина одобрительно кивнула и вышла из палисадника. Провожая ее взглядом, Норкин стоял у калитки до тех пор, пока она не скрылась в улице.

* * *

Наумыч заботливо хлопотал в саду, оксело цветов, выпалывал сорную траву. Отягощенные плодами ветки яблонь и груш были подперты шестами. Среди цветов и ли-

сты жужжали пчелы. В нагретом воздухе стоял фруктовый и мятный аромат.

Наведя чистоту и порядок на цветниках, Наумыч собрал обитые ветром яблоки в подол полотняной рубашки и, припадая на протез, заковылял к вертушке, ведущей во двор. Из закутки выбежал белый козленок, подпрыгнул, околесил колодец и, взбрыкивая, пустился мимо конюшни, клуни и сарая, провожаемый завистливым взглядом Жучки, сидевшей на цепи под навесом амбарчика.

В кухне пахло печеным хлебом. Мироновна вынимала из горячей печи зарумяненные булки и складывала их на стол. Наумыч снял с гвоздя сито, высыпал в него яблоки и, присев на ослин, закурил люльку

— Вы бы со своим тютюном на двор шли, папаша,— сказала Мироновна.

Наумыч сидел молча, не двигался. Сноха сорвала сухой капустный лист с паляницы, сдула с нее золу, положила на свободное место в ряду с другими хлебцами, вывалила из сита на противень яблоки, сунула их в печь и прикрыла заслонкой.

Со двора донесся лай Жучки. Старик прижал в люльке прокуренным большим пальцем дымящийся табак, прислушался. Мироновна вытерла фартуком испарину на покрасневшемся лице, засуетилась.

В сенцах скрипнула дверь, и на пороге появилась Галина, низко поклонилась Наумычу.

— Вот умница, не позабыла про письмо,— обрадовалась Мироновна.— Садись.

Галина села на табуретку, спросила:

— А писать есть чем у вас?

— Пошукаю у Вити,— ответила Мироновна и скрылась в комнате сына. Вынесла чернильницу, ручку и лист бумаги, положила на стол.

XVIII

С пятнадцатого августа Екатеринодар был объявлен на военном положении. На площадях и в скверах проходили митинги в связи с высадкой белогвардейских десантов на Кубани. Гневно и горячо клеймили ораторы Врангеля, который двинул свои полчища в поход против Советской власти. Вместе с родной Красной Армией рабочие и крестьяне Кубани готовились дать решительный отпор врагу, задумавшему отрезать Северный Кавказ и Дон от

Советской России. В городе на видных местах призывно висели боевые лозунги: «Долой Врангеля!», «Долой интервентов, зарящихся на наш хлеб и нашу нефть!».

А на Новом рынке около подвод, на которых станичники продавали муку, сало, мясо, птицу, овощи, фрукты, собирались длинные очереди горожан. Каждый теперь, боясь голода, запасался продуктами. Раскупалось все, что требовал стол. Цены росли баснословно.

Были здесь и краснодольцы. Одни из них уже давно распродали свои товары и ушли в город, чтобы побродить по магазинам, другие от нечего делать слонялись среди телег.

Закончил распродажу своих продуктов и Калита. Сейчас он обедал с Галиной и Соней на арбе, нагруженной доверху свежей зеленой травой. Перед ним на войлоке лежали свежие и малосольные огурцы, кусок сала, арбуз, яйца, хлеб и аппетитно пахнувшая чесноком домашняя колбаса.

Калита резал перочинным ножом сало и, отправляя его с хлебом в рот, проворно двигал челюстями, обросшими черной курчавой бородой. Он то и дело ласково поглядывал на меньшую дочку, наряженную в новенькое ситцевое платье светло-голубого цвета.

— Шо ж ты будешь робить после школы, доченька? — обратился к ней Яков Трофимович, вытер нож о траву и, разбив яйцо, начал очищать его.

— За больными буду смотреть, — ответила Соня, улыбаясь, и на ее щеках обозначились ямочки. — Учусь я на сестру милосердия.

— И платить тебе будут, чи так?

— Разве ж на фронте платят? — тихо сказала Соня.

Калита вдруг посуровел, замигал глазами.

— Постой, постой, — проговорил он поспешно и, положив яйцо на разостланный платок, остановил на дочери обеспокоенный взгляд. — Так ты и на фронт пойдешь?

— А как же! Пойду, конечно, — ответила Соня.

— Убить же тебя там могут, то и проче! — оторопел Яков Трофимович.

Его слова встревожили и Галину. Взглянув на сестру испуганными глазами, она подумала: «И какая же ты у нас несчастная! То одно, то другое горе...»

Яков Трофимович еще что-то хотел сказать, но тут, жалобно скривив замурзанное лицо, протянул к нему руку оборванный беспризорный мальчишка, заныл:

— Дяденька, подайте сиротке.

Яков Трофимович сунул ему краюху хлеба, кусок сала и яйцо.

* * *

Обгоняя извозчиков и трамваи, легковая машина мчалась по Красной. Соловьев и Ковтюх, сидевшие в ней, поглядывали на пешеходов, запрудивших тротуары, а сами вновь и вновь возвращались к разговору о загадочном аресте Балышеева.

Ковтюх заметил в толпе Шадура, который шел под руку с Лихачевой.

— С кем это прогуливается ваш начснаб? — поинтересовался Ковтюх.

Соловьев оглянулся, сказал:

— Это его симпатия.

— А что она представляет собой?

— Бог ее ведает, — пожал Соловьев плечами.

Впереди, у рекламной тумбы, столпилось много народа. Шофер замедлил ход.

— Будь ласка, остановись! — попросил его Ковтюх.

Соловьев легко выпрыгнул из машины, протиснулся к расклейщику, который приклеивал к тумбе какую-то печатную бумагу.

— Что вы тут лепите? — спросил комиссар.

— Постановление областного ревкома, — ответил расклейщик.

— А ну-ка, дайте мне один экземпляр, — попросил Соловьев.

Вернувшись в машину, он вместе с Ковтюхом прочел следующее:

Постановление

Кубано-Черноморского областного революционного комитета

16 августа 1920 г.

г. Екатеринодар

№ 319

В связи с нависшей военной угрозой над городом Екатеринодаром Кубано-Черноморский областной ревком, поддерживая решение Чрезвычайной погрузочной комиссии о вывозе из города в ближайшие дни всех ценностей, постановляет:

1. Немедленно прекратить работу и свернуть следующие учреждения: продотдел, совнархоз, здравотдел, почту и телеграф, Кубано-Черноморскую комиссию, финотдел, отдел управления, отдел труда,

государственное издательство, комитет труда, рабоче-крестьянскую инспекцию и отдел статистики.

2. Все их ценности должны быть эвакуированы из города в самое ближайшее время.

3. Сотрудники данных учреждений, кроме тех, которые нужны будут для эвакуации своих учреждений, увольняются с работы.

Председатель Кубано-Черноморского ревкома
Ян Полуян.
Управделами Б. Мальцев.

— Чи не рановато затяялы мы оцю эвакуацию?..— задумчиво покачал головой Ковтюх.— От такого постановления вие паникой.— В его серых, с отблеском стали, колючих глазах отразилось чувство сомнения в предпринятой операции, и он уже полным голосом добавил:— А шо ж воно робыться в станицах и хуторах биля фронту? Мабуть, зовсим запаникувалы!

Соловьев молчал. Вскоре машина подъехала к дому, в котором жила семья Балышевых. Соловьев поднялся на парадное крыльцо, нажал кнопку звонка. Навстречу выбежала ему Люба.

— Аннушка дома? — спросил Соловьев.

— Да, у себя в комнате,— ответила девушка.— Только что пришла из института.

И тут же на пороге появилась и Аннушка. Она грустно улыбнулась Соловьеву, пригласила войти.

— Я на минуту, Аня,— сказал Соловьев и сразу объявил:— Ты должна срочно выехать на фронт.

Аннушка растерянно взглянула на него, и на свежем ее лице проступила чуть заметная бледность.

— Как же мне ехать после того, что случилось?— промолвила она.— На меня будут смотреть, как...

— Возьми себя в руки! — прервал ее Соловьев.— Мы твердо убеждены, что твой отец — честный человек, ни в чем не виноват. Его должны освободить. Сейчас мы принимаем все необходимые меры.

Аннушка обессиленно опустилась на стул, уронила голову на грудь, заплакала. Соловьев взял ее за плечи.

— Успокойся, Аня! Я понимаю, насколько тебе тяжело. Твой отец для меня больше, чем коллега... Твое горе — мое горе!

Аннушка подняла на него заплаканное лицо.

— Спасибо, Гена! — сказала она слабым голосом, вытирая щеки платочком.

— За что благодаришь-то? — удивился Соловьев

— За твою веру в моего отца, Гена, за твою искреннюю поддержку.

— Главное, не падайте духом! — ободряюще сказал Соловьев. — Передай это и маме, и Любочке. Они тоже страдают.

— А как же, — промолвила Аннушка. — Мама даже перестала на люди показываться, сидит целый день, закрывшись в своей комнате, и плачет.

— Я сегодня вечером зайду к вам, — предупредил Соловьев. — А сейчас у меня нет свободного времени. Ты скажи ей об этом, Аня.

— Хорошо, — сказала Аннушка. — Я скажу.

— Мы решили поручить тебе санитарный поезд, — продолжал Соловьев после небольшой паузы.

— А справлюсь ли я? — с опаской спросила Аннушка.

— Справишься! — убежденно сказал Соловьев.

К дому подъехала арба. Аннушка подняла гардину и, увидев в задке Соню и Галину, торопливо вытерла слезы. Соловьев встал, подал ей руку и еще раз попросил, чтобы не волновалась и готовилась к принятию санитарного поезда. Аннушка простилась с ним, проводила на крыльцо.

К Соловьеву подбежала Соня, второпях спросила:

— Геннадий Иннокентьевич, когда Николай Николаевич вернется в город со своим полком?

— Должен быть сегодня в три часа, — ответил комиссар и, сойдя со ступенек, сел в машину.

* * *

У подъезда штаба остановился «фордик» командарма. Из него в сопровождении двух ординарцев вышел Левандовский. Войдя в здание, он поднялся на второй этаж, в своем кабинете нашел Соловьева, только что вернувшегося от Балышеевых.

— А товарищ Фурманов говорил, что вы не будете присутствовать на пленуме.

— Да, к сожалению, не смогу, — ответил Левандовский. — Я заехал сюда на час, не больше. Надо срочно выезжать в Тимашевскую. В работе пленума примете участие вы и Фурманов. — Он загасил в пепельнице выкуренную папиросу, поднял телефонную трубку, крикнул: — Соедините меня с секретарем областного комитета партии! — И, услышав голос Черного, сказал: — Здравствуй-

те, Владимир Павлович... Я насчет пленума. Да, да, выезжаю на фронт. Кто будет? Фурманов и Соловьев. Спасибо за добрые пожелания. Всего хорошего.— Повесив трубку, он обернулся к Соловьеву.— На пленуме с докладом о положении на фронтах выступите вы, Геннадий Иннокентьевич. Ну и Фурманов вам поможет.

Соловьев открыл папку с донесениями командиров действующих частей, сказал:

— Вести с передовой, Михаил Карлович, неутешительны. Наши войска отступают.

Левандовский спросил:

— У вас есть подробные сведения о силе десанта Улагая?

— Пока еще нет,— ответил Соловьев.— Пленные офицеры дают разноречивые показания на этот счет.

— Где идут бои?

Соловьев отдернул занавеску с карты, висевшей на стене, провел указкой по линии передовых позиций.

— Вот здесь. Противник силою до двух тысяч штыков и сабель обрушился на 2-ю кавбригаду, которая занимала участок Бриньковская — Ольгинская. На участке 1-й Кавказской дивизии, расположенной северо-восточнее Ольгинской, а также и по всему фронту до самой железной дороги идут ожесточенные сражения.

— Приуральская бригада Семашко подошла уже к фронту? — спросил Левандовский.

— Да, сегодня на рассвете,— ответил Соловьев.— Она занимает оборону по линии железной дороги.

— Каковы потери с нашей стороны?

— Вчера насчитывалось около двухсот человек убитых и раненых. Сегодня, по последним сведениям, потери в живой силе возросли вдвое. Бронепоезд «Гром» во время боя сошел с рельсов и при отступлении наших частей попал в руки противника. Одно дальнобойное орудие провалилось на мосту. Все бронемшины выбыли из строя. Начальник бронечастей армии товарищ Вершинин тяжело ранен.

Вошел сотрудник оперативного отдела с только что полученным донесением с фронта. В нем сообщалось, что противник после шестой атаки занял Ольгинскую и повел наступление на Роговскую.

На перроне было многолюдно, шумно и оживленно. Соня нетерпеливо посматривала в ту сторону, откуда должен появиться поезд, и когда издали донесся протяжный гудок, она вскрикнула:

— Ой, девочки!

Аминет и Люба обнялись и тоже застыли в ожидании эшелона. Соня взглянула на них и от радости неожиданно начала поочередно целовать подруг. Аминет чуточку отстранила ее от себя, сказала с улыбкой на лице:

— Ты погляди, как раскраснелась. С чего бы это?

— Ну как же? — встрепенулась Люба. — Разве ты не ждешь своих?

Из-за поворота показался паровоз. Черный дым тянулся волнистой косою над грохочущим составом, и вскоре мимо перрона замелькали вагоны, платформы, переполненные бойцами, воинским имуществом, лошадьми.

На платформе, прицепленной к третьему вагону, среди казаков стоял Виктор Левницкий. Тут же, на лафете пушки, сидел и Демка Выюн. Когда поезд остановился, они свели по сходням своих коней. Ведя в поводу Ратника и толкаясь среди собравшихся горожан, высаживающихся бойцов-казаков, Виктор направился вдоль состава. Следом за ним Демка повел Кристалла.

К вокзалу одновременно с прибытием эшелона подъехали краснодольские подводы. Калита, поручив свою арбу напарнику-соседу, прошел с Галиной на перрон.

Виктор передал повод Демке, отыскал в толпе Соню, и они, не обращая ни на кого внимания, крепко обнялись и поцеловались. Яков Трофимович уставил на них удивленные глаза, замер с широко открытым ртом. Потом вдруг улыбнулся в усы, погладил тылом ладони бороду, воскликнул:

— Эге-ге! Да тут, как я бачу, такие дела пошли, хоть свадьбу зачинай!

Соня оглянулась, вспыхнула кумачовой краской, потупилась.

Галина вынула из пазухи письмо, подала Виктору:

— Это тебе из дому.

К ней подбежал Выюн.

— А мне?

Галина наклонилась к нему, тихо сказала:

— Клава передавала привет!

Загорелое лицо Демки расплылось в улыбке.

— Не забыла, значит... — пробормотал он и, лихо заломив кубанку, подмигнул девочкам.

Виктор отошел в сторонку, волнуясь, вскрыл конверт, скленный мучной заваркой, и стал читать:

Добрый день, дорогой мой сыночек Витя. Сообщаю, что я очень тоскую по тебе. Батько где-то мотается по белу свету и, видно, боится возвращаться домой, как нашкодивший кот. Да мы его уже и не ожидаем к себе.

Ох, сынок, сынок! Пусть он лучше и не приходит. У нас ходят слухи, что скоро к нам явится Хвостиков со своими головорезами, душегубами. Не доведи бог, чтобы батько прибыл в станцию с той компанией!

Соколик ты мой ясный, как ты там? Я до сего часу не могу забыть обиды, которую нанесла тебе Оксана. Теперь уже все говорят в станции, что она ушла с Матяшом. И не хотела я писать тебе про это, но не смогла. Плачу, сыночек ты мой Витенька, денно и пощю вспоминаю о тебе.

Дедусь все так же любит тебя и просит бога, чтобы ты вернулся домой здоровым и невредимым. Помнишь, как он говорил: «В людях живал, свету видал, топор на ноги обувал, топорием подпоясывался». И верно, сынок, нелегкая жизнь была у него и многому она, та жизнь, его научила. Слушайся его. Он ничего дурного тебе не посоветует. Недаром сказано: «Родительское благословение в воде не тонет, на огне не горит».

С тем до свидания, мой дорогой сыночек.

Целую, твоя мать.

15 августа 1920 г.

Виктор и раз, и другой перечитал письмо, написанное четким, округлым почерком, не материнской рукой. Тяжело было ему читать об отце, еще сильнее разнылась душевная рана. Заметив, как потемнело лицо Виктора, Демка спросил у него с беспокойством:

— Беда какая или что?

Виктор задумчиво глядел куда-то вдаль. Наконец он махнул рукой, промолвил:

— А!.. Ничего теперь не поделаешь. Горько мне, Дема, что так получилось!

— Ты про отца? — догадался Вьюн.

— Да, про него, — вздохнул Виктор и, спрятав письмо в полевую сумку, закурил.

Сообщение об Оксане его обрадовало до некоторой степени: оно развязывало ему руки.

Из-за водонапорной башни вышел Жебрак с Корягиным, только что приехавшим на вокзал. Увидев председателя Краснодарского ревкома, Вьюн бросился к нему, закричал:

— Здравствуйте, Петр Владиславович! — И указал на лошадей.— Вот видите, с нами и Ратник с Кристаллом.

— Вижу, Демушка, вижу! — сказал Корягин, обнял Вьюна за плечи и, весело улыбаясь, воскликнул:— Как ты возмужал, хлопче! Поправился. При оружии... Аж страшно около тебя стоять!

Вьюн залился раскатистым тоненьким смехом.

— Страшно, говорите? Иначе нельзя... воюю.

Виктор валким шагом приблизился к Корягину, приложил руку к кубанке.

— Здравия желаю, товарищ председатель!

— Здорово, казак! — тепло отозвался Корягин и обернулся к Жебраку.— Как воевали наши краснодольцы?

— Хлопцы что надо! — ответил Жебрак, добродушно подмигнув парням.

Соня взяла Виктора под руку, пошла с ним за отцом и сестрой, направившимися к своей арбе.

* * *

На вокзал один за другим прибывали эшелоны с войсками Красной Армии. Выгрузившись, части походным порядком отправлялись в город, а оттуда без задержки — на фронт. Вместе с ними шли и ударные отряды рабочих с заводов «Кубаноль» и «Саломас».

Вечерело. Через город от вокзала, в сторону кожевенных заводов, двигались колонны пехотинцев, кавалеристов. Над ними развевались красные знамена и, не смолкая, звучали революционные песни.

В одном конце квартала слышалось:

Гей! По дороге,
По дороге войско красное идет!

А в другом одновременно звучало:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее.

Пыхтя горячей струей пара, к перрону подошел эшелон с бойцами 3-й Отдельной казачьей кавбригады, сражавшейся в горных районах против банд Хвостикова. Теперь по приказу командующего она была срочно переброшена в Екатеринодар. Из вагонов повалили кавалери-

сты в разноцветных черкесках, балахонах, кубанках. А через час кавбригада уже ехала по Екатерининской улице к Сенному рынку.

Конники пересекли Красную, потянулись по трамвайной линии и вскоре свернули на улицу Гривенскую. За ними в обозе, гремя колесами, двигались пушки, пулеметные тачанки, брички.

На окраине города, у ворот казарменного двора, кавбригаду встретили Воронов, Ковтюх и Жебрак.

Кавалерия выстроилась вдоль длинного каменного забора, спешила. Казаки надели саквы на морды лошадей, кормили их овсом, дымили сигарками, шутили. У походных кухонь возились повара.

Лаврентий Левицкий, дав немного коню остыть, наполнил его, задал корму. Только хотел закурить, но тут просигналили ужин.

Небо совсем уже потускнело, стали густеть сумерки. Получив пищу, бойцы кто где сумел пристроиться, ужинали. Лаврентий расположился на бревне под глухой стеной казармы, принялся черпать из котелка душистый борщ. Вспомнив, что где-то у него в вещевом мешке перчинка, он хотел достать ее, но раздумал — ел так, без приправы. Вскоре посуда его опустела. Лаврентий подвесил котелок к поясу, достал из кармана кисет с самосадам и, прислонившись спиной к телеграфному столбу, начал скручивать сигарку.

Заря уже почти потухла, но еще можно было различать друг друга. В воротах двора показалась группа казаков. Случайно взглянув в их сторону, Лаврентий едва не выронил из рук кисет. Зрачки его расширились, нижняя губа судорожно задрожала. В нескольких шагах от него шел Виктор.

В первое мгновение Лаврентий не знал, что делать. Бежать? Спрятаться? Но куда и зачем? Ведь должен же сын знать, что в конце концов произошло с отцом. Должна же понять родная кровь старого дурня, который никак не может найти себе пристанища. Неужто не поймет и осудит старика?

Мысли путались в голове Лаврентия. Он стоял у столба, будто вросший в землю, не в силах сдвинуться с места. Виктор почувствовал его взгляд, оглянулся. Глаза их встретились.

— Батя! — прошептал молодой Левицкий, и по его телу побежал ледяной холод, лицо побледнело.

Лаврентий виновато улыбнулся, смахнул набежавшую слезу со щеки, сделал шаг вперед и снова остановился.

— Витя, сынок! — вырвалось у него хриловато, каким-то чужим, дребезжащим тенорком. — Тут я, с вами... В бригаде... Убёг от нечистых душ.

Виктор немного успокоился, смерил отца взглядом.

— Встретились, значит... Вот уж нежданно-негаданно!

Лаврентий болезненно скривил лицо, остренькие его усики задрожали, на открытом лбу, как ручейки, вздулись две синие жилы. Он робко дотронулся до руки Виктора, с трудом промолвил:

— Пойдем, сынок, я все по порядку... А то тут богато всяких интересантов — вишь, уши наставили.

На берегу Кубани, у кручи, они облюбовали травянистый горбик, сели. Лаврентий с минуту смотрел на бурные волны реки и наконец, собравшись с мыслями, неловко, тихо начал:

— Долго я думал, Витя, и надумал... Утик от Хвостикова до Воронова и больше квит, блукать не буду.

— А Воронов знает, что вы были у Хвостикова?

— Все до подноготной, сынок. Я перед ним, как перед богом — все начистую. Тут брехать — боже избавь! Он наш комбриг, сам из казаков и понимает нашу душу.

— Дома были?

— Нет, сынок. Не с руки все попадало.

— А что же Воронов? Принял вас без всякого?

— Как видишь, принял.

— Напрасно.

— Ну, почему? Хиба ж я виноват?

— А кто? Я, по-вашему?

— И ты не виноват. Суматошная жизнь тут во всем. Рази разберешься в ей сразу, что к чему?

— А почему вы тогда не перешли к красным, когда я с вами встретился в бою?

— Тогда не мог, сынок. Ей-богу, не мог! Ты ж понимаешь, что могло бы статься с матерью и твоим дедушкой? Сничтожили бы их головорезы ни за понюх табаку! Да... факт на лице. А теперь ежели вернуться хвостиковцы в станицу, то будут думать, что я погиб на их стороне, и никого из наших не тронут.

— Все это пустое, батя, — сказал неодобрительно Виктор. — Я ведь не сделал этого.

— Хiba ж мне можно сравниться с гобою, сынок?— пробормотал Лаврентий.— Ты человек грамотный. Вон сколько книжек перечитал, с умными людьми знался, уму-разуму учился у них.— Он склонил голову, всхлипнул:— Прости меня, сынок. Даю тебе на чем месте последний зарок, что больше не вздумаю бегать. Недаром дедушка говорил: «Упал, так целуй мать сыру-землю...»

Виктору стало жаль отца.

— Ну, будет вам, батя, каяться,— сказал он примирительно и, помолчав, спросил:— Из дому никаких вестей не получали?

Лаврентий вытер слезы рукавом черкески.

— Нет,— глухо ответил он.— А ты?

— Мамаля письмо прислали.

— Что же в нем? — оживился Лаврентий.

Виктор протянул ему конверт.

— Вот, прочитайте.

Лаврентий медленно начал читать, беззвучно шевеля губами.

— Эк, про меня как пишет! — покачал он головой.— А из-за кого я «мотаюсь по белу свету»? Да тике из-за нее и дедушки.

— А правда, что у Хвостикова много англичан? — спросил Виктор.

— Хватает! — ответил Лаврентий.— Они-то больше всего и лютуют. Хвостиков и Крыжановский перед ними на цыпочках ходят.

В памяти Виктора внезапно всплыл образ Оксаны. Он спросил о ней. Лаврентий положил руку на плечо сына, заглянул в глаза.

— Там она, у Хвостикова,— сказал он, прищурившись.— Только ты не жалкуй по ней. С Матяшом она спуталась, вертихвостка!

XX

В доме Балышеевых с нетерпением ожидали Соловьева. В зале давно накрыт стол, в коридоре шумел самовар.

Люба стояла у зеркала и вплетала черные ленты в толстые льняные косы. Нежное ее лицо сняло счастливой улыбкой. Вот она склонилась над комодом, остановила светло-голубые глаза на фотокарточке отца. Он смотрел на нее и как бы говорил взглядом: «Милая до-

ченька! Ты радуешься? А горе кружится над нами». И Люба почувствовала, как ее душу сдавила тоска.

Аннушка подошла к матери, сидевшей на диване, прижала ее голову к своей груди.

— Мама! — сказала она несмело.

Екатерина Нестеровна, убитая горем, подняла на нее взгляд, спросила:

— Что, доченька?

Аннушка, чуть помедлив, наконец отважилась сказать то, о чем долго не решалась говорить.

— Ты только не волнуйся, мамочка. Наверно, завтра я выеду на фронт.

Екатерина Нестеровна испуганно отшатнулась от спинки дивана.

— Как на фронт?

— Я должна ехать, — сказала Аннушка.

— Да ты что? — уставилась на нее Екатерина Нестеровна неподвижными глазами. — Такая беда с отцом, а тебе пришло в голову бог знает что.

— Меня посылают с санитарным поездом главврачом.

Губы Екатерины Нестеровны задрожали:

— А Люба?

— Возможно, и ее мобилизуют.

С крыльца донеслись скорые шаги, и сразу же залихватато продребезжал дверной звонок. Аннушка встрепенулась, вышла из комнаты и через некоторое время вернулась с Соловьевым. Екатерина Нестеровна вытерла слезы, поднялась ему навстречу.

— А я уж думала, что вы не придете. Спасибо вам, Геннадий Иннокентьевич, за участие.

Аннушка внесла самовар, разлила чай.

— А я пришел к вам с добрыми вестями, — неторопливо начал Соловьев, помешивая ложкой чай в стакане. — Только что на пленуме областкома партии шел серьезный разговор о Назаре Борисовиче. Все говорили о незаконном его аресте и выражали свое негодование по поводу самостоятельных действий главкома.

— За что же все-таки его арестовали? — спросила Екатерина Нестеровна. — В чем обвиняют?

Соловьев пожал плечами.

— Странно, но это факт. Его обвиняют за неправильную дислокацию, размещение частей 9-й Красной армии на территории Кубани, — сказал он задумчиво, — в силу

чего берега Черного и Азовского морей остались неприкрытыми к моменту высадки врангелевских десантов в области. Но разве можно кого-либо обвинять в этом? Войска нужны были везде... Сейчас мы дали знать об аресте Назара Борисовича Владимиру Ильичу Ленину. Я не сомневаюсь, что все кончится благополучно, — заверил ее Соловьев. — Все наши штабные работники и областком партии стоят горой за Назара Борисовича.

На глазах Аннушки засверкали слезы радости.

* * *

Ночью 3-я Отдельная казачья кавбригада Воронова и приданный ей 1-й Афипский полк Жебрака походным порядком выехали из города и вдоль Черноморской железной дороги направились в сторону Тимашевской. За кавалерией тянулись пушки, пулеметные тачанки, брички, нагруженные боеприпасами, фуражом, провиантом. В теплом степном воздухе пахло ночной сыростью, конским потом, махорочным дымком.

Взошла луна, и по спящей кубанской равнине разлилась бледная муть. Воронов и Жебрак, подгоняя своих взмыленных коней, двигались в голове быстро мчавшейся бригады.

Незадолго до рассвета кавбригада минула станицу Медведовскую. Постепенно восточный край неба охватывался белесой каймой, которая расширялась и теснила тьму к западу. Над полями повеял медвяно-душистый аромат горошка, на степные травы осела холодная утренняя роса. Одна за другой гасли звезды.

Левицкие и Вьюн ехали в первом ряду 1-го Афипского казачьего полка. Ратник шел иноходью, не потел, как другие лошади. Лаврентий посматривал то на него, то на Кристалла, на котором сидел Демка.

— А ну, сынок, пощупай под потником, не вспотел Ратник? — сказал он Виктору. — Только осторожно, чтобы покров не испортил.

Виктор оперся на луку, провел пальцами по спине коня, потом заложил руку под седло, сказал:

— Совсем сухо.

— А у твоего, Дема? — обратился Лаврентий к Вьюну, ехавшему с правой стороны.

Кристалл тоже был сух, шел легко и свободно, крупной рысью.

— А мой кабардинец уже весь в мыле,— недовольно буркнул Лаврентий.— Тяжелый на ходу, как мельничный камень.

Густо запахло шалфеем, васильками, чебрецом, мятой. Многие всадники, опьяненные ароматом степи, на зорьке впадали в дрему, но, раз-другой клюнув носом, тотчас стряхивали с себя сонливость, принимали бодрый вид. Восток уже пылал рассветным заревом. Высокая трава, окаймлявшая дорогу, искрилась блестками росы, словно раскаленным серебром.

Вдали уже виднелась станица. И вдруг, сотрясая воздух, над степью прокатился гул орудийного выстрела. Качнулись травы, роняя росу. Кони обеспокоенно запрядали ушами. Бойцы насторожились.

Бросив поводья на луку, Виктор достал из кармана кисет, обратился к отцу и Вьюну:

— Закурим, что ли? А то как бы с ходу в бой не кинули.

— И такое может статья,— отозвался Лаврентий, протягивая руку за табаком и бумагой.

Закурили.

— Как у тебя сабля, сынок, добре наостренная?— спросил Лаврентий.

Виктор хлопнул ладонью по ножнам, ответил:

— Не только рубить, но и бриться можно!

— Тогда порядок,— сказал Лаврентий и, вдруг уставившись на шашку сына с таким изумлением, будто это была не шашка, а какая-то невидаль, выдохнул:— Ты где взял цю саблю?

— В бою добыл,— ответил Виктор,— когда за монастырь бились.

Лаврентий повел тылом ладони по усикам, просиял улыбкой:

— Так и есть! Это же сабля Федота Молчуна, твоего крестного. Я ее враз признал. Это ж потерял он ее, коли мы пятки мазали салом. Но каким чудом?

— На ней пояс был перерванный,— сказал Виктор.— Видно, лопнул с натуги.

— Ну и вояка! — усмехнулся Лаврентий, покрутил прокуренный ус и наставительно прибавил:— Казак без шашки острой и коня верного, что тот кизяк. Ну и, кроме того, бесперечь, хоробрость и сноровка нужны. Боже упаси позади себя супротивника оставлять. Пожалеешь его — он тебя не пожалеет. Да, факт на лице.

— Мы про то уже знаем, дядько Лавро,— с видом бывалого рубаки заявил Вьон.

— Человек многое знает, да часом забывает про все.

До Тимашевской уже было рукой подать. Из-за далекого горизонта, задернутого редкой голубоватой завесой гумана, поднялся ослепительный диск солнца, и в траве, окропленной росой, засветились тысячи радужных огоньков.

Воронов остановил бригаду. Эскадроны застыли у полотно железной дороги.

Комбриг подал команду спешиться. Бойцы слезли с коней, шумным табором рассыпались по железнодорожной насыпи. В станицу были посланы Виктор Левицкий и Вьон. Проскочив переезд, они помчались в Тимашевскую. Вскоре вернулись с командиром кавбригады 14-й кавалерийской дивизии Демусом и его ординарцем Петьюкой Зуевым. Демус передал повод ординарцу, спрыгнул с карабаха, обтер широкой ладонью пот со лба, покрытого рябинками, поздоровался с командирами кавбригады.

— Как у вас дела? — спросил Воронов.

— Положение неважное,— угрюмо ответил Демус.— Большие потери несем.

— Командующий здесь?

— Тут! Сейчас на участке 1-й Кавказской кавдивизии Мейера.

— А какова диспозиция войск?

Демус поправил русский чуб, выбившийся из-под фуражки с лакированным козырьком, поднял планшетку, указал на карту под целлулоидным верхом и познакомил командиров с расположением войск на передовой:

— Вчера вечером 3-й стрелковый полк Приуральской бригады выбил врага из Бриньковской. 1-й и 2-й стрелковые полки этой же бригады сосредоточились вот тут — в районе хутора Ищенко. Конная группа, составленная из потрепанных в боях частей, заняла оборону по линии Брюховецкая — Тимашевская.

— Противник далеко? — спросил Воронов.

— Верстах в пяти — семи от Тимашевской. Изредка бьет по ней из пушек.

Воронов в сопровождении ординарцев отправился с Демусом на передовую.

Бойцы, воспользовавшись остановкой в пути, отдыхали. Одни расположились на травянистых откосах насыпи, другие — на копнах почерневшей пшеницы; сказывалась

бессонная ночь — не успев прилечь, многие засыпали. Лошади паслись на золотистой стерне.

Виктор ослабил подругу у Ратника, пустил его в жнивье к Кристаллу, а сам лег под копну, рядом с отцом и Демкой.

Вдали показался санитарный поезд. Громяхая на стыках и надсадно шипя паром, он подкатил к бригаде, остановился. Из вагонов высыпали сестры милосердия в синих платьях и белых передниках, с красными крестами на груди.

Виктор увидел Любу Балышееву, Аминет и Соню, вскочил на ноги. Девушки тоже заметили его и, взявшись за руки, пустились с насыпи, подбежали к нему.

— Ну, как дела, казак? — обнажив в улыбке белые ровные зубы, спросила с озорством Аминет.

— А так! — в тон ей ответил Виктор, неожиданно схватил ее в охапку и привалил к копне.

Соня и Люба хотели броситься на помощь подруге, но Вьюн преградил им дорогу...

С насыпи долетели звуки тальянки. Все устремили взоры на гармониста, сидевшего на рельсе впереди паровоза. Из-под его кубанки вился черный чуб, закрывал голубые глаза.

— Круг, товарищи! — крикнул кто-то с озорством.

Казаки расступились, образовали кольцо. Гармоника залилась голосисто, весело, задорно, но никто не решался выходить на круг первым. И тут из толпы вынырнул Лаврентий. Ударив в ладоши, он прищелкнул пальцами, поднял одну руку над головой, а другую упер в бедро и начал отплясывать, да так, что, казалось, был он весь на пружинах. Виктор и Вьюн переглянулись между собой и, обнажив кинжалы, с ходу пустились в присядку, полетели точно на крыльях вокруг Лаврентия, подзадоривая его еще на большую лихость. А зрители в такт стремительному танцу хлопали в ладоши, выкрикивали:

— Ишь ты! Ишь ты!

Соня узнала Лаврентия, вытаращила на него удивленные глаза.

— Смотри, это же Витин отец! — шепнула она Аминет.

— Верно! — воскликнула подруга. — Откуда он взялся?

Жебрак поднялся на насыпь и оттуда налюдовал, как веселились казаки. Наконец Лаврентий остановился и,

тяжело дыша, хотел было прилечь в стороне на траву, но вдруг увидев Жебрака, взбежал по откосу наверх.

— Здравствуйте, Николай Николаевич! — сказал он, виновато улыбаясь и протягивая руку Жебраку.

Тот вскинул брови, непонимающим взглядом уставился на него, потом, громко захохотав, вскричал:

— Эге-ге! Кого я вижу? Лаврентий Никифорович?

— Он самый,— испытывая чувство неловкости, сдавленно проговорил Лаврентий.— Виноват я перед вами, Николай Николаевич! Замордовали меня нечистые души!..

Он отвел взгляд в широкое поле, пустил слезу, и ему показалось, что пшеничные копны запрыгали, заволоклись туманом.

— Ну что уж так? — протянул Жебрак.— Казаку негоже нюни распускать. Расскажите лучше, как вы к нам попали.

Приссли на рельс поодаль от гармониста. Лаврентий молчал, понутив голову. Жебрак понимал состояние его души и тоже молчал, давал ему возможность собраться с мыслями. Лаврентий наконец поднял на него глаза, проговорил:

— Дорога к правде не каждому сразу открывается, Николай Николаевич. Другой и туда, и сюда носом ткнется, як цуценя слепое, покудова найдет ту дорогу. Так и я мытарился, как неприкаянный. Просветлело за раз в дурной башке.

Жебрак пыливо взглянул ему в лицо, спросил с улыбкой:

— И надолго у вас просветлело?

— Насовсем! Ей-богу, кажу правду, Николай Николаевич! — горячо заверил Лаврентий.

— А разве я не говорил вам раньше, что правда на стороне Советской власти? — напомнил Жебрак.

— Говорили не единожды,— подтвердил Лаврентий.— Только я тогда не дюже словам вашим доверял, да и за семью свою боялся. Думал так: пойду к красным, а белые тут всех моих — и батька, и жену — повесят. Через то и вихлял. Да... факт на лице.

— Схитрили, значит?

— Эге ж, схитрил.

Далекий артиллерийский гул усиливался. С насыпи хорошо было видно, как за станицей рвались снаряды. Все отчетливее слышались пулеметные очереди.

Жебрак положил руку на плечо Лаврентия, сказал по-дружески тепло:

— Хорошо, Лаврентий Никифорович, что вы все же нашли путь к правде. Рад за вас.

— Спасибо на добром слове! — поблагодарил Лаврентий, почувствовав, как стало легче у него на душе.

Из станицы вернулся Воронов. Подъехав к бойцам, он поднял руку, крикнул:

— По коням!

Виктор обнял Сою, прижал к груди, крепко поцеловал в губы. На ее глаза навернулись слезы.

— Ну-ну, не плакать! — ободряюще промолвил Виктор.

— Я не плачу, нет! — сквозь слезы улыбнулась Соня и, помахав рукою, пробормотала торопливо:— До скорой встречи!

Виктор вскочил в седло и поскакал к строившимся в колонны бойцам. Знаменосцы заняли свои места впереди бригады. Воронов подал команду выступать. Сотни двинулись к станице. Поднявшись на насыпь к поезду, сандружинницы помахали платками вслед конникам. Виктор то и дело оглядывался, чтобы еще и еще раз увидеть Сою. Бригада перешла на рысь и быстро скрылась за пеленой густой пыли.

XXI

Красноармейские цепи занимали правый берег Кирпелей и всю северо-западную окраину Тимашевской. Артиллерия противника была из-за крутой излучины правого берега.

Улагаевская кавалерия под командованием генерала Шифнер-Маркевича и полковника Буряка стягивалась к реке, скрывалась за густыми камышами, накапливалась в ярах, лощинах.

Навстречу неприятелю из-за построек вырвалась красная конница, с гиком понеслась в контратаку...

Вскоре, однако, сказалось численное превосходство дивизии Буряка. С подоспевшим ей на подмогу 1-м Уманским конным полком она начала теснить красных к станице, вырвалась к железнодорожным постройкам. Буряку казалось, что красные вот-вот побегут в панике. Но тут белогвардейцы наткнулись на ожесточенное сопротивление 1-го Афипского казачьего полка.

Виктор, заменив раненого командира отделения, зашел с казаками в тыл улагаевцам и атаковал их у вокзала. Ряды неприятеля смешались. Наступил переломный момент. Буряк видел, как 1-й и 2-й Таманские полки, из которых состояла вверенная ему 4-я Кубанская дивизия, таяли у него на глазах. Некоторое время они еще отбивались отседающей красной кавалерии, а потом попятились, бросились наутек.

Буряк заметался в гуще своих конников. Размахивая саблей, он орал разъяренно:

— Стойте, стойте, бисови души!

Но остановить бегущих было уже невозможно.

Виктор Левицкий оказался рядом с Петькой Зуевым, осадил Ратника и, смахнув обильный пот с лица, улыбнулся. Петька весело подмигнул ему. Не успели они переброситься двумя-тремя словами, как над их головами надсадно просвистел снаряд и взметнул невдалеке огромный столб дыма. Засвистели осколки. Ратник шарахнулся в сторону, чуть не сбросив с себя Виктора. Дончак под Зуевым стал на дыбы. За первым снарядом последовали второй, третий, четвертый.

Красная конница быстро рассредоточилась. Воронов, Жебрак и Демус поднялись на крышу вокзала. Отсюда открывался широкий кругозор. Вдали маячили удиравшие белоказакИ. Жебрак направил бинокль в сторону посадки, тянувшейся вдоль железной дороги, заметил там какие-то машины.

«Видимо, враг накапливает силы для нового броска»,— подумал он и поделился своими подозрениями с Демусом и Вороновым.

— Похоже, что это броневики,— сказал Демус.

— Если это действительно так, то обстановка осложнится,— с досадой проговорил Воронов.— Ведь у нас, черт побери, нет ни одного броневойной снаряда. А картечью их не возьмешь.

Неприятельская артиллерия усилила огонь. Снаряды рвались на окраине станицы и в районе вокзала. Рушились хаты, сараи. Будто подхваченные чудовищным вихрем, в стороны разлетались бревна, камни, доски. Во дворах слышались дикие крики женщин и детворы. Когда огненный шквал достиг наибольшей силы, из-за посадки выкатилось три броневика. За ними двигалась пехота дивизии генерала Казановича. Сквозь грохот

взрывов все отчетливее слышалось рычание машин и гулкое, перекатистое «ура».

Покинув наблюдательный пункт, Воронов, Демус и Жебрак направились в свои части, чтобы подготовить их к новой контратаке. В проломе крайней хаты суетился артиллерийский расчет, которым командовал Черноус. Запыленные, мокрые от пота, бойцы напряженно наблюдали за приближавшимися броневиками. Здесь же, в садах и во дворах, за постройками, сосредоточился и Аншамаха со своими чоновцами. Рядом с ним гарцевали на конях Феодосия Тихоновна и Юнька Шмель. Черноус выскочил из пролома, оглянулся и крикнул одному из прислуги:

— А ну-ка, лезь на ту пристройку, будешь оттуда корректировать огонь. Это 1-я и 2-я дроздовские батареи по нас пуляют... Прислуга в фуражках с голубовато-белыми околышами. Их немедленно нужно нащупать.

Артиллерист юркнул за хату, быстро вскарабкался на крышу небольшого сарайчика. Первый снаряд разорвался сажень в десяти от впереди идущего броневика. Вражеская машина ответила длинной пулеметной очередью. Изменив прицел, Черноус снова взмахнул рукой:

— Огонь!

Второй снаряд лег в двух-трех шагах от броневика. Забухали соседние пушки. Одновременно застучали пулеметы. Но из-за излучины реки артиллерия противника не переставала бить, и снаряды ее рвались в районе залегших красноармейских цепей. Черноус повернул орудие в ее сторону, установил прицел, скомандовал:

— По дроздовцам — огонь!

Снаряд угодил в дальние камыши, и батарея врага, стоявшая на береговой излучине реки, замолкла.

— Значит, все в порядке.

И Черноус снова направил свою пушку на вражеские броневики, которые, подпрыгивая и покачиваясь на ухабинах, огрызались шквальным огнем, но продвигались вперед очень медленно. Пули звонко пощелкивали о рельсы, вливались в глиняные стены хат, дырявили заборы. Подобно мошкаре, на железнодорожную насыпь надвигались белогвардейские пехотные части 1-го Кубанского стрелкового полка Сводно-Кубанской дивизии генерала Казановича, охватывая господствующие над станцией высоты 49 и 73. И вот бронемшины вклинились в расположение красной пехоты. Бой обострился...

Отчаянно, упорно рубились и те, и другие. Лаврентий пустился за дрогнувшими белоказаками и, настигая одного из них, бросил сквозь зубы:

— Брешешь! Не убежишь, кляп тебе в рот!

Удиравший, потеряв папаху, припал к холке лошади, заскулил:

— Бррр-ааа-тоо-ок, брр-р-ра... Я уманский казак!

Лаврентий не слышал его голоса. Он поравнялся с уманцем и наотмашь полоснул его шашкой.

Бабиев, окруженный охранной офицерской сотней, злобно глядел на свою казачью лаву, панически убегавшую от красной кавалерии. К нему на взмыленном золотисто-гнедом коне с проточиной на лбу подскакал Шифнер-Маркевич.

— Неужели это казаки, генерал? — указав на красные полки вороновской бригады, спросил он в растерянности.

— Сволочи! — выругался Бабиев, еле удерживая в поводу разгоряченного коня, жующего удила и роняющего пену, круто повернул назад и пустился по улице.

За ним помчался и Шифнер-Маркевич. Полы белой его черкески на красной подкладке развевались по ветру, трепыхались как крылья. Следом неслась и его сотня телохранителей.

На западном краю станицы пятилась Сводно-Кубанская дивизия генерала Казановича, теснимая Коммунистическим отрядом и двумя казачьими сотнями, только что прибывшими из Дядьковской.

Командный пост Улагая располагался на небольшой возвышенности в пяти верстах к северо-западу от Тимашевской. Вместе с командующим здесь находились адъютанты, посыльные и английские представители.

Улагай был уверен, что Тимашевская вот-вот прекратит сопротивление — бой уже шел в самой станице. Стрэнг торжествовал. Он то и дело прикладывал бинокль к глазам и рассматривал идущие бои то в одном, то в другом месте станицы, и когда конница Бабиева и Шифнер-Маркевича ворвалась в Тимашевскую, хлопнул в ладоши и громко воскликнул:

— Наконец-то, наконец! Наша взяла! — А потом, повернувшись к командующему, спросил: — Не пора ли нам, генерал, переместиться поближе к станице?

«Пожалуй, уже можно!» — мысленно согласился Улагай, но в это время прикатил Казанович. Поспешно выйдя

из автомобиля; он сорвал с себя очки, поднялся к командующему, озлобленный, хмурый.

— Что случилось? — обеспокоенно взглянул на него Улагай. — Докладывайте скорее!

Казанович резким движением надел очки, вытянулся.

— Неудача, господин генерал-лейтенант! — сказал он подавленно. — Моя дивизия понесла большие потери. У большевиков почти все казачьи части! Сражаются они против нас бешено.

Улагай вспыхнул, крепко выругался и, кинув руки за спину, нервно зашагал по площадке.

— Какой позор, какой позор! — воскликнул он гневно. — Пороть их надо, сукиных сынов.

Неутешительные сведения поступили и от Шифнер-Маркевича, и от Буряка. Улагай совсем расвирепел.

— Мы должны взять Тимашевскую любой ценой! — крикнул он. — Немедленно открыть огонь по станице из всех пушек, ввести в действие авиацию и все резервы.

— Я думаю дать небольшой отдых всем солдатам десанта и произвести некоторую перегруппировку сил, — сказал Казанович.

— Никакого отдыха! — категорически возразил Улагай. — Мы и так слишком долго топчемся на одном месте.

— Да, слишком долго! — подхватил Стрэнг тоном неудовольствия. — Я сказал бы даже, преступно долго. Так нельзя воевать.

Улагай зло покосился на него, велел подать коня и ускакал на передовую.

XXII

Белогвардейцы снова ринулись к Тимашевской. Генералы и офицеры под угрозой расстрела гнали солдат в бой.

Неистово грохотали все батареи. Под прикрытием их огня пехота, кавалерия, броневики предпринимали атаку за атакой. В воздух поднялась вся авиация — три самолета.

Под Тимашевской Улагай встретился с Бабиевым. Осадив коня на полном скаку, он спросил:

— Что с Брюховецкой, господин генерал? Почему вы не докладываете?

Бабиев вскинул руку к папахе, отчеканил громко:

— Только сейчас получил донесение, господин гене-

рал-лейтенант. Станица взята моей дивизией, но бои пока еще идут на восточной ее окраине.

— Немедленно берите свой полк,— распорядился Улагай,— и направляйтесь в Брюховецкую. Продолжайте там наступление, а мы тут и сами управимся.

— Слушаюсь!— отдал честь Бабиев и, вздыбив скакуна, умчался к своему полку.

Теперь Улагай не отрывался от передовых частей и сам руководил боем. Штурм был настолько стремителен и массирован, что защитники Тимашевской не смогли удержаться на своих позициях. В улицы хлынула улагаевская кавалерия, а вслед за нею понеслись пулеметные тачанки и гранадеры. Сражение уже кипело в центре станицы, у церкви. Выставив огневые заслоны, красное командование отводило свои части за реку Кирпили.

К восьми часам вечера Тимашевская была полностью захвачена улагаевцами. 2-я Кубанская конная дивизия генерала Шифнер-Маркевича в составе Терско-Астраханской бригады, 1-го Терского, 1-го Астраханского конных полков, 2-го Сводного конного полка; 4-я Кубанская дивизия полковника Буряка в составе 1-го и 2-го Таманских полков и Гвардейской конной дивизии завязали новый бой в шести верстах к югу от Тимашевской, у заболоченной речушки Кирпильцы. Однако здесь их атаки начали захлебываться.

Улагай в сопровождении казачьей офицерской сотни лихо скакал за Астраханским полком, кричал что-то своим солдатам и указывал обнаженной шашкой в сторону красных цепей. Но тут вдруг напоролся на дружный огонь Коммунистического отряда, занявшего оборону на берегу реки. Астраханцы вынуждены были повернуть обратно.

Улагай неожиданно попал под пулеметный обстрел. Под ним пошатнулся конь и на полном скаку грохнулся на землю. Вылетев из седла, Улагай шлепнулся в траву — шапка слетела с головы, но он не стал отыскивать ее, а, вскочив на свои длинные ноги, пустился по полю во весь дух. Его охрана частью была уничтожена, частью разбежалась. Улагай не останавливался, растерянно оглядывался. Но вот прямо на него понеслись красные конники. То были чоновцы из Приморско-Ахтарской, внезапно выскочившие из засады. Впереди мчался Аншамаха, а за ним, не отставая, неслись Феодосия Тихоновна и Юнька Шмель.

В глазах Улагая потемнело: люди, лошади, густые камыши поплыли из стороны в сторону, земля зашаталась под ногами... В эту минуту к нему подскочил на белом тонконогом коне здоровенный казак с окладистой бородой. Мгновенно осадив скакуна, он крикнул:

— Сидайте! Швыдче!

Феодосия Тихоновна вскинула карабин, прицелилась на бешено скачущей Ночке, прозвучал выстрел. Казак судорожно выпрямился и, схватившись за грудь, упал навзничь. Улагай оглянулся на красных конников, вцепился в луку седла, взлетел на коня. Тот шарахнулся в сторону и с быстротой пули унес генерала. Аншамаха сделал по нему несколько выстрелов из нагана, но промахнулся...

* * *

Санитарные дружины разбрелись по полю, отыскивая раненых бойцов. Люба и Соня пробирались с носилками по берегу, покрытому вражескими трупами, убитыми лошадьми: Внезапно до их слуха донесся протяжный стон. Девушки остановились. За вербовым кустом, у самого водоплеска, лежал казак в белой черкеске с серебряными погонями и костяными газырями. Левое плечо и рука у него были залиты кровью. Сандружинницы приблизились к нему. Раненый чуть приподнял голову, остановил помутневшие глаза на девушках, промолвил с трудом:

— Помогите!

— Ой! — в страхе вскрикнула Соня, уронила носилки, попятилась.

Люба не спускала глаз с раненого.

— Помогите!.. Куда же вы? — простонал казак.— Я умираю!..

— Белый! — прошептала Люба, отступая назад.

— Это... это... Василий Бородуля! — сказала Соня испуганным голосом.— Из нашей станицы.

Бородуля понял, чьи это сестры милосердия, заскрипел зубами, выстрелил в них из нагана и потерял сознание. Люба ойкнула, качнулась и тяжело застонала. Соня бросилась к ней, подхватила под руки и, опустив на траву, еще не сознавая, что произошло, спросила растерянно:

— Люба, Любочка, что с тобой?

Только теперь она заметила алое пятно, которое быстро расширялось на груди подруги.

— Люба! — в отчаянии закричала Соня.

Вокруг — в кустах и у густых камышей — уже гнездились вечерние сумерки, темнело.

* * *

Виктор очень хотел повидать Соню, побыть с нею наедине в этот теплый августовский вечер. Отпросившись у Жебрака, он отправился верхом к санитарному поезду, но Сони там не нашел: она уехала с обозом сопровождать тяжелораненых.

Вернувшись, Левицкий дотемна бродил бесцельно среди бойцов своей сотни, расположившейся группами на отдых вдоль берега Кирпильцов. Всюду шли разговоры о минувшем сражении, и, как всегда, правдивые рассказы переплетались с разного рода небылицами, хлесткими, веселыми. То в одном, то в другом месте слышались взрывы смеха, словно люди не ощущали ни страшной усталости, ни горечи отступления. Особенно людно было около походной кухни, где готовился ужин. У наспех сложенного камышового шалаша горел небольшой костер. Перед костром сидел Демка Вьюн с развернутой газетой в руках. Вокруг стояли казаки, среди которых Виктор увидел отца.

— Вот послушайте, хлопцы, что пишет Фурманов,— сказал Демка и, подвинувшись поближе к огню, прочитал: — «Крымские «дачники» в районе Сукко получили по заслугам!»

Виктор прислушался.

— «Высаживая свои десанты,— читал Демка,— Врангель твердо верил, что на первые же выстрелы ему сочувственно отзовется все кубанское казачество и поддержит его действия открытым восстанием. Но он глубоко просчитался! Казачество не восстало против Советской власти, а, наоборот, послало лучших своих сынов на защиту родной Кубани от непрошенных гостей, высадившихся у нас в области в двух районах: Приморско-Ахтарской и Сукко. Врангелевцам теперь приходится сражаться против Красной Армии в печальном одиночестве...»

— Под Сукко добре получилось, а как тут будет? — промолвил кто-то угрюмо.

— И тут будет так же! — убежденно сказал Демка.— Турнем генералов в море так, чтобы навсегда забыли дорогу на Кубань.

— Сила большая у них. Если б один Улагай, а то и Хвостиков хвост поднимает.

— А с нами — весь народ! — воскликнул все время молчавший Шмель.— Никакие улагай и хвостиковы народа не одолеют.

— Правда твоя, хлопец! — одобрительно бросил Лаврентий.— Не одолеют.

Виктор взял его под руку, сказал:

— Пойдемте, батя, посидим трошки...

— Пойдем, сынок,— согласился Лаврентий.— Душу отведем после такого кошмара, разберемся кое в чем... А то на душе такая суматоха, что жить дальше тошно... У тебя-то, сынок, голова крепкая, башка что надо... А вот моя что-то совсем не варит...

— Это вы мне цену набиваете, батя,— улыбнулся Виктор.

Они сели на берегу реки, закурили.

— Знаешь,— снова заговорил отец тем же глухим, утробным голосом,— до сей поры я не пойму, зачем я зарубил безвинного уманца в этом бою? Понимаешь, как он кричал, как просился, чтобы я не губил его, но я не пожалел, полоснул так его шашкой, что чуть ли не до пояса развалил бедолагу. А теперь до сих пор увижается в очах... Принял грех на душу... В его крике было что-то такое... не похоже на то, чтобы он был заклятым нашим врагом. Может быть, он такой же грешник, как и мы с тобой, особенно меня это касается: неприкаянный мытарился то в одну, то в другую сторону. Так, може, и он, не знал, куда свою голову притулить, а со временем и осознал бы свое заблуждение, переметнулся бы до нас, до большевиков, как это сделал я в свое время... Но тут лиха година, черт меня поднес... помог ему разобраться... По всему видно, у него и ребятенки есть дома, ждут... Как ты думаешь, сынок, почему молчишь? Не надо бы с ним так, не по-людски...

— А если бы вы не зарубили его, то вряд ли он оставил бы вас в живых,— сказал Виктор.— Тут во всех этих делах разбираться было некогда. Не то время для раздумий. Сами же приказывали нам, чтобы никого из супротивников не оставляли на своем пути.

— Оно, конечно,— Лаврентий почесал затылок,—

жалко и его, но себя жалче вдвое. А голос у него даже не вражеский был, похоже, что он наш человек...

Покуривая сигарки, они затихли, смотрели в темноту. На душе было тоскливо, гадко...

* * *

После ужина Воронов срочно вызвал к себе супругов Черноус.

— Посоветоваться мне с вами надо, Василий Иванович и Феодосия Тихоновна,— сказал комбриг, когда те вошли в штабную палатку, освещенную двумя сальными свечами.

— Слушаем вас, Елисей Михайлович,— ответил Черноус.

Воронов прикурил от огонька свечи, сел за маленький столик, стоявший под парусиновой палаточной стеной, и, пригласив вошедших садиться, приподнял палец.

— Дело тут очень серьезное и сугубо секретное,— предупредил он.— Только что я совещался с командирами и, по рекомендации товарища Жебрака, обращаюсь к вам, Василий Иванович и Феодосия Тихоновна. Нам нужно послать разведчика в Приморско-Ахтарскую.

— С какой целью? — спросил Черноус.

— Мы должны добыть сведения о резервах Улагая, оперативные планы и документы штаба десантных войск,— сказал Воронов.— Товарищ Жебрак заверил меня, что вы можете подобрать надежного человека из ахтарцев. Он называл Аншамаху...

— Аншамаха отпадает,— возразил Черноус.

— Почему?

— Он не вернулся с поля боя,— пояснила Феодосия Тихоновна.— Белые захватили его в плен.

Заметив, как на лица Черноусов набежала горестная тень, Воронов спросил:

— Хороший боец?

— Цены ему нет! — вздохнула Феодосия Тихоновна.

— Кто же теперь командует его отрядом?

— Я,— ответила Феодосия Тихоновна,— его заместитель.

— А, кроме Аншамахи, нет ли у вас другой подходящей кандидатуры, кому можно было бы поручить это ответственное дело? — спросил Воронов, попеременно глядя на собеседников.

— Юньку Шмеля можно послать,— предложила Феодосия Тихоновна.

— Слишком молод, горяч парень,— сказал Черноус не совсем уверенным голосом.

— Значит, не пойдет. Нужен такой, который, как говорится, поцеловал куму, да и губы в суму — сноровистый, смелый, осторожный хлопец,— пояснил Воронов.

Черноус вдруг вспомнил, что Аншамаха как-то рассказывал о размещении ставки Улагая в доме Копотя, и сказал:

— Все же ты, мать, права. Остановимся на Шмеле! Лучшего нам не найти. К тому же, там у него есть дивчина, падчерица Копотя: она наверняка поможет ему добыть нужные сведения.

— Позовите его ко мне,— распорядился Воронов

* * *

В штабе Сводно-Кубанской дивизии за столом сидели Улагай и Казанович. Тут же находились Шифнер-Маркевич и Буряк.

Конвойные втолкнули через порог Аншамаху со связанными руками. Лицо у него было в синих кровоподтеках, ссадинах. Остановившись посреди просторной комнаты, он широко раздвинул ноги, в упор посмотрел на генералов.

Улагай откинулся на спинку стула, взглянул на него из-под насупленных бровей, забарабанил пальцами по столу.

— О, в синяках!.. Кто же это тебя так, братец, немилосердно? Неужели наши ребята переусердствовали?

— Ваше превосходительство,— снова заговорил офицер,— он пытался сопротивляться. Пришлось немножко пыл унять.

— Вижу,— сказал Улагай, скрестил на груди руки и, откинув назад голову, прибавил с кавказским акцентом: — В английских ботинках и обмотках... Откуда это у тебя, братец?

— Видать, выдали в армии недавно,— ответил за него офицер.— Еще совсем новые.

Аншамаха молчал, отвернувшись к окну. Улагай встал, заглянул ему в лицо, поднял двумя пальцами подбородок, обошел вокруг и, толкнув войлочную шляпу, висевшую за спиной, пренебрежительно бросил:

— Теперь, кажется, я узнаю! Особенно шляпа мне запомнилась.

Аншамаха стиснул челюсти, тяжело дышал...

— М-да...— промычал Казанович, взвинчивая свои широкие усы.— Видно по всему — коммунист!

Улагай положил руки на спинку стула, на котором только что сидел, и, держа его на двух задних ножках перед собой, снова обратился к пленному:

— Так что же это ты, голубчик, значит, увлекся погоней и позабыл про живот свой. Тебе очень хотелось заполучить живого генерала!

— Шкуру надо сдирать с таких! — подхватил Буряк.

— Ваше превосходительство,— офицер опять обратился к командующему,— смею вам доложить: войсковой старшина Копоть, атаман Приморско-Ахтарской, просил у нас этого негодяя. Он хочет совершить над ним публичную казнь перед казаками станицы.

— Не возражаю! — садясь на свое место, ответил Улагай.— Это неплохая идея.

Конвойные подхватили пленного, поволокли за дверь. Улагай сурово нахмурил брови.

— Вот вам, господа, довольно характерный пример отношения кубанцев к нашему десанту,— сказал он раздраженным тоном.— А мы рассчитывали на них, как на каменную гору.

— М-да...— Казанович сорвал с носа очки и усердно принялся протирать их носовым платком.— Я не узнаю кубанцев. Страшно даже подумать о том, что произойдет, если здесь, как в Северной Таврии, сорвется мобилизация.

— Она уже сорвалась! — сердито бросил Шифнер-Маркевич и, заложив руки за спину, резко зашагал у стены.— Мы стоим перед фактом деморализации своих частей.

— Не паникерствуйте, господин генерал! — метнул на него Улагай бешеный взгляд.— Да, да, да! Нам нужна железная дисциплина в этот момент, сплоченность, а не нытье. Я повторяю — дисциплина и еще раз дисциплина!

Шифнер-Маркевич сел в кожаное старинное кресло, ответил:

— Я понимаю ваше раздражение, господин генерал. Вам нежелательно участие подлинно казачьих генералов в руководстве десантом. Потому-то вы и считаете нас паникерами.

Улагай уставил на него вспыхнувшие глаза:

— Это вы себя считаете подлинным казаком?

Шифнер-Маркевич переглянулся с Казановичем и, упираясь ладонями в подлокотники, вдруг вскричал:

— Вы не намекайте! Кровь моя чиста. Казачья кровь!

— Вот именно! — подняв палец, съязвил Улагай. — Казачья! Молчите лучше. Я свою кровь, черкесскую, не отрицаю. Советую и вам не гнушаться своими предками. Мы с вами лишь только приписаны к казакам.

— Меня никто не приписывал! — сказал Шифнер-Маркевич и отвернулся.

— Не понимаю, — стараясь умиротворить ссорившихся, выразил свое недовольство Казанович, — какими соображениями руководствовался генерал Филимонов, когда заверял барона Врангеля в антибольшевистской настроенности казачества?

— Это мнение разделяли многие политические деятели, — сказал Улагай. — Если говорить откровенно, то и я верил в поддержку нашего десанта казаками Кубани. Очевидно, мы недооценили те сдвиги, которые произошли в их сознании за последнее время.

— Не хотите ли вы сказать, господин генерал, что им пришлось по душе и идеи большевиков? — едко спросил Шифнер-Маркевич.

— Во всяком случае, симпатии казаков явно не на нашей стороне, — ответил Улагай. — В этом мы убедились в первом же столкновении с населением кубанских станиц и хуторов. Закрывать глаза на это обстоятельство не будем. Положение надо исправлять!

— А тут еще и в Сукко у Черепова полное поражение, — сказал Буряк, вытирая платочком вспотевшую тучную шею.

— Я считаю, что ошибка наша заключается в том, что мы слишком либеральны к кубанскому населению, — заявил Шифнер-Маркевич. — До сих пор мы существенно не пополнили десантные части мобилизованными казаками. Никаких новых формирований не создали.

— Вы правы, — согласился с ним Улагай. — Кстати, сейчас в Феодосии формируется новый отряд генерала Харламова. — Улагай остановил взгляд на Буряке, распорядился: — Вам, господин полковник, придется выехать туда и помочь генералу в комплектовании воинских частей. Сегодня же отправляйтесь самолетом. Командование дивизией передайте своему заместителю.

Буряк вскинул руку под козырек, ответил:
— Слушаюсь!

XXIII

Шмель ехал полем, подальше от дороги. Вихрь шел под ним размашистой иноходью. Позади остался хутор Добровольский, находившийся в сорока верстах от Приморско-Ахтарской. Время от времени Юнька останавливался, прислушивался к ночным шорохам, потом мчался дальше. Мысли его все чаще и чаще обращались к Марьяне, к предстоящей встрече с ней.

А конь летел и летел по ровному полю, залитому лунным светом. Под его ногами шуршала стерня, мимо мелькали черные копны немолоченой пшеницы.

Наконец на невысоком голом бугре показался хутор Изюмный. Оставив там Вихря у своего дяди, Шмель сразу же выбрался из хутора. Ночной туман лежал в ярах и на небольшом болоте, расположенном рядом с Изюмным.

Минут через сорок Шмель приблизился к окраине Приморско-Ахтарской. Здесь, в родной станице, он знал каждую кочку, каждую выбоину, все уголки. Вот неглубокая балка, протянувшаяся через выгон к саду старого станичного кузнеца. По ней Юнька добрался до плетня и скрылся под деревьями. Где огородами, где садами, боясь всполошить псов, он осторожно пробирался к центру станицы. Особенно опасно было пересекать улицы, где в предательском свете луны каждый предмет выделялся очень четко. Юнька зорко следил за черными силуэтами постовых, маячивших кое-где на перекрестках улиц, и выждав подходящий момент, бесшумно перебежал открытые места.

У двора Копотя прохаживались двое часовых, со стороны сада дом тоже охранялся. Юнька сидел за плетнем в соседнем дворе и ломал голову над тем, как приблизиться к окну Марьяны.

Внезапно с улицы донесся оклик часового:

— Стой, кто идет? Пароль?

— Кубань.

— Проходи.

Скрипнула калитка. Послышался стук кованых каблучков о ступеньки крыльца, и снова наступила тишина.

В голове Юньки созрел дерзкий план. Он выскользнул на улицу, двинулся прямо на часовых. И все вышло так, как он думал. Прозвучал окрик часового. Юнька остановился, назвал пароль.

— Прходи! — разрешил часовой.

Юнька вошел во двор, обогнул угол дома и проник в сад. Вот и окно в комнату Марьяны. Затаив дыхание, Юнька приложил ухо к стеклу. И вдруг подумал встревоженно: «А если Марьяны нет тут? Если на кого из постояльцев нарвусь?» Где-то в глубине сада хрустнула ветка, послышались шаги. Юнька выхватил из кобуры наган и, прижавшись плечом к стене, дважды легонько стукнул пальцем в стекло. Выждав немного, повторил стук.

Окно тихо отворилось, и в нем показалась Марьяна с распущенными косами, в ночной сорочке. Узнав Юньку и мгновенно поняв, какому риску он себя подвергает, она прошептала, заикаясь от волнения:

— Л... лезь в окно! Б-быстро!

Протянула руку. С ее помощью Юнька перемахнул через подоконник. Марьяна прикрыла окно и лишь теперь вспомнила, что она полураздета, сказала стыдливо:

— Отвернись. Я сейчас...

Юнька закрыл глаза руками. Марьяна быстро надела платье, поправила волосы, подошла к нему. Он обнял ее, поцеловал в горячие губы.

Мимо окна проплыл огонек сигарки. Марьяна схватила Юньку за руку, потянула за собой, прошептала:

— Юня, мне страшно... Зачем ты здесь?

Юнька снова привлек ее к себе и, припав щекой к ее щеке, сказал:

— Я в разведке.

— А если схватят? — ужаснулась Марьяна.

— Не думай про то, — шепнул Юнька.

И он в кратких словах рассказал, зачем прибыл в станицу, попросил помочь ему. Уверенный его тон подействовал на Марьяну успокоительно, и хотя душа ее трепетала от страха, она пообещала сделать все, о чем попросил ее Юнька, понимая, что жизнь любимого и успех порученного ему дела теперь зависят только от нее.

* * *

Загорелось кроваво-багровое утро. В Приморско-Ахтарской было шумно и тревожно. По улицам к пристани

тянулись обозы с хлебом, реквизированным в станицах и хуторах, занятых десантными войсками. За обозами брели стада коров, овец, свиней, подгоняемые верховыми гонщиками. И хлеб, и скот непрерывно грузились на баржи, стоявшие у портового причала.

Марьяна встала пораньше. Вытащила из колодца ведро воды, взяла веник и приступила к уборке в штабной комнате. К ней вошла мать, проговорила:

— Давай помогу тебе, доченька.

— Нет, нет, я сама! — сказала Марьяна. — Иди, мамочка, готовь завтрак.

Нина Арсеньевна постояла немного и пошла на кухню. В коридоре повстречала жену генерала Филимонова, поздоровалась с ней. Зинаида Ивановна проследовала на крыльцо, подобрала подол цветастого халата и, спустившись во двор, направилась в сад.

Марьяна заглянула в штабной кабинет, который находился тут же рядом, за дверью. Командующий был на фронте. В ставке сейчас дежурили одни лишь телефонисты, сидевшие в небольшой комнатушке, примыкавшей к прихожей, и от нечего делать резались в карты.

Марьяна подошла к окну и сквозь кружевную гардину посмотрела на улицу. У ворот по-прежнему стояли часовые. Волнуясь, чувствуя, как дрожат колени и трясутся руки, Марьяна приблизилась к стене, на которой висела небольшая занавеска, робко подняла угол и тотчас отдернула руку: оперативной карты не было. Глаза Марьяны растерянно заметались по комнате. Забыв об опасности, она бросилась к шкафу, но он оказался закрытым. Заглянула во все ящики стола, однако и в них ничего не нашла.

Неудача страшно огорчила Марьяну. Наспех, кое-как она смахнула пыль с подоконников, со стола, вытерла влажной тряпкой листья фикуса, подмела пол и, выйдя из комнаты, заперла дверь.

* * *

Филимонов остановился на крыльце. На нем была расстегнута нательная рубашка, заправленная за пояс темно-синих брюк с широкими красными лампасами, и мягкие шевровые сапоги. Он искал глазами жену и, заметив ее в саду на скамейке, хотел было уже присоединиться к ней, но за спиной раздались чьи-то шаги. Генерал

повернул голову и увидел Копотя. Атаман раскланялся перед ним, пожал руку и рассказал о доставленном в станицу Аншамахе, которого он решил публично казнить на площади.

— Надо, надо хоть одного негодяя вздернуть для острастки,— сказал Филимонов.— Пусть день-другой поболтается в петле, чтоб казаки увидели, как мы караем большевиков... Только заранее не говорите об этом Зинаиде Ивановне — она против всяких репрессий.

— Ты смотри, какая сердобольная! — удивился Копоть.

— Женщина,— развел руками Филимонов.

— Я уже распорядился ставить виселицу,— шепнул Копоть.— Перед церковью.

— Зачем виселица? — возразил Филимонов.— Там же деревьев много. На суку его — и делу конец!

— Можно и на суку,— согласился Копоть.

* * *

Церковная площадь была запружена ахтарцами, согнанными сюда по приказу атамана. Толпа гневно гудела. В улицах, закрывая выходы с площади, выстроились ряды вооруженных верховых.

Из церкви в золотистой ризе с крестом в руке вышел поп, остановился невдалеке от веревки, спускавшейся почти до земли двумя концами с ветки акации.

В проходе, образованном двумя шеренгами белогвардейцев, показались Копоть, Филимонов, Стрэнг и Вокэр.

— Можно вести, ваше превосходительство? — обратился атаман к генералу.

— Ведите! — кивнул Филимонов.

Копоть махнул рукой сотнику, стоявшему на крыльце правления. Толпа притихла. Взгляды тянулись в ту сторону, откуда должны были вести на казнь хорошо известного всем ахтарцам Аншамаху.

Прошло несколько минут. Филимонов нетерпеливо поглядывал на часы, обернулся к Копотю:

— В чем дело, господин атаман?

Копоть недоуменно пожал плечами и хотел было отправиться в правление, чтобы выяснить причину задержки, но в это время к нему подбежал сотник и ошалело сообщил, что Аншамаха бежал.

— В кутузке никого нет. Дымоход в печи разобрал...

На горище в конюшню... Уворован конь вот их превосходительства, господина генерала Филимонова.

— Что? — гневно затрясся Филимонов.— Мой Метер? А где же были дежурные? Спали?

— Тот, что дежурил, видать, убег. Не нашли, ваше превосходительство!

— Куда ж вы, негодяи, смотрели! — заорал Копоть.

— Черт его знал,— пожал плечами сотник.— Никак не надеялись на ёго, ваше высокоблагородие. Дюже квелиый был... лежал на полу после нашей обработки, как плеть! А он, каналия, видать, притворялся.

Весть о бегстве Аншамахи уже передавалась из уст в уста, летела по всей площади. Ахтарцы зашумели, загомонили весело.

— Выпорите всех дежурных, всех до единого! — бушевал Филимонов.

Поп поспешно юркнул в калитку церковной ограды. Копоть, как очумелый, громко закричал:

— Раззз-ззой-ди-и-ись!

Ахтарцы медленно потянулись в улицы.

XXIV

Во второй половине дня Улагай и полковник Гейдеман вернулись в ставку. Одновременно в воздухе появился английский аэроплан. Сделав два круга над Приморско-Ахтарской, он сел на Шамрайском поле. Командующий выслал к нему автомобиль.

Вскоре машина подкатила к штабу. На крыльцо вышли Филимонов и начальник штаба Драценко. Перед ними предстал связной генерала Хвостикова, унтер-офицер Гусочка. Он приложил руку к заломленной каштановой папаше с кумачовым верхом, расшитым серебряным позументом, и, оттягивая в сторону левую полу темно-синей черкески так, чтобы были видны его красные, как жар, широкие галифе, воскликнул:

— Здрав желаю, господа енералы!

— Здравствуйте, господин унтер,— ответил Драценко и поинтересовался: — С кем имею честь познакомиться?

— Я кульер главного командующего «армией возрождения России» енерала Хвостикова, — доложил Гусочка.

— Очень приятно, господин «кульер»,— сказал Драценко.— Добро пожаловать.

Улагай сидел за столом и просматривал списки мобилизованных казаков. Увидев его, Гусочка отдал честь и, выпячивая тощую грудь, выкрикнул:

— Здрав желаю, ваше превосходительство!

Улагай изучающе строго смерил глазами вошедшего. Гусочка достал из внутреннего кармана пакет, скрепленный сургучовой печатью, и протянул его Улагаю:

— Дозвольте передать вам, ваше превосходительство, засекрванное письмо от енерала Хвостикова!

Улагай вскрыл пакет, прочитал следующее:

**Командующему Группой особого назначения
генерал-лейтенанту Улагаю**

В своей реляции от 14 августа сего года Вы сообщаете о высадке войск в районе станицы Приморско-Ахтарской и местечке князя Лобанова-Ростовского. Наряду с этим указываете, что главным направлением этих десантов будет город Екатеринодар.

После занятия оногo Вы намерены совместно с делегатами Крымской рады провести съезд в вышеупомянутом городе.

Здесь же обвиняете меня в том, что я слишком медленно продвигаюсь вперед: даже приказываете мне повести самое решительное наступление в глубь области с таким расчетом, чтобы мои войска одновременно прибыли бы в Екатеринодар с Вашими.

Смею Вам заявить, господин генерал-лейтенант, что Ваш повелевающий тон мне совсем не нравится. Я буду действовать только по своему усмотрению, то есть так, как позволят мне военные обстоятельства.

С уважением главнокомандующий «армией возрождения России»
генерал-майор Хвостиков.

18 августа 1920 года.

Улагай был возмущен дерзким тоном письма и неприкрытой тенденцией Хвостикова к самоуправству. Хмуρο взглянув на Гусочку, он сказал:

— Хорошо. Вы свободны.

— Ваше превосходительство! — Гусочка снова приложил руку к папахе. — Мне велено побывать у вас на передовой, поглядеть, что там делается.

«Только тебя там еще не хватало!» — подумал Улагай и вслух ответил:

— Я подготовлю письмо генералу Хвостикову, а вы можете идти отдыхать!

Гусочка вышел в коридор, где взад и вперед сновали штабисты, остановился перед приказом по Группе особого назначения за № 4 от 20 июля 1920 г., висевшим на стене, начал читать. Губы его заметно шевелились, и он

одолевал строчку за строчкой. Наконец брови его сошлись почти к переносице, лицо вытянулось от удивления. Дважды перечитав то место, где за грабеж предусматривалась высшая мера наказания — расстрел, он усмехнулся и, пощипывая жидкую рыжую бороденку, хмыкнул про себя:

«Гм! Какой же это дурак воевать будет, если ни у кого ничего взять нельзя? — Он почесал затылок, поджал губы: — Расстрел... А за шо? Какой же это грабеж, коли у гамсела¹ свинью чи там корову забрать? — И протестуяще махнул рукой: — Брехня все это!» Мельком взглянул на массивное золотое кольцо с бриллиантом, украшавшее указательный палец правой руки, он почувствовал что-то на груди в кармане черкески и вдруг почувствовал, что сзади кто-то крепко стиснул его локоть. Гусочка резко обернулся и увидел Копотя.

— Э, так это вы, Никита Гаврилович?

— Я, Иван Герасимович, — захохотал Копоть. — Какой сюрприз, какая встреча!

Гусочка указал глазами на приказ, серьезным тоном спросил:

— Уже расстреливали?

— Кого? — не понял Копоть.

— По этому приказу? — пояснил Гусочка.

— Некого расстреливать, — сказал Копоть. — Солдаты здесь все дисциплинированы.

— Плохой приказ! — поморщился Гусочка. — Здря вы это вывесили. Дюже строго... Ить у солдата живости не будет, пропадет охота воевать.

— А у Хвостикова как? — спросил Копоть.

— Боже мой! — воскликнул Гусочка и, высоко занеся руку над головой, поправил папаху. — Коли б твоя охота! У нас все дозволено.

— Ну и у нас так! — доверительно сообщил Копоть.

— А приказ?

— Для пущей важности.

— Понимаю! — довольно ухмыльнулся Гусочка. — Тогда другое дело.

Копоть обнял его за плечи.

— Так что ты не беспокойся, Иван Герасимович, — добавил он, сияя озорной цыганской улыбкой. — Что с бою взято, то свято.

¹ Гамсел — иногородний.

— А где ето Василь Бородуля, что не видать его? — вдруг спросил Гусочка. — Он же тут при Улагае в адъютантах ходит.

Копоть тяжело вздохнул:

— Забывайте, Иван Герасимович, про Васю, про моего крестника.

— Как ето надо понимать? — Гусочка озадаченно вылупил на него зеленоватые глаза.

— Под Тимашевской погиб. Нет больше Васи.

Гусочка перекрестился:

— Царствие ему небесное.

* * *

К Улагаю прибыли полковник Скакун и хорунжий Рябоконь. Командующий проворно встал, шагнул им навстречу:

— Каковы успехи, господа? — спросил он нетерпеливо.

— Да вроде неплохие, — ответил Скакун. — Загуби-Батько занял Гривенскую вчера утром.

— Прекрасно! — воскликнул Улагай. — Это уже большая победа.

— А Василий Федорович Рябоконь, — полковник указал на хорунжего, — овладел хуторами: Лебединским, Лимано-Курчанским и Могуковоро-Гречаным. Мои хлопцы заняли Волошковку.

— Чудесно! — Улагай пожал руки полковнику и хорунжему. — Приношу вам глубокую благодарность, господа.

— Спасибо, ваше превосходительство, — поблагодарил Скакун.

— А как обстоят дела с мобилизацией, Сергей Фомич? — спросил Улагай.

— В занятых пунктах мы сразу же сформировали два казачьих пластунских батальона. К ночи они будут здесь, в Приморско-Ахтарской, — ответил Скакун усталым голосом.

Улагай пригласил посетителей садиться и, когда те заняли диван, поинтересовался:

— Как отнеслись казаки к нашей мобилизации? Не сопротивлялись?

Скакун мельком взглянул на Рябоконя, уставившегося в пол своими неподвижными глазами, потом, растягивая слова, проговорил:

— Что можно ответить на этот вопрос, Сергей Георгиевич? Не совсем охотно идут казаки в нашу армию, не так, как мы ожидали.

— Прячутся, сукины дети! — возмутился хорунжий, приподнимая тяжелый взгляд на генерала. — Многих взяли мы в плавнях, на кошах. Знаем тут все их тайники — сразу понаходили.

— Но с ними надо быть осторожными, — предупредил Улагай. — Ни в коем случае не применять репрессий.

— Это уж там как придется, — сказал Скакун. — Злобных не так много.

— Надо бы всех этих мобилизованных казаков посадить на коней, — сказал Улагай.

— Красные угнали с побережья почти что всех рабочих лошадей, ваше превосходительство, — хмуря брови, ответил Рябоконь.

— Я об этом знаю, — сказал Улагай и, открыв дверь в соседнюю комнату, позвал: — Владимир Константинович, зайдите ко мне.

Явился Гейдеман.

Улагай, указав на своих посетителей, сообщил:

— Вот полковник Скакун и хорунжий Рябоконь. Вы займитесь ими. Они принесли нам радостные вести.

Гейдеман козырнул, попросил Скакуна и Рябоконя пройти в боковую комнату. Когда те удалились, Улагай пригласил к себе Драценко.

— Проект плана дальнейших операций закончили? — холодно спросил он.

— Заканчиваем, — скупое доложил Драценко.

— Постарайтесь не задерживать, — предупредил Улагай. — Сегодня же мы должны рассмотреть его.

* * *

Гликерия Семеновна Шмель возвращалась домой от вечерни. Не знал Юнька, что мать, опасаясь за его жизнь, тайком ходила в церковь молиться богородице и долго бормотала перед иконой: «Под твою милость прибегаю, пречистая, молений моих не презри и избави сына моего от бед, едина чистая и благословенная». Молилась, а тревога о сыне не покидала ее. Теперь она спешила домой, хотела поскорее узнать, как там...

У двора Копотя ей встретилась Нина Арсеньевна. Поздоровались, присели на скамью недалеко от часово-

го, стоявшего у калитки. В молодости они дружили, поверяли одна другой самые сокровенные свои тайны. Сейчас Гликерия Семеновна не находила, о чем говорить со старой подругой, и слишком велика была в ее сердце обида на Копотя, который грозил ее мужу расправой. Нина Арсеньевна почувствовала эту отчужденность, опечаленно сказала:

— Меня-то чего сторишишься, Семеновна? Подневольная я у Никиты. Зверь он, как есть зверь. Надумал своего станичника вешать перед народом.— Вздохнув тяжело, она добавила: — Недаром говорится: ежели бог хочет наказать кого, то прежде разум отнимет.

— Правда твоя, Арсеньевна,— проговорила Гликерия Семеновна.— Больно мне за людей. Как Никита над ними издевается!

— Я-то при чем? — всхлинула Нина Арсеньевна.— Самой впору хоть в петлю...

Из-за угла вышел подвыпивший Копоть. Нина Арсеньевна забеспокоилась, шепнула:

— Идет Никита.

Копоть остановился около женщин, узнал Гликерию Семеновну. Лицо его побагровело, густые нависшие брови насупились, в глазах вспыхнули огоньки бешенства.

— А ця, така-сяка большевичка, чего тут? — закричал он и ударил Гликерию Семеновну кулаком по голове.

Та вскрикнула и, прикрываясь руками, взмолилась: — За что, Гаврилович? За что?

Нина Арсеньевна заслонила ее собой, крикнула мужу: — Не надо, Никита! Не смей!

Но Копоть не унимался. Оттолкнув жену, он продолжал наносить удары... И вдруг обмяк: кто-то крепкой рукой схватил его за шиворот. Копоть судорожно оглянулся и увидел Гордея Шмеля.

— С бабами воюешь, атаман? — прохрипел ему в лицо обиженный сосед.— Бога ты не боишься.

— Пусти! — выдохнул Копоть и тут же пригрозил: — Ну, счастье твое, что при мне сейчас нет никакого оружия.

Шмель отодвинул его к забору, взял жену за руку и направился с нею домой.

* * *

День угасал. Марьяна так и не сумела выполнить поручения Юньки. Она знала, что Юнька ждет ее, что на-

дестся получить схему расположения вражеских войск, узнать их численность и направления основных ударов. Он говорил, что все эти данные нанесены на оперативную карту штаба, но карты не оказалось на месте, и Марьяна испытывала чувство досады и горечи от постигшей ее неудачи.

Марьяна с нетерпением ждала ночи. Она знала, что только сейчас в кабинете Улагая закончилось какое-то совещание, на котором присутствовали все штабные офицеры и многие командиры частей. И Марьяна решила попытаться счастья во второй раз. Ей было известно, что командующий остался в ставке и находился с женой в отведенной им комнате, а раз так, то карту, может быть, не снимут со стены. Она приложила ухо к запертой двери, за которой находился кабинет Улагая, и вдруг услышала разговор. Наполнив графин свежей водой, она поставила его на поднос и вошла в зал.

Улагай сидел за столом, тут же, с противоположной стороны, занимали два кресла Драценко и Гейдеман.

— Я принесла вам холодной водички,— ставя графин и стакан на стол, сказала Марьяна.

— С удовольствием,— ответил Драценко.

Марьяна удалилась. Она видела карту, висевшую на стене, испещренную цифрами, красными и синими стрелами. Видела, как сквозь туман, настолько все ее существо было охвачено волнением. Вернувшись в свою комнату, она немного воспрянула духом.

В открытое окно влетел чей-то гомон. Не зажигая лампу, Марьяна посмотрела в сад и тотчас отпрянула назад. В нескольких шагах от окна, в тени сиреневого куста, на скамейке, сидели Вокэр и Стрэнг. Положив ногу на ногу, Стрэнг слушал Вокэра, который оживленно что-то рассказывал на английском языке. Стрэнг изредка задавал ему какие-то вопросы.

Марьяна наблюдала за ними. Видимо, Вокэр сказал что-то неприятное, потому что Стрэнг, обозленно бросив несколько фраз, дважды стукнул себя по колену. Вокэр тоже повысил голос, вынул из планшетки тонкую тетрадку, передал ее Стрэнгу. Тот полистал ее. С минуту молчали, потом Стрэнг спросил о чем-то. Вокэр кивнул и, достав из той же планшетки сложенный лист бумаги, быстро развернул его на коленях. Это была географическая карта. Марьяна почувствовала, как кровь прилила к ее лицу.

«А что, если попробовать?» — подумала она, все больше проникаясь решимостью осуществить зародившийся план.

Вокэр сложил карту, взглянул в сторону окна и увидел Марьяну.

— О, привет! — воскликнул он и помахал рукой.

Марьяна высунулась до пояса из окна, улыбнулась. Вокэр расцвел радостью, сунул карту и тетрадку в планшетку и, бросив несколько слов Стрэнгу, направился к окну.

* * *

В тот же вечер, когда в доме Копотя все утихло, Марьяна тайком отправилась к Шмелям. Остановившись у их двора, она с минуту озиралась — нет ли кого поблизости, затем юркнула в калитку.

Старик отвел ее в сарай, и там, за сложенными в штабель кизяками, она увидела Юньку.

— Есть что-нибудь? — спросил он, схватив ее за руку.

Марьяна с дрожью в голосе рассказала о постигшей ее неудаче.

— Ну что ж, так и доложу начальству, — сказал он и, обняв Марьяну, предупредил: — Ты больше не рискуй. Я попытаюсь разузнать другими путями.

— Не волнуйся, Юня! — Марьяна успокаивающе погладила его по щеке. — Подожди до утра. Мне кажется, эта ночь будет удачной.

— Что ты придумала? — насторожился Юнька.

— Потом все узнаешь.

— Нет! — возразил Юнька. — Не тяни за душу! Нам нужно все обсудить.

— Понимаешь, — Марьяна припала к нему, — офицеры решили отметить взятие Тимашевской и сегодня собираются в Купеческом саду.

— А ты-то при чем тут? — недоумевал Юнька.

— Я буду танцевать там.

— Копоть посылает?

— Нет, самохотно.

Юнька совсем растерялся.

— Зачем тебе это? — вырвалось у него с укором.

Марьяна посвятила его в свой замысел.

— Так это же здорово придумано! — воскликнул Юнька и прижал Марьянину руку к своей груди.

— Придуманно, но еще не сделано,— сказала Марьяна.— Вдруг ухаживатель заподозрит.

И снова на душе у Юльки стало тревожно. Марьяна поцеловала его.

— Будем надеяться на лучшее, Юня.

XXV

Гулянье в Купеческом саду началось после краткого вступительного слова, с которым обратился к собравшимся начальник штаба десантных войск Драценко.

Выйдя на авансцену, он сказал:

— Господа офицеры, дорогие гости! Вчера, то есть восемнадцатого августа, в двадцать часов, наши доблестные экспедиционные войска овладели узловой станцией и станцией Тимашевской!

Раздались бурные рукоплескания, крики «ура». Музыканты подняли начищенные медные трубы и заиграли «Славься, славься». Все встали. Потом оркестр умолк, зрители заняли свои места, а Драценко продолжал:

— Таким образом, в наших руках оказался стратегически важный ключ к Екатеринодару. Мы отбросили противника за реку Кирпили, и недалек тот час, когда наши храбрые солдаты с триумфом войдут в город Екатеринодар!

Снова вихрь аплодисментов, крики «ура», «слава».

Поздравив офицеров и всех присутствующих с победой, Драценко объявил гулянье открытым.

Гусочка сидел во втором ряду скамеек со своей дамой, с которой он успел познакомиться перед началом гулянья. Дама приехала на Кубань вместе с десантом, как и многие другие беженцы, и жила теперь у своей сестры в Приморско-Ахтарской, ждала освобождения Екатеринодара, чтобы вернуться домой. Рядом с нею помещалась вдова погибшего статского советника. В загородке на скамейках в ожидании певицы все вели себя оживленно, шумно. Гусочка держал даму за руку и, заглядывая ей в лицо, говорил:

— Вы, Марфа Емельяновна, можете не сумлеваться: Екатеринодар через день-другой будет в наших руках. И вы поедете домой.

— Так-то и поеду,— сказала Марфа Емельяновна.— Вашими бы устами да мед пить!

— Поедете, Марфа Емельяновна! — твердо заявил

Гусочка.— Мы теперички не то, шо были при Деникине. Техника у нас воп яка! На еропланах летаем. Я-то прижухал сюда по воздушям — на английском ероплане. Не успел оглянуться — и тут!

Марфа Емельяновна улыбнулась и, следя за тем, как на сцену выкатывали рояль, сказала:

— Но нам-то не легче, Иван Герасимович, что вы «прижухали».

Из-за кулис вышла аккомпаниаторша в черном легком костюме, а за нею — и певица, высокая, худая особа, в пепельном крепдешиновом декольтированном платье, на котором было множество оборок. Подойдя поближе к зрителям, она поклонилась им, поклонилась и аккомпаниаторше. Сидевшие на скамейках захлопали в ладоши. Певица объявила название романса, чуть наклонила голову в сторону своей напарницы и, когда та проиграла интродукцию, запела грудным голосом:

Ямщик, не гони лошадей!

Гусочка не прислушивался к голосу певицы, не вникал в смысл романса — его больше всего интересовала ее внешность — нарядное платье и особенно сооружение на голове из каких-то незнакомых ему волос. Он и так и сяк приглядывался к ней, потом наклонился к своей знакомой и, перейдя на фамильярно-дружеский тон, потихоньку спросил:

— А шо то на ей за одеяние такое, Марфуня? Чи порватос так дюже?

Марфа Емельяновна еле сдержала себя, чтобы не прыснуть от смеха, и, закрыв рот платочком, ответила:

— Это у нее платье такое модное. А на голове — парик! Она недавно приехала из Франции. Ну и привезла все это оттуда.

Гусочка шепотом прибавил:

— Яки удалые волосья!

— То у нее парик, — повторила Марфа Емельяновна. — Голова лысая. Вот она и носит теперь чужие волосы. Тоже привезла из Парижа.

Гусочка поставил шашку с дорогой насечкой между ногами, скрестил на ней руки, одобрительно пробормотал себе под нос:

— Ето, значит, парик у нее на голове из чужих волосьев. Ач, яка диковина бывает за границей!

В аллеях сада, освещенных фонарями, похаживали парочки, стайками бродили офицеры, местная знать, богачи и прибывшие с десантом гражданские лица.

Гусочка со своей дамой во время антракта тоже прогуливался по центральной аллее. Сегодня он был внимательным кавалером: то и дело доставал из кармана своих красных галифе грецкие орехи, угощал ими знакомую и сам щелкал, хотя зубы у него были не для орехов, но на сей раз его выручали коренные, пока еще державшиеся кренко. Бравый вид придавали ему шапка в золоте и серебре, но без темляка, который не носили по уставу в казачьих войсках офицеры низшего чина, кривой кавказский кинжал, снявший насечкой и резьбой, и бульдог в кожаной кобуре, висевшие на казачьем поясе, украшенном серебряным, дорого инкрустированным набором. Только вот погоны были бедноваты — всего-навсего унтер-офицерские, но это не столь важно. Главное то, что он «курьер» генерала Хвостикова.

Гусочка в веселом, шутливом разговоре, конечно же, представил себя даме холостым человеком, сказав, что жены у него давным-давно черт ма и что одиночество надоело ему хуже горькой редьки. И он, между прочим, тут же заявил, что мог бы сейчас жениться, коли б попалась подходящая женочка.

— Что поделаешь! — Развел он руками и добавил серьезно: — Не могу подобрать себе подругу.

— Ох, и мастак же вы арапа заправлять, Иван Герасимович! — рассмеялась Марфа Емельяновна. — Кто же вам тогда обеды варит или, скажем, стирает белье?

— Сам! — воскликнул Гусочка. — Это для меня пустяковое дело! Я сам пасусь, сам себя и заворачиваю. Можу и борщ и что завгодно сварить. — Он разгрыз орех, отдал зерно даме, прибавил с сожалением: — Оно, конечно, с жинкой было бы куда спокойнее. Сварил его я недавно галушки и поставил в миску с водой, чтоб немного прохладилась — я ем все холодное, привык так. Пока я то, а Дурноляп галушки выто... Выел все и чугунок вылизал — це б-то побанил.

Марфа Емельяновна громко захохотала. Гусочка прильнул к ней, хихикнул:

— Вот токо зничтожим большевиков, ослобоним Кубань — с маху женюсь! Непременно сватов к вам пришлю.

— Ой, не верю! — сказала Марфа Емельяновна. —

Это вы сейчас обещаете, а потом забудете про меня, как про паньковы штаны. Знаем вашего брата.

— А пошла бы за меня замуж? — перейдя на «ты», в упор спросил Гусочка.

Круглые щеки Марфы Емельяновны загорелись румянцем.

— Шутите, Иван Герасимович.

— Нет, я дурить тебя не буду, Марфуня. Душа у меня не такая.

— Если так, то пошла бы.

— Во! И договорились! — ухмыльнулся Гусочка. — Люблю таких!.. Токо обидно тебе будет. Чоловик твой подпоручиком был, а я всего-навсего унтер.

— То не беда, Иван Герасимович, — махнула рукой вдова. — Лучше живой унтер, чем мертвый подпоручик.

— Так, может быть, и ночевать меняпустишь к себе? — снова хихикнул Гусочка. — Закрепить треба нашу уговорку.

Марфа Емельяновна игриво толкнула его в бок.

— Ишь, какой быстрый! — сказала она и, помолчав немного, подмигнула: — Если нравлюсь, то приходи. Я сплю на погребнице.

— А собаки у вас дюже зли? — на всякий случай спросил Гусочка.

— Нет, — протянула вдова, улыбаясь. — У сестры только один песик — Покат. И тот глухой, как камень. Ничего не слышит!..

* * *

Здесь же, на танцевальной площадке, играла музыка, кружились парочки. Вокэр, опьяненный вином и вниманием Марьяны, вальсировал с нею без усталости, потом снова садился за свой столик, сорил деньгами, угощал офицеров коньяком, неизменно провозглашая один и тот же тост: «За милых женщин!».

Копоть, желая выразить свою благодарность Вокэру за внимание к Марьяне, распил с ним бутылку коньяка. И когда эмиссар снова пригласил Марьяну на танец, то уже едва держался на ногах. Девушка отвела его в сторону, сказала:

— Пойдемте домой, господин капитан. А то время уже позднее. Вам надо отдохнуть.

Вокэр пьяно облобызал ее руку, пробормотал:

— О да, мисс! Я люблю вас очень сильно!..

— Смотрите, не потеряйте свою сумочку,— предупредила Марьяна, указывая на планшетку.

— Нет,— промычал Вокэр.— Я не пьяный... Буду еще пить много виски, вино, коньяк...

Марьяна взяла его под руку и поволокла из сада. Вокэр еле удерживался на ногах, спотыкался по дороге, пел какие-то нерусские песенки...

Нина Арсеньевна еще не спала. Увидев дочь с пьяным чужеземцем, подумала с беспокойством: «И зачем он тут нужен?»

Марьяна ввела его в дом, усадила за столик в маленькой комнате, смежной с ее спальней, встряхнула за плечи. Вокэр храпел... Из коридора долетел голос Копотья. Затем послышался предостерегающий шепот Нины Арсеньевны:

— Тише! У нас гость.

— Значит, скис? — кивнул Копоть.— Видно, хлипкая душа у англичан насчет водки.

Он помог уложить Вокэра на диван. В дверь заглянула Нина Арсеньевна.

— Может, ему рассолу дать?

— Потом, потом,— сказал Копоть.— Очумается, тогда можно и рассолу.

Когда отчим и мать ушли, Марьяна закрыла окно в спальне на внутренние ставни, дверь на замок, извлекла из планшетки карту, и к рассвету копия с нее была готова. Все нанесла Марьяна на бумагу: и наименование частей, и места их расположения, и численность личного состава каждой части, и намеченные направления ударов десантных войск.

Кроме карты, в планшетке лежали два блокнота и тоненькая тетрадь в голубой обложке, та самая, которую видела Марьяна в руках Стрэнга, когда он беседовал с Вокэром в саду. Все листы тетради были заполнены цифрами и какими-то надписями на английском языке.

«Прихвачу и ее!» — решила Марьяна. Она была уверена, что вряд ли кому-либо придет в голову заподозрить ее в хищении тетради. Вокэр был сильно пьян, спал мертвецки, а в таком состоянии не диво потерять не только тетрадь, но даже и голову.

Было уже за полночь. В звездном небе выкатилась полноликая луна, облила мертвенным светом сады, дворы, хаты...

Гусочка осторожно приоткрыл калитку, чтобы не скрипела, юркнул во двор, где проживала Марфа, и, придерживая левой рукой шашку, на цыпочках, с затаенным дыханием пробрался мимо дома с неосвещенными, потушенными окнами, приблизился к погребнице. Дверь открыта. Прислушался. Всюду тишина, спокойствие. Из погребницы донесся тихий храп, сопение...

«Ишь ты, шельма! — ухмыльнулся Гусочка. — Прикидывается, что почивает... Вот я тебя!.. — Переступив порог, он на цыпочках, на носках своих лакированных сапог, как балерина, подошел к топчану, едва видневшемуся в темноте под стеной, от полноты чувств, шеннул: — Зараз напужаю ее. Ой, как напужаю! Сопи, сопи, моя пампушечка! — Гусочка наклонился, прикоснулся пальцами к чему-то лохматому и вдруг замер от страха... — Господи сусе, што ж ето такое? — прошептал он, поспешно крестясь и ретируясь задом... Спавший на топчане огромный кудлатый пес с лаем метнулся ему под ноги. Гусочка споткнулся о какой-то лежащий на полу предмет, шлепнулся задницей, оказывается, в лохань с водой, потом впопыхах вскочил на ноги и рысью вылетел из погребницы, произнося скороговоркой: — Ослобони, господи, ослобони!.. — Опомнился только на улице, на втором квартале: мокрые штаны и вода в сапогах подействовали на него как-то неловко. Он оглянулся вокруг. Нигде никого не видно, собаки только взбунтовались во дворах, заливались разноголосым лаем. Гусочка постоял несколько минут у забора, чертыхнулся уже вслух: — Ач, гыдость, як пиддурила, страху напустила бестия треклята! Повни штаны и чеботы... Да за етакую брехню повесить чертовку мало!..» — Потом он поднял под забором камень и с досады запустил в псов, и когда те, прошелестев колючими бурьянами, отозвались где-то далеко за строениями, пошел по улице, залитой лунным светом, насвистывая свою любимую песню «Гвоздик».

Перед утром Вокэр проснулся, сел на диван и, оглядывая комнату еще пьяными глазами, спросил:

— Где я?

Марьяна услышала его бормотание. Накинув на себя халат, она на цыпочках вошла к нему в комнату, проговорила тихо:

— Вы у меня, господин капитан. Проспались уже? Я сейчас отведу вас на квартиру.

— Нет, нет! — возразил Вокэр, чувствуя себя неловко. — Я сам.

Он надел фуражку и направился в дверь. Марьяна взяла на тумбочке планшетку и, подавая ее атташе, сказала:

— Вот вы забыли свою сумочку.

Вокэр поблагодарил ее, перекинул ремень через плечо и вышел в коридор. В доме стояла мертвая тишина, все еще спали. Марьяна прислушалась. Шаги Вокэра быстро удалялись.

XXVI

На левом берегу реки Кирпили, вдоль камышей, красноармейцы и чоновцы поспешно рыли окопы, ходы сообщения, стрелковые гнезда. Противник находился совсем близко, за рекой и в Тимашевской, мог в любую минуту снова перейти в наступление.

В балках и оврагах дымили походные кухни. Замакировавшись, в камышах лежали дозорные, наблюдали за противоположным берегом реки и станицей.

С наступлением темноты напряженность, весь день царившая на передовой, несколько разрядилась. Феодосия Тихоновна Черноус, привязав Ночку под поклапою вербой, кормила ее сочной травой, накошенной тут же на пойменных лугах. Василий Иванович принес с реки ведро воды, напоил лошадь и вместе с женой присел на приготовленную ею из сена постель. Над степью поплыл прохладный ветерок, овеявая живительной свежестью усталые, потные лица бойцов. Дышалось легче, свободнее...

Изредка то на одном, то на другом участке фронта вспыхивали в дозорах короткие перестрелки, потом опять наступала тишина. В воздухе пахло дымком кухонь...

После ужина бойцы получили наконец долгожданный отдых. Они устраивались в своих окопчиках, в низинах. Одни тотчас засыпали, как убитые, другие вели балачки о солдатском житье-бытье, о родных станицах, о минувших и предстоящих боях.

Виктор Левицкий лежал рядом с отцом на травяни-

стом пригорке, вздыбившемся среди густых камышей. Лаврентий ворочался с боку на бок, вздыхал и никак не мог уснуть. Не спалось и Виктору. Он улетал мыслями в Краснодарскую, вспоминал ушедшую пору детства, юности. Вокруг тихо шептался камыш с осокой, чем-то напоминая вкрадчивый шепот Оксаны. Да, она умела сводить с ума хлопцев. Не устоял против ее чар и Виктор, но теперь Оксана была чужой, далекой, как та вечерняя звезда, что горела на западном склоне неба. Воспоминания о ней ничего, кроме горечи, не вызывали в его душе. Какой светлой и чистой в сравнении с Оксаной была Соня. Милая Соня! И как хотелось сейчас Виктору встретиться с нею.

Невдалеке послышались шаги. Мысли прервались... «Он там, с батьком!» — отчетливо донесся голос Вьюна. Виктор почувствовал, как встрепенулось сердце. Приподнявшись на локте, он обернулся и увидел два женских силуэта.

Подошли Соня и Аминет. У Виктора едва не вырвалось: «А я только что думал о тебе!» — но присутствие Аминет сдержало его. Лаврентий поднял голову.

— Кто це тут? — спросил он и, узнав девчат, обрадовался: — О, землячки! Чего ж вы стоите? Садитесь до нашего табору!

Девушки опустили на траву.

— Чем порадуете? — спросил Лаврентий.

Виктор взял Сонину руку, тихонько стиснул ее.

— Ничего радостного, — печально ответила Аминет. — Наоборот, недобрые вести из коммуны пришли с письмом.

— Как? Недобрые, говоришь? — забеспокоился Лаврентий. — Что ж там случилось?

— Бои близко идут, — сказала Соня. — Хвостиковцы вот-вот займут Краснодарскую.

— Да, дела... — угрюмо протянул Лаврентий. — От бандюг добра не жди.

— А еще что пишут? — спросил Виктор.

— Хлеб в коммуне уже обмолотили. К севу готовятся, — сообщила Аминет, поднимаясь.

— Куда так скоро? — уставился на нее Лаврентий.

— Некогда мне.

— Она у нас пулеметчицей хочет стать, — сказала Соня.

— Неужто пулеметчицей? — удивился Лаврентий. — Вот это да! Молодец, дивчина!

— Учусь пока, — застеснялась Аминет. — Может, ничего не получится.

— Получится! — заверил Лаврентий и, вызвавшись проводить девушку, ушел с нею по-над берегом.

Виктор горячо поцеловал Соню.

— Не надо, — прошептала она. — Батько увидит.

— А ты боишься его? — улыбнулся Виктор.

— Неловко. Еще подумает плохо обо мне.

— Да ты что? — сказал Виктор. — Он в тебе души не чает. И в моем сердце ты одна.

— А батько твой знает про нашу любовь?

— Думаю, что догадывается. Он не зря ушел. — Виктор привлек к себе Соню. — А я заходил к тебе перед боем.

— Мне говорили, — ответила девушка, глядя его волосы. — И вот видишь, сама пришла. Одной идти было немного боязно, так я Аминет упростила.

Виктор уловил в ее голосе грусть.

— Ты чем-то опечалена? — спросил он тихо.

Соня рассказала о встрече с Василием Бородулей и о том, как была ранена Люба.

— Отвезла я ее в лазарет, а сердце все время ноет. Выживет ли? — По ее щеке скатилась слеза. — Страшно. Вот так вдруг может оборваться жизнь, и все исчезнет: и любовь, и надежды, и солнце. — Она поежилась, потом обняла Виктора и прошептала: — Я не отдам тебя смерти... Никогда!.. Ни за что.

— А я и не собираюсь умирать, — улыбнулся Виктор. — Кто же тогда будет любить тебя?

— Ты!.. И только ты! — воскликнула Соня и, припав головой к его плечу, спросила: — А помнишь нашу первую встречу?

— В лесу? Около монастыря?

— Да, я тогда очень испугалась. Подумала, что ты бандит... песноголовец какой-нибудь.

Виктор рассмеялся.

Из соседней балки донесся радостный возглас. Его подхватили десятки голосов.

— Бежим, посмотрим, что там! — Вскочила Соня на ноги.

В балке уже толпилось множество бойцов.

— Вернулся! Тереха с того света прибыл! — кричали они.

— Аншамаха, друг!

— Да погодите! Дайте человеку опомниться.

— Качать его!

Когда Соня и Виктор подбежали к толпе, Аншамаха, уже взлетев в воздух, падал на руки боевых друзей и опять взлетал. Тут же Вьон держал в поводу ладного коня, на котором прискакал Аншамаха.

Прибежали Василий Иванович и Феодосия Тихоновна Черноус, крепко затрясли Аншамаху в объятиях.

— Жив, здоров? — громко хохотал Василий Иванович. — Эх, молодчага! Вырвался-таки!

Аншамаха указал на коня.

— Коли б не он, то мне... это самое... туго было бы. Быстрее ветра нес. Не зря Метеором его кличут. — Он ткнул пальцем в гриву. — Вот на дощечке написано.

— Хороший конек, ей-богу, хороший! — сказала Феодосия Тихоновна, хлопая скакуна по холке.

Сквозь толпу протискался Лаврентий, начал ощупывать Метеора.

— Кажись, не кубанских кровей, — заметил он.

— Английской, — ответил Аншамаха.

— Ишь ты! — воскликнул кто-то. — И конь, значит, интервент!

— Животина тут ни при чем, — возразил Аншамаха. — Дело не в коне.

— Верно, Терентий Артемович! — поддержал его Лаврентий.

* * *

Ночь тихая, лунная. Юнька Шмель возвращался из разведки. Подъехав к речушке, он напоил Вихря. Далеко слева светились огоньки в окнах хат небольшого хутора. Правее, вдоль железнодорожной насыпи, чернели кустарники. По расчетам Юньки, до передовой оставалось не более пяти-шести верст. Где-то далеко, у самого горизонта, изредка вспыхивали зарницы. Их слабый свет на мгновение вырывал из лунной ночи курганы, острые верхушки тополей и телеграфные столбы вдоль линии железной дороги.

Будто чуя близкий отдых, Вихрь то и дело переходил на рысь, и Юньке приходилось сдерживать его. Последний отрезок пути пролегал через самый опасный участок вражеского тыла — зону, непосредственно примыкавшую

к передовым позициям. Поэтому Юнька ехал шагом, проявляя особую осторожность.

Когда он приблизился к кустарникам, росшим у железнодорожной насыпи, впереди внезапно появилось два всадника с карабинами в руках.

— Стой! — крикнул один из них повелевающе.

Сердце Юньки оборвалось.

«Влип!» — подумал он, чувствуя, как по телу пробежал леденящий холодок. Придерживая Вихря, оглянулся. Позади из кустов выехало еще трое верховых. Слева открытое поле. Справа кусты, за ними насыпь. Впереди и позади враги. Стараясь выиграть время, Юнька крикнул в свою очередь:

— Дозор, что ли?

— Эге ж, дозор, — ответил голос.

— До Тимашевской далеко?

— А зачем тебе Тимашевка?

— С пакетом я, из Приморско-Ахтарской, — солгал Юнька, искоса поглядывая на кусты.

— Вестовой, значит?

— Вестовой.

Те двое, что были впереди, опустили карабины.

— Давай сюда, — приказал тот же голос. — Проверим твои бумажки.

Юнька снова оглянулся. Трое стояли на месте, видимо выжидая, чем закончится проверка. Их карабины висели за спинами.

— А закурить у вас, хлопцы, будет? — спросил Юнька, трогая Вихря каблуками сапог.

— Найдется, — ответил бас.

«А, была не была!» — подумал Юнька и, резко рванув повод вправо, пустил Вихря в намет. Тот вздыбился, рванулся в кусты, вылетел на насыпь.

— Стой! Ты куда? Стой! — закричали дозорные.

Но Вихрь уже был за полотном железной дороги и бешеным аллюром неся по стерне к кургану, который высился невдалеке. Юнька почти касался грудью шеи коня, твердил просяще:

— Быстрее, Вихорек, быстрее!

Мимо просвистели пули. Юнька рванул повод влево, чтобы не дать белогвардейцам вести прицельный огонь. Вихрь, точно понимая, что над ним нависла смертельная опасность, метнулся вбок.

Обогнув курган, Юнька резко свернул вправо, забирая подалее от Тимашевской, от линии фронта.

— Давай, давай, Вихорек! — подгонял его Юнька, завидев впереди, в широкой балке, сверкавшую полосу реки.

Промелькнул какой-то курень, за ним начался баштан, который тянулся до самых камышей.

И тут, у воды, перед Юнькой, как сказочные призраки, выросли конники. Едва не налетев на них, Вихрь стал как вкопанный, а Юнька, не удержавшись в седле, перелетел через голову коня, плюхнулся на влажную траву.

— Хлопцы, да це ж Шмель! — услышал он удивленный возглас.

«Свои!» — понял Юнька, вскочил на ноги и, обхватив шею Вихря руками, громко зарыдал:

— Спасибо, друг!..

* * *

В ту же ночь Юнька стоял в штабной палатке перед Вороновым и Демусом. Он вручил им копию оперативной карты, голубую тетрадь Вокэра и листок, на котором Марьяна записала то, что ей удалось подслушать из разговоров Улагая с генералами.

А на рассвете Юньку вызвал Левандовский. Пожав ему руку, командующий сказал:

— Ну что ж, объявляю вам, товарищ Шмель, благодарность за отличную разведку. Вы добыли нам исключительно важные сведения.— Левандовский указал на тетрадь Вокэра.— Здесь на английском языке основные данные десантных войск.

— Так то ж моя Марьяна постаралась! — сиял от счастья Шмель.

Выходя от командующего, он встретился с Аншамахой.

— Ну и отчаянный же ты, Тереша! — сказал Юнька с восторгом.

Аншамаха стиснул ему руку.

— Добре, Юня. Мы еще поговорим,— ответил он и направился к палатке.

Юнька так и уснул, не дождавшись его. А утром узнал, что Аншамаха выехал куда-то среди ночи по специальному заданию.

На высоком берегу Кубани чоновцы рыли окопы. Около двора Левицких, обступив Наумыча, стояла группа престарелых казаков. К ним на коне подлетел Ропот.

— А вы, дядько Никифор, чи и взаправду не думаете отступать? — спросил он с поспешностью.

Наумыч пожал плечами, переставил деревянную ногу и, дымя люлькой, ответил:

— Куды нам, домоседам, Логгин Прокофьевич. Да и кому мы нужны? Нас никто не тронет.

— Когда б за внука не присыкнулись бандиты,— трогая коня, предостерег его Ропот.— Лучше бы уехали на время... Вот.

— Мы за внуков не в ответе,— сказал дед Опанас.

— Все может статься,— бросил на скаку Ропот и помчался на выгон, где столпилось много народа.

Наумыч выбил испел из люльки о деревянную ногу, почесал затылок.

— Оно, конечно, положение сурьезное,— проговорил он рассудительно.— Может статься и так и этак...

Дед Опанас поглядел из-под руки на взволнованную толпу. Ропот что-то крикнул станичникам и погнал своего коня в центральную улицу, запруженную народом.

Галина бежала по дощатым тротуарам, торопилась домой. Она уже была у своего двора, когда ее догнал Норкин. Осадив коня, он сказал:

— Минут через десять-пятнадцать я буду у вас. Готовься к отъезду!

И поскакал дальше. Галина вошла во двор и на пороге хаты столкнулась с отцом и матерью.

— Что будем делать, батя? — спросила она, задыхаясь после непосильного бега.— Люди уходят, и нам надо собираться.

— А как Левицкие?

— Остаются.

— Ну, и нам нечего горячку пороть, то и проче.

В глазах Галины выразился ужас.

— А ежели Гришка явится? Тогда что?

— И пушай является,— буркнул Яков Трофимович.— Вон и Оксана ушла от Виктора. Теперь жизнь такая.— Помолчав немного, он пригрозил: — Ежели поганец хоть пальцем тронет тебя, я ему башку сверну.

— Ишь, какой вояка выискался! — бросила Денисов-

на.— Гришка такой, что сам тебе кишки выпустит. Власть-то на его стороне будет! А власть известно какая — бандитская.

— Нет, я не останусь,— категорически заявила Галина.— Сейчас за мной Вася приедет.

— Поезжай, поезжай, доченька! — сказала мать, заправляя седую прядь волос под черный подшолок.— А мы с отцом останемся. Не нам, старикам, по свету маяться.

К воротам подъехал Норкин, слез с коня. Сбив на затылок мерлушковую папаху и смахнув рукавом пот с загорелого лица, он одернул рубашку под армейским ремнем, поздоровался со стариками.

— Подвода уже готова, можно ехать,— сообщил он.

— Мы не поедem,— ответил Калита.

— Да вы что, в своем уме? — озаботился Норкин.— Хвостиков совсем близко. Перебьют же вас всех!

Старик молча теребил бородку. Денисовна всплакнула, отвернулась в сторону.

— И Галя остается? — спросил Норкин, тревожась.

— Она собирается,— глухо проговорил Калита.

— Ты ж присматривай за нею, Вася! — просила Денисовна сквозь слезы.

Из хаты выбежала Галина в накинутаой на плечи шали, с узелком в руке. Поцеловалась с отцом и матерью, заплакала.

— Иди к Елене Михайловне,— сказал ей Норкин.— С ней поедешь.

* * *

Прошла тревожная ночь. На рассвете Хвостиков предпринял яростную атаку на Краснодольскую. Матяш с тремя сотнями белоказаков под прикрытием пулеметного огня переправился вброд через Кубань в двух верстах западнее коммуны, захватил мост и ворвался в станицу. Здесь его встретили конники 12-й кавдивизии. Завязалась сабельная рубка.

Одновременно на западной окраине Краснодольской появились сотни Бородули и Молчуна. После короткой ожесточенной схватки в Гусиной плавне и под курганами Калры и Лезницы они прорвались в центр Краснодольской и атаковали чоновский отряд Корягина. Основные силы Крыжановского хлынули через мост, и в станице закипел кровопролитный бой.

Численное превосходство было на стороне хвостиковцев. Под их натиском, отбивая атаку за атакой и нанося врагу тяжелые удары, красные постепенно отходили к дороге на Кавказскую и в десятом часу оставили станцию заваленную телами убитых и раненых...

Как только Краснодарская перешла в руки Хвостикова, богатеи повыползли из укрытий, встречая победителей хлебом-солью.

На площади заиграл духовой оркестр. Перед воротами, ведущими на панерть, поспешно начали выстраиваться хвостиковцы. Это была нестро одетая полудикая ватага, состоявшая в основном из зажиточных казаков. Сюда же усиленный конвой пригнал десятка полтора белобандитов, трусливо бежавших с поля боя во время контратак красных.

В сопровождении кавалеристов на площадь прибыл в легковом автомобиле и Хвостиков. Машина остановилась. Из нее вышли два высоких, широкоплечих кабардинца — братья Баксанук и Дауд Крым-Шамхаловы — телохранители Хвостикова, которых в повстанческой армии называли просто «азиатами». Старший — Баксанук — был одет в темно-синюю, туго затянутую солдатским ремнем просторную хламиду, похожую на татарский азым. На голове — баранья шапка с длинной черной шерстью, на ногах — сафьяновые чарыклы¹, разрисованные узорами. На младшем — Дауде — такая же хламида, только бордового цвета. У того и другого — кинжал и шашка дамасской стали, украшены серебром и чернью. Похожи друг на друга как две капли воды. Брови сросшиеся, широкие, глаза с хищно поблескивающими зрачками. Лица горбоносые, бронзово-смуглые.

На белом коне к машине подъехал Крыжановский и, отдав честь, доложил Хвостикову о пойманных беглецах. Генерал побагровел, выскочил из автомобиля и обнажил шашку. Стиснув зубы, подпрыгивающей походкой двинулся вдоль шеренги провинившихся, заглядывая каждому в лицо.

— Так вы, значит, воюете? — бешено закричал он, перекосив рот. — Шкуры свои поганые решили спасти? Подлецы!.. Позор и смерть вам, негодяи!

Шашка сверкнула в его руке, и голова правофлангового слетела с плеч, покатила по земле, оставляя кро-

¹ Чарыклы (карач.) — чувяки.

вавый след... Из-за церковной ограды выехал обоз, груженный продовольствием и боеприпасами. Фуршики и белоказаки, сидевшие на подводах, глядели на расправу, как на нечто обыденное, привычное.

— Опять наш батько полосует саблей дезертиров,— заметил один из них.

Учинив расправу, Хвостиков вытер окровавленную шашку о тряпицу, поданную ему Даудом, сел со своими телохранителями в автомобиль, окинул взглядом притихшую площадь и громко закричал:

— Так будет со всеми, кто нарушит присягу, данную мне! — Выждав немного, он обернулся к Крыжановскому: — Докладывайте дальше, господин генерал!

Но Крыжановский вместо продолжения рапорта спешился, передал повод своему коноводу и тоже влез в автомобиль.

* * *

Головные повозки обоза миновали двор бывшего ревкома, остановились неподалеку от клуба. Аншамаха спрыгнул с мешков и сел на скамью у забора. Глаза его скользили по площади, зорко следили за всем, что происходило вокруг. Выдавал он себя за ветеринара, жителя из отдаленной предгорной станицы. Он не знал здесь никого, так же как и его не знали. Это ему, как разведчику, было на руку.

Неожиданно перед ним остановился всадник, крикнул приветственно:

— Здорово, земляк!

Услышав знакомый голос, Аншамаха быстро поднял голову и оцепенел: на коне сидел Перевертайло.

— Не узнаешь? — весело спросил тот.

— Шоб земляка да не признать,— с трудом улыбнулся Аншамаха.

— Я к тебе еще загляну,— сказал Перевертайло и, стегнув коня плетью, быстро затерялся среди конников.

Аншамаха проводил его озадаченным взглядом, чувствуя, как все тревожнее становится на душе. Перевертайло славно сражался против улагаевцев под Приморско-Ахтарской, был все время впереди своих бойцов, а теперь вдруг оказался у Хвостикова!

«Неужели он предатель? — думал с растущим беспокойством Аншамаха.— Как быть тогда?..»

Неподалеку от автомобиля, в котором совещались о

чем-то Хвостиков и Крыжановский, столпились деды-бородачи в разноцветных черкесках. У каждого на груди сияли кресты и медали. Тут же, опираясь на трость, стоял и Влас Пантелеймонович Бородуля, с любопытством поглядывая на генералов.

К собравшимся подъехал верхом на буланой кобылице Гусочка, только что вернувшийся из Приморско-Ахтарской. Он вскинул руку к папахе, поприветствовал стариков. Влас Пантелеймонович заметил, что у Гусочки из-под сильно сбитой на затылок шапки выглядывала большая плешь. Улыбнувшись, он с лукавинкой сказал:

— Ты погляди, Иван Герасимович, как тебя лысина одолела!

Гусочка отбросил полу черкески и достал из кармана портсигар слоновой кости с инкрустацией на крышке.

— Детинка с лысинкой дела не испортит,— закуривая, сказал он и тут же, подмигнув, присовокупил: — Это мне бог лица прибавил за справедливость.

Казаки громко захохотали.

— Ну и балагур же ты, Иван Герасимович! — прохрипел Влас Пантелеймонович, вытирая грязной, помятой утиркой слезу, постоянно катившуюся из левого глаза.

Гусочка метнул короткий взгляд на Хвостикова и Крыжановского, рассудительно молвил:

— Бог знает, кого отмечать. За здря не расщедрится.

— Э, да ты, как я вижу, навеселе уже, Герасимович,— прошамкал низенький косоротый старик.— Где это ты успел хлобыстнуть?

— Жиночка приготовила,— ответил Гусочка.— Бражки сварила. Так я и хильнул на радостях. Мне теперички почет и уважение. Кульером я у главнокомандующего...

— А где ты себе такую кобыленку достал? — поинтересовался Влас Пантелеймонович.

— У красных отбил,— соврал Гусочка.

— И как же ее кличут?

— Анархия.

В пропитанном табачным дымом и конским потом воздухе пронесся шум приглушенных голосов и тотчас утих. Гусочка устремил взгляд на генерала. Хвостиков поднялся в машине во весь рост и громко бросил в толпу:

— Господа казаки! Я не люблю произносить речей. Тут сейчас находятся и те, которые готовы служить в моей армии, помогать ей бить большевиков, и те, кото-

рых сюда пригнали силком. Предупреждаю последних: если вы не одумаетесь и не пойдете за мною, то я поступлю с вами так, как поступаю с врагами. Никакой пощады не ждите. Буду вешать, стрелять и рубить, как погань всякую! Понятно?

Над площадью стояла мертвая тишина.

Наумыч находился среди тех, кого, как выразился Хвостиков, пригнали на встречу «освободительной» армии силком. Они занимали добрую половину площади — старики и старухи, женщины и дети. Тут же у ограды стоял и Калита.

Наумыч закурил люльку:

— Слышишь, Яков, как грозитя генерал? Нашивай лубок...

Калита шмыгнул носом, шепнул:

— Тикать нужно, пока не поздно.

— А куда тикать? — пожал плечами Наумыч.

К Калите подошла Денисовна, пробормотала испуганно:

— Иди, Гришка приехал, гукает...

Протискавшись сквозь толпу, они направились домой.

Денисовна сморкалась в передник, вытирала слезы.

— Так... — невесело протянул Калита. — Стало быть, появился поганец. Лютует, или как?

— Лютует, — ответила Денисовна, плача. — Говорят, сегодня людей будут катувать в станице. Ежели он за нас не вступится, то нам несдобровать. Дюже сердит Гришка на Галю. «Коли поймаю, то горло ей перегрызу», — грозитя нечистый дух.

— Пужает, значит, — насупился Калита. — Ему б, хамлету, глотку вырвать.

— Да ты хоть потише говори! — предостерегающе сказала Денисовна. — Бачишь, песиголовцев сколько на улице?

С тяжелым чувством вошли они во двор. Под шелковицей стоял привязанный вороной конь, а на завалинке с забинтованной головой сидел Григорий Молчун. Увидев стариков, он поднялся и, не поздоровавшись, уставился на Якова Трофимовича.

— Где Галька? Куда вы упрятали ее? — спросил он хриплым голосом.

Калита гневно прищурился, скривил губы.

— Ты того... не дюже-то кидайся. Не держал я дочку на цепи. А где она — не знаю.

— Ах, так! — вскипел Григорий, отвязал коня и, вскочив в седло, процедил сквозь зубы: — Ничего, я еще побалакаю с вами!

Он ударил коня плетью, выехал на улицу.

— Злыдень ты! — бросил ему во след Калита.

— Что ж теперь будет с нами? — простонала Денисовна.

Григорий ехал по улице, задыхаясь от злости. Мимо проносились верховые, но он не видел никого и только изредка прикладывал руку к кубанке, отдавал офицерам честь.

На площади он остановился и начал разыскивать глаза отца. Братья Крым-Шамхаловы тащили какого-то толстого казака. Тот упирался, но вырваться из цепких рук не мог.

«Кто же это? — подумал Григорий, приглядываясь к казаку, и, узнав в нем Кушнаря — свата Ропота, мысленно усмехнулся: — Ну, с этого сдерут шкуру!» Крым-Шамхаловы подвели Кушнаря к Хвостикову.

— Что случилось? — спросил генерал.

— Это большевик, — доложил один из офицеров. — Против вас высказывался, ваше превосходительство. Люди сообщили, и мы его взяли.

Хвостиков ткнул плетью в лицо Кушнаря.

— Большевик, значит? Повесим! А пока — под замок.

Кушнарь подался грузным телом вперед и закричал на всю площадь:

— Вешать? Казака с георгиевскими крестами будешь вешать? Слышите ли вы, станичники? Вот как нашего брата мордуют!

Его оглушили ударом приклада. Крым-Шамхаловы скрутили ему руки, поволокли во двор бывшего ревкома. К машине подбежал Гусочка. Отдав честь, он срывающимся голосом выпалил:

— Это я, ваше превосходительство! Токо прилетел из Приморско-Ахтарской. Дозвольте отрапортовать?

— Есть что-нибудь от Улагая? — спросил Хвостиков.

— Так точно, господин генерал! — снова по-петушину выдохнул Гусочка, вскидывая руку к папаше, потом достал из-за пазухи пакет, протянул Хвостикову. — Велено вручить в ваши превосходительские руки.

Хвостиков вскрыл пакет. В ответном послании Улагай писал:

Приморско-Ахтарская, главнокомандующему «армией
возрождения России» генерал-майору А. И. Хвостикову

Уважаемый Алексей Иванович!

Вы очень раздражены. В чем причина? Я совершенно не понимаю Вас. Будьте же благоразумны и возьмите себя в руки. Убедительно прошу Вас прибыть ко мне для экстренных переговоров. С совершенным почтением.

Командующий Группой особого назначения
генерал-лейтенант Улагай.

Крыжановский, стоявший около машины, следил за лицом главнокомандующего, которое выражало недовольство и раздражение. Дочитав письмо, Хвостиков с минуту сидел молча, затем грубо бросил Гусочке:

— Чего вылупился? Пошел прочь!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — выкрикнул с перепугу гонец и заспешил к своей кобыленке.

Шофер завел мотор. К главнокомандующему подошел начальник штаба армии приземистый полковник Тупалов и, указав на Аншамаху, следовавшего позади, сказал:

— Ваше превосходительство, разрешите зачислить этого ветеринарного фельдшера в нашу ветеринарную часть. Доброволец, явился к нам из-за Кубани.

Хвостиков остановил на Аншамахе пристальный, изучающий взгляд.

— Коновал?

— Так точно, господин генерал-лейтенант! — ответил Аншамаха.

— Вы же знаете, что нам такие люди нужны позарез, — добавил Тупалов, обращаясь к главнокомандующему.

— Не возражаю, зачислите! — распорядился Хвостиков.

XXVIII

Оксана в темно-синей черкеске ехала не спеша по улице на своей неизменной Кокетке. Из-под белой курпейчатой кубанки на спину всадницы падали толстые каштановые косы. Английское седло под ней поскрипывало кожей. Левое зазубренное стремя слегка стучало о серебряный наконечник ножен шашки. Кованые копыта ритмично цокали по утрамбованной, укатанной до глянца

дороге. Встречные конники уважительно отдавали честь Оксане и ощупывали глазами ее статную обворожительную фигуру.

Завидев старика, ковылявшего вдоль плетня, она широко улыбнулась, догнала его и закричала звонким, взволнованным голосом:

— Дедунюшка, здравствуйте!

Влас Пантелеймонович остановился, поглядел на нее из-под ладони и просиял:

— А, Оксанка! Внушенька моя!

Оксана слезла с лошади, поцеловала деда и пошла рядом с ним. Влас Пантелеймонович вытер слезящийся глаз, спросил:

— С батьком была, чи с кем?

— Я у Андрюши Матяша в сотне, — ответила Оксана, потунив голову.

— Так, так... — задумчиво промолвил старик. — А як же Витька?

— Зачем он мне! — бросила Оксана. — Я с ним в разводе.

Они подошли к своему двору. Влас Пантелеймонович открыл калитку, взял повод у внучки и пропустил ее вперед, потом и сам с лошадей последовал за нею.

В палисаднике у крылечка Акилина Даниловна разжигала большой, начищенный до блеска самовар. Увидев дочь, она радостно всплеснула руками:

— Счастье ты мое!

Оксана кинулась ей на шею, они обнялись, прослезились. Влас Пантелеймонович отвел Кокетку в конюшню, насыпал в корыто овса. Мать и дочь, наплакавшись, вошли в дом. Не успела Оксана переодеться, как к ней примчалась Ава Белугина, схватила ее за руки и, хохоча от радости, начала осыпать поцелуями. Из боковой комнаты выглянула Акилина Даниловна, поздоровалась.

— Вот, видишь, — сказала Ава, глядя в синие глаза Оксаны, — ты беспокоилась о маме, а она жива и здоровенька! Не правда ли, тетя Киля?

— Да уж только и того, что жива, — ответила Акилина Даниловна. — Благо у хороших людей жила.

— А моя матушка померла, — грустно сообщила Ава. — От разрыва сердца. Не выдержала. Царство ей небесное.

В открытое окно ворвался отчаянный женский крик

Побледнев, Акилина Даниловна прижалась к гардеробу, спросила испуганно:

— Что это?

Ава сердито бросила через плечо в сторону доносившегося вопля:

— Это Маришка Дудакова, большевичка! — И, поправив рыжие волосы перед зеркалом, усмехнулась: — То ее наши солдатики щекочут.

Во двор верхом на коне въехал Игнат Власьевич. Оксана увидела его из окна, выбежала с Авой на крыльцо, крикнула, смеясь:

— Добро пожаловать, папочка! Я уже дома!

Игнат Власьевич слез с коня, перекрестился на все четыре стороны, чмокнул Оксану в щеку.

— Слава богу, дочко! Опять мы в родное гнездо вернулись. — Он перевел взгляд на поповну. — И ты, щебетуха, тут?

— Пришла Оксанку навестить, — ответила Ава.

Игнат Власьевич привязал коня рядом с Кокеткой и, выйдя с отцом из конюшни, сказал:

— А теперь все — в дом. Отметим свое возвращение.

* * *

Матяш открыл калитку, нерешительно шагнул, остановился, окинул взглядом подворье и помертвел в ужасе. Заброшенный, пустой двор его почти сплошь зарос бурьяном. У окон дома, там, где раньше мать сажала царскую бородку (неприхотливые розовенькие цветочки), теперь вровень с крышей возвышалась роскошная лебеда. Пустая конюшня, сарай, где не было уже ни одной двери, сиротливо и немо смотрели темными провалами на своего незадачливого хозяина.

Когда первое волнение немного улеглось, Матяш снял шапку, отряхнул с нее пыль, подошел к крыльцу, присел на ступеньку, облокотившись на колени, стиснул голову руками.

«Почему не дают людям нормально жить? Почему отбирают и топчут то, что я добыл собственным горбом? — Мысли захватили его сознание, громоздились одна на другую, а высказать их было некому. — Что же оно будет дальше? — думал он с горестью и возмущением. — Братство, равенство провозглашают!.. А какое такое может быть равенство, ежели я работаю, гну хребет от зари до зари, а вон Литовченки (это его соседи по

земельному наделу в степи) все лето спят в холодке. Теперь они «братья», пролетарии, в коммунию первые подались. Там им выгодно: все поровну получают! А я не желаю поровну,— почти выкрикнул Матяш.— Я хочу взять то, что добыл сам, вот этими мозолистыми!..— Вспомнил он и про ту коммуну, которая к тому времени успела уже развалиться, проскрежетал зубами: — Нет! Мне это ни к чему...»

Привязанный к частоколу конь настороженно прядал ушами, изредка пощипывал траву и шумно фыркал. Присутствие коня немножко приободрило Матяша. Он порывисто встал, сорвал замок с колец и вошел в дом. Его шаги гулко отдались в пустых комнатах. Он распахнул все окна. В доме загуляли освежающие струи сквозняков, и от свежего ветерка у него закружилась голова, потемнело в глазах. Страшно ему было одному оставаться в своем доме. Горько было сознавать, что ни одна родная душа никогда уже не встретит его на пороге этого дома. Выйдя на крыльцо, он устало прислонился к дверному косяку и глухо застонал... Из разных концов станицы доносились крики, одиночные выстрелы: это хвостиковцы истязали население. Как сквозь сон, Матяш услышал свое имя, оглянулся на знакомый голос и увидел Оксану. Она подошла к нему, положила руки на его плечи.

— Что с тобой, Андрюша? — спросила она тихо и ласково.

Матяш посмотрел на нее из-под нахмуренных бровей, тряхнул головой и, заскрежетав зубами, выдохнул:

— Добраться бы мне до Корягина!..

— Успокойся,— промолвила Оксана, глядя его по бледным щекам и заглядывая в глаза, полные злобы и слез.— Все уладится. Вот даст бог, победим... Все восполним.

— Так-то и победишь! — безнадежно махнул рукой Матяш.— Восполнишь. Это надо жизнь начинать снова, а такого не бывает... Кобыла с волком тягалась, один хвост да грива остались!

Оксана припала к нему на грудь.

— Ну, что ты так, Андрюша, пал духом? Неужели не веришь, что мы победим? Англия и Америка с нами. Они помогут.

— Жди у моря погоды! — ответил Матяш.— Без них было бы лучше. Не Кубань мы отстаиваем, а черту на

рога лезем. Россию задумали завоевать. Потому казаки и не идут за нами. Так и погибнем!

Оксана протестующе сказала:

— А я не хочу погибать. Я хочу жить, любить тебя, быть с тобой вместе долго, долго — до скончания!

Они вошли в дом. На улице против двора Бородули остановился автомобиль. Оксана заглянула в окно, проговорила:

— Кажись, генерал Хвостиков приехал.

— Черт его принес! — выругался Матяш.

* * *

Машина вкатила во двор. Из нее выскочил Дауд и услужливо распахнул задние дверцы. Хвостиков, а за ним и Крыжановский спустились на землю, и тут же на крыльце были встречены Бородулей, который, не отдавая им чести, так как был без головного убора, раскланялся в пояс и пригласил в дом, повел в комнату.

Баксанук также вылез из автомобиля и, выйдя на улицу, направился с братом по тротуару вдоль плетней и заборов. Вскоре они остановились у перекошенных ворот. Дауд толкнул их ногой и вместе с братом вошел во двор, остановился под шелковицей, росшей у сарая. Хозяйка выбирала огурцы на огороде. Увидев непрощенных гостей, она взяла ведро и робко зашагала между кустами картошки. Баксанук сел на чурбан, попросил у нее хлеба. Хозяйка вынесла ему лопоту, и он принялся есть огурцы, потом потребовал молока. Женщина достала крынку из погреба, подала азиату. Дауд тем временем нырнул в хату, где спал на маленькой кровати пятилетний ребенок, и начал шарить везде, но взять было нечего. Тогда он указал хозяйке на часы-ходики, висевшие на стене, и предупредил:

— Гляди, будет пять минут и твоя не даст пять золотых, моя будет резить твоя сына.

Мать упала перед ним на колени и в ужасе стала просить не губить ребенка, а Дауд отсчитывал:

— Уже четыре минута.

Бедняга побежала к соседу, и тот дал ей пять золотых. Женщина возвратилась домой, отдала деньги, и бандиты ушли.

Пострадавшая была в отчаянии. Она даже не заметила, куда девались грабители. Однако принарядившись,

пришла к Бородуле в то самое время, когда генералы собрались уже уезжать, и, застав их на крыльце, обратилась к Хвостикову:

— Так вот как твои солдаты воюют! Знаешь ты, что они ограбили вдову офицера, погибшего на германском фронте?

И подала ему бумагу. Хвостиков проверил документ, сказал:

— Хорошо, приходи сегодня на площадь и укажешь, кто тебя ограбил.

Из сада вышли Баксанук и Дауд. Вдова увидела их, ступевалась и закричала:

— Этого я не сделаю! Меня тогда убьют их товарищи.

Хвостиков нахмурился, пошарил в карманах черкески и, играя в честность и великодушие, вернул вдове пять золотых и тотчас уехал с Крыжановским и своими телохранителями.

XXIX

За станицей, на северной ее стороне, хвостиковцы рыли окопы, возводили укрепления.

Матяш, сопровождаемый двумя верховыми казаками, гнал в намет коня по околице. На берегу Кубани он увидел Гусочку, который ехал трусцой на своей Анархии.

— Ну как, Иван Герасимович, у тебя дома? — спросил Матяш, поравнявшись с ним.

Глаза Гусочки воровато заметались.

— Я дома еще не был, — соврал он. — Времени нету свободного. Дела всякие. — Сапоги его и ноги лошади были в свежей грязи. Заметив, что Матяш обратил на это внимание, Гусочка сказал: — Токо шо чуть было в Кубань не влетел. Коняка така норовиста, оступилась, чертяка. Зараз приеду, жонка баньку истопит, помоюсь! Ежли охота — приходи вечерком побаниться.

— А горилка будет?

— Прихватишь с собой, так будет.

— Ох и жила ж ты, Герасимович! — бросил Матяш и, увидев Федота Молчуна, поскакал догонять его.

Гусочка дернул повод, прикрикнул на Анархию и поехал вдоль берега. Только что он побывал за Ку-

банью и обшарил карманы всех убитых среди камышей. Кое-что ему перепало: три кисета с табаком, два серебряных и десять золотых рублей царской чеканки и массивный золотой крестик.

Матяш догнал Молчуна, спросил:

— Что с Гришкой? Говорят, ему очень плохо.

— Да, дела у него неважные,— забеспокоился Молчун.— Коли б совсем худо не было. Заехал бы ты к нему.

— Побываю! — пообещал Матяш.

На том и расстались. Молчун выехал на площадь, где в кругу своих солдат стоял командир Дикой сотни — Джентемиров, высокий, стройный абазинец. Оживленно жестикулируя руками, он что-то рассказывал двум английским офицерам, которые то и дело покатывались со смеху. Молчун остановился у правления, привязал коня к ограде и, взбежав на крыльцо, встретился с пьяным Минаковым. Тот протянул ему руку, проговорил развязно:

— А, господин сотник! Мое вам с кисточкой!

— Здравствуйте, господин подъесаул! — Молчун приложил руку к папахе.

— Вот что, друг любезный,— продолжал Минаков, едва ворочая языком.— Скажи своему Хвостикову, что если он будет со мной так разговаривать, то я... Понимаешь? Я человек строгий. Не люблю вилять туда-сюда. Программа моя ясна тебе?

Молчун кивнул:

— Да, господин подъесаул, ясна.

— Я анархист! — Минаков ударил себя кулаком в грудь.— У меня полная свобода. Свобода, так сказать, во всех отношениях! У меня хлопцы что хотят, то и делают. Вот за это они меня и уважают. Я подчиняюсь, понимаешь, только себе, и то не всегда! А он, ваш Хвостиков, хочет, чтобы я ему подчинялся. Нее-е-ет... Извини-подвинься! Я к таким порядкам не привык. У меня дисциплина своя! Я могу лишь на добровольных началах и без того, знаешь: жим-жим... Сейчас вот заберу свою Улю и укачу в горы — ищи-свищи ветра в поле!

К нему подошла Ульяна. Минаков обнял ее за талию и, сходя вниз со ступенек, воскликнул:

— Вот мой верный адъютант!

Их подхватили под руки два анархистствующих солдата, посадили на тачанку, стоявшую на улице в окружении кавалеристов. Ватага рванулась с места и во весь

опор с гиком и свистом понеслась по дороге в сторону моста...

В штабе находились Хвостиков, Крыжановский, Тупалов и Бородуля. Толковали о присоединении отряда Минакова к «армии возрождения». Молчун передал главнокомандующему разговор, только что состоявшийся с Минаковым. Генерал нервно смял недокуренную папиросу, проговорил со злостью:

— Ишь ты, герой какой нашелся!

* * *

Гусочка ехал домой, важно раскланивался со встречавшимися на улице богачами, а от всех прочих отворачивался или делал вид, что совсем не замечал их. Красные галифе его горели, как солнце на закате. Проезжая мимо двора Конотопа, он заметил у забора старуху, внимательно глядевшую на него из-под ладони, спросил:

— Что это вы, бабуня, не угадываете меня, чи шо?

— Да неуже это ты, Иван Герасимович? — поразилась старуха. — Ты як енерал справжний.

Гусочка, польщенный таким сравнением, подъехал к ней поближе, натянул поводья.

— Ну, здравствуйте, Селиверстовна.

— Куды ж узнать тебя! Как картинка писаная! И где ты штапцы такие раздобыл? Никак заграничные?

Гусочка с достоинством ответил:

— Турецкие, Селиверстовна. У одного большевицкого комиссара в бою снял.

— Ой, лышенько мое! — воскликнула Конотопиха. — Зачем же ты, Иван Герасимович, в красную шкуру влез? Моget, и ты теперечки большевиком станешь? Не доведи бог! Они вон моего сына зарештовали.

— Так и не выпустили? — полюбопытствовал Гусочка.

— Куды там! — вздохнула Конотопиха. — Его под семью замками держат.

— Ну, а Данилка уже дома?

Старуха перекрестилась.

— Слава богу, внучек пришел. Токо-токо коня расседлал и в хате сидит. Ну, а ты как же, голуб мой?

— Мне зараз и море по колено! — хвастался Гусочка. — Кульером я служу при главном командующем.

— Я тебя знаю,— протянула Конотопиха, улыбаясь.— Веселый ты человек.

Гусочка толкнул Анархию каблуками.

— Ну, прощайте, Селиверстовна! Дела у меня, дела.

— Прощевай, Герасимович, прощевай,— помахала рукою Конотопиха.

Гусочка остановился у своего двора, крикнул:

— Эй, жена, и где ты там запропастилась? Не видишь, што я приехал? Открывай ворота!

Василиса, стряпавшая у печки под навесом, бросилась на зоз мужа.

— Иду, Ваня, иду! — долетел из-за дома ее голос.

Она широко распахнула обе створки ворот, и Гусочка въехал во двор, слез с кобыленки, передал повод жене. Василиса ослабила подпруги под брюхом Анархии, отвела ее в конюшню и вернулась к печке. Гусочка счистил с сапог грязь, поднялся на крыльцо, внимательно осмотрел двор Калиты, перевел глаза на хату Белозеровой, сказал злорадно:

— Ригинально... Ничего, мы ще возьмем вас за шкирку.

Он вошел в дом, снял с себя папаху, шашку, кинжал, револьвер и черкеску, повесил в зале на рога косули, прибитые к стене. Василиса бросила на него короткий взгляд, прыснула со смеху.

— Ты чего спосмехаешься? — буркнул Гусочка.

— Да так...— промолвила Василиса.— Чудной ты в этих штанах. Аж очам больно — такие они яркие.

— То-то же,— расхаживая по залу, важничал Гусочка.— Не здря я кровь проливаю.— Он остановился возле сундука, решил проверить, на месте ли приобретенные им на фронте вещи, сказал:— А ну-ка, Васенька, отомкни-ка мои сокровища, я погляжу на них.

Василиса открыла сундук, начала вынимать из него меховые, ватные и демисезонные пальто, шубы, черкески, бешметы теплые и холодные разных цветов, брюки и еще много другой одежды. Гусочка рассматривал внимательно каждую вещь, примерял перед зеркалом.

— И где ты, Ваня, набрал все это? — спросила Василиса, опускаясь на диван.

— Э, Васенька,— серьезным тоном ответил Гусочка.— Кто на фронте не ленится, тому бог в обе руки

дает. Усопшему ничего не потребно, а живому все пригодится.

Василиса в страхе перекрестилась.

— Свят, свят! Неужто с мертвых одежда эта?

— Ну чего, дура, орешь? — шумнул на нее Гусочка.— Сказано, все от бога, и точка! Скоро и тебя принарядю як паву...— Он вдруг остановился в глубине зала, посмотрел на жену, добавил: — Вот токо погано, что голова у тебя, как бубен,— лысая, почти все волосья высыпались. Негоже так, Васенька. Ты ить жена кульера енерала Хвостикова.

— А я-то при чем? — обиделась Василиса.— У тебя тоже вся макушка пустая, блестит как зеркало!

— Я мужик, Васенька,— сказал Гусочка, разводя руками,— а ты баба. Ежели у человека темене голое, то такой человек ценится на вес золота, а женщина — совсем наоборот. Тебе нужно добыть парик и носить его.

Осмотрев одежду и спрятав ее в сундук, он достал из-под кровати железный сундучок, отомкнул его и высыпал на стол золотые и серебряные часы, браслеты, кольца, серьги, броши с дорогими камнями, вилки, ножи, подстаканники... В глазах его блестели алчные огоньки, на губах застыла хищная улыбка.

— Вот оно, богатство мое, Васенька! — сказал он с хрипотой в голосе, загребая сокровища костлявыми руками.— Тыщи тут, миллионы! — Он вынул из кармана два серебряных и десять золотых рублей, золотой крестик, положил на стол.

— А это откуда? — Василиса указала на распятие.

— Ето... Нашел я... На передовой в час боя... До-стань-ка мое чистое белье, да пойдём в баньку.

Василиса отыскала в комодe исподнее и шерстяные носки. Гусочка снял с себя бешмет, вместе с женой вышел из дома. На дворе совсем уже потемнело. Гусочка открыл дверь предбанника, зажег каганчик на подоконнике. Откуда ни возьмись, вбежал Дурноляп, радостно заскулил, припал к ногам хозяина и, поднявшись на задние лапы, лизнул его в самые губы.

— Цибе, Дурноляп! — закричала на него Василиса.

— Хай, ить животина заскучалась без меня,— сказал Гусочка и погладил пса по голове.

— Ладу не дам твоему Дурноляпу,— проворчала Василиса.— Дома окаянный не живет, все по чужим дворам шляется.

Гусочка погрозил пальцем своему любимцу.

— Э, Дурноляпик, ето никуда не годится! Ты сторож на своем дворе, обязан беречь хозяйство. Да и женушку мою, как ентот Покат... сторожил бы исправно, чтоб ее тут без меня не израсходовали большие охотники.

Василиса набрала в черпак из котла горячей воды, вылила в ванну.

— Про какого это ты Поката?

Гусочка не ответил, почесал затылок и, поморщившись, сказал:

— Ты, Васенька, при людях не кажи на Дурноляпа «цибе», а кажи «пошел вон».

— Как умею, так и кажу! — бросила Василиса.

Гусочка опустил ся на корточки, взял пса за уши, заглянул ему в глаза.

— Шляешься, значит? — сказал он нравоучительным тоном.— Нехорошо, нехорошо так. Хозяин на фронте кровь проливает, а ты без присмотру двор бросаешь. Бароху, мабуть, завел. Верно? Выходит, что верно, раз зенки прячешь. Вот посажу тебя знову на цепь, так ты у меня попрыгаешь. Ить люди — воры! От них все надо стеречь.

— А у тебя, Ваня, нет барохи, случаем? — перебила его Василиса, продолжая наливать воду в ванну.

Гусочка выпрямился с видом незаслуженно обиженного.

— Да ты что, Васенька? — спросил он, часто заморгав глазами.— Рази я позволю глупостями заниматься?

— Ой, Ваня! — недоверчиво взглянула на него Василиса.— Щипли гуся так, чтобы не кричал.

— Не веришь? — горячась, спросил Гусочка.— Так я ж можу перекреститься!

— Ты в нужник идешь и тебе ничего не стоит перекреститься,— махнула рукой Василиса.

Гусочка снял с себя одежду, повесил на колышек, вбитый в стену. Неважно выглядел он в костюме Адама: ноги тонкие, с широко раздвинутыми ступнями, шея длинная, худая, позвоночник выпирал по всей спине острыми костями, кожа дряблая, землисто-желтого цвета.

Пройдя в баню, он погрузился в теплую воду. Василиса плеснула кипятку на раскаленные камни, лежавшие на плите, и все помещение заволклось густым паром.

Василиса намылила мочалку и принялась скрести тощие бока мужа, приговаривая:

— А грязи сколько! И как ты только терпел?

— В боях не до этого было,— буркнул Гусочка.

Василиса помыла ему спину, вытерла банное подго-
ловок на лавке и пошла в дом готовить ужин. Гусочка
вылез из ванны, понежился в пару на полке, побил себя
вишневым венчиком по ляжкам, всполоснулся чистой
водою, насухо вытер полотенцем распаренное красное
тело, надел свежее белье и, облачась в бумазейный,
домашний костюм, вернулся в кухню. Стол уже был
приготовлен. Гусочка уставился на принарядившуюся
жену, одобрительно прищелкнул языком:

— О-ба! Это и я понимаю! Как ягодка стала!

Василиса налила в стопки водку. Гусочка чокнулся
с нею, воскликнул:

— Ну дай бог, чтобы не последняя!

Выпили. Гусочка уплетал борщ за обе щеки и так
сопел, что казалось под столом кто-то раздувал куз-
нечный мех. Тарелка его быстро опустошилась, и он стал
уминать второе блюдо — блины со сметаной. Но, к боль-
шому удивлению Василисы, ел с хлебом, и она, вытерев
полотенцем губы, толкнула его в плечо и сказала:

— Тю на тебя! Хлеба и так мало, а ты черт знает
что вздумал! Хлеб с хлебом ешь.

— Рази одних блинов наешься? — ответил Гусочка
скороговоркой.— А с хлебом трымнее¹.

— Но муки у нас на одну выпечку осталось,— пре-
дупредила Василиса.— Треба на днях смолоть хоть
один чувал.

Гусочка вышел из-за стола, с минуту бормотал мо-
литвы перед образами, потом лег на диван и выставил
поверх исподней рубашки тот самый золотой крестик,
который «раздобыл» в плавнях, и долго соображал: до-
молоть ли то зерно, что осталось в закроме, взять ли тай-
ком от жены из ямы или, может, пойти подзанять у кого-
нибудь немножко; пусть разнесется слух о том, что Гу-
сочки уже голодные сидят, побираются, после того как
ограбили их совдеповцы — забрали пшеничку по прод-
разверстке; лезли в голову и другие мысли... Кряхтя, он при-
поднялся с дивана, взял в сенцах большой грубый чувал
и, скручивая его в рулончик, тут же вернулся в кухню.

¹ Трымнее — питательнее, калорийнее.

— Пойду позычу у кого-нибудь пудика два-три,— нерешительно проговорил он, обращаясь к жене.

Василиса непонимающе посмотрела на него.

— Там же есть еще в амбаре,— сказала она, моя посуду.

— Негоже выгребать дотла, не по-хозяйски, Васенька,— вразумлял ее Гусочка.— Увидят люди, что молоть повез, чего доброго, ще наведаются за зерничком и эти, новые власти, а оно, Васенька, зерничко-то, не токо Врангелю и Атанте нужно, но також потребно и нам. Видала, какие обозы прут в горы, метут все подчистую. Пойду, хтось змилуется.

Василиса не стала больше перечить мужу, заметила только:

— Поздновато уже, может, завтра сходил бы.

— Как раз в пору: все дома, управились по хозяйству. Можно и посидеть трошки, покалякать, новостей прознать,— мягко сказал Гусочка и взялся за щеколду.

Но Василиса вдруг, забеспокоившись, проговорила:

— Неудобно ходить позычать зерно с таким здоровенным чувалом. Лучше вот этот, поменьше.

Она взяла с лавки пустой старенький чувальчик и кинула мужу. Гусочка бросил в угол скрученный ранее мешок, сунул под мышку тот, что предложила ему жена, и скрылся за дверью.

Натоптавшись за день в большом безалаберном хозяйстве, Василиса так устала, что уснула мертвецким сном, едва коснувшись головой подушки.

Гусочка долго стоял посреди двора, поглядывая в сад и почесывая затылок, затем направился в сарай, где у него на колышках, вколоченных в стену, висели различные инструменты. Чиркнув спичкой, он выбрал сверло среднего размера, завернул его в чувальчик и, тут же подобрав кочерыжку с обрушенного кукурузного кочана, положил в карман свободных полотняных штанов, в которые предусмотрительно переоделся, и решительно двинулся в сад, к плетню, отделявшему его двор от двора соседа Хмары. Подойдя к перелазу, Гусочка еще раз поскреб в затылке, перекрестился и осторожно, чтобы не всполошить псов, перебрался через плетень в сад к соседу, тихонько пошел между деревьями. Сад кончился, темнота немножко рассеялась. Гусочка очутился в пяти шагах от цели, остановился, перевел дух и полез под амбар. Все шло как нельзя лучше, но, ползая

в тесном подполье, он нечаянно зацепил ногою какую-то железку, и она зазвенела. В эту же минуту послышался дружный лай собак. Гусочка отлично знал подворье Хмары, собак не боялся, они на цепи: одна бегала от двери амбара до двери конюшни, другая — от конюшни до крыльца дома. Гусочка притаился. Собаки утихли. Немного успокоившись, он принялся за дело: начал в полу амбара исподнизу сверлить дыру... Чувствуя чье-то постороннее присутствие, собаки несколько раз принимались громко лаять, и Гусочка, затаясь, тихо лежал, переждал, пока собаки утихнут...

Наконец основная работа была закончена. Гусочка расправил чувальчик, подставил под отверстие, и зерно тоненькой струйкой посыпалось в него. Вор с наслаждением прислушивался к еле уловимому шелесту сыплющейся пшеницы. Довольный удачей, он думал: «Чем палить зерничко в яме, або ж Врангелю чи там Атанте отдавать, лучше я его в дело употреблю. Смелю мукички, Васенька напечет оладочков, наварит вареничков, наедимся и будем жить. Так я, выходит, больше богу угоду, чем етот Хмара». Наточив мешочек чуть не доверху, Гусочка завязал его потуже, по-хозяйски заткнул дырочку в полу кочерыжкой и хотел было уже выбираться из-под амбара, но собаки, услышав возню, подняли такой лай, что вору пришлось снова затаиться. В этот момент он ясно услышал скрип двери и четкие шаги по ступенькам крыльца, замер. Собаки замолчали, но шаги явно приближались к амбару. Гусочку затрясла лихорадка, в мыслях он проклинал и себя, и жизнь свою, и все на свете.

«Ежели я ще хоть раз что-нибудь украду, нехай мне бог руки и ноги повыкручивает, морду повернет в левый бок и так оставит на всю жизнь, нехай мне...» Мысль не сработала до конца, ибо шаги сначала затихли, затем опять послышались, но уже где-то далеко, около конюшни. Гусочка воспрянул духом и весь гнев мысленно обрушил на соседа: «Ач, черты носят середь ночи, не спится ему! Чего б я ото тут шлендал?!» Но сосед теперь шел прямо к амбару, Обойдя его вокруг, Хмара остановился против вора. Гусочка увидел рядом с собой ноги соседа и омертвел от страха, закрыл глаза и почувствовал, как от головы и по всему телу распространяется острый холод. Особенно стыли пятки, и Гусочке казалось, что больше он уже не встанет. Сосед постоял

немножко, взглядываясь в темноту сада, и пошел по направлению к дому. Скрипнула дверь. Все утихло. Гусочка постепенно начал оживать, пошевелил ногами — двигаются, сжал кулаки — и руки работают. Вылез из-под амбара. Собаки опять залаяли, но сосед не появлялся во дворе.

Трижды за ночь лазил Гусочка в подполье. Три мешка пшеницы перенес из чужого амбара.

* * *

Чуть свет Хмара с беспокойством вышел из дому, повел глазами по всему двору. Он знал, что собаки лаяли не зря, но нигде ничего обнаружить не мог: все как будто было на месте. И он решил еще раз обойти постройки, походить по саду: может, хвостиковцы груши бергамотовые рвали? Обходя амбар, он заметил вмятину в пыли. Она осталась от мешка, который вор тянул по земле из-под амбара. Присмотрелся — кое-где рассыпано зерно, тянется узкой ленточкой в сад, к перелазу. Рядом с этой стежкой обнаружили еще две стежки. Они часто перекрещивались между собой, расходились, потом опять сливались в одну. Три переплетающиеся ручейка из зерна привели Хмару к дому Гусочки. Во дворе не было никого. Старик окликнул соседа. На зов явилась Василиса. Хмара объяснил ей все по порядку. Василиса нырнула в дом, накинулась на мужа с бранью. Гусочка проснулся и высунулся на крыльцо. Часто моргая глазами, он обратился к соседу и с обидой спросил:

— А шо вы тут на меня набрехали, дядько Софрон? Якое такое зерно я у вас украл?

Хмара показал ему дорожку из пшеницы. Гусочка окаменел, но тут же взбодрился и выпалил:

— Да ето ж вы меня обворовали, дядько Софрон! Дорожки-то идут от моего амбара до вашего.

— Но дыра проверчена в полу только моего амбара! — сказал Хмара.

Дальше Гусочка отпираться не стал: он понял, что его предал чувальчик, где в одном из гузырей была небольшая распорешка. Тут он трижды чертыхнулся в уме, сваливая всю вину на Василису: она подсунула ему этот драный чувал. Махнув рукою, он пробормотал:

— Ладно, забирайте свое зерно, подавитесь им! Вы лучше спалите добро, чем людям...

Зная твердо, что зерна своего от Гусочки не получить, Хмара укоризненно покачал головой.

— Плохой ты сосед, Иван Герасимович! Вот если бы все соседи были такие, как Яков Калита, я бы гроши свои складал на этом месте! — Он положил ладонь на столбик в изгороди. — А ты хамлет!

XXX

В душевной спальне лежал Григорий Молчун. Под горящей лампадой на стуле сидела мать. Со слезами на глазах она следила за каждым движением сына, изредка вытирала мокрым полотенцем его вспухшее лицо. Григорий тяжело дышал, то и дело ворочался на взбитых пуховиках.

Из кухни в приоткрытую дверь заглянул Федот Давидович. Сняв шапку, он переступил порог, сказал сыну:

— Вот что, Гриша. Хоть ты и не хочешь лечиться у лекаря, а я его покликнул. Сейчас должен прийти.

Во дворе залаяли собаки. Меланья Аристарховна выбежала из дома и вернулась с фельдшером, пожилым мужчиной, одетым в штатское. Опустившись на стул у кровати, он с укоризной сказал Григорию:

— Что же это вы, любезный, отказываетесь от лечения? А ну-ка дайте вашу руку.

Григорий нехотя повиновался. Фельдшер, глядя на карманные часы, стал проверять пульс.

— Да-а... — многозначаше протянул он. — Нельзя так относиться к себе. Снимите-ка с него повязку.

Меланья Аристарховна разбинтовала голову сына.

— Что у него? — забеспокоился Федот Давидович.

Фельдшер ничего не ответил. Набрав в шприц какого-то раствора, он сделал укол больному и начал расчищать загноившуюся рану. От невыносимой боли Григорий стонал, скрежетал зубами и вдруг потерял сознание. Фельдшер привел его в чувство, сделал перевязку.

— Ну вот, пока все, — сказал он.

Во дворе Федот Данилович снова спросил:

— Дюже опасно это?

— Очень! — ответил фельдшер. — У вашего сына гнойное заражение.

— Неужто умрет?

Фельдшер пожал плечами.

— Все зависит от организма. Возможно, и выживет, но надежды мало. Заболевание тяжелое.

* * *

У церковной ограды пылали костры, бросая зловещие отблески на только что построенные виселицы.

В ярко освещенной канцелярии станичного правления сидели казаки-бородачи и офицеры. Разговор шел о боевых действиях на улагаевском фронте, об успехах хвостиковской армии, о союзниках.

Явился Гусочка, волоча кривую шашку по полу. Сел рядом с Бородулей, прислушался к беседе и хотел было вставить слово, как лично видевший Улагая, но тут вошел Хвостиков с братьями Крым-Шамхаловыми. Все встали, офицеры отдали честь. Генерал небрежно кивнул в знак ответного приветствия и, взглянув на Гусочку, сказал:

— Вот что, господин унтер. Нынешней ночью нужно очистить станицу от всех большевистских элементов.

— Рад стараться, ваше превосходительство! — вытянулся в струнку Гусочка.

— В помощь выделяю тебе «дикую» сотню Джентемирова, — добавил Хвостиков.

— Слушаюсь! — приложил Гусочка руку к папахе.

Хвостиков прошел в соседнюю комнату, где его ожидали Крыжановский и другие офицеры. Крым-Шамхаловы стали у двери, поглядывали исподлобья на казаков. Матяш время от времени смотрел на них с затаенной настороженностью.

Гусочка сделал несколько шагов назад и вперед, желая обратить на себя внимание присутствующих, особенно стариков: он-де теперь не просто Гусочка, а еще и каратель, которому предстоит расправиться с большевиками, оставшимися в станице. Потом он удалился из канцелярии, тряхнул головой на крыльце и погрозил кулаком:

— Ну теперички я возьмусь за вас! Ни одного красного не оставлю. Всех под ноготь!

Не успел он взнудать Анархию, как к нему подбежали Крым-Шамхаловы.

— Генерал моя и моя брата к твоя посылал, — сказал Дауд на ломаном русском языке.

— Это зачем же? — спросил Гусочка.

— Пособляй, пособляй буду! — объяснил Баксанук гортанным голосом.

— Это можно! — кивнул Гусочка. — Я зараз поеду к Джентемирову, а вы побудьте тут. Понятно?

— Ахы¹, ахы, господин унтер-офицера! — сказал Баксанук.

Из правления вышел Матяш. К нему обратился Дауд:

— Твоя в эта станица жила?

— В этой, а что?

— И родича тут?

— Нет никого.

Гусочка выехал со двора и скрылся в темноте. Баксанук толкнул Матяша в плечо:

— Твоя табак есть?

— Есть! — Матяш подал ему кiset.

Баксанук закурил.

— Ахы,— проговорил он, и на его широком лице мелькнула в потемках еле уловимая улыбка.— Теперь наша будет твоя кунак. Ходи на наш юй². Моя старый ата³ гость будешь.

— Не возражаю,— сказал Матяш.— Я немного слышал о вашем отце — князе на Безымянке. Говорят, он очень богатый человек.

— О, наша ата богатый бий⁴,— подхватил Баксанук.— Много, много земля, много инек⁵ и кой⁶, табуны ат⁷!

Матяш отвязал своего коня от брички, сел на него и, расставшись с Крым-Шамхаловыми, направился домой.

Во двор правления в сопровождении «дикой» сотни Джентемирова вернулся Гусочка. Баксанук и Дауд сели на лучших коней, содержащихся в конюшне при штабе, вместе с ним и его телохранителями поскакали в станицу. Завернули за угол и поехали по набережной в сторону моста через Кубань. Гусочка указал на второй двор от перекрестка:

— С етого начнем.

¹ Ахы — хорошо.

² Юй — дом.

³ Ата — отец.

⁴ Бий — князь.

⁵ Инек — корова.

⁶ Кой — овца.

⁷ Ат — лошадь.

Слезли с лошадей. Гусочка постучал кулаком в темное окошко, закричал:

— Отчиняй!

Из-за белой занавески глухо донеслось:

— Кто там?

— Отчиняй, кажу! — требовательно повторил Гусочка.

Скрипнула дверь, и на пороге появилась рослая женщина с распущенными волосами. Застегивая кофточку, она робко улыбнулась, промолвила:

— Что это вы, Иван Герасимович, спозаранку?.. Я не могла распознать вас по голосу. С чем бог принес?

Гусочка отстранил ее от двери и, проходя в просторную комнату, ворчливо сказал:

— Ты напредь в хату пригласи, потом спрашивай.

Казачка зажгла лампу. На кровати под ватным одеялом спали дети. Один мальчик приподнял голову, посмотрел на ночных пришельцев сонными глазами. Гусочка замахнулся на него плетью, и мальчик нырнул под одеяло.

— Что с ведьмой будем делать? — обратился Гусочка к своим подчиненным.— Тут пустим в расход или как?

— Дело ваше, господин унтер! — расхаживая по комнате, ответил Джентемиров.— Вы знаете, кто она такая.

— Она кума Ропота, ярого большевика, господин кольрет! — пояснил Гусочка.

— Плетка надо, уруга кереди¹, предложил Баксанук.— Баранчук у него много.

— Иван Герасимович,— заплакала казачка,— разве я виновата? Покумились мы давно. Покойный чоловік крестил у Ропота старшего сына, а потом и Ропот пошел к нам в кумовья... До революции дело было.

— Ладно, не реви,— сказал Гусочка.— Так и быть, поставь нам горилки, мы подзакусим и пойдем.

— С дорогой бы душой,— всхлипывала женщина,— но у меня ничего нет. Хоть поищите.

Гусочка открыл сундук, стал выкладывать из него одежду.

— Тогда я возьму у тебя ето барахлишко,— заявил он и бросил на сгиб левой руки старую мужнину поддевку и каракулевую кубанку.— Оно тебе уже непотребно, а мне знадобится.

¹ Уруга кереди — надо бить.

— Что ж, берите, если совесть ваша позволяет.

— Цыть! — гаркнул Гусочка. — Это за то, что кумоваться с большевиком.

Дауд громко захохотал:

— Ай, машала ¹! Ай, машала! У кого бьёрк ² плохая, у того лица нет!

— Черт с нею! — махнул рукой Гусочка. — Пошли.

Всю ночь он лютовал в станице. То из одного, то из другого двора вырывались отчаянные крики и плач.

А перед рассветом, когда на восточной половине станицы не осталось ни одного «большевика» — все были направлены в правление и там заперты в подвале и амбаре, — Гусочка решил зайти еще к свояченице покойного Гуни. Но тут, у ее двора, карателям навстречу попался седобородый казак.

— Так это ты, Иван Герасимович, всю ночь так злушчался над станичниками? — гневно спросил он.

— А твое какое дело? — огрызнулся Гусочка.

— Эх ты, хамлет! — брезгливо бросил старик.

Гусочка схватился за шашку.

— Да я тебя за етакые речи на куски порубаю!

— Попробуй, Мурзик! — Старик сжал кулаки. — Хочешь, чтоб я с тебя стащил твои красные штаны?

— Ну-ну, без етого! — попятился Гусочка, так и не посмев обнажить шашку.

— Тьфу на тебя, псс шелудивый! — плюнул старик и пошел по улице.

XXXI

Утром к правлению подъехала коляска с поднятым верхом. Мирон спрыгнул с облучка, помог Меснянкину выбраться из кузова, услужливо обмахнул с него пыль. Старик расправил белые усы и бороду, оперся на трость, отделанную серебром, и медленно стал подниматься на крыльцо. Краснодольские богатеи, стоявшие тут, почтительно сняли перед ним шапки.

— Якову Николаевичу наше почтение! — прохрипел кто-то из бородачей.

— С приездом! — подхватили другие.

¹ Машала — молодец.

² Бьёрк — шапка.

— Спасибо, господа казаки, спасибо, что не забыли! — поклонился им Меснянкин.

В канцелярии толкались вооруженные хвостиковцы. Меснянкин прошел в зал, где вдоль стен на скамьях сидело десятка три почетных стариков, среди которых находился и отец Валерьян с сияющим золотым крестом на груди. Увидев Меснянкина, он встал. За ним поднялись и все остальные, склонили перед возвратившимся из-за границы помещиком седые головы. Меснянкин узнал многих. Они поочередно подходили к нему, пожимали руку.

Он уселся в специально приготовленное ему кресло и, вытянув разрывшиеся от ревматизма ноги, спросил:

— Какие новости, господа?

Ему сообщили об упорных боях под Армавиром, куда срочно был направлен генерал Крыжановский с двумя кавалерийскими полками.

Пришел Гусочка. Скользя воробьями глазами по бородачам, сидевшим на скамьях, — нет ли среди них старика Хмары, у которого прошлой ночью «позычал» пшеничку, и, увидев, что его нет, пожал руку помещику и сел рядом с ним.

— Как ваше здоровьечко, Яков Николаевич?

— Так себе, — нехотя ответил Меснянкин.

— А это правда, что вы, Яков Николаевич, в Англии проживали?

— Было такое.

— И как она, Англия та? Ничего себе?

— Ничего.

— Сильная чи токо пыль пущает в глаза?

— Могучая держава, — ответил помещик.

— Што ж она так мало помогает нам?

Все замолкли, прислушались к разговору.

— Помогает она нам неплохо, — сказал Меснянкин, искоса поглядывая на докучливого собеседника. — А вот мы, надо прямо сказать, воюем еще неважно.

Гусочка поскреб затылок, стал рассматривать свои темно-синие штаны, в которые переделся дома после совершенного им погрома в станице, затем завистливо оглядел костюм на помещике, полюбопытствовал:

— А скажите, Яков Николаевич, вы этот костюм в Англии покупали? Суконце, видать, отменистое.

Меснянкин сделал вид, что не слушает его, отвернулся к окну. Но Гусочка не унимался.

— И ботинки на вас не иначе как английские,— сказал он деловито.

Помещик не выдержал, раздраженно дернул плечом:
— Будет вам! Черт знает что такое!

Гусочка обиженно скривил губы, вытер пот с лысины и только раскрыл рот — в зал вошел Хвостиков, а за ним — Бородуля, Молчун, Матяш и другие офицеры. Ответив на приветствия присутствующих, Хвостиков остановился у стола, за которым сидели Тупалов и два пи-саря.

— У вас все готово? — обратился он к начальнику штаба.

— Да, можно начинать! — ответил тот.

Хвостиков поднял руку с висевшей на ней плетью и, выждав немного, сказал:

— Господа казаки и офицеры! Сейчас «дикая» сотня Джентемирова приступит к своим карательным функциям. Вам, господа старики, предоставляется право судить всех негодяев, которые в той или иной мере связаны с красными. Никакого снисхождения к врагам! Мы должны уничтожить всех большевиков, всех до единого!

Он сел в кресло, бросил Бородуле, стоявшему у двери:

— Давайте, господин есаул!

Бородуля открыл дверь, и Крым-Шамхаловы ввели трех женщин. Среди них была и Евдокия Денисовна Калита. Гусочка указал на нее пальцем:

— Это настоящая большевичка, ваше превосходительство! Ее чоловик в ревкоме дневал и ночевал. А теперички бежал с красными.

— Где ваш муж? — спросил Хвостиков.

— Откуда ж я знаю? — заплакала Денисовна.

— Всыпать ей двадцать пять плетей! — приказал Хвостиков.

Братья Крым-Шамхаловы набросились на старуху. Молчун жестом руки остановил азиатов, взглянул на сваху и обратился к Хвостикову:

— Ваше превосходительство, Калита бесспорно большевик. Его надо изловить и покарать по заслугам. Но что касается этой женщины, то я прошу не применять к ней репрессии.

— А я не согласный! — возразил Гусочка.— У нее и дочки у красных.

Меснянкин поднял руку и, опираясь о подлокотник кресла, с трудом встал.

— Я считаю,— сказал он тихо,— что эту старуху нужно освободить. Мы должны карать действительных большевиков. А это пожилая женщина. Несправедливо подвергать таких людей наказанию.

Хвостиков гаркнул:

— Под плети!

Денисовна упала перед ним на колени и разразилась рыданиями:

— Миленький, голубчик! Пощади мою седую голову. Смилуйся!

— Под плети! — повторил Хвостиков.

Крым-Шамхаловы повалили старуху на пол, и плети их засветили в воздухе. Денисовна сначала голосила, просила пощады, затем впала в беспамятство, замолкла. Две ее товарки по несчастью прижались друг к другу, с ужасом смотрели на зверскую расправу... Старуху привели в чувство, поставили на ноги.

Хвостиков свирепо взглянул на нее.

— Ну! Где муж? Признавайся!

— Родненький,— плакала Денисовна,— он еще вчера вечером ушел, а куда — ничего не сказал.

— Вот что, бабка,— предупредил ее Хвостиков,— как только он явится домой — сейчас же доложишь нам. Поняла?

— Хорошо, хорошо,— пообещала Денисовна, вытирая слезы.

Гусочка подтолкнул ее к двери.

— А теперички иди и не оглядывайся!

Денисовна поклонилась и вышла из зала.

* * *

Заливаясь слезами и с трудом передвигая ноги, она брела домой по широкой безлюдной улице.

«Господи, заступник наш,— с отчаянием вырывалось из ее груди,— неужто не видишь ты, как мордует безвинных этот мизгирь остроголовый? Неужто не покараешь его, пристебайла недоколыханного?..» Добравшись до своего двора, она долго стояла под шелковицей в оцепенении, затем, собравшись с силами, переступила порог сенец. В великой хате упала на колени перед иконами и снова залилась слезами. Исхудавшее морщинистое лицо искажала острая физическая боль и душевная мука. Посиневшие губы шевелились, судорожно подергивались.

В щитке широкой печи послышался шорох, и тотчас

кирпич ушел в стену. В образовавшейся дыре показалась черная борода и горящие зрачки Калиты.

— Били? — спросил он тихо.

Денисовна встала, заохала.

— Еще как били, — ответила она всхлипывая. — Всю спину и ноги плетюганамы исполосовали. Вот, гляди.

Увидев кровавые следы плетей, Яков Тимофеевич почувствовал, как от щемящей боли сжалось сердце.

— Кто же это тебя так? — выдавил он с трудом.

— Гусочка и еще два каких-то азиата, — простионала Денисовна.

— Гады ползучие! — злобно проговорил Яков Трофимович и, помолчав, спросил: — Что ж ты про меня им сказала?

— Уж известно — все скрыла, — ответила Денисовна и, сев на скамейку, вздохнула: — Не глядела бы на белый свет! Настало время — хуже татарщины.

* * *

Джентемиров лихо гарцевал вблизи центральной виселицы на карем тонконогом кабардинце. У крыльца правления и у церковной ограды толпились казаки и казачки.

Началась расправа. Первой жертвой был назначен Кушнарь. Три дюжих хвостиковца поволокли его к виселице. Гусочка и Крым-Шамхаловы распорядились повешением. Кушнарь отчаянно сопротивлялся, упираясь сильными ногами в землю. Наконец его подтащили к виселице, набросили петлю на шею. Отец Валерьян поднял крест, поднес к губам смертника, сказал:

— Целуй распятие!

Но Кушнарь вдруг рванулся вперед, плюнул попу в лицо.

— Вот тебе, паскуда! Со своим крестом лезешь! — Потом обернулся к палачам, крикнул: — Отольются вам слезы людские! Всех не перевешаете, собаки!

Аншамаха изредка поглядывал на площадь, с большим трудом сохраняя внешнее спокойствие. Скрепя сердце, он возился во дворе правления с несколькими запаленными лошадьми, которые поступили к нему на лечение из разных частей армии... На крыльцо вывели деда Опанаса, осужденного хвостиковским судом на повешение за его частые высказывания против Врангеля и дру-

гих белых генералов. Над площадью пронесся крик деда:

— Други, спасите, други!

Руки у него связаны за спиной. Конвойные толкнули его в проход, образованный стариками и старухами, те начали колотить его палками, злобно приговаривая:

— Вот тебе, нечистый дух!

— Шоб не болтал языком!

— Вот тебе, бисив прислужник.

Бабка Конотопиха, у которой внук Данилка находился в банде и теперь гостил дома, тоже ударила смертником клюкой по голове, прохрипела:

— У, гноняка треклята!

Аншамаха, чтобы унять нервы, чуть ли не до крови прикусил губы. В эти минуты даже мысли о Перевертайло, которого ему так и не удавалось увидеть, отошли на задний план. Случайно обернувшись, он увидел Хвостикова и Тупалова, направлявшихся к конюшне.

— Как лошади, поправляются? — спросил генерал, обращаясь к нему.

— Стараюсь, ваше превосходительство, — ответил Аншамаха.

— Ну-ну, смотри, чтобы поправились, — сказал Хвостиков.

Рядом с корытом стояли маленькие вилы-тройчаки. Как хотелось Аншамахе схватить их и проткнуть острыми зубьями грудь палачу, чтобы отомстить за смерть Кушноря и деда Опанаса, за всех, кого ждала на площади жестокая расправа.

— Может, тебе еще помощников дать? — спросил у него Тупалов.

— Обойдусь и сам, — ответил Аншамаха.

— Ты, видно, старательный коновал, — благодарно улыбнулся Хвостиков. — Учти, за мной не пропадет.

— Рад стараться! — отчеканил Аншамаха, глядя в глаза генерала с той прямоотой, за которой самый проницательный человек не заметил бы ненависти.

* * *

Данила Конотоп влетел на коне во двор правления, отдал честь Хвостикову и, заикаясь от волнения, доложил:

— Ваше п... пре-восходительство! К... красные н... на бугре! На... на станицу и... идут!

— Откуда ты взял? — спросил Хвостиков.

— В дозоре я. С... сам видел! — ответил Конотоп, не чувствуя от страха, как пот заливает все его раскрасневшееся рябое лицо.

Хвостикову подвели коня. Вскочив в седло, он так стегнул скакуна, что тот мигом вылетел на площадь. Увидев генерала, палачи застыли около виселиц.

Хвостиков привстал на стремянах, взмахнул плетью, крикнул:

— На подступах к станице красные! Приготовиться к бою!

Знаменосец развернул алое полотнище с изображением волчьего хвоста.

— За мной! В контратаку, мааа-аа-аррш! —скомандовал Хвостиков и помчался на окраину станицы.

Жители начали разбегаться по домам. Отец Валерьян, подобрав полы рясы, бросился к дочери, стоявшей у церковной ограды.

— Ава, живо домой!

Пользуясь замешательством среди хвостиковцев, часть приговоренных к смерти сумела бежать из-под охраны.

В штабе царила паника. Тупалов подгонял дежурных и писарей, чтобы те скорее грузили имущество и ящики с документами на подводы.

— А ты чего стоишь? — заорал он на Аншамаха.— Выводи лошадей из конюшни!

Через несколько минут штаб уже был на колесах. Больных коней связали попарно и приготовили к угону за Кубань. Тупалов с нетерпением ждал дальнейших указаний Хвостикова.

Аншамаха снова увидел Перевертайло, который, прискакав во двор и резко осадив коня перед Тупаловым, спросил впопыхах:

— Что, красные наступают, господин полковник?

К начальнику одновременно подлетел корнет Джентемиров, вздыбил коня и, приложив два пальца к папахе, воскликнул:

— Господин полковник! Паника ложная. Никаких красных в поле не обнаружено. Его превосходительство, генерал Хвостиков, приказал штабу оставаться на месте.

Тупалов распорядился вернуть документы в кабинет правления и всем сотрудникам штаба занять свои места. Аншамаха загнал лошадей в конюшню. К нему подошел Перевертайло, достал из кармана кисет.

— Закурим, земляк?

Аншамаха пѣтливо взглянул на него, сказал:

— Вот уж не думал встретить тебя здесь. Давно к Хвостикову переметнулся?

— Дня за три до твоего появления,— ответил Перевертайло.

— Доброволец, значит?

— Как и ты,— улыбнулся Перевертайло и, наклонившись поближе, прошептал с опаской: — Не миновать нам виселицы, если кто-нибудь из них дознается.

— Ты о чем? — насторожился Аншамаха.

Перевертайло оглянулся, нет ли кого поблизости, и, совсем снизив голос, сказал:

— Ты меня, Терентий, не бойся. Мы здесь — по заданию Левандовского. Будем действовать вместе.

На крыльцо вышел Тупалов. Увидев его, Перевертайло простился с Аншамахой и повел поить своего коня к колодцу.

* * *

Хвостиков въехал на бугор, осмотрел в бинокль всю степь, но нигде ничего подозрительного не обнаружил. Вскипев от гнева, он потребовал к себе Конотопа.

— Ты что же это, сукин сын, голову мне морочишь? — спросил он, зловеще скривив губы.

Вокруг плотным кольцом стояли офицеры. Бородуля и Молчун переглянулись.

— В... ваше п... превосходительство,— побледнев от страха, пробормотал Конотоп.— Я... я ошибся... Простите! — И, указав на золотистые скирды соломы, дрожавшие на горизонте в душном мареве, он слезливо проскулил: — Мне показалось... б... будто к... конница красных то.

— Слезай с лошади! — закричал Хвостиков и обнажил шашку.

Конотоп спешил, упал на колени.

— Пощадите, в... ваше превосходительство!.. Помилуйте, пожалейте!.. Померещилось мне, ваше превосходительство!

— В другой раз не померещится! — сказал Хвостиков и, взмахнув шашкой, с силой опустил ее на голову Конотопа.

Расправившись с парнем, он приказал не убирать

труп в течение трех суток, повернул коня и поскакал в станицу. За ним последовала кавалерия.

К зарубленному Конотопу прибежали мать и бабушка, заголосили, запричитали над трупом.

— Это вы, маманя, накликали беду на Данилку,— захлебываясь слезами, сказала Конотопиха.— Били вы безвинных людей на площади перед повешением, вот и покарал нас бог.

— Ой, горе нам, горе! — стонала старуха, билась головой о сухую землю и рвала седые растрепанные волосы.

XXXII

Казни на площади продолжались до поздних сумерек. Ропот, стоявший среди пленных красноармейцев, никак не мог смириться с мыслью, что ему придется погибнуть на виселице от рук палачей.

«Нет, я не отдам свою жизнь так дешево,— думал он, приглядываясь к конвойным и выискивая глазами, у кого бы из них выхватить винтовку.— Хоть одного-двух уложу, и то умирать будет легче!» Он надеялся, что первые же выстрелы вызовут на площади и среди конвойных переполох. Пользуясь этим, можно будет скрыться в потемках.

Взгляд его остановился на пьяном казаке-конвойном, стоявшем у церковной ограды. Прислонив винтовку к груди, казак шарил обеими руками у себя в карманах. Ропот напрягся. Все его внимание было сосредоточено на винтовке. Он осторожно сделал небольшой шаг вперед. Остановился, чтобы окончательно обдумать каждое дальнейшее движение... И он, наверное, осуществил бы свое решение, если бы Джентемиров не объявил:

— На сегодня хватит! Остальных завтра утром повесим.

Пленных, доставленных к виселице, вернули в кладовую, заперли на замок. Справа находилась конюшня, слева — уборная, а прямо против входа в кладовую, пристроенную к южной стене здания станичного правления, шагах в десяти от нее, стоял деревянный забор, отделявший двор от фруктового сада. В два маленьких окна, обращенных к уборной, были вделаны толстые решетки. У двери взад и вперед выщипывал часовой. Ропот понял, что отсюда не удастся выбраться. Заключенных бы-

ло двенадцать человек. Они сидели на каменном полу, молчали.

«Это моя последняя ночь», — с тоской подумал Ропот, глядя в окно на звездное небо.

В первом часу ночи, вскоре после очередной смены часовых, снаружи донесся какой-то шум. Кто-то глухо замычал, затем спустя немного времени тихо заскрежетал дверной засов. Затаив дыхание, пленные обернулись к двери. Она медленно раскрылась, и на пороге появился человек.

Под стеной дома Ропот увидел еще одного мужчину. Тот, что стоял у двери, оглянулся. Незнакомец вошел в кладовую.

— Выходите по одному и быстро к забору, — сказал он. — Там есть лаз. В саду подождете меня.

Вскоре пленные были на берегу Кубани.

— Спускайтесь с кручи, — распорядился проводник. — Внизу две лодки.

Перед тем как сесть в них, Ропот заглянул в лицо незнакомцу, своему спасителю, и растроганно сказал:

— Спасибо тебе, товарищ!.. Вот. Ты хоть имя свое назови.

— Когда-нибудь узнаешь, — сказал незнакомец.

Ропот крепко пожал ему руку. Лодки отчалили от берега и, подхваченные течением, быстро скрылись в ночной темноте. Перевертайло постоял немного на круче. Убедившись, что беглецы не обнаружены, он вернулся во двор правления, где его ожидал Аншамаха. Вместе они втащили труп часового в кладовую, закрыли дверь на засов. Аншамаха отправился в конюшню к большим лошадям, а Перевертайло, чтобы не попасться на глаза часовым, ушел через сад.

* * *

На востоке разгоралась утренняя заря. Поглядывая на нее, краснодольцы с тревогой думали о том, что принесет им новый день.

Наумыч подгрел солому, надерганную курами из скирды, и, хромя, направился в хату. Мироновна только что подоила коров и теперь хлопотала у печки. На дворе залаяла Жучка. Мироновна вздрогнула и, выронив из рук ухват, пробормотала побледневшими губами:

— Ой, боже! Это за нами!

Дверь широко отворилась, и в кухню вошел Гусочка с белогвардейцами.

— Здорово, большевики! — язвительно бросил он. — Это почему ж гостей не встреваете?

Наумыч, сидя за столом, набивал люльку. Гусочка заложил руки за спину и шеголевато выставил ногу вперед.

— Ну, будете угощать чи там горилочкой, чи налибочкой медвяной? Це б то як и положено встревать дорогих гостей?

— Можно и угостить, — ответил Наумыч и, не сдержавшись, выдохнул злобно: — Ежели тебе своего харчу не хватает.

Мионовна прижалась к печке, в страхе молчала.

— Собирайся, — приказал Гусочка старику.

— Це не по-христиански, Иван Герасимович! — заголосила Мионовна. — И мой Лавруха где-то ж с вами.

— Был, а теперички нету, — ответил Гусочка. — Он не иначе до красных переметнулся.

— Ты в своем уме? — всплеснула руками Мионовна.

— А ну всыпать ей, чтоб не распускала тут свою диалогию! — крикнул Гусочка.

Наумыч затрясся всем телом, положил люльку на подоконник, схватил хват и, сбив Гусочку с ног, начал колотить его изо всех сил. Гусочка полез на карачках к двери, бормоча в страхе:

— Ослобони, господи!.. Ослобони!.. Крест и святая икона!..

Мионовна бегала вокруг свекра, со слезами упрашивала:

— Папаша, не надо, перестаньте! Ой, лышенько!

Гусочка никак не мог подняться на ноги.

— Что ж вы?.. — кричал он растерявшимся белогвардейцам. — Меня убивают... и никто никому ничего! Сей мент хватайте его, хлопцы, хватайте!

— Я тебя угощу, нечистый дух, и горилочкой, и налибочкой медвяной! Будешь до новых веников помнить, как тебя встревал казак-домосед!

Гусочка наконец вырвался из-под его ударов и, зажимая рукой разбитое ухо, выглянул из-за двери, закричал еще сильнее:

— Эк матери вашей черт! Так не он постраждает, а мы туточки сложим головы!

Наконец старику скрутили руки, вытащили из хаты, поволокли в правление. Гусочка с двумя белогвардейца-

ми набросились на Мироновну. Та в испуге уцепилась руками за акацию, росшую у сенец, обвила ее ногами и застыла от ужаса. Хвостиковцы не могли оторвать ее от дерева. Тогда Гусочка вскарабкался ей на плечи, стал бить коленом в шею. Руки Мироновны ослабли, и она посунулась по стволу акации. Белогвардейцы принялись сечь ее плетьюми.

— Бач яка, и не орет! — удивился Гусочка и, щелкнув затвором карабина, велел карателям отойти в сторону. Мироновна увидела дуло, направленное ей в грудь... В это страшное мгновение она невольно подумала: «А ну-ка, убьет меня с одного выстрела?»

Неожиданно во двор вбежал Федот Молчун. Подняв руку, он остановил Гусочку и громко спросил:

— Ты что делаешь, поганец?

— Хочу прикончить эту большевицкую ведьму, — ответил Гусочка.

— Не смей этого делать! — властно прикрикнул на него Молчун. — Какая она большевичка?

— Ригинально, — опустив карабин, протянул Гусочка озадаченно, потом, вспыхнув, спросил: — А где ее сын, вашкобродие? Где?

— Сейчас же убирайся отсюда!

Гусочка мельком взглянул на стиснутые кулаки Молчуна и понял, что надо сматывать удочки.

* * *

Хвостиков метал громы и молнии по поводу бегства пленных красноармейцев. Досталось дежурному по штабу, караульному офицеру, а больше всех разводящему.

— Немедленно заменить всю охрану штаба, — приказал Хвостиков Тупалову. — Сегодня у нас под носом убивают часовых, а завтра прикончат и меня с вами. Я подозреваю, что в нашей армии действуют вражеские лазутчики.

— А по-моему, это дело рук предателей, — сказал Тупалов.

— Хрен редьки не слаще, — бросил раздраженно Хвостиков. — Я должен быть окружен только надежными людьми, поэтому потрудитесь, господин полковник, произвестить тщательную чистку среди штабистов.

Адъютант доложил о прибытии полковника Набабова. Когда тот обрисовал положение на своем участке

фронта, находившемся в закубанском лесу, в трех верстах от коммуны, Хвостиков спросил:

— Обойдетесь своими силами?

— Вполне! — ответил Набабов.

— И когда же вы думаете занять коммуну?

— У меня все готово к наступлению, господин генерал-майор! Я жду вашего распоряжения.

— Учтите, полковник, коммунары будут сражаться с особым ожесточением, — предупредил Хвостиков.

— Знаю... — протянул Набабов.

Хвостиков склонился над картой, задумчиво покрывил усы.

— Пока немного повременим, — сказал он приказывающим тоном. — Надо прежде навести порядок в тылу, чтобы обезопасить себя от удара в спину. А коммуна никуда не денется: она у нас в железном кольце. Да и под Армавиrom не совсем еще выяснилось положение наших войск. Так что ждите моего особого распоряжения.

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

* * *

Джентемиров с несколькими верховыми белогвардейцами из своей «дикой» сотни пригнал к курганам Калры и Лезницы большую группу осужденных и заставил рыть общую могилу. Вместе с ними сюда приехал и Гусочка.

— А ну пошевеливайтесь шибче! — покрикивал на них унтер и, хихикнув, добавил: — Это ж вы готовите себе преисподнюю, вечный дом.

Джентемиров прохаживался у обрыва Гусиной плавни. Руки его с худыми длинными пальцами все время были в движении: левая то падала на эфес шашки, отделанный чернью, то вместе с правой хваталась за кривой кинжал, блестящий золотой насечкой. В черных, агатовых глазах поблескивали огоньки нетерпения. Матяш с белоказаками стоял на кургане Калры. В нескольких шагах от него два английских офицера горячо спорили о чем-то с американцем, особенно часто упоминая два слова: Майкоп и ойл. Матяш догадался, о чем шла речь, подумал обозленно: «Уже из-за майкопской нефти грызутся, сволочи!»

К курганам подъехали Хвостиков и Бородуля в сопровождении Крым-Шамхаловых. Джентемиров отдал рапорт генералу.

— Не бунтуют? — спросил тот, указывая на осужденных.

— Никак нет, ваше превосходительство! — ответил Джентемиров.

Хвостиков прошел к яме, заглянул в нее, распорядился:

— Достаточно! Поднять всех наверх.

К нему подбежал Гусочка.

— Мелковато будет, ваше превосходительство, — сказал он. — Зараз из станицы ще партию пригонят. С трудом в яме поместятся.

— Ну если так, то пусть продолжают копать! — согласился Хвостиков.

На окраине станицы показалась толпа краснодольцев, окруженная плотным кольцом конвойных. Она медленно приближалась к месту казни.

Хвостиков с офицерами поднялся на курган. Оглядев местность, он подозвал к себе Бородулю.

— Пора, господин есаул, решать вопрос насчет атамана, — сказал он распорядительным тоном. — Вы обещали подобрать достойную кандидатуру.

Гусочка, юливший поблизости, весь превратился в слух.

— Трудное это дело, ваше превосходительство, — сказал Бородуля. — Перебрал я многих, а подходящего пока не нашел.

— Странно! — пожал плечами Хвостиков. — Станица большая. Неужто и впрямь нет почтенных, уважаемых людей?

— От глубоких стариков мало толку, — заметил Бородуля. — Тут нужен разбитной, довольно крутой и строгий человек.

— Это вы, Игнат Власевич, погано шукали, — вмешался в разговор Гусочка. — Есть, есть старательные казаки и совсем, можно сказать, не старые.

— Уж не себя ли ты имеешь в виду? — подмигнул Бородуля.

— Я б с дорогой душой! — сказал Гусочка. — Это какой же казак отказался бы от такого почету?

Хвостиков смерил его фигуру с головы до ног пренебрежительным, медленным взглядом, подумал: «А почему бы и не выбрать этого унтера? Такой отца родного в петлю сунет, только бы выслужиться. В данный момент та-

кой и нужен!» Гусочка стоял навтыяжку, точно проглотив штык.

— А справишься? — обратился к нему Хвостиков.

— Так точно! Справлюсь, ваше превосходительство! — вскинул Гусочка руку к папахе и застыл в выжидательной позе.

Хвостиков обернулся к Бородуле:

— Рекомендую, господин есаул. Посмотрим, как у него дела пойдут. А опростоволосится — изберем другого! В общем, подумайте, есаул.

— Слушаюсь! — ответил Бородуля.

Гусочке показалось, что он сразу вырос в великана и что все окружающие его люди превратились в букашек. Вот когда снизошла на него благодать божия!

«Дай, господи, токо заполучить булаву! — подумал он мечтательно. — Тогда все узнают, на что горазд Гусочка!»

Между тем краснодольцы свернули с дороги к курганам. Впереди станичников, прихрамывая, шел на протезе Наумыч. Гусочка сбежал вниз, закричал взбешенным голосом:

— Жарку, жарку поддайте им, хлопцы! Бач, плетутся, как сонные мухи.

Белоказики, подталкивая людей прикладами и кулаками, начали размещать их у края ямы попеременно с теми, кто только что рыл могилу. Воздух наполнился криками, плачем, стонами, проклятиями. Матяш вытер холодный пот с побледневшего лица. Все происходившее вокруг виделось ему как сквозь густой туман.

Наумыч угрюмо глядел на палачей, затем остановил налитые кровью глаза на хорунжем.

— Ну, Андрей, — задыхаясь от гнева, надрывно выкрикнул он, — стреляй в меня первого!.. Стреляй, душегуб!

Матяш отвернулся, понутив голову.

— Слышишь! — снова закричал Наумыч и разорвал рубашку на груди. — Стреляй, собака!

— Начинайте! — махнул рукой Хвостиков.

Джентемиров подбежал к солдатам, выхватил шашку, поднял ее:

— Слушай мою команду. Приготовиться!

Солдаты защелкали затворами, прицелились.

— Пли! — скомандовал Джентемиров и со свистом опустил шашку.

Воздух вздрогнул от залпа.

Гусочка приехал домой навеселе. Василиса подозрительно поглядывала на него.

— С чего это ты такой веселый?

— Э, женушка! — подмигнул Гусочка, снимая с себя оружие и черкеску. — Ничего ты не знаешь.

— Ты знаешь до черта! — бросила Василиса.

Гусочка многозначительно поднял палец:

— Меня в атаманы станицы будут выбирать. Разумеешь, до чего я дослужился! Енерал Хвостиков похлопал меня по плечу, вот по етому погону, и говорит: «Дорогой Ваня! Я на тебя надеюсь как на каменную гору. Ты, говорит, с етим постом справишься». Так шо ты теperички атаманша!

Василиса громко рассмеялась:

— Какой из тебя атаман? Ну и брехливое же племя!

— Ей-богу, на етот раз кажу правду! — перекрестился Гусочка.

Во дворе залаял Дурноляп, и одновременно кто-то постучал в окно. Гусочка шагнул через порог и увидел Бородулю.

— Шо треба, Игнат Власьевич? — спросил он.

— Мне надо поговорить с тобой, Иван Герасимович, — сказал Бородуля.

Гусочка пригласил его в дом.

Бородуля повесил папаху на кабаный клык, прибитый к стене, мимоходом поправил перед зеркалом окладистую черную бороду и пышные усы, сел на диван, начал:

— Так ты и в самом деле согласен, Иван Герасимович, стать атаманом станицы?

Гусочка выпятил грудь, покосился на него:

— А почему ж и не согласиться, Игнат Власьевич? Тут сразу тебе почет и уважение — год праздников и ка-лабашка грошей! Власть-то будет в моих руках! Что хочу, то и ворочу!

Бородуля долго испытующе глядел ему в корявое лицо, поросшее жидкими рыжими волосами, потом сказал:

— Вот этого-то я и боюсь, Иван Герасимович. Власть поручать тебе очень опасно.

— Отчего? — всполошился Гусочка.

— Знаешь, — пояснил Бородуля, — самое страшное дело, ежели сидят у власти неполноценные люди, со скривленной мозгой.

Гусочка откинулся на спинку кресла, спросил:

— Це б то, как треба вас понимать, Игнат Власьевич?

— Ты ж будешь свой народ не сплачивать, а разоб-
щать, вызывать у него недовольство супротив нас,— ска-
зал Бородуля.— А нам нужно зараз сплочение.

— Я во всем разбираюсь, Игнат Власьевич,— заявил
Гусочка.— Ума для цёго не совсем богато надо.

— Но ты наперед подумай хорошенько,— предупре-
дил его Бородуля.— А то ты дошел даже до того, что
ночью ходил к своему соседу за пшеничкой, и тот изловил
тебя как вора.

— Пуцай тот Хмара не брешет! — недовольно бросил
Гусочка.— Ниточки-то из пшенички тянулись от моего
амбара до его. Так что не я у ёго пшеничку украл, а он
у меня.

— Кстати,— остановил его Бородуля.— Ты был в
Приморско-Ахтарской. Не видел ли там моего сына?

— Нет, Игнат Власьевич.— Гусочка отрицательно
покачал головой.— Вашего Васи уже нету на свете. Он
погиб в бою под Тимашевской.

Бородуля остолбенел от неожиданности.

— Что ж ты раньше не сказал мне об этом?

— Забыл, Игнат Власьевич,— ответил Гусочка.— Де-
ла всякие...

Бородуля надел шапку и вышел из дома.

* * *

Оксана нашла Матяша в штабе среди казаков. Ото-
звав в сторону, спросила:

— Ты сильно занят?

— Переливаем из пустого в порожнее,— ответил он.—
А что?

— Пойдем домой.

— Пойдем,— согласился Матяш и, отдав дежурному
кое-какие распоряжения, покинул правление.

Шли по улице, запруженной обозом. Молчали. Густая
тоска, как ржавчина, разъедала Матяшу душу. В его го-
лове упорно звучали слова Наумыча: «Стреляй, душе-
губ...» Принимая на себя долю вины за гибель старика,
Матяш испытывал мучительные угрызения совести. На-
до было заступиться за старого казака. Ему, как никогда
раньше, вдруг стало понятно, что все расправы, учиняе-
мые Хвостиковым над мирным населением, вызывают в

народе лишь одну ненависть, подрывают и без того шаткий авторитет как самого Хвостикова, так и всей армии. Злоба остро росла в душе Матяша против тирана. Оксана заметила по изменившемуся лицу и устало блуждающим глазам, что с ним делается что-то неладное, но промолчала.

Матяш медленно, валко поднялся на крыльцо. За ним Оксана. Вошли в дом. В зале стояли кровать с убранной постелью, стол, застланный белой скатертью, и два венских стула.

— Не мешало бы протопить немного, — сказал Матяш, уныло оглядывая голые стены. — Дух здесь какой-то не жилой, как в погребке.

Он хотел было сходить за дровами, но Оксана остановила его.

— Потом, Андрюша. Сейчас поснедаем.

Она быстро накрыла на стол. Матяш помыл руки, занял место против открытого окна. В доме стояла тягостная тишина. Где-то под полом шныряли и противно попискивали крысы.

— А что с дедушкой, Андрюша? — спросила Оксана, нареза я хлеб.

— Расстреляли, — с трудом вымолвил Матяш.

Нож вывалился из руки Оксаны.

— Не может быть! — выкрикнула она с отчаянием. — Почему же ты не заступился?

Матяш безнадежно махнул рукой:

— Разве ты не знаешь Хвостикова?

Оксана глухо заплакала. Матяшу не хватало воздуха. Выйдя на крыльцо, он скользнул взглядом по двору, заросшему бурьяном. Сердце его сжалось. Сзади подошла Оксана, обняла за шею, хотела что-то сказать, но тут из-за дома вышла вся в слезах Акилина Даниловна. Вытерев лицо фартуком, она с уснлием проговорила:

— Пойдемте к нам... Васи уже нет, погиб на фронте...

* * *

Гусочка с двумя белоказаками снова заявился к Калите. Увидев его во дворе, Денисовна зашептала в страхе:

— Господи, спаси и помилуй! Все упование мое на тя возлагаю!

Гусочка слез с Анархии, уселся с казаками в кухне. Денисовна припала плечом к косяку двери в великую хату, дрожала всем телом и еле сдерживала рыдания. Гу-

сочка широко расставил ноги, исподлобья взглянул на нее.

— Ну, гыдость! Где твой Яков? Мовет, весть какую подал?

— Ничего не слыхать от него,— ответила Денисовна, и по ее морщинистым щекам потекли слезы.

— Обратнo брешешь? — закричал Гусочка.— И кому? Мне, атаману? Да я тебя заново выпорю, гыдость большевицкая!

— Воля ваша, Иван Герасимович,— смиренно промолвила Денисовна.

Гусочка вскочил с табуретки и со всего маху ударил кулаком старуху в бок. Она охнула, упала на пол.

— Ось тебе, ось тебе, сяка-така большевичка! — пришел в раж Гусочка, нанося ей удары ногами.— Я тебе развяжу язык, гыдость!

Яков Трофимович, сидя в дымоходе, гневно сжимал кулаки, скрипел зубами. Денисовна с трудом вползла в великую хату, припала к доливке.

— Спаси, спаси нас, пресвятая богородица! — взывала она сквозь плач к иконе.

Гусочка еще раз пнул ее ногой в спину:

— Кажи, где Яков?

Калита неосторожно пошевелился, задел локтем кирпич, закрывавший дыру в печи, свалил его. От стука Гусочка вздрогнул, приблизился к дыре и увидел черную бороду и горящие, налитые гневом глаза Калиты. Ноги у Гусочки затряслись как в лихорадке, подломились в коленях. Денисовна, осознав весь ужас случившегося, закрыла глаза руками, онемела. Гусочка наконец указал пальцем на дыру, зашевелил губами, но по-прежнему был не в силах вымолвить ни единого слова. Белоказики заметили, что с унтер-офицером творится что-то неладное, недоуменно переглянулись между собой...

Калита понял, что ему теперь не уйти от палачей, вылез из печи. Казаки схватили его и повели в правление. Денисовна отчаянно заголосила. Гусочка, идя за соседом, сказал, заикаясь:

— Ты ду... думал, так и... спасешься? Те... теперички м... мы с тебя шкуру с... сдерем!

— Гнида ты вонючая! — бросил ему через плечо Калита.— Хамлет, то и проче.

В правлении уже собрались все выборщики. С шумом распахнулась дверь, и вошел Гусочка. Усевшись рядом со стариком Бородулей, он задержал взгляд на его крестах и медалях, поблескивавших на бордовой черкеске, спросил заискивающе:

— А вы, Влас Пантелеймонович, за кого будете голосовать?

Бородуля вытер слезу, крикнул и почесал за ухом.

— Как сказать, Иван Герасимович,— проговорил он, растягивая слова.— По мне, хоть и за тебя, а вот как другие.

— Вы токо за меня голос подайте,— клянчил Гусочка,— а я перед вами в долгу не останусь.

«Знаю я твою щедрость,— подумал старик.— Среди зимы снегу не выпросишь!»

Наконец явился Бородуля. Выждав, пока установилась тишина, он сообщил мнение Хвостикова относительно выборов атамана, дав понять выборщикам, что им придется отдать голоса за Гусочку.

Казак, выражая свое недовольство, загудели.

— Як же це так? — спросил с возмущением бородач.— Хиба Хвостиков моет приказывать нам?

— Воля генерала для нас закон,— ответил Бородуля.

Опираясь на кий, встал другой выборщик, с хрипотой сказал:

— Послушал я тебя, Игнат Власевич, и думаю: на что тогда нас было гукать? Хай Хвостиков сам и назначает атамана без нас. А то так: выборы затеваем, а правов у нас никаких нет. Моет быть, я хочу за Молчуна голос подать, а не за цёго пана Гусочку.— Он пренебрежительно указал в его сторону, спросил:— Так я кажу, станичники, чи нет?

— Так, так!— дружно пронеслось по залу.

— А ты лёгше, дядько Клим,— взбеленился Гусочка.— Який я тебе пан Гусочка? Я — унтер-офицер Игнатчук! Мой первостный злодеюка уже в подвале сидит, и я отплачу ему за такое оскорбление.

— Хай будет Игнатчук!— сказал старик.— Но мы тебя не хотим. Понял? И будем голосовать за другого.

— Ты без атаманства да чужие амбары проверяешь,— добавил второй старик.— А коли станешь атаманом, то нам тогда совсем жизни не будет. Вон Софрон Хмара из-за цёго даже на выборы не пришел.

— Эк матери ёго черт, тому Хмаре!— выругался Гусочка.— Набрехал про зернечко и теперички здря распускает поклеп на меня, будоражит станичников супротив моей кандидатуры. Изничтожить такого соседа мало!

Бородуля выслушал протесты и, неодобрительно покачав головой, особо подчеркнул, что идти наперекор воле Хвостикова очень рискованно. Старики подавленно молчали.

* * *

В полдень к парадному крыльцу подкатил легковой автомобиль, окруженный двумя десятками верховых офицеров конвойной сотни. Из него вышли Хвостиков, Меснянкин и адъютант главнокомандующего Кочкаров, предварительно открывший дверцы машины.

Проходя через зал, Хвостиков поздоровался с выборщиками. Те с почтением встали, ответили на генеральское приветствие поклонами.

— Зайдите ко мне, есаул, с Игнатчуком,— сказал Хвостиков Бородуле.

Гусочка высокомерно взглянул на выборщиков и, едва сдерживая в себе желание показать им кукиш, последовал за Бородулей в кабинет Хвостикова.

— Що ж воно робыться? — тяжело вздохнул дед Клим.— Невже бог бодливой корове рога даст?

— Не бывать этому! — запротестовал его сосед.— Слово за нами, выборщики.

Пока старики хорохорились, держались заносчиво, Хвостиков окончательно предрешил исход выборов.

— У вас все готово, господни есаул? — спросил он.

— Так точно, ваше превосходительство! — ответил Бородуля.

— Как выборщики настроены?

— Боюсь, как бы не подвели.

— Несерьезно,— протянул Хвостиков и обратился к Гусочке: — Это ж почему тебя не любят станичники, господни унтер?

— Ето все происходит от ядовитой скверны людской, зависти, ваше превосходительство,— сказал Гусочка.

— Смотри мне, Игнатчук! — Хвостиков погрозил ему плетью.— Если ты хоть раз ослушаешься меня, то я душу из тебя вытрясу. Атаман прежде всего должен быть моим помощником. Понятно?

— Так точно, понятно!

Хвостиков распорядился начать выборы.

Меснянкин сидел у баллотировочного ящика, следил за голосованием. Те выборщики, которые решили отдать свой голос за Гусочку, клали шары в правый, белый ящик, а те, кто был против, — в левый, черный.

Наконец голосование окончилось, произвели подсчет шаров. Оказалось, что большинство было против Гусочки. Меснянкин доложил об этом Хвостикову. Тот возмутился.

— А я плевать хотел на эти голоса! — заявил он и приказал объявить народу, что атаманом станицы избран унтер-офицер Игнатчук.

Исполняя волю генерала, Бородуля доложил станичникам о «результатах» голосования. Толпа протестующе зашумела.

На крыльцо вышли Хвостиков, Гусочка и Меснянкин.

— Слово предоставляется новоизбранному атаману станицы Краснодольской Игнатчуку Ивану Герасимовичу! — объявил Меснянкин.

Не чуя ног под собой, со спершимся от радости дыханием, Гусочка выступил вперед, снял шапку, поклонился.

— Господа казаки! Братцы! — заговорил он, переминаясь с ноги на ногу. — Спасибо вам, дорогие станичники, шо вы строго наказали своим выборщикам доручить мне этот почетный пост головы станицы. Вы не дали тут маху, краснодольцы. Я оправдаю ваши надежды так, как ще ни один атаман не оправдывал у нас раньше в станице!..

Зазвонили в колокола.

Гусочка спустился со ступенек, двинулся в церковь. За ним, придерживая на боку шашку, устремился Молчун, последовали Хвостиков, Меснянкин, Бородуля и целая свита штабных офицеров и телохранителей. По одной стороне аллеи, ведущей от церковных ворот к паперти, стоял почетный караул из казаков-пластунов. Молчун подал им команду:

— На кра-ул!

Гусочка важно промаршировал по длинной дорожке — половику домашней выделки, поднялся на паперть.

Матяш не принимал участия в этой церемонии. Особенно досадно ему было на Молчуна, который взял на себя в этом жалком фарсе роль главного церемониймейстера. Неприятно было слышать, как сотник, обращаясь к станичникам, сказал:

— Господа казаки! Я предлагаю оказать почтение нашему новому атаману!

Все сняли головные уборы, начали креститься и падать на колени. Влас Пантелеймонович Бородуля вынес из церкви булаву и горсть свежей земли на подносе, обильно посыпал ею лысину станичного атамана и, шепелявя, обратился к нему:

— Господин атаман! Краснодольский сход доручил мне сказать тебе нару слов.— Он вытер слезившийся глаз и, расправив бороду, продолжал: — Мы уверены, что ты, Иван Герасимович, будешь разумно и справедливо править нашей станицей...

Гусочка поднял булаву и громко выкрикнул:

— Господа станичники! Вы все знаете, шо это доверие дается не всякому, а токо заслуженным. Я не люблю, чтобы в станице творились всякие безобразия. У меня во всем будет строгий порядок: чин чина почитай. Большевики для меня — первейшие враги! И я с ними теперички поведу самую лютую борьбу. Хай знают, на что способен Гусочка!

По толпе прокатился смех. Гусочка опомнился и замахал булавой:

— Ни-ни-ни, господа казаки, офицеры и енералы! Я не Гусочка, а Игнатчук! Это супостат Калита так обстремил мое доброе имя.

Смех нарастал по всей площади. Хвостиков насупил брови, поднял плеть:

— Молчать!

Смех оборвался. Наступила гробовая тишина.

Из церкви вынесли хоругви, иконы божьей матери, спасителя, Георгия Победоносца, медный сосуд, наполненный водой, зажгли на нем три свечи. Затрезвонили в колокола.

На паперть вышел отец Валерьян в новой ризе из голубой парчи с золотом, с крестом и евангелием в руках, а за ним появился и дьякон, мотая перед собой кадиллом. Певчие разместились у стены.

После молебствия поп обратился к Гусочке и сказал:

— Брат мой! Иван Герасимович, ты как новоизбранный атаман нашей станицы ни на минуту не должен забывать о святом кресте Христове и вместе с нами, божьей церковью, готовить супротив супостатов крестный ход...

Гусочка чмокнул распятие. Отец Валерьян, окропив

его святой водой, трижды осенил крестом, и на этом церемония закончилась.

XXXIV

Гусочка вызвал двух казаков к себе в кабинет и приказывающим тоном распорядился:

— Вот шо, хлопцы. Берите в каталажке Калиту — моего первостного врага и у Комирней вылазки — в расход!

Казаки стояли в нерешительности.

— Ну! Вам шо сказано?

Казаки вышли из правления, вывели Калиту из подвала, усадили на подводу и, заняв места по бокам, поехали по набережной вдоль Кубани. Лошади бежали лениво, нехотя. Конвойный, держа винтовку перед собой на коленях, изредка косился на Калиту.

— Что ж ты молчишь, старый хрыч? — спросил он наконец. — Или, может быть, не знаешь, куда мы везем тебя?

— Знаю, — глухо буркнул Калита.

— Чего ж не просишься, чтобы мы ослобонили тебя на все четыре стороны? — прибавил казак, сидевший с левой стороны.

— Я не звык в ногах ползать, — с деланным хладнокровием ответил Калита. — Смерть так смерть. Все едино собачья жизнь, то и проче.

— Бач, який храбрый! — усмехнулся первый конвойный. — Житуха, хай даже собачья, лучше царской смерти.

— А хочешь, я тебе байку расскажу про собаку? — спросил Калита.

— Давай бреши!

— Ну так слушайте, — сказал Калита и начал неторопливо: — Перво-наперво бог сотворил собаку и положил ей двадцать годов жизни. Собака спросила у него: «Шо ж ты доручаешь делать мне в жизни?» Бог говорит: «Будешь человека стеречь и бегать у него на посылках». Собака возопила: «О боже! На что такая длинная жизнь при такой тяжкой работе?!» Бог сократил ей век наполовину. Потом он сотворил лошадь и положил ей сорок годов жизни. Як почувла коняка, шо ей доручается делать в жизни, то замотала головой и каже: «Нет, не хочу так долго жить!» Бог уважил и ее просьбу... Потом он сотворил человека.

Калита умолк. Было уже совсем темно. Дорога шла среди густых кустарников. Станица осталась далеко позади. В тишине мерно постукивали конские копыта и жалобно скрипели колеса.

Конвойный, управлявший лошадьми, спросил нетерпеливо:

— А шо ж дальше?

Калита уселся поудобнее на продольной доске и, чувствуя близость своих карателей, продолжал рассказ:

— И положил, значит, бог человеку сорок годов жизни. Человек взмолился перед богом, упал на колени и попросил добавить ему веку. «Добре,— говорит бог,— есть у меня в запасе двадцать годов лошадиных и десять — собачьих. Бери их себе!» С той поры и живет человек сорок лет человеческой жизнью, двадцать — лошадиной и десять — собачьей.

Конвойные громко рассмеялись. Тот, что сидел справа от Калиты, хлопнул его по плечу

— Здорово сбрежал! Значит, ты теперь собачий срок доживаешь? Ну, мы тебе зараз укоротим его.

— Укоротить не диво, як шо собака не кусается,— сказал Калита и, неожиданно расправив плечи, так саданул наотмашь конвойных, что тех словно ветром сдуло. Пока они опамятовались и отыскиали в темноте свои винтовки, Калита скрылся в кустарниках.

* * *

На церковной площади готовился банкет в честь взятия станицы Краснодольской хвостиковцами. Тут же была выстроена просторная палатка для Хвостикова и его приближенных. Стол, накрытый в ней, ломился от яств и бутылок. Солдаты и офицеры сооружали себе столы из досок и камней на открытом воздухе, устраивались кто как мог. Повсюду на площади горели факелы. Все уже были в сборе. Дирижер духового оркестра не спускал глаз с парадного крыльца правления.

И вот в широко распахнутых дверях показались Хвостиков со своей свитой, Гусочка и иностранцы. Оркестр грянул торжественный марш... Хвостиков, изрядно выпивший до банкета, пошатывался.

— Господа краснодольцы, солдаты и офицеры «армии возрождения России»! — пьяно закричал он, стоя на крыльце. — Мы собрались здесь, чтобы отметить восста-

новление законной власти в станице Краснодольской. Отныне с Советами тут покончено навсегда! Народом по-прежнему будет править атаман, избранный вами и помазанный на власть святой православной церковью.

Над площадью прокатилось троекратное «ура».

Гусочка стоял навытяжку, гордо окидывал взглядом орущих солдат, офицеров и краснодольских богачей.

И вдруг у самого уха атамана прозвучало три выстрела. Это Хвостиков, возвещая начало банкета, пальнул из браунинга в воздух и закричал:

— Гуляй, братцы!

Одновременно грохнули холостыми зарядами четыре пушки, установленные по углам площади. Гусочка присел с перепугу, съежился, потом глупо заулыбался и тоже выкрикнул:

— Гай шумит, хлопцы!

Хвостиков со своей свитой обосновался в палатке, которая сразу наполнилась шумом, галдежом, звоном стаканов.

Отец Валерьян пил меньше других и, налегая на закуску, с опаской поглядывал на пьяных.

— А вы чего, отче, отстаете? — спросил его Бородуля.

— Питие зело крепкое. Как бы все наше воинство не подверглось дьявольскому наваждению, — ответил отец Валерьян.

— Чепуха! — отмахнулся Бородуля.

Хвостиков, развалившись в кресле, повел осоловелыми глазами по собутыльникам, запел:

— Ты скажи, моя милая,
С каких пор любишь меня?
— Я с тех пор тебя люблю,
Как гуляли во саду,
Я по садику ходила,
По зеленом гуляла,
По зеленом гуляла —
Два яблочка сорвала.

Генерал взял папиросу в зубы, толкнул Гусочку в плечо:

— Эй, ты! Как тебя? Огня!

Гусочка пошарил во внутреннем кармане черкески, выхватил зажигалку и, пошатываясь от опьянения, услужливо поднес огонек генералу. Хвостиков никак не мог попасть папиросой в горящий фитиль, бешено закричал:

— Что у тебя рука дрожит, собака? Кур крал, что ли?

— Никак нет, ваше превосходительство! — залепетал Гусочка.— Я сей мент припаляю!

Он в страхе вытянул руку, наклонился вперед и, остывшись, ткнул зажигалку под самый нос генерала. Затрещали подпаленные усы. Хвостиков как ужаленный вскочил на ноги и, развернувшись, со всего плеча ахнул Гусочку в ухо так, что тот очутился под столом.

— Я тебе покажу, где раки зимуют! — разъярился генерал, выхватывая браунинг.— Где ты, голомозый?

Но Гусочки уже не было в палатке. Не помня как, он выскочил из нее и метнулся за церковную ограду, крестясь и повторяя на бегу:

— Господи сусе! Господи сусе!

Бородуля подал Хвостикову коробку спичек. Тот закурил и успокоился. Отец Валерьян, напуганный гневной вспышкой генерала, облегченно вздохнул, перекрестился:

— Избави нас, господи, от всяких зол!

Пили и в штабе... Аншамаха внимательно наблюдал за всей этой дикой, разнузданной оргией. И дежурный по штабу, и часовые уже были навеселе. Время от времени к Аншамахе в конюшню наведывался Перевертайло, спрашивал:

— Как твои дела?

— Все в порядке! — отвечал Аншамаха.— Если... это самое... пойдет так и дальше, то мы выиграем.

Перевертайло снова отправился на площадь и, изображая из себя сильно подвыпившего, бродил между столами, пошатывался. Его больше всего интересовал Тупалов, и он следил за каждым шагом полковника. Тот почти не пил, но тщетно пытался уговорить штабистов воздерживаться от чрезмерного употребления спиртного. Его никто не слушал.

Вслед за Тупаловым, которого вызвал к себе Хвостиков, Перевертайло подошел к палатке, прислушался.

— Вот что, полковник,— сказал Хвостиков, выходя с Тупаловым из палатки,— я сейчас уезжаю в монастырь. Гулянку прекратишь в час или, в крайнем случае, в два часа ночи.

— Уже и так все пьяные, ваше превосходительство,— сказал Тупалов.

— Ничего, пусть повеселятся хлопцы! — махнул плечью Хвостиков.— Я и сам на сильном взводе. А ты?

— Я ничего, трезв, господин генерал.

— Молодец! — похвалил Хвостиков.— Итак, дого-

ворились. В два часа — шабаш! А завтра с утра штаб переведешь в монастырь. Там безопасней.

Банкет закончился во втором часу ночи. Те, что еще держались на ногах, разбрелись по своим квартирам. Многие лежали на земле между столами. Одни бормотали что-то бессвязное, другие спали мертвецким сном и храпели на все лады.

Когда в станице установилась тишина, Аншамаха вывел из правленческой конюшни трех самых лучших лошадей: две запряг в бедарку, одну оседлал. Тем временем Перевертайло снял часового, стоявшего у двери в штаб, и проник в комнату, где помещался Тупалов. Тот еще не спал. Увидев Перевертайло, он оторопело приподнялся на локте и замер в постели.

— Я к вам с донесением, господин полковник, — тихо сказал Перевертайло, оглядываясь по сторонам.

— Давай! — ответил Тупалов.

Перевертайло подошел к кровати и, окинув взглядом окна, приложил палец к губам:

— Тс-с-с!

Тупалов сунул руку под подушку, но Перевертайло в мгновение ока оглушил его могучим кулаком.

В комнату вбежал Аншамаха. Вдвоем они связали руки начальнику штаба, заткнули рот тряпкой и завязали глаза башлыком.

Перевертайло поднял металлический ящик с секретными документами, вынес его во двор и установил на бедарку. Рядом с ящиком Аншамаха уложил Тупалова.

Ворота еще с вечера были широко раскрыты. Аншамаха вскочил на лошадь, Перевертайло сел в бедарку. Выехав на улицу, они помчались на северную окраину станицы. Заметив, что пристяжная и коренная идут в упряжке недружно, Аншамаха, ехавший позади бедарки, вырвался вперед. И кони теперь понеслись как стрелы.

Часовой, охранявший штаб со стороны улицы, во хмелю не сразу понял, что произошло, а когда раскумекал и стал палить в воздух, то было уже поздно.

Аншамаха припустил лошадь на полный ход, направляя ее на проселочную дорогу, что пролежала мимо общественного леса. Бедарка не отставала. А позади, в полтора верстах, с гиканьем и свистом широким фронтом неслась уже хвостиковская кавалерия...

Брезжил рассвет. С бугра Аншамаха и Перевертайло увидели, как вражеская конница, рассыпавшись по крас-

нодольскому полю, пыталась взять их в кольцо. До леса, где держали оборону красноармейские части, оставалось около пяти верст. Лежавший в бедарке Тупалов очень мешал Перевертайло управлять лошадьми. Разведчики хотели уже покончить с ним, но в это время впереди показалась красная конница, скакавшая им навстречу. Одновременно открыла огонь и красноармейская батарея, заметившая вражескую погоню за бедаркой и всадником. Снаряды перелетали через беглецов и рвались далеко позади них, сметая хвостиковцев. Те поняли, что дальнейшее преследование бесполезно, и, повернув коней, ускакали в станицу.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I

Соловьев осторожно приоткрыл дверь кабинета секретаря областкома РКП(б). Черный, не присаживаясь, беседовал с каким-то высоким, стройным человеком, стоявшим спиной к выходу.

— Я не помешаю? — спросил комиссар, задерживаясь у порога.

— Наоборот, вы нам нужны, Геннадий Иннокентьевич, — ответил Черный.

Его собеседник обернулся, и Соловьев узнал в нем Орджоникидзе. Это был слегка горбоносый, смуглолицый кавказец с густой смолисто-черной пышной шевелюрой, небольшими усами и темными выразительными глазами. Улыбнувшись, он крепко стиснул руку комиссара, лукаво прищурился и с горским акцентом сказал:

— Говорят, у страха глаза велики. Не ожидал я, что здесь дело дойдет до эвакуации. Это плохо, когда военные и местные власти создают панику у себя в тылу.

Соловьев развел руками:

— Приказ об эвакуации подписан по прямому указанию Реввоенсовета.

— Знаю, знаю, дорогой, — сказал Орджоникидзе, продолжая стоять у кресла. — Командующий и вы, конечно, в данном случае ни при чем. Товарищ Черный ввел меня в курс событий. Очевидно, в Реввоенсовете кое у кого нервы не в порядке.

— Мне кажется, дело не только в нервах, Григорий Константинович, — заметил Черный. — Там какая-то хроническая болезнь недоверия к людям и излишней подозрительности.

— Я, например, головой ручаюсь, что Балышеев ни в чем не виноват! — горячо заявил Соловьев. — Это честнейший большевик и прекрасный военный специалист.

— Вы садитесь, товарищи! — спохватился Черный. Орджоникидзе и Соловьев заняли кресла, стоявшие у массивного письменного стола. Черный сел на свое место и сказал:

— Да, Балышеева обвиняют без всякого основания. Притом — чудовищно!

— А все-таки? — спросил Соловьев. — Я до сих пор толком не знаю, в чем конкретно он обвиняется.

— В неправильной дислокации 9-й Красной армии на территории Северного Кавказа, — ответил Черный. — А отсюда, мол, противник так успешно и захватил целый ряд районов на Кубани.

— Но при чем тут Балышеев? — возмутился Соловьев. — Разве это его одного вина? Если уж на то пошло, то в этом виноваты мы все!

— А я считаю, — возразил Черный, — дислокация у нас правильная. До высадки десантов мы вели борьбу с бандами на всей территории Северного Кавказа — войска нужны были везде. Сейчас, когда Врангель высадил на побережье свои силы, все изменилось. Мы-то не знали, где именно он наметит плацдарм для наступления. Видимо, враг потому-то и предпочел Приморско-Ахтарскую, что там были незначительные части. А если бы стояли солидные войска, то он бы высадил десанты в каком-нибудь другом месте.

— И действительно, — добавил Соловьев, — как можно обвинять человека за то, что произошло на Кубани? Не понимаю!

— Можно только позавидовать товарищу Балышееву, что у него такие искренние и верные друзья, как вы, — сказал Орджоникидзе и, помолчав, подчеркнул: — Центральный Комитет партии никогда не позволит шельмовать честного человека. Я нисколько не сомневаюсь, что Балышеев будет полностью реабилитирован. Однако обстановка создавалась вокруг него сложная, серьезная, товарищи, и об этом нельзя забывать ни на минуту.

Черный посмотрел на часы.

— Военный совет назначен на девять часов вечера, а Левандовского до сих пор нет.

— Он должен быть с минуты на минуту, — сказал Соловьев.

Дверь раскрылась, и на пороге появился Левандовский.

— Легко на помине,— подмигнул Орджоникидзе, здороваясь с ним.

— Я привык быть пунктуальным,— ответил Левандовский.— Тем более теперь, когда дорога каждая минута.

— Члены совета собрались? — спросил Черный.

— Большинство уже здесь,— сказал Левандовский.— Можно начинать.

Все направились в зал заседаний. В коридоре, где толпились военные, Орджоникидзе вдруг увидел Воронова, и лицо его расплылось в улыбке.

— Кого я вижу! Здравствуйте, дорогой! Правду говорят: гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда встретятся.

— Верно, Григорий Константинович! — ответил Воронов, широко улыбаясь.— Больше года мы с вами не виделись. После Астрахани.

Орджоникидзе дружески обнял его:

— Значит, опять воюем?

— Что поделаешь, приходится.

— Да, надо воевать.

Тяжелой, валкой поступью подошел Ковтюх. Орджоникидзе обрадованно воскликнул:

— О! Да тут на каждом шагу старые друзья! — И он потряс руку начальника Екатеринодарского укрепленного района.— Привет, привет доблестному таманцу!

Ковтюх представил ему Жебрака:

— Это наш командир полка, товарищ Серго. Казаками командует.

— Замечательно! — сказал Орджоникидзе.— Слышал я в Реввоенсовете, как некоторые товарищи утверждали, что казачество не пойдет за Советами и что оно до мозга костей контрреволюционно. А выходит, все наоборот. Казаки тоже за Советскую власть грудью стоят.

— Казак казаку рознь,— заметил Жебрак.— Стричь всех под одну гребенку нельзя. Богачи, конечно, идут против нас, а беднота и большая часть середняков — с нами.

С лестницы донесся громкий, радостный голос:

— Товарищи, внимание! Вернулся Назар Борисович!

Все обернулись на возглас и увидели Балышеева, который поднялся по ступенькам на второй этаж. Его тотчас окружили боевые друзья. Каждому хотелось

пожать руку, расцеловать в крепких объятиях. Со всех сторон несло:

— Здравствуй, Назар!

— Наконец-то!

— Правда свое взяла!

— Назару Борисовичу привет!

Встреча глубоко взволновала Балышеева. Отвечая на дружеские рукопожатия, он растроганно улыбался и бормотал:

— Спасибо, спасибо, товарищи! Здравствуйте, дорогие!

Черный взял его под руку, представил Орджоникидзе:

— Знакомьтесь, Григорий Константинович, это тот самый Балышеев, наш начальник штаба, вокруг которого наделали много шума.

— Очень приятно! — улыбнулся Орджоникидзе. — Значит, правда восторжествовала.

— Да. Если б вы не вмешались, — сказал Балышеев, обращаясь к окружавшим его товарищам, — то мне пришлось бы туго. Пять дней я просидел под строгим арестом, а потом меня вызвал товарищ Ленин. Побеседовал со мной, расспросил обо всем и распорядился немедленно освободить из-под ареста.

— Это самое главное! — воскликнул Орджоникидзе. — Вместе будем бить Улагая и Хвостикова!

Прошли в зал, поднялись на сцену, где стоял длинный стол, накрытый красным полотнищем. Левандовский открыл заседание военного совета. Плотный, подтянутый, он выглядел очень молодо, хотя на его лице проступала печать усталости. Он твердой, неторопливой походкой подошел к оперативной карте, висевшей на красном занавесе, и, собравшись с мыслями, сказал:

— Товарищи! Десантные войска генерала Улагая пока что остановлены. Я говорю «пока», потому что они представляют еще довольно грозную силу, которая может снова перейти в наступление. Мы нанесли врагу ощутительный удар, но это далось нам ценой немалых жертв. Погибли сотни бойцов, десятки командиров, среди которых я должен прежде всего назвать товарища Мейера. Давайте почтим их светлую память вставанием.

Все поднялись. От хрустальной люстры падал электрический свет. Шелковые шторы на раскрытых окнах чуть шевелились при каждом дуновении ветерка. Военные, наклонив головы, скорбно молчали. Левандовский

попросил их сесть и, когда участники заседания заняли свои места, продолжил:

— Для полного разгрома врага нам нужны дополнительные резервы, мощный кулак, который смог бы выдержать любой натиск хорошо вышколенных офицерских и юнкерских полков Улагаю.

— Не преувеличиваете ли вы опасность, товарищ командующий? — спросил Черный.

— Нисколько, Владимир Павлович, — возразил Левандовский. — К тому же в военном деле не столь страшно преувеличить опасность противника, сколь недооценить ее. Верно, Врангель просчитался. По данным нашей разведки, мобилизация в захваченных станицах и хуторах дала Улагаю жалкое пополнение. Люди призывных возрастов в большинстве уклоняются от службы в его армии...

— Вот видите! — сказал Черный и вытер платочком выбритую голову.

— Однако, — не спеша продолжал Левандовский, — это не значит, что враг слаб, ничтожен в своих силах. Нельзя забывать о том, что с Улагаем прибыло из Крыма немало белоказачьих офицеров. Каждая его часть полностью укомплектована офицерским составом, в любой момент может стать ядром новых формирований на территории Кубани. Нельзя также забывать и о том, что многие казаки сейчас заняли выжидательную позицию: они не идут к Улагаю, но и не вступают в нашу армию. Не исключена возможность, что в случае дальнейших успехов десантных войск эти «выжидатели» примкнут к десанту.

— Теперь этого уже не случится хотя бы потому, что наши войска ведут успешное наступление на польском фронте, — напомнил один из членов бюро областкома. — Этот факт не может не подействовать деморализующе на Врангеля, действующего в сговоре с польской шляхтой.

— Я не разделяю вашего оптимизма на этот счет, — сказал Левандовский. — Антанта постарается усилить войска Врангеля и на сей раз и живой силой, и военной техникой, как это она уже делала неоднократно, чтобы отвлечь силы Красной Армии с польского фронта. Если это случится, обстановка на Кубани ухудшится. Нам нельзя терять время. Разгром контрреволюции здесь ускорит победу над Польшей и над Врангелем.

— Ваши предложения? — спросил Орджоникидзе.

— Надо немедленно сконцентрировать все наши войска, имеющиеся на Кубани, против улагаевского десанта и армии Хвостикова, — ответил Левандовский.

— Я согласен с вами, Михаил Карлович! — сказал Орджоникидзе. — Именно этим мы должны заняться на данном совещании, товарищи, реально оценить все наши возможности и переходить в решительное наступление.

По залу пронесся одобрителный шум.

— Меня интересует численный состав 9-й армии, ее вооружение, наличие боеприпасов, продовольствия и фуража, — добавил Орджоникидзе.

Левандовский указал на карте размещение частей армии.

— 22-я стрелковая дивизия, — докладывал он, — расположена в районе Темрюка. В ней три стрелковые и одна кавалерийская бригады. Пять тысяч пятьсот штыков, четыреста пятьдесят сабель, сто шестьдесят шесть пулеметов, двадцать восемь легких и четыре тяжелых орудия.

Орджоникидзе внимательно следил за движением указки и торопливо записывал цифры в блокнот.

— 34-я стрелковая дивизия, — продолжал Левандовский, — находится на хвостиковском фронте под Армавиrom. Она состоит из двух стрелковых и одной кавалерийской бригады. Насчитывает в своем составе три тысячи шестьсот восемьдесят три штыка, семьсот одну саблю, сто шестьдесят один пулемет и двадцать восемь легких орудий.

Затем командующий доложил о численности десантной армии Улагая и армии Хвостикова, а также о размерах военных поставок этим армиям Англией и Америкой.

— Откуда у вас эти данные? — спросил Орджоникидзе.

— Разведка добыла, — ответил Левандовский. — Хвостикову оружие и боеприпасы доставляют через Грузию и Армению, а Улагаю — по Черному и Азовскому морям.

Орджоникидзе заглянул в свои записи.

— Итак, на Кубани действуют примерно двадцать тысяч вражеских солдат, — подсчитал он. — Давайте обсудим, товарищи, как нам лучше организовать силы для быстрого разгрома врага.

Заседание продолжалось.

Кто-то тихо постучал в наружную дверь дома Балышевых. Екатерина Нестеровна растерянно посмотрела на часы. Стрелки показывали двенадцатый час ночи. Стук повторился, но уже громче, настойчивее. Екатерина Нестеровна отперла дверь и, увидев мужа, припала к его плечу, заплакала.

— Ну полно, полно, Катенька,— промолвил Назар Борисович, целуя ее.— Я дома, жив, зачем же плакать?

Он прошел в зал, заглянул в спальню, спросил:

— А где же Люба и Аннушка?

— На фронте,— подавленно ответила Екатерина Нестеровна.

Она не решалась сказать, что произошло с Любой, но по выражению ее лица Назар Борисович догадался о какой-то беде.

— Ты что-то скрываешь от меня, Катенька? — спросил он упавшим голосом.

Екатерина Нестеровна опустила на стул, закрыла глаза руками.

— В больнице Люба,— вырвалось у нее из груди, и слезы потекли по щекам.

— Как в больнице? — встревоженно спросил Назар Борисович.

— С тяжелым ранением.

Назар Борисович ощутил вдруг такую слабость, что судорожно схватился за спинку кресла. В минуты самых тяжелых испытаний, которые выпадали на его долю в жизни, он не терял присутствия духа, а вот сейчас ему стоило огромных усилий скрыть от жены охватившее его отчаяние.

— Я не хотела пускать ее туда, в этот ад,— громко всхлипывая, проговорила Екатерина Нестеровна.

Назар Борисович обнял ее.

— Успокойся, милая... Я понимаю Аннушку и Любу. Они не могли иначе.

— Одно несчастье за другим,— вытирая лицо платком, плакала Екатерина Нестеровна.

Раздался телефонный звонок. Назар Борисович снял трубку.

— Да, да! Я вас слушаю. Хорошо. Буду через несколько минут,— ответил он кому-то.

Екатерина Нестеровна подняла на него заплаканные глаза.

— Уходишь? Ну хоть поужинай, побудь немного дома.

— Я не голоден, Катенька,— сказал Назар Борисович.— Меня отпустили на пять минут. В штабе сейчас срочные дела.

Екатерина Нестеровна грустно вздохнула.

II

Разработка оперативного плана боевых действий подходила к концу. Склонившись над картой, лежавшей на столе, Балышеев и Соловьев снова и снова вносили правки в намеченную схему сосредоточения регулярных частей, с тем чтобы обеспечить наиболее эффективное взаимодействие всех родов войск на главных направлениях наступательных операций.

— Кажется, все! — сказал Соловьев.

— Да, пожалуй, все учтено,— усталым голосом произнес Балышеев и сел на стул.

— Можно докладывать командующему? — спросил Соловьев.

— Да, можно,— кивнул Балышеев.

Соловьев взял телефонную трубку, хотел позвонить Левандовскому, но не успел. В кабинет вошли Орджоникидзе, Левандовский и Фурманов.

— Доброе утро, товарищи! — весело поздоровался Орджоникидзе.— Как дела?

Балышеев доложил о подготовленном проекте оперативного плана.

— Здесь, на Тимашевском направлении,— сказал он, водя карандашом по карте,— мы сосредоточиваем 20-ю стрелковую дивизию, 3-ю Отдельную казачью кавбригаду, Коммунистический отряд, кавбригаду 14-й дивизии, 2-й стрелковый полк, а также Приуральскую бригаду, 2-ю Московскую бригаду курсантов и кавбригаду 22-й дивизии.

Вошел Атарбеков и, присоединившись к слушателям, потрогал нагрудный карманчик гимнастерки, где у него лежал кожаный портсигар с папиросами, видимо хотел закурить, но опустил руку и все свое внимание направил на Балышеева.

— В районе Брюховецкой и Переясловской будут действовать 1-я и 2-я Донские дивизии, 1-я и 100-я бригады, 7-я кавдивизия, Таманская кавбригада. Исходные рубежи намечены с таким расчетом, чтобы обеспечить широкую маневренность войск.

Все следили за карандашом, двигавшимся по карте.

— Каков же общий численный состав всех частей на этих направлениях? — поинтересовался Орджоникидзе.

— Двадцать одна тысяча, — ответил Балышеев. — Из них семнадцать тысяч штыков и четыре тысячи сабель.

— А огневые средства?

— Помимо винтовок, четыреста сорок три пулемета и восемьдесят одно орудие.

— Ну что ж, лично у меня проект не вызывает возражений, — сказал Левандовский.

— А вы как думаете? — обратился Орджоникидзе к остальным товарищам.

— Я считаю, — сказал Фурманов, проводя растопыренными пальцами по черной густой шевелюре, — план что надо! Сработан на славу. Не придерешься.

— Да... возражений и у меня нет, — проговорил Атарбеков, закуривая длинную белую папиросу. — Однако относительно разведки в глубокий тыл врага у меня есть кое-какие замечания: неплохо было бы, если бы вы перед тем, как послать на задание, направляли разведчиков ко мне на инструктаж.

— А у нас же был уговор с вами по этой части, Георгий Александрович, — ответил Левандовский.

— Да, был, — сказал Атарбеков, — но он плохо выполняется. С Перевертайло я беседовал перед тем, как уйти ему в разведку, а вот Аншамеху послали без моего ведома. Оба разведчика подвергались большому риску! Хорошо, что ничего с ними не случилось. И в Приморско-Ахтарскую был направлен разведчик Шмель самолично комбригом Вороновым. Этого делать ни в коем случае нельзя!

— В другой раз будем согласовывать с вами, Георгий Александрович, — пообещал Левандовский.

— Теперь надо заняться срочной переброской всех частей к линии фронта, — обращаясь к начальнику штаба, сказал Орджоникидзе.

— Части уже на марше, товарищ Серго, — заявил Балышеев.

— А какие силы у вас на море? — спросил Орджоникидзе.

Балышеев указал на карте районы нахождения военных кораблей:

— Здесь — два миноносца, вооруженных шестью торпедными аппаратами, пять канонерских лодок и несколько вспомогательных судов. А южнее Камышеватской мы думаем высадить части морской дивизии.

— У меня есть одно замечание, — обратился Фурманов к командующему и начальнику штаба.

— Прошу, — заинтересовался Левандовский.

— Мне кажется, что крайне необходимо закрыть пути подхода вражеских кораблей к Приморско-Ахтарской.

— Добавление резонное, — одобрил Орджоникидзе.

— Мы учтем ваше замечание, Дмитрий Андреевич, — сказал Балышеев.

Дежурный по штабу вручил командующему только что полученный пакет. Левандовский вскрыл его, вынул сложенный вчетверо листок.

— Что это? — спросил Орджоникидзе.

— Воззвание Революционного военного совета к врангелевским войскам, — ответил Левандовский и, передав листок Соловьеву, сказал: — Читайте вслух, Геннадий Иннокентьевич.

В воззвании говорилось:

Ко всем солдатам и офицерам армии Врангеля!

Солдаты и офицеры генерала Врангеля! Три года трудящиеся России в невероятно тяжелых условиях ведут борьбу с вековыми своими угнетателями и поработителями.

За это время русский народ сумел создать могучую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, которая с величайшим героизмом, невиданной отвагой и доблестью отражает атаки врагов России.

Много лишений и тяжелых испытаний пришлось за это время вынести русскому народу, много раз смертельная опасность нависала над головой Советской России. Но из всех бед и несчастий она вышла победительницей... Сейчас вся великая Россия объединена одной властью — властью Советов рабочих и крестьян. Все честные, все, кому дорога Россия и благо русского народа, давно встали в ряды Красной Армии для общей борьбы с помещиками и фабрикантами, с генералами и купцами.

Довольно вам быть пушечным мясом англо-французских и американских купцов и их лакея — барона Врангеля. Настала последняя решительная минута, когда каждый из вас должен наконец определить свое место и сказать, будет ли он продолжать братоубийственную войну против России, против Рабоче-Крестьянской Красной Армии или же вместе с нами пойдет строить новую трудовую Россию.

В этот решительный момент, во имя прекращения кровопролития, во имя спасения вашей жизни, Революционный военный совет фронта от лица трудящихся приказывает вам:

1. Всем солдатам Врангеля, которым действительно дорога Россия, немедленно во всех частях армии Врангеля организовать Советы солдатских депутатов и арестовать своих генералов, толкающих вас идти кровавой войной на ваших братьев.

2. Тех офицеров, которых вы считаете честными и преданными народу, присоедините к себе.

3. Немедленно арестуйте ваши штабы, не дайте генералам ударить за границу с награбленным добром, как это сделали ваши прежние правители: Деникин, Шкуро, Юденич и другие.

4. Немедленно же организованно сдавайтесь и переходите на сторону трудового народа.

Всем частям Врангеля, отдельным солдатам и офицерам, перешедшим на нашу сторону, мы гарантируем полную личную неприкосновенность и безопасность. Их мы примем, как родных братьев.

Итак, за Россию, против негодяя Врангеля или за Врангеля, против России — выбирайте!

— Хорошее воззвание! — сказал Орджоникидзе. — И, главное, очень своевременное.

В пакете находилось предписание Революционного военного совета фронта штабу 9-й Красной армии размножить и распространить воззвание на территории, занимаемой десантными войсками генерала Улагая.

— Дмитрий Андреевич, — обратился Левандовский к Фурманову, — распорядитесь отпечатать текст возвания в виде листовок, и мы сбросим их с самолетов над неприятельскими войсками.

В коридоре Фурманов увидел директора завода «Кубаноль» — высокого полнеющего мужчину в пенсне, с белесыми, точно выгоревшими, бровями, поздоровался с ним и, не останавливаясь, спросил:

— Что это вы, товарищ Цветков, пожаловали к нам?

— Зачем-то вызывает командующий, — глядя поверх стекол пенсне, ответил директор и тут же обеспокоенно прохрипел: — Где его кабинет?

— Вот, рядом, — указал Фурманов. — Но он сейчас у начальника штаба.

Цветков хотел сесть на скамейку, стоявшую под стеной, но тут Левандовский и Атарбеков вышли из кабинета. Цветков робкими шагами приблизился к ним, зыркнул через пенсне и, кивнув Атарбекову, протянул руку Левандовскому, сказал:

— Я к вам, Михаил Карлович. По вызову.

— Да, да, пойдете, — беря его под локоть, прогово-

рил Левандовский и, у себя в кабинете указав на стул, коротко бросил: — Присаживайтесь.

Цветков осторожно сел на краешек стула, выжидательно уставился на командующего.

— Меня интересует работа вашего завода,— обратился к нему Левандовский.— Какие испытываете трудности?

В это время вошли Орджоникидзе и Балышеев, заняли места на диване. Цветков покосился на них и, поправив пенсне, сказал:

— Завод работает нормально. Хотя трудности, конечно, есть... Да что о них говорить в такое напряженное время.

— Почему же вы не выполняете военных заказов?

Цветков ссутулился, глянул поверх ободков пенсне.

— Видите ли,— заговорил он неуверенным голосом,— это происходит по ряду объективных причин... Бывают перебои с материалами. В связи с мобилизацией ощущается нехватка рабочей силы. И потом...

— Но вы совершенно не отправляете на фронт броневых снарядов,— перебил его Балышеев.

— Не может быть! — запротестовал Цветков.— Снаряды мы посылаем!

— Только не бронебойные,— сказал Левандовский.

— Не понимаю, в чем дело,— пожал плечами Цветков, пряча красные подрагивающие руки.— Я сейчас же займусь этим вопросом и приму срочные меры.

— Учтите, если положение не изменится, мы строго взыщем с вас,— предупредил Левандовский.— Нужна помощь — поможем. Но выпуск военной продукции должен идти бесперебойно.

— В каких материалах вы испытываете острый недостаток? — спросил Орджоникидзе.

— Сейчас, слава богу, есть все,— ответил Цветков, потея.— Но бывают случаи...

— Об этих случаях немедленно сообщайте нам,— попросил Левандовский.

— Да, конечно,— согласился Цветков.

Когда он вышел, Орджоникидзе недовольно поморщился:

— Что-то не нравится мне этот директор.

Цветков сбежал с лестницы, пересек двор и у калитки, ведущей на Красную улицу, столкнулся лицом к лицу с Шадуром.

— Зачем вас вызывали, Трифон Анисимович? — спросил начснаб.

Цветков схватился за голову, болезненно скривил лицо.

— А!.. Глеб Поликарпович! — с трудом выдавливая слова, прохрипел он. — Втянули вы меня в эту историю... А теперь я сам не свой.

— Спокойно, без истерики, — сказал Шадур полупотом. — Через полчаса ждите меня.

Цветков свернул за уголи помчался на завод. Мысль о том, что он связан с заговорщиками, не выходила из головы, приводила в отчаяние. Он ясно представлял, что с ним будет, если органы ЧК раскроют подпольную контрреволюционную группу. От страха делалось дурно, бросало то в холод, то в жар. И чем больше думал Цветков о предстоящей расплате, тем прочнее утверждался в мысли, что ему надо немедленно, пока еще не поздно, порвать всякую связь с заговорщиками. Он еще не знал, как это лучше сделать, но чувствовал и понимал, что единственное его спасение заключается в решительном шаге.

Добравшись наконец до своего кабинета, он закрылся на ключ, плюхнулся на стул у открытого окна. Страх разрастался.

«Какой ужас! — мысленно твердил Цветков. — Зачем я согласился?.. Господи, что будет со мной?» Его глаза растерянно метались по кабинету. Руки зябко дрожали.

Шадур приехал ровно через полчаса. Впустив его к себе, Цветков снова запер дверь.

— В чем дело, Трифон Анисимович? — требовательно спросил Шадур, садясь на диван. — Какая муха вас укусила?

Цветков остановился перед ним, промолвил трясущимися губами:

— Я сделал непростительную глупость, Глеб Поликарпович! Поймите меня! Ваша организация... Впрочем, нет, нет! Я не могу! Увольте меня. Давайте так: вы не знаете меня, а я — вас. Лучше нам любовно разойтись.

— То есть как разойтись? — сурово насупился Шадур.— Вы же не мальчик. Договорились, заключили с нами союз. А теперь на попятную?

— Я, разумеется, понимаю,— задыхался Цветков.— Но, бога ради, выслушайте меня. После встречи с Евтеем Антоновичем я много передумал... Взвесил, что ожидает меня впереди. И вот пришел к твердому решению, что мне нужно отказаться от своих слов. Я не хочу состоять в вашей организации и ничего о ней не знаю, Глеб Поликарпович!

— Вы отдаете отчет в своих словах? — злобно усмехнулся Шадур.— Или вы считаете нас глупцами, которых можно водить за нос, а потом выдать?

Цветков схватил его за руки.

— Нет, нет! — закричал он приглушенно.— Я не выдам. Никогда.

— Жаль, конечно, что вы оказались таким трусом,— сказал Шадур после некоторого молчания.— Ну что ж, принуждать вас не будем. Так и быть. Но помните, если проболтаетесь — пеняйте на себя.

— Я же поклялся! — воскликнул Цветков.— Верьте, я буду нем как рыба.

Шадур закурил, бросил снисходительно:

— Хорошо, Трифон Анисимович. Я верю вам. Больше об этом ни слова.

— Спасибо, Глеб Поликарпович,— ожил Цветков.— Превеликое вам спасибо!

— Теперь о деле,— проговорил холодным, сугубо официальным тоном Шадур и тут же спросил: — Как идет отгрузка боеприпасов в вагоны? Надеюсь, задержки нет?

— Я гарантирую, Глеб Поликарпович,— заверил Цветков.— Эшелон отправится в срок, то есть сегодня в двадцать три часа.

Шадур сделал какую-то отметку в своей записной книжке, сказал:

— У меня все. Разрешите откланяться, Трифон Анисимович.

Перед тем как отпереть дверь, Цветков просительно взглянул на него:

— Глеб Поликарпович, я верю, что вы не позволите...

— Не беспокойтесь,— прервал его Шадур.— Боеприпасы своевременно придут к месту назначения.

В приемной больницы врач разрешил Балышеевым войти в палату, где лежала Люба. Она спала. Как изменилось ее лицо! Кожа со стеклянным отливом, глубоко запавшие глаза, плотно сжатые, обескровленные губы. Назар Борисович, горестно покачав головой, до боли прикусил губу. По щекам Екатерины Нестеровны катились слезы.

Люба не просыпалась. Из-под приподнятой гардины в окно, уставленное цветущими гloxиниями, заглядывало солнце.

— Вот, Назар,— со стоном промолвила Екатерина Нестеровна,— растили, растили мы детей, а теперь...

Люба повернула голову, открыла лихорадочно блестящие глаза. Увидев отца, она вздрогнула — посчитала в первое мгновение, что перед ней привидение, но когда увидела и мать, то как-то тяжело перевела дух и, не сказав ни слова, только болезненно улыбнулась.

Назар Борисович склонился над ней, поцеловал в щеку, прижал ее руку к груди. Будто не веря, что он перед ней наяву, она притронулась к его плечу и спросила чуть слышно:

— Папочка, тебя отпустили?

— Да, доченька милая.

— Как хорошо, что ты уже дома,— тихо промолвила Люба и с мучительным страданием на лице вздохнула: — А я — умру.

— Что ты, Любочка! — вскрикнула Екатерина Нестеровна с отчаянием.— Ты должна жить, ты будешь жить, доченька моя милая!

— Нет, мамочка! — прошептала Люба.— Я знаю, чувствую, что умру. Мне... страшно тяжело... Кажется, что-то навалилось мне на грудь, давит... давит сердце.

— Успокойся, Любочка! — Назар Борисович погладил белокурые локоны дочери.— Ты же всегда была у нас умницей... Поправишься, весной все мы: ты, мама, я и Аннушка — съездим к морю.

В глазах Любы затеплился свет надежды.

— Может быть, мне и в самом деле станет легче,— оживилась она. И снова улыбнулась: — Как хочется жить!

На передовой стояла тишина. В балке, под тенистой листвой верб, Жебрак проводил политбеседу с казаками о значении боевых действий, которые велись 9-й Красной армией на Кубани против десантных войск Улагая и армии Хвостикова. День был солнечный, жаркий, но в прохладной тени зноя не чувствовалось. Мирно щебетали птицы, весело пиликали кузнечики, а в заболоченных низинах и на реке лениво перекликались лягушки.

— Врангель и польская шляхта задались целью задушить Советскую Россию,— говорил Жебрак, сидя на траве у ствола старой вербы.— Польские паны мечтали переполовинить Украину и Белоруссию и расширить границы Польши от Гданьска до Одессы, то есть от моря до моря. Они повели наступление на Советскую Россию с запада, а Врангель двинулся из Крыма на Северную Таврию, чтобы захватить Донбасс и отвлечь силы Красной Армии с польского фронта. Сейчас поляки бегут с Украины. Врангель застрял в Таврии. Вот он и решил сунуться на Кубань. Чем скорее мы вытурим отсюда Улагая, тем быстрее завершится война с Польшей и с Врангелем, тем скорее будут освобождены Украина и Крым. Вот тогда можно будет вздохнуть свободно, засучить рукава и приступить к строительству новой жизни — без панов и без атаманов!

Лаврентий Левицкий лежал на боку, подперев голову рукой, и внимательно слушал Жебрака. Рядом с ним сидел Виктор, прислонившись спиной к обнаженному корню высокого, стройного вяза, шумевшего на ветру своей зеленой кроной, устремленной к голубому небу. Мысли его уносились в будущее, к той поре, когда восторжествует новая жизнь — мирная, счастливая, трудовая — и дни нынешних суровых боев отойдут в далекое прошлое. Думалось о том, что не все из тех, кто теперь находится в балке, доживут до той поры. Одни погибнут на поле боя, другие вернутся домой искалеченные войной, а те, кому сегодня уже за пятьдесят, быстро состарятся, уйдут в могилу. А как хочется каждому из них увидеть новую жизнь, посмотреть на преобразенные станицы, взглянуть на освобожденную кубанскую землю!

«А ведь если со мной и с Соней ничего не случится на фронте, то мы, может быть, доживем с ней до глубокой старости,— думал Виктор.— Мне сейчас двадцать

три года. Через пятьдесят лет будет семьдесят три... Пятьдесят лет! Полвека! За это время чудодейственно изменится вся Россия. Все, все будет в ней так, как говорит Николай Николаевич. Люди равные, шагающие по жизни плечом к плечу, как братья. Земля твоя, и все на земле твое, разделенное по-братски. Лишь бы дожить, лишь бы скорее наступила победа над вражьиими полчищами.— Он взглянул на отца и, пожалуй, впервые обратил внимание на то, как сильно посеребрила седина ему виски.— А вот батя вряд ли доживет до середины нынешнего века...» И на душе у него стало тоскливо, тягостно.

* * *

Вечером Воронов вызвал Виктора и, когда тот явился в палатку, спросил:

— Как у тебя с глазами, товарищ Левицкий?

Вопрос озадачил Виктора.

— Я не совсем понимаю, товарищ комбриг,— проговорил он, пожимая плечами.

— Ночью хорошо видишь?

— Вроде вижу.

— Тогда собирайся в разведку,— сказал Воронов.— Подбери себе боевых хлопцев. Рекомендую Петьку Зуева, у него глаза — кошачьи, любую дивчину в кромешных потемках за версту видит.— Он развернул на столе полевую карту.— Вот река Кирпили. А это селение Овсуры. Видишь?

— Вижу, товарищ комбриг.

— Надо выяснить, какие там силы у белых. Без языка нам никак не обойтись. Офицер нужен.

— Понятно,— кивнул Виктор.

— Вдоль Кирпилей снуют усиленные дозоры,— сказал Воронов.— Поэтому к подбору разведчиков подходи особенно требовательно. Об этом неоднократно упреждал нас товарищ Атарбеков Георгий Александрович. Ты знаешь его?

— Знаю, конечно,— ответил Виктор.

— Вот и прекрасно,— продолжал Воронов.— Нужны храбрые, ловкие и смекалистые ребята, которые в любой обстановке не растеряются — сумеют поцеловать куму, да и губы в суму. Есть у тебя на примете такие?

— Найду, товарищ комбриг! — заверил Виктор.— Батьку возьму, Шмеля, Выюна, Зуева и еще несколько человек.

- Значит, задача ясна?
- Ясна, товарищ комбриг.
- Смотри, надеюсь на тебя.

В глухую полночь конная группа из десяти разведчиков отправилась в путь. Впереди ехали Виктор Левицкий и Юнька Шмель. За ними шагах в тридцати следовали остальные.

В район хутора Овсуры добрались во втором часу ночи. Степь, окутанная мраком, погруженная в тишину и пронизанная монотонной музыкой сверчков, казалась волшебной и в то же время безжизненной, мертвой. Но разведчики знали, насколько обманчивой и коварной была эта звонкая тишина.

Впереди показался черный контур степного куреня. Справа от него темнели кусты, тянувшиеся от дороги до берега реки. Виктор приказал остановиться и поручил Зуеву и Вьюну разведать, есть ли кто в курене. Спешившись, они быстро растаяли во тьме ночи.

Курень оказался пустым. Группа подъехала к нему. Отсюда до хутора Овсуры было не больше полуверсты.

— Ну, командир, что будем делать? — обратился Лаврентий Никифорович к сыну. — В село сразу двинем, как было уговорено, или тут малость подождем, может, кто подвернется?

— Подождем! — ответил Виктор. — Лучшего места для засады не найти. Коней поставим в кустах, а сами ляжем вдоль дороги.

Так и сделали. Лаврентий и Вьюн были приставлены к лошадям, а остальные вышли к намеченному рубежу, расположились в канаве, заросшей травой.

Прошло с полчаса. На дороге никто не появлялся. Это обстоятельство и удивило, и насторожило всех. Ведь Воронов утверждал, что тут так и снуют дозоры. То ли противник проявлял полнейшую беспечность, то ли всю охрану переместил на ночь к самому селению.

Виктор уже собирался было выслать Зуева и Шмеля, чтобы выяснить, насколько правильны его предположения, когда внезапно в степи послышался близкий конский топот и глухой, сдержанный шум голосов. Прежде чем разведчики успели принять решение, как действовать и что предпринять, к куреню подскакали десятка два верховых.

— Приготовиться к бою! — распорядился Виктор и обернулся к кустарнику: он знал, что, стоит только одной

из лошадей фыркнуть или заржать, всадники тотчас схватятся за оружие.

— Ну, господин сотник, решай,— сказал кто-то из разъезда,— либо до рассвета будем ждать, либо зараз махнем.

— Оно, конечно, ночью лучше,— донеслось в ответ.

— А днем черта лысого вырвемся,— согласился третий голос.— Свои перестреляют. Придется в полк вертаться.

— Э нет, хлопцы, вы как хотите, а я вертаться не думаю,— категорически возразил бас.— Осточертело все! Тут на Кубани и жинка, и дети. Ждут меня. На черта мне нужно за панов голову класть либо в Крым тикать. Пишут же красные в воззвании, что встретят нас, как родных братьев. Чего ж нам еще нужно? — И потребовал: — Решай, господин сотник!

Виктор толкнул под бок Зуева, лежавшего рядом, шепнул:

— Я пойду к ним. Свистну — бросайтесь на выручку.

Разъезд, не слезая с лошадей, топтался на месте.

— Добре! — наконец заговорил сотник.— Махнем к передовой, а там парламентера вышлем, чтоб тихо-мирно договориться.

Виктор поднялся во весь рост и громко кашлянул. Конники схватились за оружие, и сразу же наступила мертвая тишина.

— Кто там? — спросил сотник.

— Свои,— отозвался Виктор, держа наготове наган и направляясь к разъезду.

Белогвардейцы, увидев перед собой только одного человека, выжидательно молчали. Виктор подошел к ним вплотную и чиркнул зажигалкой. Слабый огонек выхватил из темноты серебряные погоны на плечах некоторых всадников, одетых в черкески и папахи. Виктор пригляделся к ним, спросил:

— Кто здесь сотник?

— Я! — ответил верховой, стоявший к нему ближе других.

— Как фамилия?

— Да ты кто такой? — закричал офицер.

— Я оттуда! — указал Виктор на восток.— Красный. Слышал ваш разговор. Вы хотите перейти к нам. Вот я и вышел вам навстречу.

Белоказики молча переглядывались меж собой при

свете горячей зажигалки. Виктор зырил по сторонам, боясь, чтобы кто-нибудь не полоснул его шашкой или не выстрелил из револьвера в спину, но, видя, что все словно воды в рот набрали, снова заговорил:

— Что ж вы молчите?

— А не брешешь, что ты красный? — усомнился сотник.

— Нет, не брешу, хлопцы, — обращаясь ко всем, сказал Виктор. — Я тут не один.

— Ну, Охрименко, твое последнее слово, — обратился белоказак к сотнику.

«А это не тот ли Охрименко, который спас Аншамеху?» — промелькнула мысль в голове Виктора, и он, взглянув в лицо сотника, неожиданно спросил:

— Случаем, не Матвей ли Охрименко?

— Допустим, Матвей, — ответил офицер. — Ты-то откуда знаешь меня?

«Тот ли Матвей Охрименко?..» — плясала тревожная мысль в голове Виктора, и он протянул:

— Знаю... Ты спас нашего красноармейца во время расстрела беженцев в хуторе Украинском... Здравствуй, товарищ Охрименко.

Слово «товарищ» особенно ошеломило белых, а сотника больше всех. Виктор почувствовал, что наступил самый критический момент. Лаврентий, наблюдавший за всей этой сценой, забыл о лошадях, вскинул винтовку и взял на прицел сотника. «Вот отчаюга! — думал он о сыне. — Та хиба ж можно так, сразу?»

— Вот что, господа, — обратился Охрименко к разъезду. — Я теперь верю, что это действительно красный казак. Я спас в Украинском одного беглеца.

— Оце так фокус! — протянул кто-то из белоказак. Охрименко спешился, подал Виктору руку:

— Откуда родом?

— Из Краснодольской.

— А остальные, что с тобой, тоже казаки?

— Все как один!

— Оружие сдавать или как? — спросил Охрименко.

— Оставьте при себе, — ответил Виктор.

Его слова окончательно растопили лед недоверия Охрименко. Конники спешились.

— Выходите, хлопцы! — окликнул Виктор своих.

Началось братание, завязались разговоры. Перебежчики допытывались, как живется казакам в красных вой-

сках, что делается в станицах, не преследует ли Советская власть казачество.

— А нам говорили, что иногородние всех казаков к стенке ставят! — сказал огромный казачина в куцей черкеске и бараньей папахе.

— А про то, шо у большевиков рога растут, не говорили? — спросил Лаврентий, угощая его махоркой.

— Было и такое, — засмеялся казачина.

Виктор и Охрименко отошли в сторону. Охрименко объяснил, что он со своим разъездом патрулирует участок в двух верстах восточнее куреня.

— И много тут таких разъездов? — поинтересовался Виктор.

— Хватает! — ответил Охрименко.

— А почему на этой дороге никого нет?

— Тыловой участок тут. Под самыми Овсурами заслон стоит.

— Значит, в Овсуры не пробраться?

Подумав немного, Охрименко спросил:

— А зачем туда?

Виктор рассказал о своей задаче.

— Штабной офицер требуется или из войсковых?

— Лучше бы штабного.

Охрименко почесал затылок и, помедлив, сказал решительно:

— Добре, будет штабной. Раздобуду! — Он подозвал трех казаков: — Собирайтесь, хлопцы, смотаемся в Овсуры. — И обратился к Виктору: — Ежели доверяешь, то поехали со мной или кого из своих выделяй.

— Доверяю! — не раздумывая, ответил Виктор. — Еду с тобой.

Вскоре пять всадников во главе с Охрименко были в селении. У украинной хаты послышался оклик:

— Стой, кто едет?

Охрименко назвал пароль. Подошли двое солдат.

— А, это вы, господин сотник! — воскликнул один из них. — Где же остальные?

— Не задерживайте, господа! — отозвался Охрименко. — Со срочным донесением я. — Уже на улице он сказал Виктору: — Храбрый ты, чертяка! Один отважился с нами поехать. Поверил-таки! А может, я тебя хитро заманил сюда, а?

— Ты не из таких, — спокойно промолвил Виктор. —

Нашего Аншамаху спас. Подлая душа не способна на такое.

Остановились под стеной бакалейной лавки. У калитки двора стоял часовой.

— Штабс-капитан у себя? — спросил его Охрименко.

— Спит, ваше благородие! — сообщил часовой.

Охрименко махнул Виктору:

— Пошли!

Спешившись и передав поводья сопровождавшим их казакам, они вошли во двор. На стук из дома бакалейщика выскочил заспанный, в одном исподнем белье денщик.

— Буди начальника, срочное дело! — бросил Охрименко.

Минуту спустя распахнулось окно, из которого высунулась голова штабс-капитана. Охрименко вскинул руку к папахе:

— Ваше благородие, немедленно собирайтесь! Вас срочно требуют.

— Приехал кто? — сонно спросил штабс-капитан.

— Да, курьер от генерала Казановича, с депешей, — ответил Охрименко и указал на север: — Там на берегу Кирпилей в секрете ждет.

Виктор усмехнулся в темноте, поражаясь находчивости своего нового помощника. Штабс-капитан засуетился.

— Степан! — крикнул он денщику. — Седлай коня. Живо!

— И мне с вами, вашкобродие?

— Тебе сказано, болван? Седлай коня!

Денщик метнулся в конюшню. Штабс-капитан не заставил себя долго ждать. На ходу стянув френч ремнем и поправив фуражку, он выбежал на улицу, где уже стоял оседланный конь.

— Что там случилось? — вскочив в седло, обратился штабс-капитан к Охрименко.

— Не могу знать, ваше благородие, — ответил тот, садясь на коня, и потом уже, направляясь по улице, добавил: — Прочтете депешу и узнаете.

— Вами бы и передал, скотина!

— Просил я. Говорит, нельзя — положено лично в руки начальнику штаба.

Охрименко и Виктор вырвались вперед. За ними поскакал и штабс-капитан. По сторонам, справа и слева,

выравнились по два всадника, и один следовал сзади. Когда они выехали за селение, то услышали одиночный выстрел, долетевший со стороны куреня.

— Что это? — тихо спросил Охрименко.

— Видимо, случайный, — ответил Виктор, не придавая выстрелу особого значения.

Потом выяснилось, что один из казаков из разъезда Охрименко попытался бежать. Тихомолком отведя своего коня в кусты, он сел на него и во весь опор помчался к Овсурам. Вот тогда-то вслед ему и прозвучал выстрел...

Светало, когда Виктор с группой перебежчиков прибыл в расположение своих разведчиков и казаков из разъезда Охрименко.

— Приехали, ваше благородие! — сказал сотник, обращаясь к штабс-капитану. — Слезайте и сдайте оружие.

* * *

Весть о прибытии Орджоникидзе на фронт облетела все окопы. Уже одно то обстоятельство, что его сюда послал сам Ленин, вызывало у бойцов особое уважение к нему.

Многим бойцам приходилось встречаться с ним в Екатеринодаре и на фронте еще в 1918 году. Теперь они рассказывали своим товарищам все, что знали или слышали о нем.

— Несгибаемый человек, этот Серго! — слышалось в одном месте. — За то и любит его Ленин. В тюрьмах, в ссылках закалил сердце свое. И в Шлиссельбургской крепости сидел, и в кандалах по якутской тундре шагал за дело рабочих...

— В пятом году я под Гудаутами жил, — вспоминал пожилой боец. — Грузчиком работал там. Помню, как-то ночью дружки говорят мне: «Поехали в село Бомбары!» — «Зачем?» — спрашиваю. «А там увидишь!» — отвечают. Сел я с ними на катер и поехал. В Бомбарах мы встретились с товарищем Серго: руководил он разгрузкой оружия с транспорта. Тут же схватили его жандармы. Он крикнул нам на прощание: «Не унывайте, товарищи! Солнце свободы не за горами!» Не он жандармов, а они его боялись. Вот какой товарищ Серго!

В тесном окопе, прижавшись друг к другу, находились дозорные. А командир отделения, усевшись на бруствере, рассказывал:

— Приехал это, значит, товарищ Орджоникидзе в Ростов. Дело было в апреле восемнадцатого года. Поселился он, значит, в гостинице. Человек еще и сидора своего дорожного не успел снять с плеч, а к нему уже делегация от матросиков-анархистов пришла. В коридоре, значит, стоят, полномочного к Орджоникидзе с таким наказом шлют: «Требу́й, чтоб наших братков немедля из тюрьмы ослобонил. Ежели что, припугни его как следует!» Заходит, значит, этот полномочный к Орджоникидзе, нацепив на себя для острастки и гранаты, и маузер, и пулеметные ленты крест-накрест через грудь. На голове бескозырка, морда красная от водки. А при Орджоникидзе на ту пору два красноармейца из нашего полка были. Матрос и заревел: «Комиссар, ослобоняй братву, а не ослобонишь — худо тебе будет!» Глянул на него Орджоникидзе и говорит красноармейцам: «А ну, ребята, отберите у него оружие». Матрос, значит, на дыбки: «Токо попробуйте!» И рукой к маузеру тянется. Наши ребятки засумлевались, боязно на эдакую детину лезть. А Орджоникидзе не убоился. Подскочил к матросу, хватъ у него из-за пояса гранату и поднял ее над головой: «Сдавай оружие, каналия, ежели жизнь дорога тебе!» У полномочного душа в пятки ушла. Сдал маузер, гранаты и ленты пулеметные снял.

— Вот это номер! — вырвалось у кого-то восклицание.

В окопах, балках, в секретях не смолкали разговоры об Орджоникидзе. Тем, кто не видел его раньше, он представлялся огромным, могучим и сильным, чуть ли не подобием самого былинного богатыря Ильи Муромца. А на санитарных пунктах в срочном порядке наводилась идеальная чистота. Уж кто-кто, а Орджоникидзе, как фельдшер, не допустит антисанитарии, нарушения гигиены обслуживания раненых, может дать нагоняй своим нерадивым коллегам.

* * *

В двенадцатом часу ночи Орджоникидзе и Левандовский в окружении военных приступили к проверке боевой готовности войск. Они появлялись то в одной, то в другой части, выслушивали рапорты командиров, политработников, осматривали оборонительные рубежи, беседовали с бойцами. Орджоникидзе держался с ними запросто: там пошутит, там посмеется, и если даже слегка

пожурит кого, то опять-таки в дружеском тоне, не подчеркивая своего старшинства.

Орджоникидзе и Левандовский продолжали свой путь вдоль передовой линии фронта, куда постепенно прибывали все новые и новые силы.

Чувствовалось, что ведется подготовка к наступлению. В кустах, у камышей, в балках стояли оседланные лошади, пожевывая сочную траву. Подле них в полном вооружении располагались кавалеристы. Одни из них, положив под голову кулак или охапку душистого сена, дремали; другие, усевшись в круг, говорили о предстоящих боях и о приезде на фронт Чрезвычайного комиссара; третьи то в одиночку, то группами расхаживали по берегу.

Но стоило только прозвучать одному слову: «Едут!», как сразу все бросались навстречу командованию, окружали его плотной толпой, и тут же завязывалась беседа... И так по всей передовой.

Издали донесся слабый шум поезда. Левандовский прислушался, вынул из нагрудного кармана часы и, поднеся их к горящей папиросе, сказал:

— Половина первого. Это идет эшелон с боеприпасами.

IV

После разгрузки эшелона Орджоникидзе облюбовал себе место под вербой на берегу Кирпилей и улегся на душистом сене. Он пытался уснуть, но не спалось. Взгляд блуждал по черному небу, среди бесчисленных алмазных точек звезд, а мысли то возвращались к событиям минувшего дня, то уносились в отдаленное прошлое... Вспомнилась одна из ночей, проведенных в Шлиссельбургской крепости. Пришло на ум стихотворение, написанное им в тюрьме, и он мысленно произнес:

Тук... тук... тук...
Миновал обход докучный,
Лязгнул ключ, гремит засов,
Льется с башни многозвучный
Перепевный бой часов.
Звук приветный, стук ответный —
Говор азбуки заветной,
Голос камня: тук... тук... тук!

Незаметно подкрадывается сон. Все тише, тише ше-

лестит листва над головой, и наконец наступает полное забытьё...

На заре его разбудили.

— А?.. Я сейчас,— услышав сквозь сон голос Демуса, откликнулся Орджоникидзе, вскочил на ноги.

Сняв рубашку, он спустился к роднику, взглянул на бархатное небо, уже тронутое отблеском загоревшейся зари, проговорил:

— Большая Медведица совсем хвост опустила.

— Пора ей на покой,— добавил Демус.

К роднику подошел Левандовский и вместе с Орджоникидзе начал умываться ключевой водой. Серебристые брызги летели во все стороны и гасли в траве, а меж кустов поблескивал ручеек, тянувшийся к спокойной реке, в которой отражалась заря.

Тут, у родника, и нашел их Воронов, доложил о возвращении из разведки Виктора Левицкого с пленным офицером и перебежчиками.

— Кроме того,— продолжал он, стоя навтытяжку,— к нам только что явился офицер из 1-го партизанского имени генерала Алексева полка и принес письмо от группы офицеров, желающих перейти на нашу сторону.

Орджоникидзе застегнул воротник гимнастерки, подпоясался и, поправив на боку пистолет, весело взглянул на Левандовского:

— Вы чувствуете, товарищ командующий, что это значит? Ведь это начало брожения в улагаевских войсках! Люди не хотят проливать кровь за сомнительную авантюру Врангеля.

— Кажется, наше воззвание попало в цель,— улыбнулся Левандовский.— Первые отклики налицо.

В штабной палатке командующий и Чрезвычайный комиссар познакомились с офицером-парламентером — худощавым поручиком в английском мундире. Держался он очень напряженно, нервничал и глядел беспокойно-выжидательно на красных командиров.

В письме группы офицеров, которое он вручил Левандовскому, говорилось:

Дорогие товарищи! Мы наконец осознали свои глубокие заблуждения и увидели то безвыходное положение, в котором оказались в данное время. И, как это ни печально, должны с чистой совестью сознаться, что нас в армии бессовестно обманывало высшее начальство и этот обман привел нас к трагическим последствиям. Мы оказались мучениками на кровавой Голгофе. Но ведь всех офицеров рус-

ской армии нельзя рассматривать как врагов Советской власти. Если же их разделить на группы, то можно увидеть, что наряду с князем, с белоручкой-графом был гораздо больший процент офицеров из так называемого среднего сословия. Всем известно, что этого офицера-середняка сторонился тот чванный и ему чуждый «белокостный» офицер и что всегда эти «братья по оружию» были в непримиримой вражде. Нашего брата заставляли плестись в хвосте русской армии в минуту тишины и выдвигали вперед, на линию смерти, в минуту бедствий для страны...

Вы зададите вопрос, почему в боях мы до сего времени не перешли к вам?

Не так уж легко было это сделать. Мы были всегда и при всех режимах ограничены строжайшими рамками дозволенного, всякое проявление нашей воли парализовалось грозным окриком: «Ненеполнение долга!»

Как могли мы в разгаре ожесточенной борьбы вложить свой меч в ножны и бросить лозунг: «Довольно крови!»?

Но мы уже от одного берега добровольно отстали, и к другому нас не принимают. Где же и как нам искать выход? Как разрубить этот проклятый гордиев узел, в который мы были вкручены ходом событий после Октябрьской революции?

Если бы нам стало известно, что вы согласны избрать с нами путь возможного сотрудничества, мы немедленно добровольно сложили бы оружие. Мы бы протянули к вам руки примирения, охотно стали в ваши ряды и плечом к плечу сражались вместе с вами против общего нашего врага.

Так довольно же бесцельной ненависти!..

21 августа 1920 года

Под текстом письма стояло много подписей.

Ознакомившись с содержанием послания, Орджоникидзе спросил у офицера:

— Почему же подобный шаг вы не сделали сразу, в первых боях после высадки десанта? Или вы ждали, куда повернет колесо фортуны?

— Мы боялись вас,— сказал офицер.— Нам ежедневно твердили о том, что всех офицеров без исключения ждет у красных расстрел.

— И вы верили в эту чушь?

— Верили.

— И что же вас поколебало?

— Решающую роль сыграло воззвание, с которым командование Красной Армии обратилось к десантным войскам.

— И у вас теперь не осталось никаких сомнений?

— Да, не осталось.

— Ну что ж,— сказал Левандовский,— я думаю, здесь может быть одно-единственное решение: гаранти-

ровать всем офицерам, которые перейдут на нашу сторону, полную свободу и неприкосновенность.

Орджоникидзе взглянул на парламентаря:

— Вы слышите, поручик?

— Так точно! — вытянулся тот.

— Когда вы намерены отправиться обратно с нашим ответом? — спросил Левандовский.

— Если разрешите, то — немедленно, сейчас!

— Но это очень рискованно, — предупредил командующий. — Вас могут заметить.

— Я буду переходить передовую там, где в дозоре стоят мои друзья, — ответил поручик.

— В таком случае желаю успеха, — пожал ему руку Левандовский и, указав на карте место, куда следует явиться офицерам, добавил: — Здесь, у кургана, вас встретят, и если понадобится, то создадут для вашей безопасности огневой заслон.

— Разрешите отправляться? — козырнул поручик.

— Идите! — кивнул Левандовский.

В штаб был вызван Виктор Левицкий, а вместе с ним приглашен и Охрименко. Выслушав рапорт командира разведки, Левандовский спросил у Охрименко:

— Казак?

— Так точно, самый настоящий!

— Где воевали?

— На турецком фронте. Потом у Корнилова и Деникина, а теперь с десантом из Крыма прибыл.

— И награды имеете? — спросил Орджоникидзе, хитровато прищурив левый глаз.

— Эге ж, имею, — не смущаясь, ответил Охрименко. — Сам Лавр Георгиевич Корнилов два креста мне за храбрость дал. И на турецком два Георгия и три медали получил. Тут они у меня, во внутреннем кармане хранятся. Не верите? Могу показать.

Орджоникидзе рассмеялся.

— Не надо, верим, — сказал он и тут же поинтересовался: — Что ж вас заставило к нам перейти?

— То долго рассказывать, — махнул рукой Охрименко. — Перешел — и все. Не верите — стреляйте, верите — к своей коннице меня с хлопцами припишите. А как я рублюсь — увидите.

— Ну, а с Георгиями как быть? — спросил Орджоникидзе. — Так и будете их в кармане носить?

— Если дозволите, то я их на грудь поцеплю, — отве-

тил Охрименко.— Хай те, что еще по ту сторону остались, видят, как георгиевские кавалеры за Советскую власть бьются.

— Товарищ Левицкий,— обратился Левандовский к Виктору,— не возражаете, если мы зачислим Охрименко и его хлопцев в вашу сотню?

— У меня не сотня, товарищ командующий,— отделение...— ответил Виктор.

— Было отделение, а теперь сотня,— сказал Левандовский.— Дмитрий Андреевич Фурманов и Николай Николаевич Жебрак говорят, что вы засиделись в отделении.

— Храбрый казачина! — указал Охрименко на Левицкого.

— Видите, какие авторитетные рекомендации вам дают! — подхватил Орджоникидзе.

— Значит, берете Охрименко и его казаков? — повторил Левандовский.

— Беру, товарищ командующий!

— А как произошло, что генерал Улагай вдруг стал во главе десанта? — остановясь у палаточной стены, Орджоникидзе снова обратился к перебежчику.— Ведь Врангель первоначально на этот пост назначил генерала Шифнер-Маркевича.

Охрименко посуровел, опустил глаза в землю, потом сказал:

— Вы знаете, что во время бегства Деникина с Кубани Кубанская рада разделилась на две группы. Одна из них с Деникиным переехала в Крым, а другая, оппозиционно настроенная,— в Грузию и обосновалась в Тифлисе. Потом Деникина заменил Врангель. Но он-то немец! Это до некоторой степени насторожило членов обеих групп разделившейся рады. Среди них начались толки об отношении к новому главнокомандующему. В той группе, что засела в Тифлисе, выяснились два течения: одно, возглавляемое председателем рады Тимошенко, считало Крым олицетворением реакции и призывало вести борьбу одновременно и с Крымом, и с большевиками.

— А какими силами? — спросил Левандовский.

— В противовес союзу с Крымом оно выдвигало план союза и совместной борьбы Кубани, Украины, Грузии и горцев Северного Кавказа,— ответил Охрименко и тут же пояснил: — Для этого предполагалось с по-

мощью французов перебросить возможно большее количество кубанцев (в том числе и находящихся в Крыму) на Украину, где сначала помочь Петлюре в освобождении Украины, а затем совместно с ним освободить Кубань.

— Ишь ты! — сказал Орджоникидзе. — Как все просто.

— А второе течение, — продолжал Охрименко, — считало этот план утопией, рассматривало союз с Врангелем как неизбежный этап в освобождении Кубани. Сформированное на грузинской территории новым атаманом Кубани Иванисом правительство стало на компромиссную точку зрения. На Украину и в Польшу была послана делегация с целью добиться соглашения с Петлюрой и, главным образом, с поляками, чтобы уже через них заручиться содействием и более крупных держав.

— Значит, десант приплыл на Кубань на английских и французских судах не случайно? — спросил Левандовский.

— Да, обо всем этом была договоренность во время поездки делегации в Польшу, — сказал Охрименко. — Затем правительство Иваниса решило переехать в Крым, чтобы там добиться большей самостоятельности кубанских казаков, чем по определенному соглашению, настаивать перед Врангелем на производстве десантов на Кубань, состоявших из одних кубанцев. Еще до отъезда в Крым было решено создать на юге, с Грузией во главе, вооруженную силу, которая одновременно с десантами двинулась бы на Кубань и включила в свой состав и армию Хвостикова. Это решение хранилось в секрете от Врангеля.

— Выходит, Иванис хотел обвести Врангеля вокруг пальца, — сказал Орджоникидзе.

— Да, с этой целью он и приехал в Крым, — подтвердил Охрименко. — Но новое Кубанское правительство встретило в Крыму неожиданного противника и конкурента в лице членов рады, отступивших туда непосредственно после разгрома Деникина. Эта группа, организовавшись вокруг члена рады Фендрикова, послушного сторонника Врангеля, отказалась признать новое правительство и на одном из своих заседаний, провозгласив себя полномочной краевой радой, постановила сместить атамана Иваниса, как предателя и изменника, виновно-

го в капитуляции Кубанской армии, и избрать вместо него атаманом Кубани генерала Улагая, бывшего командующего Кубанской армией.

— Стало быть, страсти накалились до предела,— улыбнулся Левандовский.

— Это постановление встретило решительное сопротивление Иваниса и правительства,— рассказывал Охрименко.— Врангель, к которому обе стороны одновременно обратились за признанием, медлил с ответом. И только после того, как генерал Улагай, сберегая свой авторитет, отказался от атаманской булавы, он признал Иваниса и его правительство полномочными представителями кубанского казачества. После этого атаман и правительство приступили к выполнению нового своего плана: просили Врангеля ускорить десантную операцию, назначив для участия в ней только кубанские части и поручив руководство казачьему генералу Шифнер-Маркевичу. Врангель согласился с этим. В Феодосии была создана база для формирования кубанских десантных частей.

— Все же правильно, что первоначально командующим десантом был назначен генерал Шифнер-Маркевич,— заметил Орджоникидзе.

— Да,— протянул Охрименко.— Однако Врангелю стало известно о заговоре атамана Иваниса, и наступившее умиротворение было нарушено бароном. Командующим десантом был назначен Улагай, а Шифнер-Маркевич получил лишь 2-ю Кубанскую конную дивизию. Накануне десантной операции атаману Иванису и большинству членов его правительства было отказано во въезде на Кубань вместе с десантными частями.

— Откуда вам все это известно? — спросил Орджоникидзе.

— Как же,— ответил Охрименко.— Нас, офицеров, повседневно информировали.

Орджоникидзе и Левандовский поблагодарили его за сведения, и Левицкий с Охрименко вышли из палатки. Ввели пленного штабс-капитана, захваченного в Овсурах. Начался допрос...

V

Приближалось утро. Все было готово к наступлению. И конники, и пехотинцы, и артиллеристы ждали коман-

ды. Вдоль линии фронта, огибавшей станицу с запада на восток, стояла предбоевая тишина.

Из Тимашевской донесся заунывный колокольный звон, сзывающий прихожан к заутрене. Лаврентий Левицкий, держа в поводе коня, подумал: «Шось рано зазвонили, ще и пяти утра нет». Но затем вспомнил, что нынче воскресный день, а по праздникам, как известно, служба в церкви начинается рано.

Незадолго до восхода солнца прибыла большая конная группа офицеров-перебежчиков из алексеевского полка. Их влили в 3-ю Отдельную казачью кавбригаду Воронова.

С командного пункта, расположенного на кургане, что высился в двух верстах юго-западнее Тимашевской, Левандовский и Орджоникидзе наблюдали за передовыми позициями противника. Показания пленных офицеров и перебежчиков подтвердились: противник не ждал наступления. На окраине станицы дымили походные кухни, двигались обозы, вдоль окопов маячили фигуры дозорных.

— Ну что ж, будем начинать! — сказал Левандовский, обращаясь к Чрезвычайному комиссару, и по телефону отдал приказ всем командирам батарей открыть одновременный огонь по вражеским окопам.

Могучий артиллерийский залп потряс утреннюю тишину.

В ответ беспорядочно забухали пушки десантников: гаубичная алексеевская, 1-я и 2-я дроздовские батареи. Перелетая через позиции красных, снаряды рвались далеко в степи.

Первым в атаку поднялся Коммунистический отряд. Затем вперед ринулась 26-я бригада.

Улагаевцы бросились в контратаку — схлестнулись два встречных потока. Рукопашная схватка разгоралась сильнее и сильнее.

Наступательный порыв красных, однако, не ослабевал, и, как ни упорно сопротивлялись десантники, они вынуждены были в конце концов оставить свои окопы.

Виктор Левицкий со своей сотней глубоко вклинился в ряды противника. Он настолько вошел в азарт боя, что оторвался от своих на значительное расстояние. Мимо него промелькнуло искаженное злостью, багровое лицо вахмистра. В воздухе сверкнула огненная полоска стали, и если бы Виктор не успел отбить удара, то шаш-

ка раскроила бы его голову. Он поднял Ратника на дыбы, увязался за врагом. Тот круто повернул коня и, отстреливаясь из нагана, пустился вдоль реки. Виктор устремился в погоню, не замечая того, что вслед за ним бросился белоказак с пикой. У вербняка вахмистр остановился, крикнул, размахивая шашкой:

— Вот я тебя сейчас рубану, чертов большевик!

Виктор подлетел к нему. Застучали, заискрились шашки. Изловчившись, Виктор ударил вахмистра по руке. Тот выронил шашку, прикрыл голову окровавленной культией. Но тут же Виктор почувствовал удар в спину. В голове мелькнуло: «Все! Конец!» Но ему повезло. Пика, прорвав одежду, прошла у него между рукой и туловищем. Ратник всхрапнул, стпрянул от уткнувшегося в его круп коня. Виктор увидел белоказака в лихо сбитой набекрень фуражке. Он взмахнул шашкой, и обезглавленный всадник рухнул на землю.

Подлетели Охрименко и Лаврентий Левицкий.

— Жив? — спросил отец, оторопело глядя на пикую, которая, как ему показалось, пронзила грудь сына.

— Обошлось! — улыбнулся Виктор, бледный как стена, еще не совсем ясно осознавая, что произошло.

Охрименко выдернул у него пикую из-под руки, покачал головой:

— Два вершка правее — и прямо в сердце!

Развернув коней, они снова бросились в гущу боя...

1-й Афицкий полк и казачий полк Жебрака постепенно оттесняли конников Бабнева к центру станции.

Орджоникидзе и Левандовский наблюдали за этим участком в бинокли. Все попытки улагаевцев отбить мост не увенчались успехом, и теперь по мосту, за Кирпили, устремлялись все новые и новые части красных. Большое смятение вызвали в партизанском имени генерала Алексеева полку офицеры-перебежчики, которые приняли участие в атаке. Тут же, на поле боя, к ним присоединились еще несколько десятков офицеров, что совершенно деморализовало алексеевцев и вынудило их поспешно отойти в тыл.

— Мне нравится боевая хватка товарища Жебрака, — сказал Орджоникидзе, узнав из донесения, что полк Жебрака обходным маневром дезорганизовал оборону улагаевцев на северо-восточной окраине Тимашевской. — Он очень способный, инициативный командир.

— И отличный политработник,— добавил Левандовский.— Особенно ценно то, что он пользуется огромным авторитетом у казаков.

— Это немаловажное качество,— заметил Орджоникидзе.

— Поэтому я все больше утверждаюсь в мысли, что его надо назначить комиссаром армии,— сказал Левандовский,— а товарища Соловьева — заместителем начальника штаба.

— Давайте сегодня же и решим этот вопрос,— согласился с ним Орджоникидзе.

У кургана остановилась легковая машина. Приехали Черный, Фурманов, Соловьев и Атарбеков. Солнце уже взошло, и окрестности станицы, где шло сражение, были видны как на ладони. Черный сказал:

— Похоже на то, что враг оставит Тимашевскую.

— По-видимому,— ответил Левандовский,— наше наступление было для противника неожиданным.

Черный сообщил о скором приезде из Москвы уполномоченного Реввоенсовета Девильдо-Хрулевича и, обратившись к Орджоникидзе, спросил:

— Вы знаете его, Григорий Константинович?

— Ну как же,— протянул Орджоникидзе.— Даже отлично знаю Льва Самуиловича. Это, можно сказать, правая рука главкома.

— И правая, и левая,— добавил Атарбеков, улыбаясь в бороду.

— Пожалуй, вы правы, Георгий Александрович! — подчеркнул Орджоникидзе и поинтересовался: — Кстати, как ваш штабс-капитан? Все так же молчит?

— Ничего, придет время — заговорит,— ответил Атарбеков.

На курган взбежал дежурный по штабу кавбригады 14-й кавдивизии и вручил командующему донесение, полученное из района Приморско-Ахтарской. В нем сообщалось, что минувшей ночью там появилась красная флотилия и заминировала береговую зону. Открыв огонь по станице, она заставила белых эвакуировать оттуда штаб.

— Где же теперь ставка Улагая? — спросил Соловьев.

— Пока неизвестно,— ответил дежурный.

— Мы постараемся выяснить это в ближайшее время,— сказал Атарбеков.

— В ближайшие же часы, Георгий Александрович,— попросил его Левандовский.

— Будет сделано, товарищ командующий,— заверил Атарбеков.

* * *

Улагаевцы отходили к центру Тимашевской. Сотня Виктора Левицкого вырвалась на церковную площадь и ударила во фланг конникам 2-го Уманского полка, которые отбивались от наседавших вороновцев. Сам комбриг рубился в первых рядах и время от времени кричал ободряюще своим бойцам:

— Так, так, хлопцы! Бейте белогвардейскую сволочь!

Лаврентий Левицкий перемахнул через полуразрушенный плетень и, пригибаясь к луке седла, пустился за офицером, удиравшим на буланом скакуне по саду к переулку.

— Кидай оружию, сукин ты сын! — крикнул ему вдогонку Лаврентий.

Но офицер не расставался с саблей. Резко свернув за саж, он отскочил к телеге, перепрыгнул через дышло и хотел было юркнуть за ворота, в переулок, где стоял брошенный улагаевцами броневик, но Лаврентий опередил его. Шашка со свистом рассекла воздух и настигла офицера.

Выскочив в переулок, Лаврентий задержался у броневика. На башне белой краской было написано: «Диктатор». Ниже тянулось: «Геть, свора, з дороги — порядок иде!»

— Бач, бисови души! — выругался Лаврентий.— Мы дадим вам такого «порядку», шо костей своих поганых не соберете!

Не мешкая больше, он помчался назад, к площади. Из-за плетней и заборов доносились хлопки выстрелов. Конь Лаврентия вдруг покачнулся и на полном ходу грохнулся на землю. Лаврентий кубарем вылетел из седла, распластался на дороге. С минуту он лежал, озираясь по сторонам, затем вскочил на ноги, подобрал шю в плечи и побежал по переулку с зажатой в руке шашкой. Сгоряча он забыл надеть слетевшую шапку. За ним, как подбитое крыло, трепыхалась оборванная пола черкески. В соседних улицах слышались крики, храп коней и гул рукопашных схваток.

Две улагаевские батареи, обслуживаемые дроздовца-

ми, заняли позиции в трех верстах западнее Тимашевской и открыли беглый огонь по восточной окраине станции, занятой 26-й пехотной бригадой и Коммунистическим отрядом. Снаряды начали рваться во дворах, садах и на улицах в тот самый момент, когда легковая машина, в которой сидели Орджоникидзе, Фурманов и Черный, въехала в станцию. Орджоникидзе попросил шофера остановиться у стены кирпичного дома. Во дворе на противоположной стороне улицы взметнулся столб черного дыма и пламени, сорвавшего с хаты камышовую крышу. Прокатился оглушительный взрыв, завизжали собаки. Отчаянно закричал ребенок. Орджоникидзе распахнул дверь автомобиля, соскочил на землю.

— Вы куда, Григорий Константинович? — Черный хотел было удержать его.

Но Орджоникидзе уже скрылся в дыму. Фурманов, Черный и шофер бросились за ним.

— Григорий Константинович, где вы? — окликнул Фурманов.

— Здесь, здесь! — донеслось из горящей хаты.

Орджоникидзе пробрался в комнату. Под одеялом на кровати лежала маленькая девочка. Над ней на прогнувшихся балках висели обломки потолка. Орджоникидзе подхватил девочку на руки, понес из разрушенной хаты.

— Где твоя мама? — спросил он.

— Там, — указала девочка в сторону.

Черный подозвал красноармейцев. Из-под упавшей стены они извлекли труп молодой женщины.

— Мамочка! Мама! — закричала девочка и рванулась к матери, но Орджоникидзе удержал ее на руках и понес к машине.

* * *

Штаб пехотной дивизии генерала Казановича размещался в доме на западной стороне Тимашевской. В просторных комнатах, беспорядочно заваленных военным снаряжением, оружием и одеждой, бегали штабисты, вытаскивали на улицу ящики с секретными документами и грузили их на подводы. У стола стоял Вокэр с позеленевшим лицом и орал в трубку телефона:

— Я требую автомобиль! Немедленно! Алло! Алло!

Тяжело дыша, в комнату вбежал подполковник, начальник штаба дивизии.

— Господа! — сказал он хриплым, сорванным голо-

сом.— Красные отрезают нас! Их пехота прорвалась на левом фланге!

— Где моя автомашина? — набросился на него Вокэр.

— Не могу знать, господин капитан,— пожал плечами полковник.— Звоните в гараж.

— Черт побери! — бегал по комнате Вокэр.— Где же мистер Стрэнг?

В открытые окна врывались нарастающие крики «ура». Лицо эмиссара вдруг исказилось от испуга. Нервно потряхнув головой, он схватил трубку зазвонившего телефона.

— Кто говорит?..— И, тут же выронив трубку, пробормотал: — Гараж перешел в руки большевиков. Это сказал какой-то комбриг Воронов...

На улице разорвалось несколько гранат. Вокэр выскочил в окно, штабисты побежали к двери. Но на пороге появился Виктор Левицкий с наганом в руке. За его спиной стояли Вьюн, Шмель и Охрименко.

— Руки вверх! — скомандовал Виктор.

Офицеры не сопротивлялись. Их обыскали и, отобрав оружие, вывели во двор.

— В расход белую сволочь! — выкрикнул кто-то.— Чего тут с ними нянчиться. Они наших не щадят.

Виктор предупредительно поднял руку.

— Нельзя! — сказал он строго.— Вы же знаете приказ командующего!

Бой затихал. Улагаевцы поспешно откатывались к Роговской. Для прикрытия отступающих частей и обозов генерал Казанович выставил на двух высотах западнее Тимашевской пулеметный заслон. По окраине станицы хлестал сильный свинцовый ливень. Он не давал красной кавалерии вести преследование.

Черноус получил приказ подавить огонь противника. Разместив батарею на железнодорожной станции, он после небольшой пристрелки начал осыпать высоты шрапнелью. Пулеметы умолкли один за другим, и вскоре заслон был полностью уничтожен.

В освобожденную Тимашевскую длинной вереницей въезжали пулеметные тачанки, пушки, обозы...

VI

Санитарный пункт расположился в большом фруктовом саду неподалеку от центра станицы. Аннушка Балы-

шеева и медсестры оказывали первую помощь раненым и отправляли к поезду. Пострадавших было много.

В палатку, где работала Соня, два санитары ввели командира 26-й пехотной бригады. Сцепив зубы, он зажимал рану на окровавленной голове. Врач усадил его на стул, осмотрел рану и, обработав ее, поручил Соне сделать перевязку. В палатку заглянул Фурманов. Увидев комбрига с забинтованной головой, он подошел к нему, спросил:

— Где же это вас так? Ведь бой уже закончился давно.

— Из-за угла какая-то собака выстрелила,— с досадой сказал комбриг и, поморщившись, улыбнулся: — Ничего, заживет... Жаль шапку, пуля смушек продырявила. А шапка хорошая. На германском фронте и всю гражданскую в ней проходил.

Подошел Орджоникидзе и вместе с Фурмановым направился по саду, то и дело останавливаясь возле раненых и беседуя с ними.

Под старой вишней лежал худой бледный парень, из-под расстегнутой гимнастерки была видна перебинтованная грудь. Орджоникидзе наклонился к нему, поправил под головой охапку сена.

— Спасибо, товарищ комиссар,— тихо проговорил боец, и на его глазах заблестели слезы.

— Успокойтесь, дорогой,— сказал Орджоникидзе.— Рана заживет, отлежитесь, и все будет хорошо.

— Пуля под сердцем прошла,— простонал раненый.— Грудь будто огнем печет...— Его глаза уставились в голубое небо.— В бою не боялся смерти, а сейчас страшно...

Орджоникидзе проверил его пульс, сказал ободряюще:

— С таким сердцем, как у вас, сто лет можно прожить! Так что смерти здесь делать нечего. Через месяц плясать будете.

Раненый не поверил, но улыбнулся и сказал:

— Это вы так... чтоб мне легче было.

— Еще как будете вытанцовывать! — заверил его Орджоникидзе.— Тогда вспомните мои слова!

Лицо парня посветлело, оживилось.

* * *

Над площадью реяли алые полотнища боевых знамен. В большом кругу, образованном бойцами, шел лихой ка-

зачий перепляс. Но сегодня зрители дивились не столько мастерству танцоров, сколько гармониста, в руках которого обычная тальянка пела так голосисто, так подмывающе-задорно, что трудно было устоять на месте.

— От чертяка грае! — восторгались казаки.

— Откуда он?

— Из сотни Левицкого.

— Кажуть, перебежчик!

— Оце так гармонист! Куда там Петьке Зуеву!

А пальцы Охрименко метались по кнопкам вверх-вниз. Звонко заливались высокие голоса, поддержанные сочным гулом басов. Сам гармонист, сбив шапку на затылок, с лицом, расплывшимся в улыбке, притопывал ногой, подмигивал танцорам, оглашал воздух резким свистом, а то вдруг подпевал:

И камыш трещить,
И вода плющить,
А кум до кумы
Судака тащить!

Но тут раздалась команда:

— По коням!

Кавалеристы и чоновцы бросились к своим лошадям. Сотня Левицкого выстроилась на правом фланге 3-й Отдельной казачьей кавбригады. Рядом с знаменосцами собрались командиры частей. Повсюду плыл многоголосый сдержанный гул.

Лаврентий с тщательно пришитой уже полой черкески находился в первом ряду сотни, поглядывал на сына, под которым плясал Ратник. Отцовское сердце распирала гордость: «Ач, сукин кот, як по-командирски держится! Побачив бы его покойный дядько-полковник!» А тут еще Охрименко подогрел:

— Боевой у тебя сын, Лаврентий Никифорович! Молодой, но любому сотнику нос утрет!

— Весь в меня! — возгордился Лаврентий. — Не зря говорится: яке древо — такой клин, який батько — такой сын. Да, факт на лице.

В это время вновь прозвучало:

— Смирно-о! Равнение на командующего!

Гул оборвался. Наступила тишина.

На площадь выехала автомашина, на которой стояли Левандовский, Орджоникидзе, Черный и Фурманов. Машину сопровождал почетный казачий эскорт.

Начался митинг.

К бойцам обратился Орджоникидзе. Заложив четыре пальца левой руки в прорезной карман полугалифе, он вскинул правую руку и заговорил горячо, воодушевленно:

— Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Разрешите мне приветствовать вас от имени Реввоенсовета Кавказского фронта! Вы блестяще справились с поставленной задачей. Станица Тимашевская полностью очищена от десантных войск Врангеля! Ура, товарищи!

— Урррр-рр-а-а! Урррр-рр-а-а! Урррр-рр-а-а! — дружно, в едином порыве прокричали войска.

Орджоникидзе пригладил усы и, когда эхо могучего крика замерло где-то за станицей, снова поднял руку.

— Товарищи! Врагам трудящихся ненавистна Советская власть. Они никак не могут смириться с мыслью, что она лишила их возможности эксплуатировать народные массы и обогащаться за счет даровых прибылей. Зря надеются господа капиталисты и помещики на возврат к старому. Все их попытки реставрировать в России буржуазно-помещичий строй обречены на провал. Высадив десант здесь, на Кубани, Врангель рассчитывал заставить нас врасплох и пройти триумфальным маршем от берегов Азовского моря до Екатеринодара. Но, как видите, все его козыри оказались битыми. Врангель рассчитывает, предполагает, а Красная Армия гонит его полчища вспять. Тимашевская освобождена, и недалек тот час, когда врангелевский десант будет окончательно разбит и сброшен в море!

Площадь отозвалась на эти слова призывными выкриками:

— Смерть душителям свободы!

— Да здравствует Советская власть!

Орджоникидзе продолжал:

— Никто, никогда не отнимет у рабочих и крестьян России, завоеванной в боях. Мы отлично справились на востоке с адмиралом Колчаком, на Западе — с Юденичем, на юге и севере — с Деникиным и интервентами. Справимся мы и с бароном Врангелем — продажным наемником англо-американского империализма. Пусть не зарятся вильсоны, ллойд джорджи и разные клемансо на наш хлеб, на нашу нефть, на бессчетное богатство великой, первой в мире Советской страны. Слава вам, доб-

лестные бойцы, отстаивающие сейчас завоевания Октября! Вечная память героям, отдавшим свою жизнь за свободу и счастье народа!

Выступил Левандовский, поздравил бойцов с новой победой. Он назвал имена героев — самых отважных, самых храбрых, удостоенных боевых наград. Среди них: Шмель, Вьун, Перевертайло, Аншамаха, В. Левицкий, Черноус и его жена.

Выступали красноармейцы, командиры и комиссары частей. Ненавистью к врагу и любовью к Советской власти, к Ленину дышали короткие, зажигающие их речи.

А когда Левандовский пригласил Жебрака подняться на машину и представил его уже как комиссара армии, небо, казалось, содрогнулось от дружных приветственных криков.

Жебрак побледнел от неожиданно нахлынувшего на него волнения, смущенно глядел на восторженно гудящую массу людей, так бурно и горячо выражавшую ему свою товарищескую любовь, чувствовал себя в неоплатном долгу перед ней.

— Слово за вами, Николай Николаевич, — обратился к нему Черный.

Жебрак выпрямился. Патронные газыри на его темно-синей черкеске засверкали в лучах солнца. Тряхнув головой, он сказал:

— Товарищи, братцы, друзья! Будем нещадно бить врага до полной победы. Недалек уже тот час, когда наши мозолистые руки сменят оружие на молот и серп и возьмутся за мирный труд. Смерть Врангелю! Да здравствует наш любимый вождь и учитель — Ленин! С его именем — вперед, товарищи!

— Вперед! Только вперед! — неслось со всех сторон.

После митинга полки выступили из станицы и двинулись на запад.

* * *

Вдоль железнодорожного полотна по степной дороге быстро катил открытый автомобиль. Рядом с шофером сидел Черный, задние места занимали Фурманов и Орджоникидзе. Последний держал на коленях девочку.

До Екатеринодара было еще верст двенадцать. Время перевалило за полдень, и солнце припекало всюду.

Дорога утомила девочку, и она то дремала, то сонно поглядывала по сторонам. Орджоникидзе поторапливал шофера.

У заболоченной степной речушки, поросшей камышами, кугой и кустарником, девочка потеряла Орджоникидзе за рукав, проговорила:

— Дядя, пить. Я к маме хочу.

Фурманов протянул ей флягу. Она выпила несколько глотков и снова задремала.

— Война! — грустно вздохнул Фурманов. — Сколько развела она сирот! Бедные маленькие человечки. Как у них сложится жизнь?

Орджоникидзе прижал девочку к груди, задумался.

— Ничего, пристроим, — сказал он убежденно. — Поговорим в штабе... Возможно, кто-нибудь из наших товарищей возьмет на первое время. — И, помолчав, добавил с еще большей убежденностью: — Обязательно пристроим в заботливые, ласковые руки.

Встречный ветер обдавал лица путников знойным дыханием, свистел под колесами. За машиной тянулся буровато-серый шлейф пыли.

— Гляжу я на эту малышку, и что-то в ней напоминает мне дочь одного политического ссыльного — Марианну, — сказал Орджоникидзе. — Когда-то в Якутске она была для нас, ссыльных, единственным утешением.

VII

В штабе армии ждали Орджоникидзе: его вызывала Москва по прямому проводу. Соловьев сидел в кабинете начальника штаба за составлением оперативных сводок, но никак не мог сосредоточиться. Из головы не выходила Люба Балышеева. Она умерла вчера вечером, и Балышеев не приходил в штаб с самого утра.

Соловьев распахнул окно и взглянул на город, сиявший в лучах горячего августовского солнца. На душе было тоскливо... Три года прошло с тех пор, как он покинул Москву, отчий дом на берегу Яузы и юридический факультет Московского университета. С четвертого курса пришлось идти на фронт. Отец проводил его на вокзал холодно, сухо. И вот юноша в действующей Красной Армии, громил Деникина под Воронежем и Орлом, на Дону и Кубани. Потом его послали в 9-ю Красную армию, сна-

чала бригадным, а потом и армейским комиссаром. И наконец, он — заместитель начальника штаба... С Балышевым он сдружился сразу, как только узнал его, затем полюбил и его семью. Особенно ему нравилась Аннушка, да и сама Аннушка была равнодушна к нему: они это понимали без слов и относились друг к другу с глубоким уважением и симпатией. Сейчас в доме Балышевых горе...

У подъезда штаба остановилась машина. Увидев в ней Орджоникидзе и Фурманова, Соловьев поспешил им навстречу и доложил о телефонном звонке из Москвы.

— Давно звонили? — спросил Орджоникидзе, поднимаясь по лестнице.

— В восьмом часу утра, — ответил Соловьев и только теперь обратил внимание на девочку, сидевшую на руках у Фурманова, с удивлением спросил: — А это что за малышка?

— Наша, — ответил Фурманов и ласково потрепал девочку по подбородку. — Верно, Любочка?

Девочка кивнула, прижалась раздумывавшейся щечкой к плечу Фурманова. В кабинете ее посадили на диван. Забывшись в уголок, она с затаенным любопытством поглядывала по сторонам.

Орджоникидзе снял трубку телефона и попросил немедленно соединить его с Кремлем. Пока налаживалась связь, он перелистал странички своего блокнота, начал просматривать записи и время от времени поглядывал на Любочку, не сводившую с него глаз. Наконец отозвалась Москва.

— Кто у телефона? — спросили из Кремля.

Орджоникидзе назвал.

— Одну минуточку, — снова долетел голос. — Сейчас с вами будет говорить товарищ Ленин.

Орджоникидзе плотно прижал трубку к уху.

— Здравствуйте, Григорий Константинович! — услышал он голос Ленина.

— Здравствуйте, Владимир Ильич! — крикнул Орджоникидзе.

— Как себя чувствуете?

— Спасибо, отлично.

— Что нового?

Орджоникидзе доложил об освобождении Тимашевской и о дальнейшем продвижении частей 9-й Красной армии на запад.

— Это хорошо, очень хорошо, Григорий Константинович, что враг начинает отступать,— сказал Ленин.— Не давайте ему передышки, гоните его! С контрреволюцией пора кончать.

Он поинтересовался состоянием дисциплины в армии и настроением казаков. Услышав, как кубанцы сражаются за Советскую власть, воскликнул:

— Вот видите! Я же говорил, что казаки пойдут за нами. Придется еще раз посрамить некоторых малочеловеков из Реввоенсовета. Как вы думаете, стоит?

— Определенно стоит! — ответил Орджоникидзе.

— А о хлебе не забываете? — напомнил Ленин.

— Ни на минуту.

— Да, да, не забывайте, пожалуйста, о хлебе,— предупредил Ленин.— Хлеб нужен стране как воздух! Без него мы не сумеем продолжать борьбу против внутренних и внешних врагов.

— Хлеб поступает и будет поступать,— доложил Орджоникидзе.— Мы принимаем все меры к тому, чтобы его было достаточно.

— А с нефтью что?

— Ведутся подготовительные работы к восстановлению майкопских промыслов.

— Форсируйте это дело.

— Будет выполнено, Владимир Ильич.

— И попрошу вас почаще информировать Совнарком о том, что делается на Кубани,— сказал Ленин.— Убедительно прошу об этом.

— Хорошо, Владимир Ильич, я постараюсь,— пообещал Орджоникидзе.

— Есть что-нибудь еще? — спросил Ленин.

— Пока все.

— Ну если все, то желаю вам успеха, доброго здоровья и попрошу передать привет всем кубанским товарищам,— заключил Ленин.

— До свидания, Владимир Ильич! — ответил Орджоникидзе.

В кабинет вошел Балышеев, ссутулившийся, с глубоко запавшими глазами. Он постарел за одну ночь и выглядел совершенно разбитым, надломленным. Орджоникидзе был потрясен этой внезапной переменой облика начштарма. Повесив трубку, он спросил обеспокоенно:

— Что с вами, Назар Борисович?

Балышеев промолвил чуть слышно:

— Дочь...

Фурманов встал, обнажил голову. Соловьев нервно покусывал губы. Орджоникидзе понял, что произошло в семье Балышеевых. Сняв фуражку, он обнял Балышеева молча, крепко, с товарищеским участием.

Видимо, тишина, наступившая в комнате, испугала девочку. Она взглянула на дядей, всхлипнула. Балышеев только сейчас заметил малютку, склонился над ней.

— Чья же ты такая? — спросил он ласково.

Девочка доверчиво посмотрела ему в глаза, ответила тихо:

— Мамина.

— Ее мать погибла, — пояснил Фурманов. — С фронта привезли.

До Балышеева не сразу дошел смысл этих слов, но, когда он осознал, что произошло, чувство собственного горя смешалось в нем с чувством острой жалости к осиротевшему ребенку.

— А зовут тебя как? — спросил он.

— Я Любочка, — слышалось в ответ.

Балышеев вздрогнул. «Любочка! Любочка!» — звенело у него в ушах. Он взял на руки девочку, заглянул в ее голубые, не по-детски опечаленные глаза, проговорил сдавленным голосом:

— Любочка ты моя дорогая. Любочка!..

* * *

У Балышеевых было полно народу. Посреди зала на дубовом столе в гробу, обитом кумачовой и черной тканью, лежала Люба. Она походила на спящую. Казалось, оклики ее погромче, и зашевелиятся сложенные на груди руки, разомкнутся веки.

На похороны прибыли Аннушка, Соня и Аминет. Они не отходили от гроба. Приглушенный плач Екатерины Нестеровны доносился из соседней комнаты. Назар Борисович то стоял у гроба, то выходил во двор, подолгу сидел на скамейке, то снова возвращался в зал, вглядывался в лицо дочери. У окна на маленьком стуле была усажена Любочка в белом платице. Девочка не понимала, что происходит в доме, почему все плачут и почему тетя спит на цветах в красном ящике, а не на кровати.

В седьмом часу вечера четверо комсомольцев подняли гроб на плечи и медленно понесли к двери. Екатерина

Нестеровна громко зарыдала. Заплакала и маленькая Любочка, но ее тут же унесли в другую комнату.

На Красной к процессии присоединился Шадур с группой военных. Увидев Цветкова, стоявшего на трамвайной остановке, он позвал его к себе, и они пошли рядом.

Больше часа двигались по городу. И вот наконец кладбище.

Гроб сняли с катафалка и до могилы, вырытой в стороне от дороги, несли на плечах. Там установили его на холме сырой земли. Соловьев произнес надгробную речь, люди обнажили головы, затихли. Гроб начали опускать в могилу. Загремел траурный салют, слился со звуками похоронного марша. Екатерина Нестеровна и Аннушка бросились со стоном друг к другу, забились в рыданиях и, наверно, повалились бы тут же, если бы Орджоникидзе и Фурманов не подхватили их под руки. Назар Борисович отошел в сторону и тоже не сдержал слез... Комья земли глухо застучали о крышку гроба.

Народ начал расходиться. У могилы остались только Балышеевы и Соловьев. Не торопился покидать кладбище и Шадур. Дойдя с Цветковым до одной из безлюдных аллей, он оглянулся и, убедившись, что поблизости никого нет, сказал:

— Пойдемте, Трифон Анисимович, посидим немного, потолкуем. Вон, кстати, и скамеечка есть.

Цветков испуганно посмотрел в глубь аллеи, куда указывал Шадур.

— Но ведь уже совсем темно, Глеб Поликарпович,— проговорил он протестующе.— Как-то неприятно находиться здесь.

— Мне хотелось бы поговорить с вами об одном сугубо секретном деле. Это займет несколько минут.

— Ну разве что ненадолго,— согласился Цветков.

Они углубились в аллею, сели на скамью под раскидистым кустом жасмина.

— Так вот, Трифон Анисимович,— сказал Шадур после некоторого молчания,— я должен вам откровенно заявить, что люди, с которыми я связан, не верят вам. Они опасаются предательства с вашей стороны.

Цветков вытаращился на него и сипло проговорил:

— Глеб Поликарпович, я же дал вам честное слово! Я буду молчать.

— Погодите,— прервал его Шадур.— Если вы не вы-

дадите нас, значит, вы останетесь нашим соучастником. Молчание — это тоже своего рода соучастие. И окажись мы на скамье подсудимых, вам придется разделить нашу участь. Таким образом, у вас есть только два выхода: либо явиться с повинной к властям, либо продолжать сотрудничать с нами.

Цветков вытер холодный пот с лица и шеи.

— А если я брошу все и уеду? — спросил он трясущимися губами.

— Ваше бегство лишь привлечет к вам внимание чекистов, и у них сразу зародится подозрение.

— Но я все равно не выдам вас.

— Попадете в ЧК — и выболтаете все.

— Клянусь!

Шадур махнул рукой.

— Довольно! Клятва — это еще не гарантия.

— Глеб Поликарпович, голубчик, пощадите! — простонал Цветков. — У меня есть деньги, ценности... Я готов поделиться с вами, только оставьте меня в покое.

Шадур молчал. Из-за кустов вынырнули три тени. Тускло сверкнули ножи. Цветков вскочил со скамьи, приглушенно вскрикнул и упал на землю. Шадур рванулся в сторону, выстрелил раз-другой в могильные заросли и, спотыкаясь, громко взывая о помощи, выбежал на центральную аллею. На его зов и выстрелы прибежал Атарбеков с группой бойцов.

— Это вы, начснаб? — удивился Атарбеков. — Что случилось?

Стуча зубами, Шадур рассказал о происшествии. Атарбеков приблизился к скамье, чиркнул зажигалкой. Цветков лежал, уткнувшись головой в надгробный камень. В его горле зияла ножевая рана.

* * *

Поздно ночью, перед тем как уйти из штаба на квартиру, Фурманов заглянул в кабинет начальника особого отдела. Атарбеков, закончив допрос пленного штабс-капитана, сидел за столом и листал какое-то дело. Пепельница была полна окурков. Дым плавал по комнате, медленно уползал в распахнутое окно.

— Пора спать, Георгий Александрович, — сказал Фурманов. — Ты еще не угорел от дыма?

Атарбеков закашлялся, откинулся на спинку стула.

— Все равно не усну.

— Ну а штабс-капитан рассказал тебе что-либо полезное? — спросил Фурманов. — Ты его даже к себе в кабинет пригласил.

— То, что он сообщил, нам уже известно, — ответил Атарбеков. — Вот относительно улагаевской ставки — говорит, что она переехала в Гривенскую. Но это надо еще проверить.

Фурманов, прислонившись к столу, поинтересовался: — А ты не задумывался над убийством Цветкова? Атарбеков сел на диван.

— Я почти убежден, — сказал он, — что убийство Цветкова было заранее подготовлено. И знаешь, интуиция подсказывает мне о существовании какой-то взаимосвязи между Цветковым, Шадуром и даже Губарем, на след которого мы до сих пор еще не попали.

— Ты думаешь, что между ними была какая-то общность? — Фурманов остановил на нем вопросительный взгляд.

Атарбеков неопределенно пожал плечами.

— Сейчас я запросил личное дело Цветкова и вот изучаю, — сказал он.

— Есть что-нибудь?

— Пока нет. Характеристики отличные... Честный, исполнительный, преданный и так далее и тому подобное. — Атарбеков прищурился. — Кому понадобилось убивать такого праведника?

— А если это случайный хулиганский налет? — спросил Фурманов.

— Э, нет, — решительно возразил Атарбеков.

— Значит, ты в чем-то подозреваешь Шадура?

— Я сейчас говорю только о заговоре. Все как будто вполне логично. Цветков — директор военного завода. Шадур — начснаб армии... Встретились на похоронах, завели разговор. О чем? Неизвестно. Случайно забрели в темную аллею. И вдруг Цветков становится жертвой неизвестных убийц. Подчеркиваю: не Шадур, а Цветков!

— Но ведь Шадур чудом спасся, — сказал Фурманов. — Не начни он стрелять и звать на помощь — его могли бы тоже прикончить.

Атарбеков отрицательно покачал головой.

— Да, Шадур стрелял, звал на помощь, — проговорил он и положил расставленные руки на спинку дивана. — Но, говоря откровенно, стрелял он очень плохо. Бандиты

были в нескольких шагах от него, и ни один из них не убит, не ранен. А, к твоему сведению, Шадур умеет стрелять отлично: на учебных стрельбищах не раз занимал первые места.

Фурманов взглянул на часы:

— Ну, Георгий Александрович, будет тебе ломать голову. Пошли спать. Утро вечера мудренее.

* * *

В штаб армии явились Аншамаха и Перевертайло. Они доставили пленного Тупалова и ящик с секретными документами. Балышеев представил разведчиков Орджоникидзе:

— Это наши ребята, побывали в стане генерала Хвостикова. С заданием справились отлично.— И тут же, указав на полковника, одетого в штатское, добавил: — Вот начальник штаба хвостиковской армии, а это секретные документы. Еще не смотрели, что там.

— Ай да молодцы! — воскликнул Орджоникидзе, поглядывая на пленного.— Право, молодцы!

Вошел Атарбеков. Балышеев указал ему на полковника:

— Принимайте, товарищ начальник, пополнение от Хвостикова.

Аншамаха начал рассказывать о своей разведке, о том, как брали начальника штаба. Орджоникидзе вдруг удивленно расширил глаза и, улыбнувшись, проговорил:

— Пойдите, пойдите. Что-то я припоминаю. Знакомо мне ваше лицо. Мы с вами где-то виделись. Конечно же, виделись! Только запомнил где.

— Верно, товарищ Серго, виделись! — подтвердил Аншамаха и напомнил: — В семнадцатом году. В Тимашевской, когда... это самое... офицеров на бога брали.

Орджоникидзе громко рассмеялся.

— Именно на бога! Теперь вспомнил.— Весело потряхнув темной шевелюрой, он обернулся к Балышееву: — А знаете, Назар Борисович, это была любопытнейшая история. Поздней осенью семнадцатого года я направлялся поездом в Новороссийск. На станции Тимашевская мне доложили, что в станицу прибыл Бардиж¹.

¹ Бардиж — комиссар Временного правительства и член Государственной думы.

Приехал и, знаете ли, потребовал, чтобы фронтовики сдали оружие. Я, не мешкая, тоже в станицу подался. На площади около старой церкви — два лагеря: с одной стороны — революционно настроенные казаки, с другой — монархисты. Бардиж грозился арестом станичному ревкому и всем фронтовикам, если они откажутся выполнять его приказ. Но те категорически отвергли его требование и за ночь организовали 5-й Тимашевский партизанский отряд. В ту же ночь, перед моим отъездом, на станцию неожиданно прибыл эшелон с офицерами, которые следовали из Ростова в Екатеринодар, где тогда власть была в руках атамана Филимонова. Я переговорил с Науменко, председателем ревкома, и мы отдали распоряжение начальнику станции отцепить от офицерского эшелона два вагона с боеприпасами. Железнодорожники загнали состав в тупик, отцепили вагоны, причем так ловко, что офицеры ничего не заметили. А дальше пошло еще ловче. Из чугунных труб и тележных колес мы соорудили «пушки». Накрыли их брезентами и подкатали к эшелону. Тимашевский ревком предложил офицерам сдаться, но те подняли шум. Тогда на них навели «пушки», и Науменко скомандовал: «Батарея, прямой наводкой по врагам революции!» При лунном свете наши «орудия» и в самом деле выглядели внушительно. Офицеры в испуге закричали: «Не стреляйте! Мы сдаемся!» Их обезоружили и направили в Новороссийск к революционным матросам. — Орджоникидзе глянул на Аншамаху: — Это его выдумка с «пушками»!

Перевертайло скупой улыбнулся:
— Аншамаха всегда придумает!

VIII

В доме Лихачевой было тихо. Вера Романовна лежала в постели: у нее болела голова. Пышная хлопотала около нее: то прикладывала к вискам мокрое полотенце, то давала нюхать валериановую настойку.

В спальню вошел Губарь с газетой в руках.

— Вот послушайте, Вера Романовна, что напечатано сегодня в «Красном знамени», — проговорил он, садясь на стул у изголовья больной.

Лихачева прикрыла себя простыней, произнесла:

— Читайте, Ипполит Иванович.

Губарь пожевал губами, привычным движением ру-

ки провел по протезному глазу и, уставившись в газету, глухим голосом начал:

Постановление

Кубано-Черноморского областного революционного комитета
от 22 августа 1920 г.

г. Екатеринодар

№ 320

Учитывая улучшившееся военное положение города Екатеринодара, Кубано-Черноморский областной ревком постановляет:

1. Немедленно приступить к работе отделам, способствующим своей деятельностью увеличению нашей обороноспособности, а именно: продотдел, совнархоз, здравотдел, почта и телеграф, Кубано-Черноморская комиссия, финотдел, отдел управления, отдел труда, государственное издательство, комитет труда, рабоче-крестьянская инспекция и отдел статистики.

2. Деятельность этих отделов в настоящий момент должна направляться требованиями военной обороны, и поэтому разворачиваются для работы лишь те подотделы данных отделов, деятельность которых необходима в целях обороны.

Остальные подотделы остаются свернутыми, как и следующие отделы: коммунальный, отдел народного образования, земельный отдел, юстиции.

3. Сотрудники всех учреждений, как приступающих к работе, так и свернутых, должны явиться на место своей постоянной работы с 23 августа. Незанятые в своих отделах привлекаются как рабочая сила и поступают в распоряжение разгрузочной комиссии.

4. Не явившиеся на работу рассматриваются как дезертиры и привлекаются к строгой революционной ответственности по законам военного времени.

Куб.-Черноморский ревком, управделами
Боян Мальцев.

Вера Романовна растерянно посмотрела на свою подругу, нервно теребившую бахрому скатерти, затем обратилась к Губарю с тревогой в голосе:

— Как же это, Ипполит Иванович? Неужели красные победят?

Губарь отбросил газету на стол и, заложив руки за спину, сказал раздраженно:

— Еще посмотрим, кто победит! Возможно, Вера Аркадьевна привезет что-нибудь утешительное от генерала Хвостикова.

— Не забудьте встретить ее, — напомнила Лихачева.

— Можете не беспокоиться, Вера Романовна, — сказал Губарь.

— Кстати, я вот о чем хотела спросить, — зашепила Пышная. — Как настоящее отчество Веры? Говорят, она Яковлевна по отцу.

— Да, это верно,— подтвердила Лихачева.— Потребовалось заменить для конспирации.

С улицы кто-то постучал в окно. Пышная выбежала в коридор и вернулась с Демиденко. Лихачева подалась ему навстречу, нетерпеливо спросила:

— Ну что? Ради бога, рассказывай скорее!

Демиденко снял шляпу, улыбнулся:

— Не волнуйтесь, Вера Романовна. Все в порядке.

— А я так нервничала, что даже слегла в постель,— облегченно вздохнула Лихачева.

— Нервы надо лечить,— сказал Губарь и остановил взгляд на Демиденко.— Значит, говорите, концы в воду?

— Самым аккуратнейшим образом,— ответил тот.

— А как же Глеб Поликарпович? — поинтересовалась Пышная.

— Артист! — воскликнул Демиденко.— Все разыграл, как по нотам. Цветкова мы мигом кончили. А Глеб Поликарпович для отвода глаз стрельбу открыл и начал людей на помощь звать. Тем временем мы — в кусты, и дай бог ноги.

— Слава тебе господи! — перекрестилась Лихачева.

— Хорошо, очень хорошо! — одобрительно сказал Губарь.— Мы избавились от дамоклова меча.

* * *

Утром на перроне вокзала был выстроен почетный караул. В тени пешеходного моста стояли Орджоникидзе и Левандовский, окруженные военными, представителями партийных и советских учреждений города. С минуты на минуту должен был прибыть бронепоезд с членом Реввоенсовета Республики — Девильдо-Хрулевичем. Особое нетерпение проявлял Шадур. Взгляд его не отрывался от семафора, который маячил за территорией вокзала.

Издали донесся протяжный гудок паровоза, и вскоре показался бронепоезд. Громяхая по рельсам, он быстро приближался к вокзалу. И вот подкатил к перрону, зашипел пар, взвизгнули тормоза, и бронепоезд стал.

На площадке закованного в броню вагона, у которого сразу же выстроилась вооруженная охрана, показался черноволосый мужчина выше среднего роста, лет сорока с небольшим, в новеньком, тщательно отутюженном военном костюме. Продолговатое чистое лицо с острой

бородкой и коротко подстриженными усами, прямым носом и красиво посаженным на переносье пенсне в золотой оправе выражало гордость, суровую надменность человека, облеченного большой властью. Сняв фуражку, он приветливо помахал ею собравшимся и спустился на перрон. Приняв рапорт от начальника гарнизона, он прошел вдоль шеренги почетного караула и, взяв под козырек, поздоровался с Орджоникидзе и Левандовским.

— Надолго к нам, Лев Самуилович? — спросил Орджоникидзе.

Девильдо-Хрулевич пожал плечами.

— Все зависит от положения на фронте, — ответил он и, вдруг увидев Шадур, стоявшего среди штабистов, громко воскликнул: — Глеб Поликарпович! Рад вас видеть, здравствуйте!

Они обнялись и расцеловались по-приятельски. Потом Девильдо-Хрулевич обратился к Орджоникидзе и Левандовскому, сказал:

— Товарищ Шадур — мой старый друг. Мы с ним когда-то учились вместе. Гимназистами были.

Шадур сиял.

— Да, за одним столиком сидели, правда недолго, — оговорился он. — Потом мы расстались.

— Надеюсь, вы навестите меня, Глеб Поликарпович, — пригласил Девильдо-Хрулевич старого друга. — Вспомним прошлое, товарищей.

— Если у вас найдется время, — с поклоном проговорил Шадур. — Я с удовольствием.

— Ну-ну, без официальностей, — подчеркнуто снисходительным тоном предупредил Девильдо-Хрулевич и обернулся к Орджоникидзе и Левандовскому: — А теперь прошу вас, товарищи, ко мне в вагон.

— Не лучше ли проехать в штаб, Лев Самуилович? — предложил Орджоникидзе.

— Нет, нет, Григорий Константинович, — отказался Девильдо-Хрулевич. — Сейчас Михаил Карлович введет меня в курс событий, и мы, не теряя времени, выедем на фронт. А потом видно будет, как и что...

В просторном салон-вагоне, уставленном мебелью и устланном коврами, пахло духами и ароматным табаком. Посреди салона стоял круглый стол, накрытый темно-синей бархатной скатертью. На нем бутылки с прохладительными напитками и ваза с фруктами.

— Присаживайтесь, товарищи! — Девильдо-Хрулевич указал на кресла.— Я сейчас распоряжусь принести карту.

— Может быть, обойдемся моей двухверсткой? — спросил Левандовский, раскрывая планшетку.— На ней нанесены диспозиции наших и неприятельских войск.

— Не возражаю,— сказал Девильдо-Хрулевич.

Левандовский отставил в сторону вазу и бутылки, развернул карту. Все уселись. Девильдо-Хрулевич протер платочком пенсне и, водрузив его на нос, попросил:

— Докладывайте, товарищ командующий.

— Итак, о положении дел на фронте,— начал Левандовский.— Наступление, предпринятое против десантных войск генерала Улагая, развивается успешно. Нами заняты Тимашевская, Брюховецкая и Роговская.— Он указал на карте линию, за которую отошел противник.— Вот здесь, в районе Бриньковская — Привольная, наши части вдались глубоким клином в оборону вражеских войск и расчленили их на две группировки. Первая занимает рубеж Камышеватская — Ясенская — Копанская; вторая, более многочисленная, держит оборону по линии Ольгинская — Бородинская — Приморско-Ахтарская — Степная — Новониколаевская — Староджерелиевская и Полтавская.

— Ясно! — сказал Девильдо-Хрулевич.

— В ближайшее время мы должны выбить противника из хутора Золотарева и станицы Новониколаевской,— продолжал Левандовский,— и тем самым разорвать и эту группировку на две части.— Он скользнул красным карандашом по карте и указал точку южнее Камышеватской.— Здесь нами будет высажен с моря десант, который поведет наступление на Камышеватскую при поддержке сухопутных частей. Заняв станицу, они будут контролировать в этом районе побережье Азовского моря и очищать плавни от разрозненных улагаевских отрядов.

— Это, так сказать, теоретически,— покосился на него Девильдо-Хрулевич.

— Почему теоретически? — возразил Орджоникидзе.— У нас все уже готово для этой операции.

Девильдо-Хрулевич недовольно скривил рот:

— Дальше, Михаил Карлович.

— Одновременно с высадкой десанта мы попытаемся нанести удар в сторону Гречаной Балки и Ольгинской,— сказал Левандовский и стал перечислять части, входящие в основные ударные силы армии.

Девильдо-Хрулевич слушал невнимательно, изредка задавал вопросы, касающиеся несущественных деталей, и Орджоникидзе все больше убеждался, что уполномоченный Реввоенсовета слабо разбирается и в теории, и в практике военного дела.

Левандовский перешел к изложению обстановки в районах действия хвостиковской армии, но Девильдо-Хрулевич прервал его:

— Об этом мы поговорим позже. Сейчас меня интересует главное направление. И особо — сроки. Мне нужно сообщить в Реввоенсовет хотя бы ориентировочно, когда будет покончено с врангелевским десантом.

Орджоникидзе и Левандовский переглянулись.

— Я думаю, что в Реввоенсовете не сомневаются в нашем искреннем желании завершить операции против десанта в самое ближайшее время,— сказал Орджоникидзе со скрытой иронией.

Но Девильдо-Хрулевич не уловил иносказательности его слов и, принимая их всерьез, проговорил:

— Ближайшее время — это слишком неопределенно.

— На войне не всегда удается угадать сроки победы,— возразил Орджоникидзе.

— Гадать нечего, надо знать! — бросил Девильдо-Хрулевич.

— Хорошо, Лев Самуилович, мы примем к сведению ваше указание,— ответил Орджоникидзе.

Девильдо-Хрулевич снова склонился над картой, еще с минуту блуждал по ней глазами, потом, откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Принципиальных возражений против намеченных операций у меня нет. И хотя я чертовски устал, однако нам придется немедленно выехать на фронт. Прошу вас, Григорий Константинович, и вас, Михаил Карлович, подготовиться к отъезду.

IX

Ночь. Азовское море гневно шумело, с плеском накидывалось на берега, жадно лизало песчано-ракушечные кручи.

Красная флотилия, состоявшая из девяти буксиров, одиннадцати барж, трех катеров и военного судна «Эльнидифор» № 415, готовилась на рейде у Мариупольского порта к выходу в море.

Экипаж «Эльпидифора» возглавляли опытные моряки — капитан Колот и комиссар Глыба. Вся палуба была занята матросами морской дивизии, которую суда флотилии должны были доставить к месту высадки. Людской гомон сливался с шумом и плеском моря. Помигивали огоньки сигарок, и казалось, что на корабль слетелись сотни красных светлячков. На юте в кругу матросов стоял Глыба — приземистый, широкоплечий. Свет фонаря падал на его обветренное, сильно загорелое лицо с посеребренными у висков волосами.

Кто-то спросил о положении на польском фронте.

— Паны хорохорятся, срывают мирные переговоры, — ответил Глыба, — но у нас нервы покрепче, чем у них. Вот вытурим с Кубани Улагая, а потом прижмем Врангеля в Крыму, и пан Пилсудский тогда сам запросит пардону. Кишка тонка у него воевать супротив Советской России. Ежли б американцы и англичане не помогали ему, то он уже давно бы скис.

Из тьмы донеслось:

— Товарищ комиссар, к командиру корабля!

— Иду! — басом откликнулся Глыба.

Колот сидел за столиком. В открытый иллюминатор врывался морской ветер, шевелил его густые русые волосы.

— Звал? — спросил Глыба.

— Сейчас телеграмма пришла, — сказал Колот. — В двадцать два часа тридцать минут к нам придут командующий и Чрезвычайный комиссар Юга России. Надо подготовиться к встрече. — Он взглянул на часы: — Остается сорок минут. Побеседуй с экипажем и труби сбор.

Матросы «Эльпидифора» уже не раз отмечались в приказах высшего командования за боевые подвиги. Но особенно дорога и памятна была на корабле письменная благодарность, полученная от Орджоникидзе в девятнадцатом году по случаю успешного выполнения боевых операций в районе Новороссийска. Теперь, впервые, экипажу предоставлялась возможность лично встретиться с человеком, о котором во флоте шла славная молва и которого моряки называли не иначе как «наш товарищ Серго».

Экипаж, состоявший из ста пяти человек, укомплектованный в городе Николаеве из моряков, уже не раз побывавших в боях с белыми, выстроился на шканцах,

матросы-десантники шпалерами расположились по бортам судна.

Ровно в половине одиннадцатого ночи к «Эльпидифору» подошла моторная лодка. Горнист заиграл «захождение». В сопровождении группы военных по трапу поднялись Орджоникидзе и Левандовский.

После церемонии встречи командующий предоставил слово Чрезвычайному комиссару. Орджоникидзе выступил вперед и, обратясь к матросам, сказал:

— Товарищи, на долю вашего корабля ложится самая почетная, самая ответственная задача! «Эльпидифор» будет идти в авангарде десантной флотилии, и ваш отряд первым высадится на берег. Помните, товарищи, от того, насколько успешно вы выполните свою боевую задачу, зависит ход всей операции. Ваше мужество, ваша отвага должны служить примером для всех матросов. Мы надеемся на вас и глубоко верим, что эльпидифоровцы, как и раньше, отлично справятся с заданием, внесут достойный вклад в дело окончательного разгрома врагелевских полчищ!

* * *

Караван судов вышел в море. Ветер усиливался. В тучах появились просветы, сквозь которые проглядывало звездное, лунное небо. Корабли держались мористее, шли в нескольких кабельтовых западнее, чтобы в случае появления флотилии противника дать отпор.

Старшина Рыбин стоял на носу «Эльпидифора» и, опершись на поручни, вглядывался в ту сторону, где тянулась невидимая в ночи линия берега. За бортом вздымались горбатые спины волн, покрытые белым кружевом пены. Ущербленная луна выглянула из-за взъерошенной тучи и тускло осветила Рыбина. На его бескозырке золотом было написано: «Черноморский флот», на поясе — наган в кобуре, гранаты.

Где-то внизу, под палубой, тяжело дышали машины. Над широкой трубой клубился черный дым.

Караван миновал уже остров Долгий и, постепенно приближаясь к берегу, следовал к месту высадки. Десантники были наготове и сторожко глядели на восток, где над темной полосой берега занимался рассвет. С каждой минутой все ярче пламенела заря. Казалось, за горизонтом пылало огромное пожарище. Его зарево, окутанное розовым дымом, теснило тьму, заливало небо

огненным потоком. А над морем, пластаясь белесыми хлопьями, расстилался туман, сквозь который чуть-чуть проступали курчавые вихри садов, окружавших Камышеватскую.

Глыба и Колот поднялись на капитанский мостик, пытались разглядеть в бинокли берег, но туман не позволял им установить, есть ли кто на берегу, или он безлюден.

«Эльпидифор» медленно, будто на ощупь, продвигался вперед. Жерла пушек и стволы пулеметов были направлены на сушу. Вот совсем близко из тумана проступил невысокий обрыв. Выпятив бурую песчаную грудь, он полз навстречу кораблю. Колот отдал команду застопорить машины. Словно затаив дыхание, «Эльпидифор» шел теперь по инерции. Уже можно было различать птиц, сидевших на уступах обрыва.

— Братцы, смотрите! — закричал Рыбин. — Это же чайки! Раз они сидят, значит, на берегу нет никого.

— Верно, старшина! — подхватил Глыба.

Колот не отрывал бинокля от глаз.

— Да, пожалуй, можно швартоваться, — решил он и, распорядившись развернуть корабль левым бортом к берегу, крикнул в машинное отделение: — Малый вперед!

Машины снова заработали. Заслышав их гул, чайки с криком взвились в воздух, заметались над водой.

— На левом траверзе хутор Трофимов! — объявил Глыба.

— Приготовиться к высадке! — крикнул Колот.

«Эльпидифор» остановился. Несколько дюжих матросов перекинули сходни на берег. Началась высадка головного десантного отряда, который тотчас занял оборону вдоль прибрежной полосы. Остальные суда начали подходить к отмели, вдававшейся в море шагах в двухстах от «Эльпидифора». Десантники бросались в воду и по песчаной косе перебирались на сушу.

По приказу командира морской дивизии два полка должны были двинуться на Ясенскую и, достигнув станции, сейчас же сосредоточиться на правом фланге плацдарма. Остальным частям надлежало вести наступление на Камышеватскую. Плацдарм постепенно ошетинивался пушками, пулеметами. Росли штабеля ящиков с боеприпасами. Между берегом и судами непрерывно шныряли лодки и шлюпки.

Туман рассеивался, открывались дали, а когда из-за

горизонта выглянуло слепящее солнце, противник обнаружил десантные части красных.

Улагаевцы залегли. Залегли и матросы. Глыба установил пулемет в ложбине.

— Товарищ комиссар, беда! — раздался встревоженный голос Рыбина.

Глыба оглянулся и увидел, что старшина побежал к командиру дивизии, неподвижно лежавшему на поле боя. Глыба тоже устремился на помощь пострадавшему товарищу. Комдив был мертв. Пуля попала в голову, чуть выше правого глаза.

— Ну! — скрежеща зубами, комиссар погрозил кулаком в сторону врагов. — Вы еще запоете у нас не такую песню!

Особенно упорное сопротивление белогвардейцы оказали на ближних подступах к Камышеватской. Используя балки и овраги, под прикрытием огня артиллерии они приостановили десантников. Колот был ранен осколком снаряда в руку. Изорвав свою окровавленную тельняшку, капитан наспех перевязывал рану.

Флотилия открыла огонь из пушек по вражеским батареям и всему полю, на котором держали оборону алексеевцы и таманцы.

На юго-востоке, обходя стороной хутор Трофимов, показалась конница. Впереди лавы, быстро надвигавшейся на Камышеватскую, развевалось красное знамя.

— Братцы! — закричал Колот. — Наши! — Он схватил винтовку, насадил на штык обрывок своей пропитанной кровью тельняшки, поднялся во весь рост и, махая красным конникам, напряг голос: — Вперед, черноморцы! Отомстим за комдива!

Матросы помчались за ним и через несколько минут ворвались в улицы Камышеватской. А кавалеристы 8-й Красной армии одновременно атаковали большой конный отряд гвардейцев, пытавшийся зайти в тыл матросам.

Рыбин с группой десантников пробирался садами к трем ветрякам, стоявшим на берегу моря. Оттуда строчили пулеметы и поддерживали своим огнем взвод алексеевцев, который оборонял подступы к станице со стороны моря. Группа Рыбина была уже на западной окраине, оставалось преодолеть выгон, когда из-за кустов малины неожиданно появился мальчишка с облупленным носом, босой, в полотняных штанах и рубашке. Он указал на

пристань, и звонкий его голос раздался в прохладном утреннем воздухе:

— Там зараз хлеб палыть будут!

Рыбин не раздумывал долго. Поручив одному из матросов возглавить отделение для захвата ветряков, он с пятью бойцами двинулся по оврагу к морю. На пристани у накрытых брезентами штабелей из мешков суетились с ведрами солдаты. Над двумя штабелями уже прыгали желто-красные языки пламени.

Рыбин швырнул гранату. Ее взрыв переполошил поджигателей, а когда из оврага выскочили матросы, белогвардейцы, побросав ведра, пустились к станице.

Шестерка отважных начала стаскивать с мешков горящие брезенты. Пламя обжигало руки, нестерпимым жаром обдавало их лица, но они упорно продолжали борьбу с огнем и вскоре победили его. Тысячи пудов хлеба были спасены.

Отделение, брошенное на ветряки, покончило с вражескими пулеметчиками, после чего взвод алексеевцев оставил свои позиции, и десантники овладели западной окраиной станицы.

Еще более двух часов длились уличные схватки, но в конце концов последние очаги сопротивления улагаевцев были сломлены.

Х

По дороге вдоль берега моря непрерывным потоком двигались войска: пехота, артиллерия, конница, обозы. Бурая пыль медленно расплывалась над бескрайней приморской степью. С моря дул свежий ветер. Если бы не он, то степь задохнулась бы от зноя. Над зелеными волнами, налетавшими на обрывистый берег, плавно скользили чайки.

Орджоникидзе ехал на тачанке, обгоняя колонны бойцов. На облучке восседал казак в лихо заломленной курпейчатой папахе и время от времени покрикивал на сильных буланных коней, которые и без поукания, несмотря на зной, не сбавляли бега. За тачанкой следовало отделение кавалеристов, вооруженных карабинами, саблями и гранатами. Бойцы узнавали Чрезвычайного комиссара, проезжавшего мимо, помахивали руками, кричали:

— Здравствуйте, товарищ комиссар!

Орджоникидзе отвечал на приветствия, иногда останавливался, чтобы побеседовать с красноармейцами и казаками.

Но вот тачанка свернула на полевую дорогу, в сторону рыбачьего хутора, где улагаевцы, застигнутые врасплох, были вынуждены оставить склады боеприпасов и продовольствия. Впереди на жарком солнце сверкали зеркала лиманов, обрамленные зарослями темно-зеленых камышей. Сквозь шевелящуюся пелену марева вдали проступали хутора, поселки, станицы.

Вдоль и поперек исколесил Орджоникидзе Кубань за годы гражданской войны, а в этих местах был впервые и теперь приглядывался ко всему, снова и снова дивясь красоте и просторам богатого, солнечного, привольного кубанского края, который контрреволюция пыталась использовать уже не раз как трамплин для смертельного прыжка на Советскую Россию.

Тачанка приближалась к берегу лимана. В стороне от дороги валялись трупы белогвардейцев, лошадей, разбитые брички.

У хутора тачанку догнал нарочный из штаба армии. Он вручил Орджоникидзе пакет, в котором находилось донесение такого содержания:

Сегодня, то есть 24 августа, в девять часов утра, на Таманском полуострове высадился третий по счету врагелевский десант под командованием генерала Харламова численностью в 2900 штыков и сабель при 6 орудиях и 25 пулеметах.

Части 22-й стрелковой дивизии и 65-й бригады вступили в бой с противником в районе Джигинской.

Штаб 9-й армии принял все необходимые меры для ликвидации этого десанта.

Начальник штаба 9-й Красной армии
Н. Балышеев.

* * *

В Приморско-Ахтарской нарастала паника. Пристань кишела беженцами, которые поспешно грузились на баркасы, моторные и парусные лодки и уходили в море. Вокруг станицы рылись окопы, наспех воздвигались укрепления.

Старый Копоть прибежал домой, упал на колени перед иконами и, истово крестясь, забормотал:

— Господи Иисусе Христе, сыне божий, спаси и помилуй нас! Молитв ради пречистые твоя матери и всех святых, защити нас!

В дверь заглянула Нина Арсеньевна, спросила:

— Чего молитесь? Беда какая?

— Не мешай! — отмахнулся Гаврила Аполлонович.— Большевики уже в Изюмном, поняла? — И снова забубнил: — Во имя отца и сына и святого духа...— Он вдруг оборвал молитву, взглянул на невестку: — Марьяна где?

— В спальне,— ответила Нина Арсеньевна.

— Позови ее сюда,— приказал свекор и опять начал бить поклоны: — Господи, помилуй! Господи, помилуй...

Нина Арсеньевна окликнула дочь.

— Становись на колени да молись богу! — приказал Гаврила Аполлонович внучке.— Вместе с матерью молись!

Нина Арсеньевна опустилась на колени рядом с ним, зашептала молитву.

— А ты чего стоишь? — крикнул Гаврила Аполлонович на Марьяну.— Сказано, на колени!

Марьяна не повиновалась.

— Вы бы лучше людей освободили,— сказала она.

— Каких людей?

— В правлении, в сарае сидят.

Гаврила Аполлонович поднялся на ноги, закивал одобрительно:

— Беги, Марьянушка, беги, моя умница!.. Скажи, что батя приказал... Покудова его нет в станице.

Марьяна выбежала из дома. На улицах продолжалась суматоха. Марьяна торопилась. От мысли, что она не успеет освободить арестованных, сердце ее разрывалось: Скакун мог расстрелять их в любую минуту.

Около сарая стоял часовой. Марьяна обратилась к нему и, с трудом переводя дух, сказала:

— Атаман... мой отец приказал освободить всех... немедленно!

Видя перед собой атаманову дочку, часовой не стал медлить. Открыв дверь, он крикнул арестованным:

— Геть по домам! Атаман милует вас.

— Да быстрее! — нетерпеливо добавила Марьяна.

Люди недоверчиво поглядывая на солдата, стали выходить из сарая. Проковыляла совершенно поседевшая Гликерия Семеновна, а за ней и Гордей Анисимович Шмели. Старуха, видимо, догадалась, кому она да и все остальные обязаны спасением, со слезами сказала Марьяне:

— Дай бог тебе счастья, дочко.

— Идите, идите,— поторопила ее Марьяна.— Мало ли какая беда может случиться.

Шмели прибавили шагу. На улице, невдалеке от площади, им повстречался Гаврила Аполлонович. Схватив Гликерию Семеновну за руку, он заплакал:

— Прости ты нас, Луша! Во всем виноват Никита.

— Хай вас бог прощае, Гаврила Аполлонович,— простонала старуха.

— Спасибо, Луша, спасибо тебе, родная! — склонил голову Копоть.— Добрая ты душа. Спасибо и тебе, Гордей. Не вымещай ты на нас своего зла за того дурня.

— Не бойся, Аполлонович,— прохрипел Шмель.— Мы же не людоеды.

Возвращаясь домой, Марьяна увидела Вокэра. Грязный, запыленный, в рваном бешмете и облезлой кубанке, он мчался на бричке по улице в сторону моря.

Он две ночи крался по тылам красных, пока наконец не очутился в Изюмном. Там, воспользовавшись паникой, вскочил на обозную бричку и помчался в Приморско-Ахтарскую.

* * *

Сотня Левицкого и чоновский отряд атаковали эскадрон белоказаков, державший оборону южнее Приморско-Ахтарской, смяли его и прорвались к вокзалу. Там они натолкнулись на роту юнкеров Константиновского военного училища, которая также не выдержала натиска и оставила станцию.

Преследуя юнкеров, казаки и чоновцы с ходу освободили несколько кварталов, прилегавших к железнодорожной линии. Другие части вороновской кавбригады уже вели уличные бои на восточной окраине станицы.

Чтобы обезопасить тыл, Виктор Левицкий выделил отделение конников во главе с Охрименко и поручил ему тщательно проверить каждый двор. Эта мера предосторожности оправдала себя. Кое-где в подвалах, сараях и на чердаках были обнаружены белогвардейцы.

Лаврентий с двумя казаками заехал во двор Копотя, постучал плетью в окно, крикнул:

— Эй, хозяин!

На пороге показался Гаврила Аполлонович, ни живой ни мертвый от страха. Он снял шапку и, поклонившись, спросил с дрожью в голосе:

— Вам кого, товарищи?

— Белых шукаем,— ответил Лаврентий.— Не прячешь ли кого?

— Ей-богу, не прячу,— перекрестился старик.— Может, кто сам заховався, так рази я в ответе?

Козаки спешились, начали осматривать двор. Лаврентий, держа в руке карабин, полез на чердак дома. Из двери выглянула встревоженная Нина Арсеньевна, покосилась на лестницу. Ее взгляд показался Лаврентию подозрительным.

«Не иначе кто-то есть на горище!» — подумал он. А когда хозяйка робко сказала, что на чердаке никого нет, его подозрение усилилось. Напустив на себя грозный вид, он бросил:

— Нечего тут куплеты рассказывать!

Гаврила Аполлонович буркнул снохе:

— Не мешайся. Хай человек посмотрит.

Лаврентий открыл дверцы на чердак. Оттуда, точно из горячей печи, дохнуло таким жаром, что у него на мгновение остановилось дыхание. Он глотнул накаленный воздух, залез на чердак, заваленный всевозможным старьем, и, взяв карабин на изготовку, сторожко пошарил взглядом по сторонам, крикнул:

— Кто здесь? Вылазь!

Никто не отозвался. Лаврентий сделал несколько шагов вперед. О что-то споткнулся, пошарил рукой. У борова стояла четверть, оплетенная ивовой лозой. Лаврентий открыл пробку, поднес горлышко к носу — и просиял от удовольствия: в четверти была самогонка.

— Оце так находка! — воскликнул он, присаживаясь на сволок.— Моя ж ты сердешная...

Он уже не замечал чердачной жары. Торопливо растегнув сумку, вынул из нее ломоть черного хлеба и головку лука, припал губами к горлышку четверти.

Через несколько минут Лаврентий поставил четверть между коленями и, пьяно покачиваясь, запел:

Ой, гук, маты, гук,
Дэ козакы йдуть,
Ой, възэлая
Та дороженька,
Куда ж воины йдуть?

Нина Арсеньевна услышала его пьяное гудение, сказала встревоженно:

— Марьянка! Казак на горище! Там же водку мы схоронили от батьки. Чуешь, поет.

— Ну и пусть! — улыбнулась Марьяна. — Разве вам жалко водки?

Нина Арсеньевна вышла из дома, окликнула казака, поившего коня у колодца, спросила:

— Чи не случилась беда с вашим товарищем на горище? — И объяснила: — Водка у меня там.

В калитке показался Охрименко, крикнул:

— Поехали, хлопцы!

— Лаврентий Левицкий на горище, — ответил казак. — Кажись, водку надыбал.

Охрименко бросился на чердак, нашел Лаврентия уже клюющего носом, отобрал у него четверть, окликнул казаков и вместе с ними стащил Лаврентия с чердака.

Во второй половине дня Приморско-Ахтарская была полностью очищена от разрозненных отрядов Улагая. На улицах, во дворах еще были свежи следы минувшего боя.

* * *

Аншамаха стоял посреди своего разгромленного двора. Сквозь слезы он смотрел на пепелище родной хаты, на обуглившиеся стволы деревьев. Можно выстроить новую хату, посадить другие деревья, но нельзя вернуть верного, заботливого и любящего друга — жену. Ее расстреляли белые третьего дня вместе с другими станичниками. Как потерянный вышел Аншамаха за ворота, сел на коня и, еще раз оглянувшись на пепелище, тихо направился к берегу моря, туда, к яру, где были расстреляны ахтарцы и она — его подруга.

На окраине станицы, разместившись в саду, обедали казаки. У плетня на колоде сидел гармонист. Будто плача, пела в его руках тальянка.

От этой песни еще горестнее стало на душе у Аншамахи. Он хотел умчаться, чтобы никто не заметил слез на его глазах, но в это время гармонист поднял голову, взглянул в его сторону. Аншамаха мгновенно узнал этого человека. В памяти отчетливо промелькнула картина расстрела в Украинском: вечер, толпа на краю яра, кривоногий хорунжий, залпы в беззащитных людей. И этот, что теперь играл на тальянке; та же на нем белая мерлушковая папаха с заломленным верхом, кажется немного великовата для его головы, та же черкеска, но

только без серебряных погон. Он выстрелил тогда в воздух и крикнул: «Не забывай Матвея Охрименка!»

Аншамаха остановил коня и, взглядываясь в лицо гармониста, окликнул:

— Охрименко!

Гармонист оборвал пение, сжал тальянку, отозвался

— Я Охрименко!

Аншамаха спешился, подошел к нему. С минуту они молча глядели друг другу в глаза.

— Не узнаешь? — спросил Аншамаха.

— Шось не помню, — пожал плечами Охрименко

— А я не забыл тебя, — сказал Аншамаха и напомнил, где и при каких обстоятельствах произошла их первая встреча.

Охрименко улыбнулся как-то растерянно, промолвил

— Да, было такое... — И, помолчав, кивнул головой, объяснился: — Не удивляйся. С вами я теперь, за Советскую воюю.

— Ну, спасибо тебе, товарищ Охрименко! — поблагодарил Аншамаха и обнял его по-братски.

* * *

Шмели вернулись домой. Прежде чем войти в хату оглядели двор. На стене клуни во всю длину тянулася сеть, висели вентеря; на срубе колодца стояла деревянная бадья; у конюшни — перевернутая лодка; перед сараем — арба с поднятыми оглоблями... Но в конюшне, в сажке и курятнике тихо. Пару лошадей, корову, трех свинок, семь овец и всю птицу забрали улагаевцы. В амбарчике тоже хоть шаром покати.

Из сенец выбежала черная собака и, увидев людей, шарахнулась в сторону. Шмели вошли в хату. В комнатах мебель перевернута, поломана, одежда выброшена из сундука, со стен сорваны картинки и фотографии. Увидев этот разор, Гликерия Семеновна заплакала. Гордей Анисимович поднял опрокинутый стол, поставил у окна и сказал:

— Ты, Луша, бога благодари, что мы живы остались. А вещи — дело наживное.

С церковной площади донеслись звуки похоронного марша. Гордей Анисимович снял шапку, отвернулся к окну, чтобы скрыть от жены душевную боль.

«Может, и наш Юня...» — подумал он, и мысль о том

что сына, возможно, нет уже в живых, ужаснула его — Слышишь, хоронят кого-то,— промолвила тихо Гликерия Семеновна и, перекрестившись, пробормотала: — Помяни, господи...

У ворот остановился верховой. Гордей Анисимович выглянул из окна и, захлебываясь от радости, крикнул:

— Луша... Юня приехал!

Гликерия Семеновна бросилась к выходу. Старик побежал за ней.

* * *

Завечерело. Нина Арсеньевна сидела у открытого окна и грустно смотрела в сад. Свекор закрылся у себя в комнате и вот уже больше часа не показывался. Марьяна куда-то ушла.

«Что теперь будет с нами?» — подумала Нина Арсеньевна, тщетно сясь отогнать от себя мысли о муже, бежавшем с белыми, и о тех бедах, которые он причинил ахтарцам.

Из-за кустов сирени долетел приглушенный голос Марьяны:

— Ну пойдем, чего же ты?

— Да вроде неудобно,— ответил мужской голос.— Лучше тут посидим.

«Юнька Шмель!» — догадалась Нина Арсеньевна.

— Надо же маме сказать,— проговорила Марьяна.

— Ладно, пошли,— согласился Юнька.

Нина Арсеньевна вышла к ним навстречу, пригласила Юньку в дом. В комнате гость снял шапку, несмело опустился на стул. Марьяна остановилась у стола.

— Совсем или на время приехал? — спросила Нина Арсеньевна, обращаясь к парню.

— Солдат же я...— стеснительно улыбнулся Юнька.— Вот кончим с беляками, тогда насовсем вернусь. Наверно, завтра опять в поход.

— И я с ним! — выпалила Марьяна.

— Разве можно пугать меня так? — сказала Нина Арсеньевна с укором.

Марьяна потупилась, загорелась румянцем.

— Я не пугаю, мамочка... Хочу в армию.

— В какую армию? — вскрикнула Нина Арсеньевна.

— В Красную, конечно,— ответила Марьяна.

— Да ты в своем уме?

— В своем.

Нина Арсеньевна, казалось, потеряла дар речи, растерянно смотрела то на дочь, то на Юньку.

— А я что буду делать без тебя? — спросила она наконец сдавленным голосом.

Марьяна обняла ее за плечи, заглянула в глаза.

— Не сердись, мамочка. Война скоро закончится. Да и не так далеко буду я от тебя.

— Это он уговорил? — Нина Арсеньевна указала на Юньку, который сидел как на иголках.

— Нет, я сама решила, — ответила Марьяна. — В армии много девушек. Разве я хуже других? Сестрой милосердия буду или еще кем. Ты должна отпустить меня, мамочка.

— А если не отпущу?

Марьяна ничего не сказала, но в ее взгляде была такая решимость, что Нина Арсеньевна поняла: дочь не удержать дома.

XI

К шести часам вечера на Крепостной площади собрались несколько тысяч человек: рабочие, служащие, конторщики, воинские части Екатеринодарского гарнизона.

А по Красной улице сюда все еще продолжали двигаться колонны людей, как на праздничной демонстрации, со знаменами, оркестрами и песнями.

У старой церкви возвышалась трибуна, украшенная боевыми знаменами. Над толпой колыхались транспаранты с призывными надписями: «Помните о Врангеле! Смерть Врангелю!». Было знойно. Блестели штыки винтовок, ярко алели полотнища флагов, и огромная толпа выглядела празднично-пестрой, красочной. Все ждали, когда на трибуну поднимется член Реввоенсовета Республики, прибывший в Екатеринодар.

Девильдо-Хрулевич уже мчался в открытом автомобиле с вокзала, где стоял его бронепоезд. Холодно, безучастно поглядывая на горожан, толпившихся на перекрестках, он снова и снова вспоминал с содроганием о том, как едва не погиб под Приморско-Ахтарской, где неожиданно его автомобиль оказался в зоне артиллерийского обстрела.

«Это, пожалуй, чистая случайность, что я уцелел», — думал он, чувствуя, как по спине бегают мурашки. Сняв пенсне, он дохнул на стекла, протер их надушенным

платочком и пригладил рукой пышную смолисто-черную шевелюру, которая лоснилась от бриллиантина, как атласная. Пенсне снова заняло свое место на переносице. Затем Девильдо-Хрулевич со свойственной ему педантичностью принялся осматривать свой шеголеватый военный костюм: сдул с рукава темно-зеленой гимнастерки соринку, подтянул повыше голенища начищенных сапог. И вдруг обнаружил: блестящая желтая пуговица на левом обшлаге рукава болтается на одной ниточке.

— Безобразие! Черт знает что такое! — проворчал Девильдо-Хрулевич. — Придется взгреть нашего портняжку!

Оторвав пуговицу, он заерзал на сиденье. Шофер заметил нервозность своего начальника, спросил:

— Что случилось, Лев Самуилович?

Девильдо-Хрулевич показал ему пуговицу:

— Вот, видишь, оторвалась... А мне предстоит публичное выступление. Нехорошо, ах как нехорошо получилось!

— Да никто и не заметит, что ее нет, — сказал шофер.

Девильдо-Хрулевич недовольно насупился:

— Не говорите лишнего!... У военного руководителя всегда должен быть безукоризненный порядок. А внешность, вид его — тем более! Сила примера.

— Если так, то давайте вернемся и пришьем пуговицу, — предложил шофер.

— Пожалуй, — согласился Девильдо-Хрулевич.

* * *

Время уже давно перевалило за шесть часов, а Девильдо-Хрулевич не появлялся на площади. Толпа изнывала от духоты. Игуменя, Лихачева и Пышная, стоявшие вблизи трибуны, перебрались в тень белолисток, где располагался духовой оркестр. К ним присоединился Шадур.

— Ну что? — спросила его игуменя.

— Не волнуйтесь, Вера Аркадьевна, — улыбнулся начснаб. — Все в порядке. Он примет вас.

По толпе пробежала волна оживления. С Красной улицы на площадь въехала машина Девильдо-Хрулевича. Оркестр заиграл встречный марш. Войска взяли винтовки на караул. И вот наконец под гром оваций Девильдо-Хрулевич подъехал к трибуне. Приняв рапорт от начальника Екатеринодарского укрепленного района

Ковтюха, он в сопровождении секретаря областкома Черного, командующего Левандовского и других военных взшел на трибуну и приветливо помахал рукой над головой. Снова вспыхнула овация, длившаяся несколько минут. Упиваясь зрелищем столь восторженной встречи, Девильдо-Хрулевич обернулся к секретарю областкома:

— Я полагаю, товарищ Черный, пора начинать.

— Мы ждали вас, — ответил секретарь. — Митинг намечался на шесть часов.

— Знаю, — буркнул Девильдо-Хрулевич. — У меня был срочный разговор с Москвой.

Черный склонился над перилами трибуны, поднял руку и, когда площадь утихла, сказал:

— Товарищи красноармейцы, рабочие, служащие и жители города Екатеринодара! Разрешите митинг гнева и протеста против высадки врангелевских десантов в нашей области считать открытым! Слово предоставляется члену Реввоенсовета товарищу Девильдо-Хрулевичу!

Девильдо-Хрулевич протер пенсне, водрузил его на нос и, приблизившись к перилам, повел глазами по притихшему людскому морю, кашлянул и произнес звонким голосом:

— Товарищи! Я приветствую вас от имени нашей Красной Армии, рабочего класса всей страны, и в первую очередь рабочих и работниц Москвы!

Толпа зааплодировала. Девильдо-Хрулевич выждал, пока утихли рукоплескания, продолжил:

— Товарищи! Сегодняшняя наша встреча имеет сугубо военный характер. Мы собрались сюда для того, чтобы заявить как внутренней, так и внешней контрреволюции свое грозное, непоколебимое «нет!».

Соня стояла в группе санитарок, доставивших в город раненых бойцов. Слушая речь Девильдо-Хрулевича, она изредка поглядывала по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь из краснодольцев и вдруг неожиданно-негаданно встретила взглядом с игуменьей. Та улыбнулась, приветливо кивнула головой, но Соня поспешно отвернулась, сделала вид, что не узнала настоятельницу, которая здесь, на митинге, была облачена совсем не по-монашески. Собственно, Соня не испытывала чувства неприязни к игуменье и до сих пор была убеждена, что матушка не имеет никаких преступных связей с бандой Набабова, но почему-то сейчас встреча с ней была очень неприятна.

А Девильдо-Хрулевич все больше входил в ораторский азарт:

— Могучий, великий ураган революции вырвал с гнилыми корнями паразитическое дерево помещичье-капиталистического строя, сосавшее из народа кровь. Лучезарное солнце свободы озаряет прекрасные просторы России, сбросившей с себя тяжелые кандалы рабства и бесправия. Наш рабочий класс, как былинный Илья Муромец, расправил богатырские плечи и уже не одну голову отсек многоглавому Змею Горынычу — контрреволюции...

Левандовский стоял рядом с Жебраком в углу трибуны под знаменем и слушал речь Девильдо-Хрулевича без особого интереса. Он считал инспекционную поездку члена Реввоенсовета на фронт совершенно бесцельной и даже вредной. Не согласовав ни с кем вопроса, Девильдо-Хрулевич отстранил от командования ряд способных полководцев, в том числе и командира Приуральской бригады Семашко, чем только внес дезорганизацию в армию.

«Пожалуй, он и впрямь только демагог и краснобай», — подумал Левандовский, вспомнив, какую характеристику Девильдо-Хрулевичу дал Орджоникидзе.

Выразительно жестикулируя руками, то и дело меняя интонацию голоса и явно рисуясь, Девильдо-Хрулевич умело рассыпал красивые слова, жонглируя эпитетами, метафорами, сравнениями, и его речь словно гипнотизировала толпу, приковывала к себе неослабное внимание слушателей. Обстоятельно охарактеризовав положение на других фронтах, он перешел к Южному фронту.

— Сейчас этот фронт становится решающим! — напряг он голос и многозначительно потряс в воздухе указательным пальцем. — Черный поток контрреволюции пытается прорваться сквозь плотину наших войск к сердцу Донецкого бассейна. Над Северной Таврией и здесь, на Кубани, бушуют грозы сражений. Небо, земля и сердца людей содрогаются от ревушего грома и молний снаряженных разрывов. Но плотина Красной Армии несокрушима. О нее, как о гранитные скалы, уже разбились мутные волны корниловщины, деникинщины, колчаковщины. И так будет со всеми, кто, раскрыв алчную пасть и брызжа бешеной слюной, посягает на завоевания рабочего класса и хочет превратить Россию в Содом и Гоморру...

Глотнув воды из стакана, Девильдо-Хрулевич театрально выбросил руку вперед:

— Вот сколько нас, товарищи! Силы наши неисчисли-

мы, как звезды на небе, как капли в океане... Но не надо забывать, что во время Деникина этот фронт поднимался выше Орла и подходил к Туле, к нашей великой кузнице. Если бы мы тогда отдали Тулу, мы не погибли бы еще, но опасность была бы страшно велика. И мы разбили Деникина и на Украинском фронте, и на Северо-Кавказском, и на Донском, и на Кубанском. Разбили, но не добились! В Крыму сохранился барон Врангель, которого уже величают кандидатом на русский трон, называют великим «болярином Петром». Этот болярин через посредство лорда Керзона хлопотал у нас об амнистии и одновременно на французские деньги и с помощью французского снаряжения формировал в Крыму отряды из деникинского офицерства. Из этого офицерства и с помощью крестьянского кулачества и отчасти верхов казачества Врангель создал ударную армию. Из Франции эта армия получает снаряжение, из Варшавы — свои военные задачи. Врангель — это цепной пес, которого пан Пилсудский держит у нас в тылу. Это военный подкидыш пана Пилсудского. Мы не могли сосредоточить в Крыму большие силы, так как вели упорную борьбу на польском фронте, и Врангель, воспользовавшись этим, вылез из крымской бутылки, пробился на юг Украины, взял Мелитополь, пытался взять Херсон, но наткнулся на сокрушительный удар частей Красной Армии и теперь сделал последнюю попытку пробиться на Северный Кавказ, на Кубань и Дон.

Девильдо-Хрулевич снова затих, хотел еще глотнуть воды из стакана, стоявшего с графином на столике перед ним, но потом почему-то раздумал и, обратясь к народу, изнывавшему от духоты, прибавил:

— Вы думаете, почему Врангель двинул десанты на Кубань? Да потому что здесь притаилось много вражеского отребья, среди которого основная роль принадлежит верхушке казачества, контрреволюционной по своей сущности. Врангель решил сделать ставку на эту часть кубанского населения. Будьте бдительны, товарищи! Враги, как тать в ночи, проникают в наши учреждения, в нашу армию. Смею вас уверить, что их, врагов, немало сейчас и на этом митинге! Но всевидящее око ЧК все равно найдет их, и они будут раздавлены подобно мерзким червям. Их место на свалке истории, среди смердящей падали!..

Над площадью, точно вспугнутая стая голубей, раз-

разились бурные аплодисменты, не смолкая, долго носились в знойном, горячем воздухе. Когда же воцарилась полная тишина, Девильдо-Хрулевич, набрав до отказа в грудь воздуха, воскликнул:

— Вперед, товарищи, к победе! Развеем черные тучи над Кубанью и Крымом, чтобы солнце свободы вечно озаряло новую, счастливую жизнь на степных привольях. Сметем вражескую нечисть с дороги, по которой мы идем в великое грядущее! Да здравствует красный Екатеринодар! Ура, товарищи! Ура-а!

Тысячи голосов, слившись в один грозный голос, мощно подхватили это призывное «ура», перебрасывая его с одного конца площади в другой. Оркестр грянул «Интернационал». Девильдо-Хрулевич выпрямился, сделал под козырек и стоял навтыжку до тех пор, пока оркестр не умолк.

Черный предоставил слово Жебраку.

— Товарищи,— сказал комиссар армии,— я вполне разделяю призыв члена Реввоенсовета к усилению революционной бдительности. Верно, много врагов притаилось на Кубани.

Девильдо-Хрулевич одобрительно закивал головой.

— Но у нас в казачестве,— продолжал Жебрак,— есть не только богатеи, верхушка так называемая, но есть и казак-бедняк, и казак-средняк. Вот эта прослойка казачества вся теперь на стороне Советской власти. Вы в этом могли бы твердо убедиться, если бы взглянули на наши красные полки, действующие в данное время на фронте. Казаки — бедняки и середняки — не поддержали Врангеля, они сражаются в наших рядах. Прав был Владимир Ильич Ленин, когда сказал, что основная масса казачества пойдет за Советской властью!

Девильдо-Хрулевич насторожился, потом спросил:

— Это что? Меня здесь дополняют... или просто-напросто поправляют?

Левандовский спокойно ответил:

— Комиссар сам из казаков и отлично знает настроение и мысли казачества.

Тем временем Жебрак провозгласил здравицу в честь казаков — бойцов Красной Армии, встреченную с таким бурным энтузиазмом, что Девильдо-Хрулевич счел разумным оставить комиссара армии в покое.

Лихачева с приятельницами возвращалась домой на фаэтоне. У гостиницы «Европа» игуменья попросила извозчика остановиться, сошла на тротуар и, подобрав подол длинного черного платья, направилась в свой номер. Лихачева и Пышная, поджидая ее, разглядывали пешеходов, сновавших по улице, колонны красноармейцев, возвращавшихся с митинга. Четко печатая шаги по мостовой и ошетинаясь холодной сталью вороненых штыков, бойцы с удалью распевали песни.

Вернулась игуменья. Когда фаэтон тронулся, Лихачева наклонилась к ней, спросила шепотом:

— Ну как?

— Я остаюсь,— ответила игуменья.— Глеб Поликарпович все уладил.

— И ты думаешь, что-нибудь получится?

— Чем черт не шутит,— улыбнулась игуменья.— Всяко может быть.

* * *

Девильдо-Хрулевич прохаживался по салон-вагону бронепоезда и изредка поглядывал на свое отражение в зеркале. Он был доволен своим внешним видом и чувствовал, что его речь на митинге произвела на слушателей хорошее впечатление. Но выступление Жебрака продолжало тревожить его самолюбие. Он еще никогда и никому не прощал подобных вещей и сейчас, подобрав удобный момент, решил свести счеты с комиссаром армии.

Дежурный доложил о прибытии Орджоникидзе.

— Просите! — сказал Девильдо-Хрулевич и, сев за письменный стол, напустил на себя вид, что по горло занят делами.

Вошел Орджоникидзе. Девильдо-Хрулевич оторвал глаза от черновика очередного донесения в Реввоенсовет, поднял голову и сказал извиняющимся тоном:

— Присаживайтесь, Григорий Константинович. Я сейчас... одну минуточку.

Орджоникидзе опустил в кресло. Девильдо-Хрулевич дописал свой рапорт и, передав его молодой женщине, видимо телеграфистке, показавшейся в дверях салона, закурил.

— Есть какие-нибудь изменения на фронте? — наконец спросил он, присаживаясь за круглый стол.

— Есть,— сухо ответил Орджоникидзе.— По линии Степная — Гречаная Балка — Поповическая — Старонижестеблиевская — Славянская мы перешли к обороне.

— Почему? — удивленно вскинул брови Девильдо-Хрулевич.

— Противник перегруппировал силы и стал оказывать сильное сопротивление на этом участке.

— Плохо, очень плохо!

— Могло быть хуже,— заметил Орджоникидзе.— Ведь вы, Лев Самуилович, по сути дела обезглавили Приуральскую бригаду, которая действует на этом фронте.

Девильдо-Хрулевич снял пенсне, сощурился:

— Простите, Григорий Константинович. Я не понимаю вас. О чем вы?

— О том, что вы без ведома командующего сняли командира Приуральской бригады товарища Семашко,— ответил Орджоникидзе.— И не только Семашко. Лично я считаю, что подобное самовольное вмешательство в дела армии ведет к снижению ее боеспособности.

Девильдо-Хрулевич надел пенсне, нервно постучал пальцами по столу.

— Не забывайте, что я, как член Реввоенсовета, правомочен принимать такие решения.

— А вы в свою очередь не забывайте, что деятельность Реввоенсовета и каждого его члена в отдельности контролируется партией! — напомнил Орджоникидзе.

— Значит, вы склонны замазывать непростительные ошибки таких, как Семашко? — проговорил, вскипая, Девильдо-Хрулевич.— Ведь из-за оплошности этого Семашко я едва не погиб. Шутка ли — угодить под артиллерийский обстрел!

— На фронте это не диво,— усмехнулся Орджоникидзе.— Бойцы и днюют и ночуют под огнем. И тот же Семашко каждую минуту рискует жизнью.

— Но он завез меня в самый ад! — вскричал Девильдо-Хрулевич.— А что, если это было сделано умышленно?

Орджоникидзе неодобрительно сдвинул брови:

— Лев Самуилович, вы это всерьез или шутите?

— Пусть Семашко будет впредь осмотрительнее,— сказал Девильдо-Хрулевич, уклонившись от прямого ответа.— Мне кажется, что человек, которого я назначил

на его место, справится с должностью командира бригады не хуже, чем Семашко.

— Назначили опять-таки без ведома командующего,— сказал Орджоникидзе.— И я категорически возражаю против этого назначения. Бойцы любят Семашко, за ним они готовы пойти на смерть, а сейчас, если хотите знать, дисциплина в их рядах сразу упала. И чтобы поднять их боевой дух, надо немедленно вернуть им любимого командира. На этом настаивают и Левандовский, и Жебрак, к ним присоединяю свой голос и я.

Девильдо-Хрулевичу не хотелось отменять свой приказ. Он боялся, что этот шаг подорвет его авторитет как члена Реввоенсовета.

— Кстати, Григорий Константинович, вы хорошо знаете товарища Жебрака? — спросил он после непродолжительного молчания.

— Да, хорошо,— ответил Орджоникидзе.— А что?

— Жаль, что вы не присутствовали на митинге,— сказал Девильдо-Хрулевич.— По-моему, у Жебрака очень шаткие политические убеждения. Ведь он, по сути дела, ревизует подтвержденную жизнью истину о том, что кубанское казачество, да и не только кубанское, являлось одним из столпов царского самодержавия и принадлежит к самым реакционным сословиям. В своей речи я упомянул лишь о казачьей верхушке, которая целиком поддерживает Врангеля, но о бедняцкой и середняцкой массе казачества я умышленно умолчал. А он, видите, дополнил меня или даже осторожно поправил, заявив во всеуслышание, что сейчас казак бедняк и середняк уже переродился и идет вместе с Советской властью. Какая чушь! Все казачество в принципе как было реакционно, так и остается нашим врагом.

— Но жизнь подтверждает обратное,— возразил Орджоникидзе.— В конце концов, основная масса казачества определенно симпатизирует Советской власти и сражается за нее. К чести товарища Жебрака, он глубоко и правильно разбирается в этом вопросе, вернее, следует ленинскому указанию о необходимости дифференцированного подхода к людям.

— И все же я остаюсь при своем мнении,— сказал Девильдо-Хрулевич.

— Ну, а относительно Семашко как? — напомнил Орджоникидзе.— В Реввоенсовет обращаться или вы сами соответствующие указания дадите?

— Ладно, бог с ним! — сдался Девильдо-Хрулевич. — Я сегодня отменю свой приказ. — И тут же пригласил Орджоникидзе отужинать с ним.

— Благодарю! — отказался Орджоникидзе. — Через пятнадцать минут мне нужно быть на бюро областкома.

— Подождут! — махнул рукой Девильдо-Хрулевич. — Подумаешь, каких-нибудь полчаса.

— Нет, нет, не могу! — категорически возразил Орджоникидзе.

Выйдя из вагона, он оглянулся на плотно завешанные окна, подумал: «Хотя бы шторы поднял и проветрил свою железную цитадель... Надо звонить в ЦК, чтобы скорее убрали его отсюда!»

* * *

Шадур приехал к Лихачевой в двенадцатом часу ночи. Он вошел в зал, и в ту же минуту в дверях соседней темной комнаты показалась хозяйка в голубом халате. Выставляя как-то по-особенному правую ногу из-под подола своей ночной одежды, она сделала два шага вперед и, оставив на виду носок расшитой золотом и серебром домашней туфельки, спросила:

— Что это ты в такую погоду пожаловал?

Шадур заметил, что его возлюбленная чем-то расстроена, взял ее руки с длинными отполированными ногтями, поцеловал сначала одну, потом другую.

— Тебе нездоровится, Верочка?

— Нет, просто... — Лихачева села на диван. — Никак не приду в себя после митинга.

Шадур сел рядом с ней.

— Я же не советовал тебе ехать туда. Но ты не послушалась.

Лихачева закрыла глаза, вздохнула.

— Этот митинг подействовал на меня удручающе. Как никогда раньше, я почувствовала, насколько мы одиноки.

— Мне не нравится твое настроение, Верочка, — с укором сказал Шадур. — Сегодня нас мало, а завтра будет больше.

— Не успокаивай, пожалуйста, — сказала Лихачева. — Ты говоришь о том, во что и сам не веришь.

— Но нельзя же падать духом!

— Какая может быть бодрость духа у идущего ко дну? — Лихачева потерла пальцами виски. — Страшно! —

И помолчав, поинтересовалась: — А что с Тупаловым?
— Его уже нет,— угрюмо сказал Шадур.
— То есть как нет? — испугалась Лихачева.
— Расстреляли.
В зал вошла игуменья, сказала:
— А я ждала вас весь вечер, Глеб Поликарпович.
Сейчас уже без четверти двенадцать.
— Собирайтесь, Вера Аркадьевна,— объявил вдруг Шадур.— Лев Самуилович может вас принять только теперь — другого времени у него не будет.
— Я готова! — ответила игуменья и, поправив перед зеркалом прическу, обратилась к Лихачевой: — Как мой вид, Верочка?
— Божественный! — воскликнула Лихачева.
— На то я и настоятельница монастыря,— рассмеялась игуменья.
— Только, ради бога, не проболтайте вы об этом Льву Самуиловичу,— предупредил ее Шадур.— Он, знаете, любит все земное, но больше всего обожает лести. Поэтому если вы хотите понравиться ему, то учтите эту его слабость. Перед жаром лести он тает, как воск.
— Обязательно воспользуюсь вашим советом,— пообещала игуменья.— Я сделаю все, чтобы завоевать его симпатию.

* * *

«Фордик» подкатил к порталу вокзального здания. Шадур выскочил из машины, распахнул переднюю дверцу и, поддерживая игуменью под руку, помог ей сойти на мостовую. У выхода на перрон их встретил начальник личной охраны Девильдо-Хрулевича.

Игуменья простилась с Шадуром и вместе с проводником направилась к салон-вагону.

Девильдо-Хрулевич читал газету. Игуменья остановилась у двери, спросила робко:

— К вам можно?

Девильдо-Хрулевич поднял глаза, быстро встал:

— Да, да, пожалуйста! Милости прошу.

Игуменья все еще стояла в нерешительности и, снимая черные нитяные перчатки, пробормотала с деланным смущением:

— Простите, что я осмелилась побеспокоить вас.

— Прощу, проходите! — любезно повторил Девильдо-Хрулевич.— Присаживайтесь, пожалуйста.

Игуменья подошла к нему, протянула холеную руку и, поблагодарив за внимание, села в кресло у круглого стола, на котором горела настольная лампа под розовым абажуром. Девильдо-Хрулевич занял место напротив, поправил пенсне, промолвил благорасположенным тоном:

— Итак, чем я могу быть вам полезен?

— Простите, Лев Самуилович...— начала игуменья, положив на стол правую руку, украшенную золотым перстнем, помедлила, стараясь всем своим видом показать, в каком взволнованном и смятенном состоянии находится сейчас ее душа, потом тихо сказала: — Может быть, это бестактно отрывать у вас драгоценное время, но я решила посоветоваться с вами... Глеб Поликарпович говорил мне о вас столько доброго, что я заочно прониклась каким-то особым чувством, доверием к вам, Лев Самуилович.

Первая доза лести подействовала. Взгляд Девильдо-Хрулевича наполнился участливой теплотой.

— Я слушаю вас,— проговорил он мягко.

— У меня большое несчастье! — вырвалось отчаяние из груди игуменьи, и глаза застлались слезами.— Такое несчастье, что я чувствую себя совершенно потерянной.

— Что же случилось? — спросил Девильдо-Хрулевич, взглядываясь в ее побледневшее лицо.

— Я приехала в город и хотела обратиться к товарищу Атарбекову,— сказала игуменья,— но Глеб Поликарпович порекомендовал мне прежде переговорить с вами.— Она вытерла кружевным платочком глаза, потупилась.— Дело вот в чем... Мой дядя во время отступления Добровольческой армии уехал за границу, а теперь вместе с десантом белогвардейцев вернулся на Кубань и неожиданно явился ко мне. Признаюсь, я скрывала его некоторое время... Старику слишком тяжело было бы умирать вдали от родины. Но в конце концов я вынуждена... Я не хочу отвечать за его грехи перед властями.

Девильдо-Хрулевич озадаченно поджал губы. С таким щекотливым делом ему пришлось встретиться впервые.

— Лев Самуилович,— простонала игуменья,— умоляю вас, помогите. Вы знаете, в каком страшном водовороте живем мы сейчас. Я могу пострадать из-за выжившего из ума, глупого старика. Посоветуйте, что мне делать? — Она разрыдалась.— Я с ума схожу... Предчувствие чудовищной беды не оставляет меня ни на минуту.

Я ведь ни в чем, поверьте, абсолютно ни в чем не виновата...

Девильдо-Хрулевич пожал плечами.

— Я затрудняюсь сказать вам в данный момент что-либо определенное,— проговорил он.— Но нельзя же так отчаиваться. Возьмите себя в руки.

— Пытаюсь, Лев Самуилович, но не могу,— ответила игуменья сквозь слезы.

Девильдо-Хрулевич встал.

— Да, наше время неповторимо-сложно,— сказал он с глубокомысленным видом.— Я понимаю, вы — искренняя женщина... Но как вам помочь?

— Как вы найдете возможным! Я на все согласна.

— Хорошо. Я подумаю.

— Лев Самуилович! — воскликнула игуменья.— Вы вдохнули в меня надежду!.. Где, когда я могу узнать ваше решение?

— Зайдите завтра в гостиницу «Европа»,— сказал Девильдо-Хрулевич.— Временно моя резиденция будет там.

— В «Европе»? — Игуменья выразила на своем лице приятное удивление.— Какое совпадение! Я тоже живу там.

— Тем лучше,— улыбнулся Девильдо-Хрулевич.— Мы сможем встретиться с вами в любое время.

— О, как это все будет кстати! — протягивая руку на прощание, прибавила игуменья.— Доброй вам ночи!

Девильдо-Хрулевич учтиво поклонился и проводил ее из вагона.

ХIII

Южнее Роговской тянется заболоченная речушка Гречаная Балка, впадающая в Кирпильский лиман. По ее берегам почти непрерывной цепью разбросались хутора, скрытые в зелени фруктовых садов. На левом берегу реки, за стеной густых камышей, занимали оборону белогвардейцы, отошедшие сюда под напором войск 9-й Красной армии. На правом берегу, в хуторе Гречаная Балка, размещался штаб 3-й Отдельной казачьей кавбригады Воронова. Вдоль всей линии фронта стояла тишина. Пользуясь передышкой, противник вел перегруппировку сил, подтягивал к передовым позициям резервы и приводил в порядок оружие.

После полудня двор гречанобалковской школы стал наводняться бойцами. Усевшись на землю перед наспех сбитым деревянным помостом, они ждали выступления самодеятельных артистов, поторапливали комсомольцев, суетившихся тут же на сценической площадке.

— Скоро ваш тиянтер будет?

— Давай хвокусников!

— И танцуристов!

— Шевелись, комсомолия!

Гомон не умолкал. В воздухе плавал табачный дым. Пахло махоркой и потом.

Но вот приготовления закончились. На сцену поднялась Аннушка Балышеева в легком белом платье, белых туфлях.

— Похлопаем, братцы! — крикнул кто-то из красноармейцев.

Над двором прокатилась шумная волна рукоплесканий. Бойцы не жалели ладоней, хлопали азартно, дружно, оглашая окрестности веселыми выкриками.

— Товарищи! — звонко обратилась Аннушка к зрителям. — Наши артисты такие же бойцы, как и вы, поэтому не судите их строго. Будут и плясуны, и певцы, и музыканты. Возможно, кто-нибудь из вас хочет выступить в этом самодеятельном концерте. Милости просим! — Она лукаво подмигнула: — Есть такие?

В ответ полетело:

— Найдутся!

— Починайте, а там видно будет!

— Тогда приступим! — сказала Аннушка. — Первым выступит Демка Вьон. Вы знаете, товарищи, что польские паны сорвали в Минске мирные переговоры с Советской Россией. Пилсудский, подстрекаемый английскими и французскими буржуями, петушится. Вот вы сейчас и увидите этого польского петуха-забияку.

Из-за ширмы выбежал Демка в наряде, изображавшем желтогрудого петуха, с черными крыльями, в красных сапогах, на которых торчали длинные шпоры. Бойцы встретили его громким хохотом.

Вьон захлопал крыльями, изогнул шею и хрипло закричал:

— Ку-ка-ре-ку-у-у!

Хохот усилился. Демка выпятил грудь, напыжился, воинственно вскинул крылья и, похаживая по сцене, вскричал:

Я польский пан,
И вот мой план:
Я не хочу мириться,
Желаю только биться!

Остановившись посреди сцены, он зашаркал ногами, звякнул шпорами:

Я польский пан,
Я грозный пан,
Свой смелый план
Сейчас я извлеку:
Ку-ка-ре-ку-у-у!

Зрители покатались со смеху, горланили одобри-тельно:

- Оце так пан!
- Так его, Демка, так!

А Вьюн, ободренный такой реакцией, петушился еще больше:

Я польский пан,
Вельможный пан!
Страну рабочих и крестьян
Смелю в мельчайшую муку!
Кукареку! Кукареку-у-у!

Затопавав ногами, он перекосил лицо и, пыша злостью, продолжал:

Я красных сброшу в Днепр-реку,
Возьму я Петроград, Москву,
Развею барскую тоску!
Кукареку! Кукареку-у-у!

И вдруг оборвал крик, испуганно прислушался, затем заметался по сцене и трусливо опустил крылья. Голос его задрожал, наполнился страхом:

Но, боже, боже, что с панами?..
На красное наткнулись знамя,
Их гонит вспять животный страх,
Вопят, почуяв полный крах:
Кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах!

Озираясь по сторонам, волоча по полу крылья, петух-забияка бросился наутек. Хохот, крики, аплодисменты слились в сплошной восторженный гул.

- Демка, даешь еще!
- Будет то самое и Пилсудскому!

— Bravo, Демка!

Вьюн широко, счастливо улыбаясь, снова показался на сцене, уже в своей обычной одежде, неловко раскланялся и, еще раз прокричав «ку-ка-ре-ку-у-у!», скрылся за ширмой.

Прошло не меньше минуты, пока наконец начал затихать шум. Аннушка объявила:

— А теперь перед вами выступит медицинская сестра санитарного поезда Софья Калита.

На сцену вышла Соня в гимнастерке, темно-синей юбке и туфлях. Тяжелые черные косы с алыми лентами лежали на ее груди. В правой руке — цветок ромашки. Увидев сотни бойцов, перед которыми ей предстояло петь, Соня ощутила на себе их взгляды, зарделась от смущения, опустила глаза. Охрименко с двухрядкой в руках наклонился к ней, шепнул ободряюще:

— Починаем!

Пальцы его побежали по серебряным пуговкам ладов, и Соня, услышав мотив, оживилась, подняла голову, запела:

Ой, казала мени маты,
Ще й приказувала,
Щоб я хлопцив у садочок
Не приважувала.

На ее лице играла улыбка, в глазах поблескивали озорные огоньки, а голос лился свободно, по-соловьиному звонко. Соня не только пела. Она перевоплощалась в ту девушку, о которой говорилось в песне. Надув губы и недовольно вздохнув, начала второй куплет:

Посылала мене маты
До криниченьки.
Принеси ж ты, моя доню,
Хоть водыченьки.
Ой, мамо, мамо, мамо,
Хоть водыченьки!

И какой же лукавой, шаловливой выглядела Соня, когда запела третий куплет:

Ждала, ждала мене маты,
Не дождалася...
А я с хлопцем у садочку
Цилувалася.

Ой, мамо, мамо, мамо,
Цилувалася!

Едва замерла последняя нота, как бойцы неистово захлопали в ладоши и подняли такой шум, что казалось, на школьном дворе началась рукопашная. Союю не отпускали со сцены, требовали, чтобы она пела еще и еще.

И вдруг Соня услышала голос Виктора Левицкого:
— Спой мою любимую!

Соня увидела его в тени акации, крикнула:

— Спой!

И она запела любимую песню Виктора:

Ничь яка, господы, мисяшна, зоряна!
Ясно, хоть голки збирай.
Выйды, коханаая, працею зморена,
Хоть на хвылыночку в гай!

Песня захватила всех. Бойцы сидели не шевелясь, задумчивые, растроганные. А Виктор смотрел на Соню, вслушивался в ее чарующий голос и не мог налюбоваться ею...

* * *

Лаврентий Левицкий вышел на окраину хутора, постоял у придорожного колодца, затем медленно побрел к кургану, одиноко вздыбившемуся среди пустынной степи.

После концерта он хотел было от души поблагодарить Соню за песни, задержался на школьном дворе, но когда увидел ее, то сразу забыл и о песнях, и о том, что хотел ей сказать. Она сама подошла к нему, горестно покусывая губы, и в глазах ее стояла такая скорбь, будто она только что побывала на похоронах самого близкого человека.

— Шо сталося? — спросил ее по-отечески участливо Лаврентий. — Може, кто обидел тебя? Кажи правду. Ежели Витька, то я не посмотрю, шо он командир...

Соня отвела в сторону взгляд.

— Никто не обижал меня. А Вите сейчас еще тяжелее, чем мне. — Она всхлипнула. — Письмо Аминет от Гаврюши Мечева получила.

— Письмо, говоришь? — глухо переспросил Лаврентий, почуяв вдруг, как в душе зашевелилось недоброе предчувствие. «Не зря она про Витьку згадала, — подумал он. — Мабуть, дома шось неладно». Он взял Соню под руку, промолвил просяще: — Шо ж Гаврюха пишет в том письме?

— Оно у меня — Соня достала из кармана гимнастерки маленький листок бумаги, подала: — Читайте сами, Лаврентий Никифорович.

Лаврентий взял дрожащими руками письмо, развернул и начал читать полушепотом:

Аминет, дорогая, здравствуй!

Бьемся мы сейчас с бандой Хвостикова. Краснодарская, хутор Драный и монастырь в руках врага. С часу на час ждем нападения хвостиковцев на коммуны, но отступить не будем: у нас есть силы, чтобы дать отпор.

Этой ночью к нам пришел Яков Трофимович Калита. Он бежал из-под расстрела. Говорит, что бандиты чинят над станичниками нашими кровавую расправу: бьют, стреляют, вешают людей. Расстреляли они и дедушку Левицкого — Наумыча...

Лаврентий не мог читать дальше. Строчки слились перед его глазами, а в горле будто застрял кол. Письмо вывалилось из рук и, покачиваясь в воздухе, опустилось на землю.

— Батько!.. Уже нет батьки! — билось в голосе Лаврентия. — За шо его, старика?

Ничего больше не сказав, он повернулся, вышел на улицу и, как слепой, цепляясь руками за плетни, зашагал прочь от школьного двора.

Хутор остался позади. По едва приметной стежке, кем-то протоптанной в траве, Лаврентий поднялся на курган, повалился ничком у могильного камня, вдали от людей, и, чтобы никто не видел и не слышал, дал волю своим чувствам.

— Батько!.. Бедный мой батько! — бесслезно повторял он, и перед ним вставал живой образ отца — седоволосого, не по летам подвижного, торопливо ковыляющего на деревяшке по двору. Лаврентий скрежетал зубами, пальцы его то сжимались в кулаки, то с ожесточением впивались в сухую землю, и древний степной курган слышал, как глухо стонал казак, припавший к его груди.

— Қаты лютые!.. — клокотало у него в горле. — Отплачу ж я вам за смерть батьки моего!..

Неизвестно, сколько пролежал бы так Лаврентий, если бы не услышал чей-то оклик:

— Эй, казак! Что с тобой?

Лаврентий оглянулся и увидел Орджоникидзе, поднимавшегося к нему по склону кургана. Невдалеке от дороги стояла тачанка, окруженная всадниками. Лаврентий встал, отряхнул с себя пыль, вскинул руку к кубанке:

— Здравия желаю, товарищ Серго! Рад вас видеть.

— Здравствуйте! — ответил Орджоникидзе и задержал взгляд на руке Лаврентия. — Это где же вы так ногти посдирали?

Лаврентий посмотрел на пальцы: вокруг ногтей запеклась кровь, смешанная с землей.

— Я и не заметил.

— И боли не чувствовали? — удивился Орджоникидзе.

— Хиба ж це боль, товарищ комиссар? — отозвался Лаврентий и ударил себя кулаком в грудь: — Отут она, боль нестерпучая.

Орджоникидзе крикнул кучеру и всадникам:

— Поезжайте, товарищи! Я здесь побуду.

Тачанка покатила к хутору. За ней поскакали и конники. Орджоникидзе опустил на траву.

— Садитесь, поговорим!

Лаврентий тоже сел.

— Так что же случилось? — спросил Орджоникидзе и снова покосился на руки казака.

Лаврентий рассказал, что привело его сюда.

— Не хотелось мне горя своего другим показывать, — сказал он в заключение. — Негоже казаку раскисать перед братами. Через то и подался из хутора, с глаз людских.

Орджоникидзе с минуту сидел молча, устремив взор в степную даль, потом обернулся к Лаврентию, сказал:

— Верно, вам сейчас очень тяжело, больно. Отец остается отцом. Но не прячьтесь вы от людей, не подвергайте себя чертовски жестокой пытке.

Лаврентий притих, задумался, затем как-то весь преобразился вдруг и спросил:

— А скажите, товарищ Серго, вы когда-нибудь бачили Ленина?

— А как же, видел неоднократно, — словоохотливо заговорил Орджоникидзе. — Разговаривал с ним, как вот с вами разговариваю.

Лаврентий вздохнул:

— Це б то вам посчастливилело.

— В чем? — не понял Орджоникидзе.

— Ленина бачили, балакали с ним... Мне б хоть краешком ока поглядеть на него.

— Вот закончится война, — сказал ободряюще Орджоникидзе, — побываете в Москве и, как фронтовик, попадете на прием к Ленину.

— Оно, конечно, может и так случиться,— промолвил раздумчиво Лаврентий.

Они спустились с кургана и направились к хутору.

Прощаясь с Лаврентием у штаба 3-й Отдельной казачьей кавбригады, Орджоникидзе спросил:

— Василия Ивановича Черноуса знаете?

— Председателя Приморско-Ахтарского ревкома? — спросил Лаврентий.

— Да.

— Як же не знать?

— Разыщите его,— попросил Орджоникидзе.— Пусть ко мне зайдет.

Через несколько минут Василий Иванович вместе с женой явился к Чрезвычайному комиссару.

— Немедленно отправляйтесь в Приморско-Ахтарскую,— сказал ему Орджоникидзе.— Как председателю ревкома, вам надлежит заняться восстановлением революционного порядка в станице.

Феодосия Тихоновна стояла тут же в полном своем кавалерийском обмундировании. Загорелая и обветренная, она больше теперь походила на мужчину. Василий Иванович указал на нее, спросил:

— И помощницу можно с собой забирать?

— Обязательно! — весело ответил Орджоникидзе.

Василий Иванович подмигнул жене:

— Слышишь, мать! Хватит тебе шашкой махать.

— Слушаюсь, товарищ начальник! — шутливо козырнула Феодосия Тихоновна.

* * *

К Воронову прибежал запыхавшийся казак из сотни Левицкого, воскликнул:

— Товарищ комбриг, вас племянник гукает!

— Какой такой племянник? — опешил Воронов.

— Не знаю. На том берегу, у белых. Кажись, офицер.

Воронов, озадаченный этой вестью, немедля отправился на берег Гречаной Балки, где залегли цепи казаков, наблюдавших за противником. И в самом деле, по ту сторону реки, в лозняке, стоял высокий офицер в светлой черкеске и серой каракулевой папахе. Ни белые, ни красные не стреляли.

Комбриг остановился на углу кирпичного дома, крикнул:

— Кто меня звал? Я — Воронов!

Офицер посмотрел на него в бинокль, откликнулся:

— Здравствуй, дядя! Не узнаешь? Иван Воронов.

— Теперь узнаю,— ответил комбриг.— Что надо тебе?

— Голову твою,— нагло выкрикнул племянник,— чтоб родню свою не бил.

— Вот как! — сказал комбриг.— И много вас там, родни моей?

— Да все три племяша: я, Никита и Митрофан,— ответил офицер.— Под Ольгинской на тебя охотились, хотели в плен взять.

— Чего ж не взяли? Кишка тонка?

— Да ты прыткий дюже. Но все равно ты от нас не уйдешь!

Офицер махнул рукой и мгновенно скрылся в лозняке. Белогвардейцы открыли сильный винтовочный огонь. Комбриг метнулся за угол дома. В свою очередь красноармейцы принялись палить по противнику. Коммунистический отряд и рота Приуральской бригады заняли позиции у моста. Кавалерия сосредоточилась на северной окраине хутора. Батареи были начеку, и жерла пушек грозно глядели в сторону противника.

Винтовочная и пулеметная перестрелка нарастала... Чтобы не дать белогвардейцам возможности захватить инициативу в свои руки, красные пехотинцы ринулись на мост. Их сек губительный огонь, но они, перепрыгивая через тела убитых и раненых, с неумолкаемым «ура» стремительно неслись к левому берегу. Стрелковой роте Перевертайло удалось закрепиться на небольшом плацдарме, и, хотя сам командир был тяжело ранен в голову и вышел из боя, стрелки отбили несколько контратак противника, не отдали ни пяди занятого участка. Под прикрытием их огня на левый берег перебрались Коммунистический отряд и Приуральская отдельная бригада. Плацдарм быстро расширялся. Огрызаясь, белогвардейцы все дальше отходили от реки на юго-запад, а тем временем через мост хлынули кавалерийские части, двинулась артиллерия красных.

Сосредоточив свою бригаду под горой, Воронов решил произвести рекогносцировку местности. Он пробрался к высоким подсолнухам, росшим плотной стеной на изволоке у Ангелинского ерика.

Неоглядный простор Азовского приморья, озаренный лучами заката, будто вспыхнул розовым пламенем. Воронов въехал в подсолнухи, привстал на стременах и на-

чал разглядывать в бинокль станицу Новониколаевскую, раскинувшуюся по обеим сторонам ерика. Отсюда, со склона изволока, были хорошо видны вражеские позиции и улицы станицы, заполненные множеством подвод, по-видимому мобилизованных у местных жителей.

«Эк сколько транспорта понадобилось! — подумал Воронов. — Как саранча плывет!..»

В это время позади раздался какой-то шум. Воронов оглянулся и увидел совсем близко на проселочной дороге длинный обоз, который тянулся к мосту через реку Понуру. На каждой подводе, спустив ноги, сидели три-четыре пехотинца. Воронов сообразил: если бросится бежать, его немедленно возьмут на мушку. Комбриг принял другое решение. Он не дал обозникам опомниться, выехал на дорогу и, подскакав к головной подводе, спросил:

— Какая часть?

Солдат, сидевший на перекладине, рядом с кучером, ответил:

— 1-й Кубанский стрелковый полк, ваше благородие! Воронова приняли за казачьего офицера, не обратив даже внимания на то, что у него отсутствовали погоны — среди улагаевцев это было не в диковину.

— Вот что, братцы, — приказал комбриг по-начальнически, — до особого распоряжения задержитесь у моста. Сейчас я уточню место дислокации вашего полка.

Белогвардейцы безоговорочно подчинились его распоряжению, и Воронов помчался к своим конникам, быстро скрылся за изволоком. И тут же из-за горы вылетела вся бригада. Не успели белогвардейцы понять, в чем дело, как вороновцы окружили обоз и захватили его почти без боя: вспыхнувшая перестрелка быстро прекратилась. Не мешкая, Воронов выделил конвойных и направил пленных в сторону хутора Гречаная Балка.

Короткая стрельба, однако, привлекла внимание улагаевцев, находившихся в Новониколаевской. Из станицы выскочила конница и понеслась к мосту. Вороновцы встретили ее на берегу Понуры, завязался горячий бой.

Сотня Левицкого, переправившись через Понуру вброд, внезапно вынырнула из глубокой балки и атаковала противника. Впереди несся Виктор Левицкий. Ни на шаг не отставал от него Демка Вьун, над головой которого развевалось красное знамя. Чуть правее с гиканьем и оглушительным свистом скакали Охрименко и Лаврен-

тий. У того и другого на груди поблескивали Георгиевские кресты и медали. И тут случилось непредвиденное. Когда между казаками сотни Левицкого и белогвардейскими конниками оставалось не более сорока — пятидесяти шагов, кто-то из улагаевцев закричал:

— Хлопцы, смотрите! Це ж Охрименко!

— Вин, ей-богу, вин! — подхватили другие.

— Ще й с Георгиями!

— Эге ж, я! — зычно отозвался Охрименко! — Тикайте, бисовы души!

И его шашка, описав молниеносный круг над головой, сверкнула в лучах закатного солнца зловещим багряным отблеском. В рядах противника началась паника. Улагаевцы бросали оружие, поднимали руки.

XIV

Было около восьми часов вечера. Девильдо-Хрулевич приехал в гостиницу «Европа». Поднявшись на второй этаж, прошел по узкому коридору, козырнул в ответ часовому, стоявшему тут же, и закрылся в своем номере.

Зазвонил телефон. Девильдо-Хрулевич взял трубку.

— Слушаю! — сказал он. Узнав по голосу Черного, недовольно насупил. — Как?.. Не согласовал с вами?.. Гм... смешно. Прошу не вмешиваться в мои дела. Я имею широкие полномочия... Что?.. Рекомендую вам подбирать более подходящие выражения.

Он злобно кинул трубку, распахнул окно. Сев у стола, вскинул ногу на ногу и, опустив локоть на стол, подпер рукой голову. Взгляд его остановился на пышном теле купальщицы, изображенной чуть ли не в натуральную величину на картине, висевшей в позолоченной раме на стене. Купальщица лукаво улыбалась, и в ее глазах было что-то дьявольски манящее. Чем больше всматривался Девильдо-Хрулевич в ее обворожительные черты, тем явственнее вставало в его памяти лицо игуменьи...

Снова зазвонил телефон. Балышеев спросил у Девильдо-Хрулевича, как быть с приказом относительно Семашко и других товарищей, которые были отстранены от командования и которых он обещал вернуть в части.

— Сейчас этим вопросом мы заниматься не будем, — ответил Девильдо-Хрулевич. — Почему?.. Да потому, что это уже совершившийся факт. Какая разница, кто будет командовать Приуральской бригадой — Семашко или

кто-либо другой? Важно то, что враг в настоящее время в панике бежит к морю. Для меня это совершенно ясно! Я уже уведомил об этом председателя Реввоенсовета... Да, ничего изменять не буду. Приказ остается в силе!

Закончив разговор с начштармом, Девильдо-Хрулевич долго не мог унять в себе негодование.

«Зря этого Балышеева освободили, — подумал он, барабаня пальцами по столу. — Он, видите ли, не согласен со мной! Набирается наглости делать замечания даже члену Реввоенсовета!..»

Раздался дверной звонок.

— Войдите! — раздраженно бросил Девильдо-Хрулевич.

На пороге появился часовой. Взяв под козырек, он доложил четким голосом:

— К вам какая-то гражданка, Лев Самуилович.

И в ту же минуту перед уполномоченным предстала игуменья в нарядном палевом платье, слегка наклонила голову.

— Прошу прощения, Лев Самуилович, — проговорила она с притворной застенчивостью. — Я не помешала вам?

— Нет, нет! — оживился Девильдо-Хрулевич. — У меня как раз выдалось свободное время. — Он указал на кресло, обтянутое синим бархатом: — Присаживайтесь.

— Благодарю, — улыбнулась игуменья и села спиной к купальщице.

Девильдо-Хрулевич занял место напротив.

«А ведь они действительно чертовски похожи друг на друга!» — подумал он и, помедлив немного, сказал извиняющимся тоном:

— Я виноват перед вами, Вера Аркадьевна. К сожалению, и сегодня не могу дать вам определенного ответа. Тысячи дел!

— Не беспокойтесь, я подожду, — ответила игуменья и вдруг заявила: — Между прочим, мне удалось попасть к товарищу Атарбекову. Я все рассказала ему.

Девильдо-Хрулевич насторожился.

— Ну и как смотрит на это дело Георгий Александрович?

— О, знаете! — воскликнула игуменья. — Он оказался очень милым человеком. Так любезно принял меня, так внимательно выслушал. Я, право, никогда не ожидала встретить подобный прием. Когда шла к нему, то дро-

жала как осиновый лист... Впрочем, и к вам я захожу с каким-то душевным трепетом.

Девильдо-Хрулевич громко рассмеялся.

— Неужели я так грозен с виду?

На щеках игуменьи вспыхнул румянец.

— Вы знаете, у вас такой пост... А я дочь...— Она оборвала фразу и приложила платочек к глазам.

— Успокойтесь, не надо из-за пустяка расстраиваться,— Девильдо-Хрулевич прикоснулся к ее полуобнаженному плечу.— Берегите нервы.

Игуменья встала, сказала растроганно:

— У вас доброе сердце, Лев Самуилович... Извините, я злоупотребляю вашей любезностью и отрываю у вас драгоценное время.

— Что вы, что вы, Вера Аркадьевна! — воскликнул Девильдо-Хрулевич.— Напротив. Сделайте одолжение — посидите еще хоть немного. Для меня ваше присутствие — отдых! Или вы торопитесь куда?

— Нет, я беспокоюсь о вас,— протянула игуменья.— Дел у меня никаких.

Девильдо-Хрулевич осторожно взял ее за плечи и, усадив в кресло, пригласил:

— Поужинайте со мной.

* * *

Поздно вечером в город с фронта прибыли Орджоникидзе и Левандовский. В штабе армии состоялось экстренное секретное совещание, в котором приняли участие только четыре человека: командующий, Чрезвычайный комиссар Юга России, начштабм и особоуполномоченный Реввоенсовета.

Необходимость этого совещания была вызвана тем, что за истекшие сутки резко изменилась обстановка на фронтах. Противник, сконцентрировав большие силы в районе Новониколаевской и Староджерелиевской, начал развивать наступление и, потеснив красных, подошел вплотную к железнодорожной магистрали Тимашевская — Новороссийск, стал угрожать Ангелинской и Поповической. Судя по всему, успешное продвижение третьего по счету десанта генерала Харламова на Таманском полуострове воодушевило генерала Улагая, и он решил предпринять новую попытку овладеть Екатеринодаром.

Девильдо-Хрулевич, узнав об этом, вышел из себя. — Черт знает что такое! — сказал он и сорвал пенсне. Лицо его сделалось землисто-серым, глаза забегали, как у испуганного хорька. — Я доложил председателю Реввоенсовета, что судьба десанта Улагая уже решена и что положение его совершенно безнадежно, а тут...

— Просто-напросто вы неправильно информировали Реввоенсовет, — бросил ему Орджоникидзе.

— Но я исходил из реальной обстановки, — сказал Девильдо-Хрулевич, разводя руками.

— И выдали желаемое за действительное, — добавил Орджоникидзе. — Это еще раз подтверждает ту истину, что на войне всякие скоропалительные выводы могут быть чреватые весьма неприятными последствиями.

Намек на последствия сразу охладил гневную вспышку особоуполномоченного. Закурив, он подошел к оперативной карте, висевшей на стене, попросил Левандовского указать точнее, где и какие силы противника представляют наибольшую угрозу. Затем обратился к Орджоникидзе, поднял руку:

— Не будем спорить. Надо немедленно разработать контрмеры.

— Что ж, с этой целью мы и собрались здесь, — ответил Орджоникидзе.

— В частности, Григорий Константинович предлагает срочно высадить контрдесант в тылу врага, — добавил Левандовский, поднимая глаза на особоуполномоченного.

— Это несерьезно! — категорически возразил Девильдо-Хрулевич. — После высадки нашего отряда в районе Камышеватской белые усилили охрану побережья моря. И вы прекрасно знаете, что там сейчас патрулируют боевые корабли англичан и американцев.

— А я и не предлагаю производить высадку с моря, — сказал Орджоникидзе.

— Но позвольте, речь все-таки идет о десанте! — недоуменно уставился на него Девильдо-Хрулевич.

Орджоникидзе взял указку и провел ею по карте вдоль извилистой голубой линии.

— Вот Кубань. Вот Протока. На пароходах и баржах мы отправим из Екатеринодара десант в Гривенскую. Оттуда он зайдет в тыл противнику, перережет все коммуникации и, разгромив штаб улагаевцев, нанесет внезапный удар им в спину.

Девильдо-Хрулевич иронически улыбнулся.

— Пустая затея! — бросил он. — Прежде чем десантники доберутся до места высадки, белые перебьют их, как мух! Возможно, и Кубань, и Протока вполне пригодны для увеселительных прогулок, но использовать их для серьезной операции — переброски войск под носом у противника — по меньшей мере авантюра, заранее обреченная на провал. Пароходы и баржи будут расстреляны в упор, на расстоянии какой-нибудь сотни шагов.

— Риск, разумеется, большой, — сказал Левандовский, — но только при одном условии: если противник обнаружит десант в пути. А если будет соблюдена строжайшая тайна о подготовке десантной операции и продвижении отряда к месту высадки, то успех будет обеспечен наверняка.

— Значит, вы, Михаил Карлович, поддерживаете идею товарища Орджоникидзе? — спросил Девильдо-Хрулевич несколько пониженным голосом.

— Целиком и полностью! — ответил Левандовский.

— А какого мнения начальник штаба? — Девильдо-Хрулевич взглянул на Балышеева.

— Я считаю этот план вполне реальным при условиях, о которых говорил Михаил Карлович, — сказал Балышеев. — Я имею в виду соблюдение строжайшей тайны, полной конспирации.

Девильдо-Хрулевич, поджав губы, задумался.

— Гм... Выходит, весь триумвират «за».

— Да. Остановка за вами, — сказал Орджоникидзе.

— Я подумаю! — ответил Девильдо-Хрулевич. — Окончательное решение сообщу завтра утром.

* * *

Несмотря на поздний час, игуменья не ложилась спать. Она любовалась синевой звездного неба у раскрытого настежь окна и ждала возвращения Девильдо-Хрулевича. Время от времени она то поправляла волосы перед зеркалом, то откалывала на груди золотую брошь с бриллиантами и опять прикалывала ее, то рассматривала бледно-розовый маникюр на остро отточенных ногтях.

Наконец вернулся Девильдо-Хрулевич. Услышав его шаги в соседнем номере, игуменья прильнула ухом к внутренней двери, соединявшей комнаты, прислушалась... Вдруг раздалось два легких стука...

— Да, да, — ответила игуменья. — Войдите

Дверной замок щелкнул, и на пороге появился с сияющим лицом Девильдо-Хрулевич.

— О, вы через эту дверь? — делая большие глаза, притворно улыбнулась игуменья. — У вас есть ключ?

— Да, у меня на столе забыл Глеб Поликарпович... — сказал Девильдо-Хрулевич, улыбаясь. — Мы ведь с ним давнишние друзья.

— Ну уж этот Глеб Поликарпович! — с лукавинкой проговорила игуменья, качая головой.

— А вы еще не спали? — спросил Девильдо-Хрулевич.

— Нет, — ответила игуменья. — Нас так неожиданно прервали.

— Да... — развел руками Девильдо-Хрулевич. — Ничего не поделаешь — служба! Надеюсь, вы не возражаете продолжить наш ужин?

— Да, конечно, — любезно согласилась игуменья.

Девильдо-Хрулевич, уступая проход в свою комнату, театрально протянул руку вперед:

— Прошу.

Игуменья проследовала к накрытому столу, опустилась в кресло. Девильдо-Хрулевич наполнил два хрустальных фужера шампанским: один поднес соседке, другой взял себе и, чокнувшись с ней, сказал:

— Выпьем, Вера Аркадьевна, за наше знакомство!.. И за нашу встречу!

Игуменья только пригубила венчик, обеспокоенно посмотрела на Девильдо-Хрулевича, проговорила:

— Мне кажется, Лев Самуилович, что вы чем-то удручены. Случилось что-нибудь?

— Нет, ничего особенного, — сказал Девильдо-Хрулевич и, снова наполнив свой опорожненный фужер, воскликнул с наигранной веселостью: — Вар, Вар, верни мне мои легионы!

— Пью за ваши легионы! — подхватила игуменья и неувловимым движением слегка обнажила плечо.

— Давайте лучше за наших милых женщин! — предложил Девильдо-Хрулевич. — За чудесных женщин!

— Как вам угодно, — промолвила игуменья и остановила на нем такие манящие глаза, что у Девильдо-Хрулевича захватило дух и помутилось в глазах...

На следующий день вопрос о высадке десанта в районе станицы Гривенской был решен окончательно. Командующим десантной операцией был назначен Ковтюх — вожак похода Таманской армии восемнадцатого года, комиссаром — Фурманов, испытанный в боях гражданской войны, опытный большевик, и они немедленно приступили к выполнению задания.

К деревянным причалам Екатеринодарской речной пристани пришвартовались три малосильных, тихоходных парохода: «Илья Пророк», «Благодетель» и «Гайдамак». На них да еще на четырех баржах и предстояло десантному отряду проникнуть в глубокий тыл врага.

Вскоре к пристани стали прибывать подводы с боеприпасами, оружием и продовольствием. Красноармейцы снимали с них пулеметы, ящики с патронами и снарядами, мешки с продуктами и, покачиваясь на гибких сходнях, тащили все это на пароходы и баржи.

Во второй половине дня прибыли легкие пушки. Их тотчас переправили на баржи, закрепив каждое орудие тросами.

А тем временем в штабе армии заканчивалась разработка оперативного плана действий десанта. Высадка намечалась на Каракубанской гряде, в районе селения Чебурголь, примерно в двух верстах от Гривенской. Общая численность десантного отряда была определена в тысячу человек: восемьсот штыков и около двухсот сабель. Движение судов по реке приурочивалось главным образом к ночному времени. К месту высадки десант должен был прибыть двадцать восьмого августа на рассвете. В зависимости от обстановки командующему отрядом предоставлялось право вносить в план свои коррективы и изменения на месте боевых действий.

Разработанный Балышевым и Соловьевым план не вызывал возражений ни у Левандовского, ни у Орджоникидзе, ни даже у Девильдо-Хрулевича, хотя последний дал понять, что лично он относится к идее десанта все еще крайне скептически.

— А я верю в десант, — заявил Ковтюх. — План хороший, як кажут у нас, добрый! Мы с комиссаром Дмитрием Андреевичем и так и сяк его обмозговали.

— Верно, товарищ командующий! — поддержал его Фурманов. — И люди в отряд подобраны хорошие.

— А это самое главное! — подчеркнул Жебрак. — Перед отправлением нужно еще раз побеседовать с ними. Слабонервных, конечно, не стоит брать.

* * *

В пятнадцать часов тридцать минут на пристани у причалов выстроились бойцы десантного отряда. Командиры подразделений познакомили Ковтюха и Фурманова со списками личного состава, затем произвели перекличку. Речей Ковтюх решил не произносить.

— Побалакаем с людьми в пути, — сказал он Фурманову. — Там и задачу им объясним. А тут — он кивнул в сторону толпы, запрудившей набережную, — даже богато чужих ушей и глаз. Як шо надо будет кого высадить, то це мы зробымо або в Елизаветинской, або в Марьянской.

Фурманов одобрил эти меры предосторожности. Отряд начал грузиться на суда. А в шестнадцать ноль-ноль флагман «Благодетель» без прощальных гудков отвалил от причала и двинулся вниз по реке, а за ним потянулся и весь небольшой караван пароходов и барж.

* * *

Перед Атарбековым сидел пожилой полковник, захваченный в плен под Приморско-Ахтарской. Допрос пока еще не начинался, так как Георгий Александрович все еще был занят просмотром дела белогвардейца, находившегося у него под следствием. Наконец он закрыл папку, отложил ее в сторону и поднял свои черные строгие глаза на офицера. Пленный нервно пощипывал клиновидную русую бородку, покручивал кончики усов и глядел себе под ноги.

Атарбеков закурил и, надсадно откашлявшись, наконец спросил:

— Ну что ж, господин полковник... Гейдеман, начнем?

Пленный пожал плечами, промолвил:

— Вам виднее, гражданин начальник. Только я бы на вашем месте давно покончил с табаком. У вас явно неблагополучно с легкими.

— И вы злоупотребляете папиросами, — ответил Атарбеков, отдышавшись. — Курите безбожно.

— Мне все равно, — сказал Гейдеман. — Песня моя спета. Я знаю, что буду расстрелян.

— Не предрешайте свою судьбу,— возразил Атарбеков.— Нам нужны военные специалисты.

Гейдеман вытер вспотевшую макушку, вокруг которой росли жидкие, мышинового цвета волосы, покачал головой:

— Служить большевикам я не сумею. Скажу больше: я ненавижу вас. Хотя для меня вполне очевидна безнадежность попыток нашего командования реставрировать в России былые порядки... Новое мне ненавистно, а к старому нет возврата. Не расстреляете меня — я при первой возможности пушу себе пулю в лоб.

Атарбеков лукаво улыбнулся.

— Я не верю в эти слова,— сказал он с четко выраженным кавказским акцентом.— Вы имели возможность покончить с собой, но не покончили, не застрелились. И почему тогда вы дали нам исчерпывающую информацию о положении дел в штабе Улагая и в его войсках?

— Я как-никак родился в России, вырос здесь и получил военное образование. Я не хочу, чтобы Россия была отдана в кабалу иностранному капиталу. А наш генералитет продает русскую землю направо и налево. Донецкий угольный бассейн — французам, кубанскую нефть — англичанам и американцам, Дальний Восток — японцам...

— Нам это уже известно,— протянул Атарбеков.

— Давая правдивые показания,— продолжал пленный,— я в какой-то степени приближаю час окончания жестокого кровопролития.

— Почему же вы ненавидите нас? — спросил Атарбеков.— Ведь мы задались целью построить новую, свободную, независимую от иностранцев Россию!

— Я слишком врос корнями в старое и вас ненавижу за то, что вы отняли у меня это старое, ту почву, на которой я вырос,— ответил допрашиваемый и, закуриив, добавил:— Но я очень много передумал и решил рассказать вам еще об одном важном деле.

Атарбеков пристально взглянул на него.

— Каком?

— У вас здесь, в Екатеринодаре, действует по заданию штаба Улагая наша контрразведка во главе с Губарем.

— Я знаю об этом,— сказал Атарбеков.— Губарь Ипполит Иванович?

— Да,— подтвердил Гейдеман.— Сведения получали

мы в штабе лично от него. Я знаю человека, с которым связан Губарь здесь, у вас в штабе.

— Кто же он, этот человек? — спросил Атарбеков. Полковник молчал, точно собирался с мыслями.

— Может, вы устали, сделаем перерыв? — предложил Атарбеков. — Побудьте наедине, прислушайтесь к голосу сердца.

— Нет, сейчас каждая минута стоит кому-то жизни, — сказал Гейдеман. Он на мгновение задержал дыхание, будто готовясь ринуться в бездну, подавил в себе остатки колебаний и назвал фамилию губаревского связного...

* * *

Шадур мчался в машине по Красной улице, занятый одной мыслью: как узнать, куда и с какой целью отправлен экспедиционный отряд Ковтюха? В штабе армии он не смог ничего выведать, хотя ему, как начснabu, было поручено обеспечить отряд боеприпасами и продовольствием. Спешил он сейчас к Девильдо-Хрулевичу, по вызову.

Уполномоченный был в веселом расположении духа. Увидев Шадур на пороге, он помахал ему рукой:

— Заходи, заходи, друг! Ты весьма кстати.

— Я слушаю вас, Лев Самуилович, — угодливо улыбнулся Шадур.

— Только, пожалуйста, не расшаркивайся, — поморщился Девильдо-Хрулевич. — Давай запросто, по-приятельски. — Он усадил Шадур рядом с собой на диван, похлопал его по плечу. — Угодил ты мне, друг, ей-богу угодил! Верочка — просто чудо! Откуда ты выцарапал ее?

Шадур развел руками:

— Так... случайное знакомство в доме моей приятельницы, — ответил он и поинтересовался: — Говорите, понравилась?

— Бесподобная! — воскликнул Девильдо-Хрулевич.

Шадур оглянулся на дверь, ведущую в комнату игуменьи.

— Ну-у!.. — протянул он и тут же спросил шепотом: — Она у себя?

— Нет, куда-то уехала, так что можно вести чисто мужской разговор, — ответил Девильдо-Хрулевич и указал на бутылку с коньяком, стоявшую на столе: — Выпить хочешь?

— И рад бы, но не могу, — отказался Шадур. — Мне

нужно ехать в штаб, а у нашего начштарма нюх насчет винного волчий.

— Ты что, боишься его?

— Побаиваюсь,— признался Шадур.— Он пользуется огромным авторитетом у нас в штабе... Если бы вы слышали, Лев Самуилович, как он отзывается о вашем приказе от двадцать пятого августа! Я счел своим долгом сегодня доложить вам об этом мерзком его поступке.

В глазах Девильдо-Хрулевича вспыхнул гнев.

— Придется одернуть этого невежу.

— Надо, надо, Лев Самуилович,— подлил масла Шадур.— Он игнорирует вас. А с нами, некоторыми работниками штаба, совсем не считается: скрывает, оскорбляет своим недоверием. Взять хотя бы отправку отряда Ковтюха. Даже мне, начснабу армии, не сказал, куда направляется отряд. Разве это не проявление самого возмутительного недоверия к своим подчиненным?

— Не возмущайся,— сказал Девильдо-Хрулевич.— Береги свои нервы. Балышеев тут прав. Задуманная операция окружена сугубой секретностью. Сам подумай: ведь это десант в тыл врага. Если противник разнюхает о нашей тайне что-нибудь, то отряд не доберется до Гривенской.

— Вот оно что! — удивился Шадур.— А я думал, что это переброска подкреплений.

— Смотри помалкивай! — строго предупредил его Девильдо-Хрулевич.

Зазвонил телефон. Девильдо-Хрулевич поднял трубку.

— Кто, кто? — отозвался он.— А, Глеб Поликарпович? У меня... Хорошо, передаю.

— Кто это? — спросил Шадур.

— Левандовский,— ответил Девильдо-Хрулевич.— Срочно вызывает тебя в штаб.

— Зачем?

— Какие-то сведения о боеприпасах требуются.

— Черт возьми! — выругался Шадур.— Вконец измотали меня сегодня. Мечусь как угорелый.

— Ничего не поделаешь — служба! — сказал Девильдо-Хрулевич.

Простившись с ним, Шадур вышел на улицу, сел в машину.

— Куда? — спросил шофер.

Шадур колебался: то ли ехать сразу в штаб, то ли прежде заскочить к Лихачевой и сообщить ей для пере-

дачи Губарю сведения о десанте, выболтанные Девильдо-Хрулевичем.

— В штаб армии! — сказал он шоферу, решив в первую очередь явиться к командующему, надеясь, что тот не задержит его долго.

В кабинете Левандовского, помимо командарма, он застал Орджоникидзе, Атарбекова и Соловьева. Козырниув, Шадур обратился к Левандовскому:

— Прибыл по вашему приказанию, товарищ командующий!

— Сдайте оружие! — приказал Левандовский.

Шадур почувствовал, как оборвалось сердце, пробормotal растерянно:

— Позвольте... Я не понимаю.

— Оружие! — настойчиво потребовал Левандовский.

Шадур расстегнул пояс. Атарбеков отобрал у него наган, объявил:

— Вы арестованы!

XVI

Солнце еще не успело показаться из-за горизонта, а в полутора верстах к западу от Кирпильского лимана уже кипел жаркий бой между бригадой Демуса и остатками 2-й Кубанской дивизии генерала Шифнер-Маркевича. Долго ни той, ни другой стороне не удавалось добиться успеха.

Но вот на помощь красным конникам двинулись пехотинцы Приуральской отдельной бригады. Стремительной штыковой атакой они оттеснили противника к болотам.

Демус носился по полю боя и воодушевлял бойцов своей отвагой. То там, то здесь он врывается в ряды белогвардейцев, и его клинок со свистом обрушивается на головы врагов.

В самой гуще сечи находился и Аншамаха. Он мстил за смерть жены, за сожженную хату, за расстрелянных и повешенных своих станичников.

Здесь, у лимана, судьба столкнула его с самым заклятым врагом. В нескольких шагах впереди промелькнул Никита Копоть, без шапки, с растрепанным цыганским чубом.

— Стой, поганец! — закричал Аншамаха.

Копоть оглянулся, узнал чоновца, стегнул скакуна плетью так, что тот враз перешел в бешеный намет, помчался в сторону хутора Волошковки. Теперь Аншамаха не видел никого перед собой, кроме Копотя. Расстояние между ними быстро сокращалось. Может быть, никогда раньше конь Аншамахи не оправдывал так своей клички Метеор, как сейчас.

С холма на окраине хутора за ходом боя наблюдали Шифнер-Маркевич и Филимонов, окруженные казачьей охранной сотней.

— А что это за скачки? — разглядывая в бинокль двух всадников, приближавшихся к хутору, удивленно воскликнул Шифнер-Маркевич.

Филимонов тоже приложил бинокль к глазам, нервно передернул плечами.

— Впереди наш атаман, Никита Гаврилович Копоть, — сказал он упавшим голосом, — а за ним.. — Зрочки его расширились. — Позвольте — мой Метеор!.. Кто же это на нем?

— Уж не тот ли пленный чоновец, что сбежал у вас из-под носа, господин генерал? — рисуясь в седле своей прекрасной внешностью, не без ехидства сказал Шифнер-Маркевич. — Помните, которого вы собирались повесить в Приморско-Ахтарской?

Филимонов резко обернулся к конникам и, указав в сторону лимана, закричал:

— Голубчики, ничего не пожалею для вас, только захватите моего Метеора! Вон, видите, двое?

Шестеро всадников сорвались с холма, помчались навстречу Копотю. Аншамаха, заметив их, ударил каблуками в бока Метеора. Тот, казалось, оторвался от земли, настиг атамана. Копоть выхватил из кобуры наган, вскинул руку, но выстрелить не успел. Разрубленный до пояса, он вывалился из седла и, застряв ногой в стремях, поволочился за конем, как тук.. Аншамаха развернул Метеора, стрелой полетел назад, к лиману.

Филимонов вытер испарину на лбу и, продолжая следить за боем, безнадежно махнул рукой:

— Россию мы потеряли навсегда!

— Что вы, господин генерал, впадаете в такой пессимизм? — недобро зыркнул на него Шифнер-Маркевич. — Стыдитесь!

Филимонов не стал оправдываться, он лишь, кивая головой, тихо, еще более разочарованно добавил:

— Но увы! Нет пути к невозвратному. Никогда не взойдет солнце с запада!

* * *

Воронов получил задание поддержать наступление 2-го стрелкового полка, который находился на исходном рубеже в районе хутора Золотаревского. Когда по пути к месту назначения 4-й Кубанский полк вороновской кавбригады проходил мимо станицы Хмельницкой, комбригу сообщили, что на станичной площади собралось до полусотни казаков, желающих присоединиться к его бригаде. Воронов отдал приказ командиру вести полк дальше, а сам, не желая упустить добровольцев, направился с одной сотней в центр станицы. Казаки-добровольцы были преимущественно молодые, еще ни разу не участвовали в боях. Все они уклонились от мобилизации в улагаевскую армию, несколько дней просидели в плавнях, а когда станица перешла в руки Красной Армии, решили вступить в ее казачьи кавалерийские части. Явились с лошадьми. У каждого шашка и кинжал, а у некоторых и карабины.

Воронов побеседовал с ними, объяснил, какой порядок существует в рядах Красной Армии, а в заключение сказал:

— Я беру вас в свою бригаду, но запомните: вороновцы бьются до последней капли крови. Если кто из вас проявит в бою трусость и оставит товарища в беде, то такого ждет презрение всей бригады. Подумайте над этим, хлопцы. У кого в душе копошится хоть самая малая боязнь, тот пусть здесь сразу по-честному оставит строй.— Он медленно повел взглядом по шеренгам, спросил:— Есть такие? Выходи!

Ни один казак не двинулся с места.

— Ну если нет трусов, тогда по коням! — скомандовал Воронов.

Внезапно из-за реки Понуры долетела громкая трескотня пулеметов и винтовок. Комбриг приказал сотне следовать за ним и, выскочив на окраину станицы, увидел вражескую конницу, которая стеной двигалась со стороны Ангелинской, лежащей на левом берегу Понуры, и, боясь попасть в засаду, из предосторожности прочесывала камыши. 4-й Кубанский полк был уже далеко.

«Что делать? — встревоженно подумал Воронов.— Отдать Хмельницкую без боя? Отдать врагу обозы с ра-

ненными, продовольствием и снарядами?» И тут же принял решение: послать двух верховых за полком, а пока они догонят и вернут полк, бросить в бой наличные силы и попытаться задержать противника.

Умчались вестовые. Белогвардейцы были совсем уже близко. Обернувшись к сотне, Воронов крикнул:

— Шашки к бою! За мной!

Всего несколько минут вороновцы сдерживали натиск белоказаков, затем были смяты. Небольшая горстка, чудом уцелевшая после короткой сабельной схватки, попала в плен. Сшибленный вместе с конем комбриг тоже очутился в руках улагаевцев.

Его подвели к генералу Бабиеву, сидевшему на кабардинском скакуне. Опершись левой, поврежденной рукой на луку седла и зажав в правой плеть, генерал уставился бесцветными, рыбьими глазами на пленного.

— Кто такой? Командир?

— Так точно, ваше превосходительство! — ответил Воронов, прямо глядя ему в глаза.

— Это командир 3-й Отдельной казачьей кавбригады красных! — выкрикнул кто-то из офицеров.

— Ах вот оно что! — усмехнулся Бабиев, выпячивая грудь, плотно обтянутую темно-синей черкесской, и, не скрывая своего торжества, в упор посмотрел на пленного, со злорадством протянул: — Давно мне хотелось свидеться с тобой, собака!

Он взмахнул плетью и со всей силы стеганул комбрига по голове. Воронов пошатнулся, но устоял на ногах.

— Туда его! — указал Бабиев в сторону небольшого леса. — Расстрелять!

К Воронову подбежал низенький рыжебородый урядник с двумя казаками.

— Пошли, товарищ командир! — бросил он со злобой и толкнул Воронова в спину. — Зараз фиалки будешь нюхать.

В сопровождении конвойных комбриг пошел к опушке леса.

«Вот и кончилась твоя жизнь, Елисей! — подумал он, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Не в бою умрешь, а от поганой руки плюгавого унтера. Зароют тебя под тем леском!..»

У дороги строился в колонну 1-й Уманский полк. Поравнявшись с ним, Воронов покосился на шагавшего

справа урядника и, пригнувшись, неожиданно бросился в толпу белоказаков.

— Стой! Назад!— заорал урядник, размахивая наганом.

А Воронов уже был в самой гуще уманцев.

— Братцы!— закричал он громким, срывающимся от волнения голосом.— Я — красный командир! Сейчас меня расстреляют. Но я хочу сказать вам: Советскую власть не победить вовек! За кого вы воюете? За генералов, за панов? Зачем убиваете своих братьев, таких же работяг, как и вы сами? Или решили бежать с генералами, чтобы издохнуть на чужбине?

Урядник попытался было прорваться к комбригу, но его не допустили. Рослый усач с саженными плечами осадил:

— Не лезь ты, пожалуйста. Дай нам чоловика послушать.

Урядник толкнул в бок одного из конвойных:

— Чего рот разинул? Бежи покличь генерала!

Белоказаки с любопытством глядели на Воронова и внимательно слушали его.

— Сам-то ты из казаков? — спросил пожилой уманец, на груди которого висели два Георгиевских креста.

— Да, казак я, — ответил Воронов.— Из станицы Георгиеафипской.

— А чин какой?

— Комбриг я, казаками у красных командую. Воронов моя фамилия. Может, слышали?

Белоказаки загудели:

— Невже ты тот самый Воронов?

— Часом, не брешешь?

— Воронов это! Воронов!— крикнул урядник.— В расход его приказал пустить генерал Бабиев, а вы тут митингуете.

Комбриг окинул взглядом казаков, сгрудившихся вокруг него, и снова обратился к ним:

— Братцы! Еще раз призываю вас: опомнитесь, пока не поздно! Переходите на сторону красных. Родные степи ждут ваших трудовых рук. Вас ждут семьи ваши — дети и жены, отцы и матери!

Примчался Бабиев и на полном скаку остановил коня перед плотной толпой уманцев.

— Господа казаки! — закричал он яростно.— Что вы

слушаете этого иуду? Он изменил казачеству и продался большевикам. Стреляйте его!

— А ты нам не указ! — прогудел чей-то напряженный голос.

— Бунтовать вздумали? — Бабиев угрожающе потряс плетью. — Ну погодите же! — Круто повернув коня, он поправил на голове сбившуюся на затылок черную длинношерстную папаху и поскакал в станицу.

За ним побежал и урядник.

— Ну так как, братцы? — спросил Воронов. — Решили продолжать братоубийственную войну или пойдете со мной, в мою бригаду? Почему молчите?

Наступил самый критический момент. Воронов понимал, что сейчас должно произойти то, от чего зависит дальнейшая судьба всего полка: или он останется с белыми, или перейдет к красным. Вместе с тем должна решиться и его судьба.

— Товарищи! — выкрикнул он. — Не теряйте времени!

И тут в гробовой тишине прозвучал громкий голос:

— Мы с тобой, комбриг!

Казалось, заговорили все сразу. То в одном, то в другом месте слышалось:

— Согласны! На что нам врангели?

— Хватит господам служить!

— Долой генералов!

Один из сотников вскочил на лошадь и, став на седло во весь рост, выстрелил из нагана в воздух, в бешенстве закричал:

— Стойте! Что вы делаете? Это же предательство, измена! Россия не простит вам этого!

— Какая Россия? — спросил Воронов. — Золотопогонная?

— Опомнитесь! — горланил сотник, захлебываясь от натуги. — В уме ли вы?

— Долой! — загудели казаки. — Геть с коня!

Сотника сташили с седла, вырвали у него наган. Сухо треснул выстрел, и офицер повалился на землю.

Воронов быстро построил полк в походную колонну. Двинулись на соединение с красными частями. Уже за мостом через Понуру к комбригу неожиданно подлетели на дончаках два молодых казака.

— Дядя Елисей! — окликнул один из них. — Можно и нам с тобой?

Воронов узнал племянников: Никиту и Митрофана.

— Плетюганов бы вам всыпать! — смерив их сердитыми глазами, строго проговорил он.

— А мы и штаны спустим, дядя Елисей! — улыбнулся Митрофан.— Только не гони нас.

Никита, понутив голову, стоял молча. Воронов некоторое время разглядывал племяшей и наконец разрешил:

— Ладно, пристраивайтесь к первой сотне. Я еще потолкую с вами.

* * *

Узнав о том, что станица Хмельницкая захвачена бабиевцами и что комбриг пропал без вести, командир 4-го Кубанского полка прекратил марш по хутору Золотаревскому и немедленно связался с 1-м Афипским полком, который двигался на юго-запад в трех верстах восточнее Понуры. После короткого совещания командиры полков решили объединенными силами ударить по Хмельницкой.

Все рвались в бой. Судьба Воронова была неизвестна. Мало кто надеялся, что комбриг жив, и каждый был полон решимости отомстить врагу за любимого командира.

Когда до Хмельницкой оставалось не больше трех верст, впереди на дороге показалась длинная колонна всадников, быстро двигавшихся навстречу красным полкам.

Командир 4-го Кубанского полка скомандовал:

— Стройся в лаву!

Полки развернулись в боевой порядок. Бойцы вырвали из ножен шашки и с гиком понеслись вперед.

Воронов остановил уманцев, которые уже были объята лихорадкой паники, а сам припустил коня, взлетел на курган и, сорвав с себя красный башлык, стал размахивать им, пытаясь остановить бешено мчавшуюся лаву двух своих полков... Красные были в какой-то сотне шагов от кургана, когда Виктор Левицкий, скакавший в первом ряду кавалерии, узнал комбрига и тотчас закричал так, что едва не сорвал голос:

— Хлопцы, да это же Елисей Михайлович Воронов!

— Стойте! Стойте! — понеслись мощные крики по полю.— Комбриг жив!

Всадники начали сдерживать коней, постепенно обтекая курган. Наконец вся конница остановилась. Над сте-

пью неслошь могучее «ура», и тысячи бойцов, с ликованием размахивая шашками, приветствовали своего комбрига.

* * *

К вечеру станица Хмельницкая была освобождена 3-й Отдельной кавалерийской бригадой Воронова и 1-м Уманским полком.

После боя Воронов вызвал к себе племяшей. Те явились с четвертью самогона.

— Це вам, дядя Елисей! — хмуря брови, сказал Никита и протянул бутылку комбригу.

— Шоб не пороли нас, — добавил Митрофан с лукавой усмешкой.

— А выпороть-таки придется, — нахмурившись, сказал Воронов. — За самогон этот.

— Та вы шо? — удивленно раскрыл рот Никита. — Мы цю сулию у генеральского денщика с боем взяли. Думали, вы с нами хоть по чарци выпьете за встречу.

Воронов разбил четверть рукояткой нагана, сказал строго:

— Чтоб я этого больше не видел. В Красной Армии это зелье запрещено уставом. А если напьетесь — под суд отдам. Поняли?

— Поняли, — уныло ответили племяши, переглянувшись.

Воронов снова принялся разглядывать их. Никита был повыше Митрофана, шире в плечах, плотнее. Над чуть припухшей губой пробивались черные жидкие усики, придававшие его загорелому лицу бравый вид. Карие глаза отливали холодным блеском. Митрофан лицом мало походил на брата. Движения у него быстрые, в глазах так и бегали бесовские огоньки озорства. Казалось, ему стоило большого труда стоять на одном месте и сохранять на лице серьезное выражение.

— А вы молодцы, хлопцы, умеете рубиться, — наконец сказал Воронов. — Я наблюдал за вами в бою.

— Уже наловчились, — хвастливо бросил Митрофан.

— Это на ком же, на красных? — спросил Воронов, обжигая его гневным взглядом.

— Виноват, дядя Елисей, — понурил голову Митрофан, но тут же вскинул на него глаза: — А як же иначе? На то она и война. Я ж только защищался.

— Мерзавец!— вскипел Воронов.— Да ты знаешь, супротив кого ты шел?

— А теперь не иду!— буркнул Митрофан.

Воронов перевел негодующий взгляд на Никиту:

— И ты рубил?

— Случалось,— смутился племяш и отвел глаза в сторону.

— А правда, что вы с Иваном хотели захватить меня в плен?— спросил Воронов.

— Брехня то,— ответил Никита.

— Сам же Иван мне через речку кричал,— сказал Воронов.

На скулах Никиты заходили желваки.

— Выдумал... Может, сам и хотел. Мы от него ще в Крыму в другую часть перешли.

— Не знаю, что с вами делать,— задумался Воронов.— Придется вас поближе к себе определить. Посмотрю, как вы свою вину перед Советской властью искупать будете.— И махнул рукой:— Проваливайте!

— Есть проваливать!— приложил Митрофан пальцы к серой кубанке, сбитой набекрень.

И племяши побежали в свою часть.

XVII

Станица Краснодольская погружалась в ночную темноту. Гусочка шел навеселе домой. Петляя по улице, он пьяно горланил:

Штоб были у вас, ребята,
Ружья новые Бердана...
Шашки острые в ножнах...

Мимо него проскакал на коне Минаков в заломленной белой папахе и серой черкеске, гаркнул:

— Здорово, атаман!

Гусочка от неожиданности шарахнулся в сторону и чуть было не растянулся на пыльной дороге, но устоял, поправил шапку и, провожая подъесаула хмельными глазами, плюнул:

— Тьфу, жужальница!.. Бач, як напужал... Кто ж его такой? Видать, дюже пьяный, врагуша, шо я его зовсім не разглядел...

Он прошел еще с полквартала и вдруг остановился, посмотрел по сторонам.

Зачувяв знакомый голос, из подворотни выскочил Дурноляп, прыгнул хозяину передними лапами на грудь, повалил его в репейник, заскулил.

— Это ты, Дурноляпик? — обрадовался Гусочка. — Подсоби мне. Бачишь, я трошки... На поминках был у Молчунов... Гришка, царство ему небесное... А я теперички блукаю... Иди, песик, покличь мою Васеньку, хай она...

Дурноляп уткнулся холодным носом в ухо хозяина. Гусочка отмахнулся от него, с трудом встал, но тут же стукнулся лбом об акацию, росшую у забора, крикнул:

— Геть с дороги! Бачишь, атаман идет...

Шаря руками по забору, он наконец нащупал калитку, ввалился во двор. Дурноляп, припадая к ногам хозяина, заливался радостным лаем. На шум вышла Василиса. С ее помощью Гусочка вошел в дом. В зале снял шапку, глянул в зеркало. Синяк на левой щеке, полученный от Хвостикова, уже пожелтел и почти совсем рассосался.

— Ты раздевайся, — буркнула Василиса. — Весь в репьяхах, як анчутка!

Гусочка снял с себя черкеску, стащил сапоги, плюхнулся на постель... Во дворе забрежал Дурноляп. Василиса вышла на крыльцо. Там стояли Матяш и братья Крым-Шамхаловы.

— Иван Герасимович дома? — спросил Матяш.

— Только что прилемзал, — ответила Василиса. — Лежит без задних ног.

— Передайте ему, чтобы он завтра утром в монастырь явился, — сказал Матяш. — Хвостиков требует.

Василиса улыбнулась:

— Бойтся мой Герасимович на глаза генералу показываться после банкета.

— Ай, машала! — захохотал Дауд. — Какой молодца!

— Скажи мужа, пусть его не бойтся, — кивнул Баксанук. — Генерал уже все забыла.

Проводив Матяша и Крым-Шамхаловых, Василиса вернулась в зал. Гусочка уже спал мертвецки. Она поставила лампу на камелек, прикрутила фитиль и на цыпочках покинула дом.

Ночь была темная, глухая. Василиса шмыгнула в половник, открыла ляду в старом погребе, где скрывала Евдокию Денисовку Калиту, прошептала:

— Это я, Денисовна. Вылазьте. Нас уже ждут.

— Слава богу! — донесся слабый голос соседки.

Василиса помогла ей выбраться из погреба, и они направились садами на восточную окраину станицы. Часто останавливались, прислушивались. Вокруг стояла тишина.

Вскоре добрались до темных кустов вербовника на берегу Кубани. Внизу под кручей плескалась вода. Здесь, за станицей, можно было нарваться на дозорные посты или разъезды хвостиковцев, поэтому женщины были все время настороже. Спустившись по крутому косоугору к реке, они остановились. С противоположного берега, из коммуны, долетали неясные голоса.

— Где же они? — спросила Денисовна, беспокойно вглядываясь в темноту.

Из-под раскидистой вербы вынырнула черная тень.

— Сюда идите! — слышался шепот Мечева.

Только теперь женщины заметили лодку. В ней сидел Калита. Денисовна бросилась к нему, обхватила его руками и глухо застонала:

— Яша, дорогой мой!

Тихо, Дуня, потом, — сдавленно сказал Калита и, усадив старуху рядом с собой, обернулся к соседке: — Большое тебе спасибо, Саввишна.

— Век не забудем доброты твоей, — со слезами добавила Денисовна.

Мечев прыгнул в лодку, оттолкнул ее от берега и проворно стал грести веслами. Василиса стояла на берегу до тех пор, пока лодка не скрылась в густом мраке ночи.

* * *

Матяш вернулся домой в десятом часу вечера. Оксана ждала его у калитки.

— Что так поздно? — спросила она, беря его под руку — Я уже начала волноваться.

— Дела! — невесело ответил Матяш. — Дезертиров ловили. Солдаты бегут от нас, как крысы с тонущего корабля!

В доме он снял оружие, черкеску, шапку и устало сел на табуретку. Оксана прибавила огня в лампе, накрыла на стол. Матяш выпил стакан молока и больше ничего не захотел есть.

— Что же это ты? — спросила Оксана. — Так и захнуть можно.

Матяш тяжело вздохнул:

— Пусто на душе. Не было б тебя, пожалуй, руки на себя наложил бы.

Без предупреждения, по своему обыкновению, вошел Бородуля. Оксана пригласила его к столу, но он отказался от ужина, подсел поближе к Матяшу.

— Чую я, Андрюха, недолго нам дома оставаться, — проговорил он угрюмо. — По всему видно, скоро нам придется мазать пятки салом.

— С Хвостиковым надо кончать, — подавленно отозвался Матяш. — Не армия у нас, а какая-то банда. Только и того, что название громкое. Куда там: «армия возрождения России»! Нужен тот Хвостиков России, как пятая нога собаке.

— Теперь хоть круть, хоть верть, а ничего не поделаешь, — безнадежно махнул рукой Бородуля. — Катимся с горы, как камни под час обвала.

— Другого командующего надо, — убежденно заявил Матяш. — Такого, чтоб мог дисциплину держать и народа не катовал бы. А с этим — всем нам каюк будет. Какой у черта авторитет завоюет наша армия у казаков, если таких сволочей, как Гусочка, в атаманы выбирать будем?

— Гусочка — временный атаман, — сказал Бородуля. — Его избрали потому, что война. Лишь бы дырку кем-либо заткнуть.

Замолчали. В тишине гнетуще и гулко постукивал будильник, ведя равнодушный счет секундам. Оксана начала убирать посуду со стола. Бородуля поднялся, пожелал дочери и зятю доброй ночи, ушел в полной растерянности.

XVIII

Игуменья вернулась из города в монастырь ночью. Встретили ее мать Иоанна и мать Сергия, проводили в келью. Настоятельница разделась и легла в постель, разбитая духовно и телесно. Когда же она поднялась, на обеденном столе в передней уже стоял завтрак. Игуменья заложила за воротник салфетку и принялась трапезничать...

В конце завтрака в келью вошел Меснянкин и, кряхтя, расположился на диване.

— Ну, что ты выездила? — спросил он.

Игуменья вытерла губы полотенцем, пересела в кресло, сказала:

— В Екатеринодаре я добилась приема у начальника особого отдела и рассказала ему о тебе все.

Старик был потрясен этим сообщением. Не веря своим ушам, он вытаращил глаза, спросил почти безголосо:

— Зачем ты сделала это?

— Я должна думать о своем будущем,— ответила игуменья.— Если Хвостиков уйдет отсюда, то большевики сразу же арестуют меня из-за тебя. Вот я и приняла необходимые меры предосторожности.

— Но ты же связана с Хвостиковым! — сказал Меснянкин, бледнея.

— О том никто не знает, кроме некоторых лиц,— ответила игуменья.

— А ты не подумала, что будет со мной в случае отступления Хвостикова?

— Уйдешь вместе с ним,— спокойно ответила игуменья.

— Гонишь, значит? — промолвил старик, еле сдерживая гнев.— Спасибо, дочка, за все спасибо. Я стар, немощен и, разумеется, мешаю тебе.

— Кто тебя просил возвращаться сюда? — повысила голос игуменья.

— Господи, дай мне сил! — задыхаясь, прошептал Меснянкин и схватился за сердце.

Он вдруг закатил глаза и грохнулся на пол. Игуменья испугалась, подняла крик. Прибежали мать Иоанна и мать Сергия, а за ними целая толпа монахинь. Старик лежал без сознания, с широко раскинутыми руками.

— Врача! — закричала игуменья сквозь слезы.— Зовите врача!

Но монахини опустили на колени, начали истово креститься и бить земные поклоны. Заплакали, заскулили. Пришел врач, служивший при хвостиковском штабе. Проверив пульс больного, он покачал головой. Монахини наконец опомнились, перенесли старика на диван. Игуменья схватила врача за руку, спросила:

— Что у него?

— Алоплексический удар, матушка,— сказал врач и сделал больному два укола.

— Неужели нет никакой надежды? — снова обратилась к нему игуменья.

— Бывают, конечно, исключения, — ответил врач. — Все зависит от организма. Прежде всего больному нужен покой.

Он прописал больному лед на виски и ушел. Монахини уложили старика в постель. Оставив около него послушницу в качестве сиделки, игуменья трижды перекрестилась на образа и удалилась к себе в келью, а вслед за ней разошлись по своим углам и монахини.

На лицо больного упали косые лучи солнца. Послушница задернула на окне штору и, сев у стола, начала дремать... Меснянкин неожиданно открыл глаза, тяжело застонал. Хотел сказать что-то, но язык не подчинялся ему. Правая рука и нога совершенно потеряли чувствительность. Старик с трудом пошевелился, начал мычать. Послушница спросонья вскочила и, не понимая, в чем дело, закричала благим матом:

— Ой, ратуйте! Батюшка кончаются!

Меснянкин махнул рукой. Послушница вытаращила на него глаза, торопливо перекрестилась.

— Свят! Свят! Свят! — Выбежав из комнаты, она бросилась к игуменье и с усилием проговорила: — Матушка, ваш батюшка опамятавались!

Игуменья вскочила с постели, сунула ноги в шлепанцы, накинула мантию и побежала к отцу. Он встретил ее беззлобным взглядом, кивнул, чтобы она подошла поближе. Игуменья села на стул у его кровати.

— Вера... — напрягая силы, чтобы выговорить слово, невнятно промолвил он, — ты права... Прости!

Игуменья молчала. Меснянкин отвел глаза в сторону, притих.

На угольнике в подсвечнике горела свеча, перед иконами теплилась лампадка.

Игуменья позвала отца, но он не ответил, только чуть качнул головой, как бы прося оставить его одного.

— Может, за лекарем сходить? — спросила послушница.

— Не надо, — ответила игуменья. — Пусть батюшка поспит.

Послушница хотела снова занять свое место, но игуменья сказала:

— Иди отдыхай. Я сама посмотрю за ним.

Сиделка ушла.

XIX

Красноармейские части и чоновский отряд, стоявшие в обороне на левом берегу Кубани между хутором Драным и дорогой, ведущей из монастыря в Краснодольскую, зорко следили за лесом.

В тенистом саду коммуны на траве сидели Жебрак, только что приехавший из Екатеринодара, и Корягин. Председатель ревкома интересовался ходом боевых действий на улагаевском фронте. В свою очередь комиссар расспрашивал о мерах, принятых для организации разгрома армии Хвостикова.

— Девильдо-Хрулевич не собирается к нам? — спросил Корягин.

— Вчера его отозвали в Москву, — сказал Жебрак. — Орджоникидзе помог нам избавиться от этого демагога и путаника.

Во дворе коммуны поднялась тревога. Чоновцы бежали к высокой кирпичной ограде, занимали места у бойниц. По двору неслось громкое:

— Банда! Банда!

Корягин и Жебрак поднялись на крышу сарая и увидели хвостиковцев, которые, передвигаясь вдоль опушки леса, приближались к коммуне. Их было много, как саранчи в недобрый год. И оттого что катились они неудержимыми массами, становилось жутко, по спине продирало морозом.

Доронин с группой коммунаров занял оборону в окопах, вырытых с наружной стороны ограды. Мечев залег у пулемета, установленного между двумя толстыми акациями, росшими на берегу Кубани. Рядом с ним пристроились с винтовками в руках Иван Градов и Яков Калита. Юдин разместил своих бойцов на восточной стороне сада, а Корягин, вскочив на коня, помчался к чоновцам-кавалеристам, уже стоявшим в боевой готовности в лесу, который примыкал к коммуне с северо-востока.

Жебрак распорядился немедленно отправить всех женщин в лес, а сам с двумя вестовыми поднялся на башню, откуда вся территория коммуны и ее окрестности были видны как на ладони. Еще до начала перестрелки он послал группу из пяти конников в красноармейские части, находившиеся на оборонительной линии у Кубани, чтобы те срочно выслали им полк на подмогу.

Оглашая воздух дикими воплями и победными криками, хвостиковцы достигли ограды, облепили ее, как мухи, прорвались во двор. Жебрак спустился с башни. У ограды шла рукопашная, и, хотя хвостиковцы не могли продвинуться к постройкам, Жебрак понял, что долго сдерживать их бешеный натиск наличными силами не удастся. Быстро разместив стрелковые ячейки между дворовыми строениями и создав заслонный огневой рубеж, он отдал приказ коммунарам отходить на северо-восток, в лес.

Теперь весь удар противника приняли на себя стрелки и пулеметчики, оставшиеся в арьергардном заслоне. Командовал заслоном Доронин. Он видел, как падали чоновцы, коммунары, как, истекая кровью, продолжали вести огонь раненые.

В заслоне оставалось все меньше и меньше людей. Но они вели огонь до тех пор, пока Жебрак не отдал им приказ покинуть позиции.

* * *

На подмогу прибыл пехотный полк.

Когда совсем стемнело, Жебрак отдал команду — наступать. Юдин со своим отрядом начал обход коммуны с восточной стороны. Полк двинулся по лесу, с тем чтобы выйти в тыл противника и занять исходный рубеж для штурмовой атаки. Кавалерия Корягина и пехота, возглавляемая Дорониным, должны были смять заградительные заслоны врага лобовой атакой и создать видимость, что именно здесь сосредоточены основные силы красных.

Темнота была надежной союзницей наступающих. Под ее покровом части осторожно продвигались к местам, намеченным по плану.

Хвостиковцы не ожидали нападения, и, когда конники Корягина и группа Доронина, внезапно начав стрельбу, выскочили из леса и атаковали заслоны, среди врагов поднялась паника. Случилось именно то, на что рассчитывал Жебрак. Бандиты приняли демонстративный налет за основной удар и сосредоточили все свое внимание на этом участке.

Отряд Юдина, подойдя близко к стене с востока, открыл стрельбу. Бандиты перебросили часть сил к вос-

точной стороне коммуны, не оголяя совсем западного участка.

Тем временем подможный полк уже зашел им в тыл. Градов и Мечев, выделенные в качестве проводников, ползли к ограде впереди красноармейцев. С наружной стороны ворот, которые выходили на дорогу к монастырю и Краснодарской, бандиты выставили сравнительно небольшую группу охраны, вооруженную тремя ручными пулеметами.

Проводники уже отчетливо различали черные силуэты врагов, маячивших у полураскрытых ворот. Мечев подполз к кусту, поднял голову. На бугорке, шагах в двадцати, он увидел белогвардейцев.

— Леня, приготовиться! — шепотом предупредил Мечев друга.

Почти одновременно тьму разорвали две яркие вспышки, и один за другим прозвучали взрывы гранат. Полк тотчас открыл дружный огонь, расстреливая почти в упор хвостиковцев, заметавшихся у ворот. Смяв заставу, красноармейцы хлынули в ворота, через ограду и быстро растеклись по двору коммуны. Они обрушились на хвостиковцев, все еще ждавших нападения с востока и застигнутых врасплох ударом с тыла. Юдин тоже поднял свой отряд в атаку и почти без потерь форсировал ограду. А кавалерия Корягина ворвалась в восточные ворота.

У домов, сараев, конюшен завязывались рукопашные схватки. В одной из таких схваток едва не погиб старший Градов. Он оказался в окружении бандитов, которые решили поднять его на штыки. Заколов троих из них, Градов схватил винтовку за ствол и отбивался от нападавших хвостиковцев, как дубиной. К счастью, вовремя подоспел Доронин с десятью коммунарками, и бандиты разбежались.

Все попытки Набабова, возглавлявшего осаду коммуны, прекратить панику и более-менее организованно выйти из окружения потерпели полный крах. Полковник с полусотней белоказаков засел в двухэтажном доме, долго отстреливался, однако решил бежать. Он выпрыгнул из окна и скрылся в кустах терновника на берегу Кубани. Продираясь через колючие заросли, он исцарапал в кровь лицо и руки, изорвал одежду. У края высокой кручи испуганно металась несколько белоказаков.

зажатых со всех сторон цепями красноармейцев. Набабов выбежал на кручу.

— Чего вы мечетесь? — заорал он на казаков.— Прыгайте в воду, плывите к тому берегу!— И видя, что никто не решается прыгать, первым бросился с обрыва...

Бой в коммуне закончился.

Накрапывал дождь. Коммунары и чоновцы сносили тела погибших товарищей на просторную площадку у колодца. К Доронину, сидевшему на водопойном корыте, подошел Калита, спросил сдавленным голосом:

— Павел Федотович, вы в клуб заглядывали?

— Нет. А что там?

— Наши люди... зверски убиты. Даже глядеть страшно. Сорок семь человек.

— Раненые это были!— проговорил Доронин и обнажил голову.

* * *

Загорелось утро, хмурое, дождливое, неприветливое.

Проходя по берегу Кубани, Мечев и младший Градов вдруг увидели под кручей в воде нанизанных на острые сучья старой почернелой карчи нескольких бандитов. Среди них оказался и полковник Набабов. Ноги его задраны кверху, голова доставала полуседыми жидкими косичками до воды. Обвисшие руки, казалось, пытались что-то поймать под стволом дерева. Мечев узнал его. Постояв немного, он сказал:

— За чем пришел, то и нашел.

XX

На подступах к Новониколаевской развернулись кровопролитные сражения. Шифнер-Маркевич и Филимонов в сопровождении охранной сотни мчались на конях по дороге. Вблизи станицы они перешли на шаг. Филимонов, ритмично покачиваясь в седле, иногда оглядывался назад, в ту сторону, где шел бой и гремела канонада. В голове назойливо повторялась одна и та же гнетущая мысль: «Все кончено! Все прахом пошло... Прощай, вольная Кубань!»

Шифнер-Маркевич, внимательно оглядывая свою белую черкеску, украшенную серебряными газырями, с горестью заметил:

— Эк загрязнилась, испачкалась моя одежина!

— Белый цвет в армии непрактичный,— сказал Филимонов и, окинув взглядом свою черкеску, добавил:— Хотя и мою бордовую пора бы почистить, да уж не до того... Зинаиды Ивановны нет, беспокоиться о сменном белье и чистке верхнего платья некому.

— Хорошо, что она вовремя уехала в Крым,— добавил Шифнер-Маркевич.

— Да, конечно,— согласился Филимонов.— Супруга Улагая настояла.

Улицы станицы были запружены войсками, обозами, мобилизованными подводами. Шифнер-Маркевич и Филимонов с трудом пробирались к главному штабу сквозь гудящее, хаотическое скопище.

На одном из перекрестков они догнали Казановича, ехавшего на тачанке. Бородка его отросла непомерно, усы обвисли, растрепались.

— Вы с передовой? — спросил его Шифнер-Маркевич.

— Нет,— буркнул Казанович, нервно сбивая растопыренными пальцами дорожную пыль с рукава выгоревшей гимнастерки.— С дезертирами воевал. Только сейчас расстрелял сорок две шельмы.

— Это не поможет,— безнадежно махнул рукой Шифнер-Маркевич.

— Мда!..— Казанович обернулся к Филимонову, пренебрежительно бросил:— Помнится мне, как вы кричали в Крыму: «Мои казаки, моя Кубань — наша надежная опора!» А на деле вместо опоры — огнедышащий вулкан! К вашему сведению, из сорока двух расстрелянных — двадцать восемь казаков!

— Уж не пытаетесь ли вы, господин генерал, вину за собственные промахи переложить на мою седую голову? — спросил Филимонов, сурово насупив брови и удерживая коня в поводу.

Казанович зло выдохнул:

— Если у меня и были какие промахи, то они всецело обусловлены вашими!

— Конечно, выигрыш вы всегда за собой запишете, а проигрыш постараетесь на другого свалить!— сказал Филимонов, отворачиваясь в сторону.

— Не спорьте, господа,— проговорил Шифнер-Маркевич примиряющим тоном.

Филимонов, резко развернув коня, направился з пере-

улок, который выходил на дорогу в сторону Гривенской. За ним поскакала и охранная сотня. У хутора Лебеди он встретил Скакуна и Василия Рябоконя.

— С пополнением как? — спросил он, обращаясь к полковнику.

— Плохо, — Скакун отрицательно помотал головой. — Никого и арканом не затянешь.

— Да, дела, — невесело протянул Филимонов. — Устал я сильно. Где бы отдохнуть хоть полчаса?

— Ваше превосходительство, может, ко мне изволите? — предложил Рябоконь. — Тут совсем недалеко.

* * *

Двор Рябоконя у Ангелинского ерика обнесен высоким голубым частоколом. Дом, покрытый железом, обращен четырьмя окнами к выгону. К нему примыкала конюшня. Рядом с сараем, выходящим глухой стеной на улицу, стоял амбар. За двором к ерику — сад и огород.

Под сараем лежали рало и шестигранный каменный каток, хранившиеся как реликвии, оставленные прадедом. На стене амбара висели цепи, деревянные грабли, коса с отвалом... Все, вплоть до расположения предметов во дворе, сохранялось в том порядке, который был заведен много десятилетий назад. В саду росли яблони, груши, сливы, абрикосы, персики, смородина, малина, клубника... Вдоль дорожек ярко пестрели цветы. В саду и на огороде торчали пугала в лохмотьях.

Рябоконь, Филимонов и Скакун вместе с охранной сотней въехали во двор. На крыльцо вышел невысокий старик. Из-под его серой войлочной шляпы выбивались длинные пряди седых волос. Щурясь от слепящих лучей солнца, он приложил руку ко лбу, чтобы разглядеть, с кем прибыл сын.

— Принимай гостей, батько! — крикнул ему Рябоконь.

Старик снял шляпу, низко поклонился генералу:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Старик пригласил гостей в самую просторную комнату и угостил всех холодной бражкой. Утолив жажду, Филимонов сел на стул у раскрытого окна. Скакун поместился за круглым столом, хозяин дома с сыном сели на деревянном диване. Старик взглянул на генерала, спросил:

— Будь ласка, скажите, ваше превосходительство, чим же кончится оця шеремичия?

— Уходить придется, Федор Саввич,— сказал Филимонов, разглядывая старинное оружие — запорожскую рушницу, кривую турецкую саблю и кинжал, украшенные золотой и серебряной вязью, висевшие на персидском ковре, прибитом к стене.

Старик сдвинул белые мохнатые брови, почесал затылок.

— А куда ж уходить, ваше превосходительство? Обратно в Крым басурманский?

— Другого пути пока нет.

— А потом?

— Потом — за границу.

Старик оперся широкими ладонями на колени, задумался.

— Эхе-хе-хе-хе! Значит, до ручки довоювались...— Он перевел взгляд на сына.— Ты ж казал, Василь, шо большевики теперь николы не придут в наш край.

— Казал, да не завязал,— хмуро отозвался Рябонь.

Старик снова поскреб затылок, протянул:

— На чужбине и сокола вороной зовут. Недаром сказано: хвали заморье, а сиди дома.

— Но куда денешься? — развел руками Филимонов.

— А я с Кубани не уйду! — решительно заявил Рябонь, и черные глаза его налились злостью. Он резко встал, зашагал по комнате.— До гробовой доски буду биться с большевиками! Из-за угла стрелять, хаты жечь, скот травить!..

— Сядь! — шумнул на него отец.— Чего забегал?

Донесся гудок автомобиля. Филимонов приподнял занавеску и посмотрел на улицу, по которой непрерывным потоком двигались войска к Гривенской. У ворот остановился лимузин.

— Интересно, кто это приехал? — проговорил генерал.

Из автомобиля вылез Гусочка, открыл калитку и спросил у сидевших под сараем казаков из охранной сотни:

— Его превосходительство енерал Филимонов туточки?

— А тебе зачем? — подозрительно покосился на него офицер — командир охранной сотни.

— Это не ваше дело! — ответил Гусочка.

Из дома вышел Рябоконт, с досадой подумал: «Откуда взялось это чучело гороховое?» Но был вынужден встретить гостя и проводить в великую хату. Храбрясь, Гусочка небрежно вскинул руку к папахе:

— Здравия желаю, ваше превосходительство! Честь имею представиться: кульер енерала Хвостикова.

— Здравствуйте, господин кульер,— сказал Филимонов, недоверчиво оглядывая его.

Гусочка уселся на стул, поставил шашку между коленями — против кинжала, висевшего на поясе,— и, скрестив на ней руки, сказал:

— Неважные дела у вас, господа. Фронт рухнул, ниякого порядку нету. Не дай бог, який кавардак кругом! Все бегут...

— Говорят, и у Хвостикова больше за упокой поют, чем за здравие,— перебил его Скакун.

— Конечно,— с глубокомысленным видом проговорил Гусочка,— оно и у нас ригинального ничего нету. То мы бьем, то нам шею мылят. А вас токо бьют.

Федор Саввич безнадежно вздохнул:

— Видать, и там и тут в нашем полку нету толку.

— Вы как, Сергей Борисович, опять думаете здесь остаться? — обратился Филимонов к Скакуну.

— Нет, Александр Петрович! — возразил полковник.— Здоровье у меня никудышное. Как ни печально, однако придется распрощаться с Кубанью.

— Надо об этом заранее договориться,— сказал Филимонов,— иначе потом трудно будет собраться.

— Вот Василия Федоровича я вместо себя оставляю,— указал Скакун на младшего Рябоконтя.

— Эхе-хе-хе-хе! Пустое все это,— уныло промолвил Федор Саввич.

В дверь заглянула жена Василия — высокая, стройная женщина. Подозвав мужа, она шепнула ему, что стол уже накрыт. Василий пригласил гостей в столовую.

XXI

До Гривенской долетала отдаленная канонада, но в самой станице стояло напряженное затишье. Заунывно гудел церковный колокол, сзывая прихожан к обедне.

Филимонов въехал на многолюдную площадь, оста-

новился у церковной ограды. Ближе к паперти, выстроившись повзводно, стояли юнкера Корниловского и Алексеевского военных училищ, дальше — две охранные сотни белоказаков.

В церкви шла служба. Гулко отзывался под сводами голос священника, призывавшего молящихся костью лечь на поле брани, но не отдавать православную землю большевикам, кои явились на Кубань по наущению самого антихриста.

Филимонов слез с коня и в притворе увидел Драценко, державшего в одной руке зажженную свечу, в другой — фуражку.

— Молитесь, господин генерал? — спросил Филимонов.

— Как видите, — нехотя ответил Драценко.

— А командующий здесь?

— В штабе.

Филимонов перекрестился и начал протискиваться к амвону, перед которым стояли несколько генералов и полковников.

Гусочка тоже приехал в Гривенскую. Делать ему в штабе было нечего (Улагай еще не заготовил ответного письма Хвостикову), поэтому он тоже направился в церковь. Минуя базарную площадь, он едва не столкнулся нос к носу со своей знакомой. Офицерская вдова цепко схватила его за локоть, вскрикнула удивленно:

— О, Иван Герасимович! Чего же не признаетесь?

— Звоняйте, Марфа Емельяновна, не заметил, — сказал Гусочка. — Мое вам почтеньице! — И поинтересовался: — Яким ето ветром занесло вас в Гривенскую?

Грудь Марфы громоздко колыхнулась.

— Беда застигла тут. Вино привозила на продажу, а тем часом красные взяли Приморско-Ахтарскую. Вот и сижу здесь, жду у моря погоды.

— А я обратно кульером от Хвостикова, — сообщил Гусочка и, приняв важный вид, добавил: — Меня сюда направили, як атамана станицы Краснодольской.

— Вы? Атаман? — прыснула Марфа.

Гусочка надулся.

— Не смейтесь, Марфа Емельяновна. Хватит, вы и так уже раз безобразию надо мной учинили... Я до вас со всей душой, а у самого мало сердце не оборвалось. Рази можно так пужать? Уже и переполох выливал — ничего не помогает. Як токо начну засыпать, так в очи и

лезет ваш лохматый Барбос, хай ему черт! Я дюже в обиде на вас.

— Да то не Барбос, Иван Герасимович,— рассмеялась вдова.— То наш Покат. Не знаю, чего вы испугались? Он такой смиренный.

— Э, смиренный! — возразил Гусочка.— Это для тебя смиренный,— он снова перешел на «ты»,— а для меня — тигра! Мало не загрыз.

Марфа перестала смеяться, сказала серьезно:

— Да, Иван Герасимович, нехорошо вышло, хоть и нет моей вины в том.

— Як же це нет? — взбеленился Гусочка.— Я пришел по нашему уговору, а там, на постели, етот, Покат токо: гав-гав! Да як шмыгонет у меня промеж ног! Я думал, шо сквозь землю провалился... так напужал треклятый!

— То вы перепутали, Иван Герасимович, не туда пришли. Я до полночи ждала вас,— прильнула Марфа к атаману под бочок.

— Невже перепутал? — Гусочка всплеснул руками и, сбив на затылок папаху, громко захохотал: — Ты погляди, яка оказия приключилась!

— А вы еще и в обиде на меня,— улыбнулась Марфа.

Гусочка окинул глазами ее дородную фигуру, и кровь снова взыграла в нем.

— Так, моет быть, мы теперички поквитаемся, Марфуня? — хихикнул он, заглядывая ей в глаза.

Марфа обратила внимание на массивное золотое кольцо, поблескивавшее на указательном пальце правой руки Гусочки.

— Так вы же человек женатый, Иван Герасимович! Вон и обручальное носите,— указала она.

— Пхи, обручальное,— скривился Гусочка.— Да у меня етих обручальных — куры не клюют! — Он слегка толкнул вдову в плечо, хихикнул: — А хоть бы и женатый, то шо с того? То у меня — буднишня, а ты будешь праздничная!

— А колечко подарите?

— А як же! — Гусочка оглянулся по сторонам, вынул из внутреннего кармана черкески замасленную сумочку, развязал ее и шепнул: — Гляди, шо в ней!

Марфа впервые увидела столько золотых вещей. Гусочка подтолкнул ее в бок.

— Ну, Марфуня, бачишь теперички, який я богатый?

— Ванечка!.. — Марфа потерлась щекой о его пле-

чо.— Хоть один перстенок на память по случаю нашего знакомства..

Гусочка завязал сумочку, спрятал в карман:

— Заработать надо, Марфуня! — подмигнул он.—
Задаром — не можна.

— Ну и скупые же вы! — досадливо махнула рукой
Марфа.

— Скупость — не глупость, — сказал Гусочка.—
А то... как это: дал бог денежку, а черт — дырочку, и
пойдет божья денежка в чертову дырочку... Заработа-
ешь — другое дело!

* * *

Улагай и Стрэнг находились в небольшой штабной
комнате. За раскрытыми окнами висели ветки с круп-
ными румянобокими яблоками. Воздух был напоен фрук-
товым ароматом. А по улице нескончаемым потоком
шли и шли отступающие войска вперемежку с обозами,
нагруженными продовольствием, боеприпасами.

Стрэнг сидел у окна, изредка тянул из бокала ду-
шистый кубанский рислинг и все время поглядывал на
колонны отходивших солдат. Все они были запыленные,
грязные, в рваном обмундировании, в разбитых сапогах,
в развалившихся ботинках. У многих головы забинто-
ваны, руки на перевязи. Улагай ни разу не прикоснул-
ся к своему бокалу и ни разу не взглянул в окно. Он то
ходил по комнате, то подолгу стоял у стола в каком-то
раздумье. Наконец Стрэнг ознакомился с письменным
донесением, подготовленным командующим для отправки
в Крым Врангелю, холодно усмехнулся:

— Вы просите у барона невозможного.

— Почему? — раздраженно спросил Улагай.— В Кры-
му имеются и танки, и пушки, и пулеметы!

— Разве в этом дело? — окрысился на него Стрэнг.—
Людей у вас нет, генерал, людей! Кубань вас не поддер-
жала — вот в чем трагедия!

— А вооружение какое у меня? — вспылил Улагай.—
Семнадцать орудий и двести сорок три пулемета!

— И то большая часть растеряна, попала в руки
большевиков! — упрекнул его Стрэнг и, отпив немного
вина, подчеркнул: — И учтите, все это наше вооружение!
У вас, русских, уже ничего нет.

— Да, я уже неоднократно слышал этот упрек,—

сказал Улагай.— Но вы забыли о пролитой русской крови. Разве она ничего не стоит?

— Спокойнее, мой друг, спокойнее,— скрипуче проговорил Стрэнг.— Давайте обходиться без абстракций.

— Кровь — это отнюдь не отвлеченное понятие! — повысил голос Улагай.— Это человеческие жизни, это убитые, раненые, искалеченные! Разве вы не видите, что творится за окном?

— А результаты? — прищурился Стрэнг.— Если нет результатов, то все это бесцельные жертвы. И, говоря откровенно, я присутствую здесь совсем не для того, чтобы вести подсчет количества крови, пролитой вашими солдатами. Мы даем вам оружие и боеприпасы, вы их губите катастрофически, а расплачиваться кто будет за все это? — Стрэнг помахал перед своим носом пальцем.— Нет, мой друг, я уже сообщил куда следует, что происходит на Кубани. А господин Вокэр дополнил мое сообщение обстоятельным докладом.

Слушая его, Улагай накалялся, но еще находил в себе силы сдерживать гнев.

— Так, так, продолжайте, господин Стрэнг, продолжайте,— расхаживая по комнате, сказал он.— Мне кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Вы не лишены сообразительности,— сняв очки и протирая стекла, съязвил Стрэнг.— К сожалению, она не всегда сопутствует вам, что отчасти и привело к столь плачевным итогам десанта.

— Я не потерплю оскорблений! — вскипел Улагай. Стрэнг махнул рукой:

— Не горячитесь, генерал.

На пороге появился адъютант. Приложив руку к белой заломленной папахе, он отрапортовал:

— Ваше превосходительство! Только что получено сообщение о высадке десанта на Сладком лимане численностью в двести пятьдесят сабель, пятьсот штыков при четырех орудиях и девяти пулеметах под командованием полковника Буряка. Десант уже начал наступать на станицу Петровскую.

Улагай воспрянул духом.

— Вы слышите, господин Стрэнг? — обратился он к своему собеседнику.— Отряд Буряка зайдет в тыл красным и расстроит все их планы.

— Не обольщайтесь, генерал! — Стрэнг скептически

бросил: — Харламов высадил на Тамани куда больше сил, но они дальше Вышестеблиевской не продвинулись...

XXII

Брезжил рассвет. Седой туман медленно поднимался над Гривенской, таял и обнажал еще сонные сады, дворы, хаты. Все громче горланили петухи, как бы играя утреннюю побудку, кое-где около худобы на базах уже хлопотали хозяйки: доили коров, задавали корм... А расквартированные в станице воинские части еще спали крепким сном. Кроме часовых и патрулей, на улицах теперь никого из военных не было. Далекая канонада утихла еще ночью, и вокруг Гривенской на много верст стояло полное безмолвие.

Взошло солнце. Слепящие лучи залили станицу ярким светом, заглянули и в поповский сад, а оттуда проникли в приоткрытое окно дома, легли полосой на рыхлое лицо Стрэнга, который спал на широкой деревянной кровати, пригрели тройной его подбородок. Стрэнг во сне промычал что-то, перевернулся на другой бок. Солнечный зайчик не особенно донимал эмиссара, соскользнул с кровати, поплыл по полу и ушел в окно.

Но насколько был сладок сон заморского гостя, настолько кошмарным оказалось его пробуждение. Грохот, от которого проснулся Стрэнг, был так оглушительно трескуч, будто в соседней комнате выпалила крупнокалиберная пушка. Дом содрогнулся, из окон со звоном посыпались стекла. Стрэнг, как полоумный, вскочил с постели, находясь в том состоянии, когда человек еще не ощущает четкой грани между сном и явью. Последующие два взрыва и стрельба, начавшаяся в станице, окончательно вернули его в реальный мир. В спальню вбежал поп в исподнем белье и, испуганно ворочая глазами, закричал:

— Мы в геенне огненной!

— Что случилось? — не своим голосом закричал Стрэнг.

— Красные! — возопил поп еще сильнее.

Во дворе разорвался снаряд. Поп присел на корточках, перекрестился, затем бросился в боковую комнату. Сквозь пальбу все отчетливее слышалось «ура», надвигавшееся с восточной окраины станицы. Стрэнг подхва-

тил в охапку свое верхнее платье, ботинки и в одной ночной рубашке выскочил на улицу, где сломя голову в панике бежали белогвардейцы...

* * *

Гусочка поднялся незадолго до начала внезапно разразившейся стрельбы.

— И куда ты торопишься, Ванечка? — спросила Марфа, еще нежась в постели.

— А чего здря валяться? — сказал Гусочка, застегивая перед зеркалом черкеску. — Дело сделано, теперички в штаб мне надобно.

Марфа поманила его пальцем:

— Иди, иди сюда, атаманчик.

— Некогда! — отмахнулся Гусочка.

— А перстень?

— Який такой перстень?

— С яхонтовым камешком.

— Возвернусь из штаба — тогда.

Марфа в мгновение ока с поразительной проворностью соскочила с кровати, схватила Гусочку за газыри и затрясла так, что из него чуть душа не вылетела вон.

— Не отдашь перстень, как козявку раздавлю! — пригрозила она. — Тоже мне любовник нашелся! Да я чхать хотела на такого пса шелудивого, кабы не пообещал перстня.

— Пусти! — прохрипел наконец Гусочка. — Кричать буду!

— Только крикни! — Марфа пнула голым коленом его в живот. — Кишки выпущу и всю сумочку твою отниму.

— Хай тебе черт! — выругался Гусочка и, сняв с пальца кольцо, протянул его Марфе: — Бери его да не лайся.

Марфа зажала кольцо в левой руке, а правой все еще продолжая держать Гусочку за грудь, сказала:

— Нет, с яхонтом давай!

— Ты шо, сказалась? — Гусочка попятился к двери. — Пусти, кажу!

Марфа снова потрянула его. Незадачливый ухаживатель хотел уже звать хозяев на помощь, но в это время грохнул снаряд, обрушился на станицу оглушительный артиллерийский шквал. В страхе Марфа выпустила Гу-

сочку из рук, и он очертя голову, во все лопатки подался на площадь к самолету, издали закричал летчику:
— Заводи!

Но мотор как назло не заводился. Пришлось снова и снова прокручивать пропеллер. А тем временем к аэроплану прибежал Стрэнг.

— Я лечу с вами! — заявил он, обращаясь к курьеру, уже сидевшему в кабине.

— Не можна, господин посол, ероплан не потянет нас, — ответил Гусочка.

Стрэнг поднялся на крыло, помотал перед его носом пистолетом:

— Или вы берете меня, или я вышвырну вас отсюда к чертовой матери!

Гусочке пришлось потесниться, и самолет поднялся в воздух, стал набирать высоту. Гусочка вдруг истошно закричал:

— Моя торбочка! И где же она запропастилась?

— Какая торбочка? — спросил Стрэнг.

Гусочка не ответил, второпях шарил дрожащими руками по всем карманам, заглядывал в пазуху... Потом начал мысленно проклинать офицерскую вдову, приговаривая: «Ето она, ведьма, вытряхла из меня мою торбочку! Врагуша стодиявольская. Супостатка, хай бы ей черт!..»

* * *

Красный десант Ковтюха появился в районе Гривенской, развил стремительное наступление на неприятельский тыл. Полураздетые сонные улагаевцы выскакивали из хат как очумелые. Белое командование никак не предполагало, что красные дерзнут использовать Кубань и Протоку для переброски десанта и окружить Гривенскую.

Пушки, стрелявшие по станице с пароходов и барж, нанесли противнику незначительный урон, однако вызвали такую панику, что красноармейцы почти без боя захватили несколько кварталов на юго-восточной стороне станицы, а затем, быстро растекаясь по улицам, начали продвигаться к центру. Схватки завязывались в садах и дворах, у хат и плетней.

Ковтюх и Фурманов следовали за основной группой атакующих, которая уже вела бой на базарной площади.

Ковтюх вырвался вперед и, увлекая за собой бойцов, размахивая наганом, кричал:

— За мной, хлопьята! Бей, круши вражью силу!

И хлопьята с винтовками наперевес не отставали от бесстрашного командующего, штыками и гранатами пробивали путь через ряды огрызавшихся белогвардейцев.

Улагаевцы, сопротивляясь, постепенно отходили к лиманам, в камыши. Многие сдавались в плен... Наконец была сломлена большая группа солдат и офицеров, защищавшая штаб. Над домом станичного правления зареяло красное знамя...

А в полдень пароходы и баржи подошли по Протоке к самой станице.

* * *

Весть о том, что в тылу появился десант красных и что Гривенская уже пала, заставила белогвардейцев начать переброску сил. В Новониколаевской еще продолжался бой, но улагаевцы теперь только оборонялись и, сдавая одну позицию за другой, медленно пятились к хутору Лебеди.

Случилось так, что сотня Левицкого, заходя во фланг пехотного полка дивизии генерала Казановича, была атакована тремя вражескими кавалерийскими эскадронами. Виктор не растерялся. Он быстро построил сотню клином, врезался в развернувшуюся лавой конницу противника и сумел прорваться со своими бойцами сквозь смертельный обруч. В разгар этой схватки под Охрименко был убит конь, а сам Охрименко ранен пулей в грудь. Вьун и Шмель все это видели, хотели пробиться к товарищу и оказать ему помощь. Но Охрименко, потеряв сознание, не подавал никаких признаков жизни, и друзья, посчитав его погибшим, начали уходить. Однако Охрименко очнулся и кое-как дополз до окопа, оставленного белогвардейцами, и там обнаружил полуприсыпанного землей убитого офицера, под которым лежал ручной пулемет.

Вблизи окопа все еще кипела сабельная рубка. Охрименко, как в тумане увидел горстку собратьев по оружию, пробивавшихся сквозь ряды белоказаков. Вся его грудь была в крови, а перед глазами то мелькали черные пятна, то все вокруг светлело, открывалось как на ладони. Он попытался было вылезть из окопа, но ноги не под-

чинялись ему. Собрав все свои силы, он выдернул пулемет из-под убитого офицера, приложил приклад к плечу и, прицелившись, дал длинную очередь по врагам. Гулкий отрывистый стук выстрелов будто влил в Охрименко новые силы. Он видел, как его пули сметали белогвардейцев с коней.

— Ось вам, гады! — процедил он сквозь стиснутые зубы и дал еще две очереди, покороче.

А белоказак на взбешенных конях мчался на него, размахивали шашками, оглашали степной воздух криками, матерщиной.

— Давай, давай ближе! — шептал Охрименко запекшимися губами.

Будто вкладывая в пули весь свой гнев и желая как можно дороже продать свою жизнь, он начал в упор расстреливать надвигавшихся всадников. Пулемет умолк, когда в диске не осталось ни одного патрона.

В какое-то мгновение Охрименко увидел, как небо вспыхнуло кроваво-красным заревом, затем в глаза хлынул непроглядный мрак.

XXIII

В четвертом часу дня к Гривенской подошли пехотные и кавалерийские части белых, переброшенные из-под Новониколаевской на помощь разбитому и загнанному в плавни гривенскому гарнизону. Они с ходу навалились всей своей тяжестью на красный десант, но встретили такой дружный отпор, что только ценой больших потерь сумели немного потеснить отряд Ковтюха и захватить две улицы на северной стороне станицы. Правда, это открыло им путь на Ачуев, куда устремились обозы, артиллерия и наиболее потрепанные в боях полки. Верст на десять вдоль правого берега Протоки растянулся поток войск, окутанный пеленой горячей, удушливой пыли.

Против станицы Деревянковской саперы начали строить переправу. Они связывали подводы веревками, цепями, скрепляли их бревнами и бросали в воду, но быстрое течение тут же подхватывало всю эту нехитрую гать, рвало и ломало ее на части и уносило в море. Загнав таким образом более тысячи подвод в Протоку, саперы убедились, что в данном месте им не сломить сопротивления реки; они вынуждены были оставить эту затею

и приступить к поискам нового участка для переправы...

А бойцы красного десанта, укрепившись на левом берегу Ангелинского ерика, продолжали удерживать большую часть Гривенской и вели артиллерийский обстрел дороги на Ачуев, запруженной обозами и войсками противника. Несколько раз улагаевцы пытались выбить их с занимаемых рубежей, предпринимали смешанные конные и пешие атаки, но безуспешно. Ковтюх создал на самых опасных точках непроходимые огневые заслоны, расстроив все замыслы врага.

* * *

Судьба красного десанта очень волновала Левандовского, и он делал все, чтобы скорее развить наступление в сторону Гривенской и оказать помощь Ковтюху. Узнав, что 3-я Отдельная кавалерийская бригада задержалась в нескольких верстах южнее хутора Лебеди, он отправился к Воронову выяснить причину задержки.

Левандовский нашел комбрига на небольшом кургане, поросшем колючим кустарником. Отсюда окружающая местность была видна на много верст.

Увидев Воронова, Левандовский спросил:

— Почему не атакуешь? Пока мы здесь раскачиваемся, наш десант в Гривенской истекает кровью. Надо атаковать немедленно и решительно!

— Михаил Карлович, ты посмотри, что там творится,— Воронов указал в сторону вражеских позиций.

Левандовский приложил бинокль к глазам и увидел женщин, стариков и детей, стоявших длинной цепью среди открытого поля.

— Что они там делают? — спросил Левандовский.

— Это жители окрестных хуторов и станиц,— объяснил Воронов.— Семьи красноармейцев, чоновцев, советских работников. Белогвардейцы согнали их к передовой и выставили против нас как живой заслон. Идти в атаку — значит смять их. Понимаешь? А белая сволочь залегла с пулеметами за их спинами.

Левандовский заложил руки за спину, стал расхаживать по кургану. Воронов выжидательно поглядывал на него, молчал.

— Да, Елисей Михайлович, тяжелое дело,— проговорил наконец командующий.— Пожалуй, от конной атаки придется отказаться.— Он развернул карту и долго рассматривал ее, затем решительно сказал: — Наступление

поведем так: фронтальную атаку поручим пехоте, во главе которой будут двигаться пластуны. Ты пойдешь со своей бригадой в обход. Как только пехотинцы войдут в соприкосновение с неприятелем, твои конники ударят по нему с правого фланга, из плавней. Перед атакой артиллерия произведет интенсивный обстрел тылового участка, непосредственно примыкающего к занятому врагом рубежу, с постепенным переносом огня в глубь обороны.

— А как быть с заслоном из граждан? — спросил Воронов. — Ведь он окажется меж двух огней.

— Надо подобрать двух-трех опытных пластунов, которые смогли бы подползти к людям как можно ближе и предупредить их, чтобы они залегли в самом начале артиллерийской подготовки.

Воронов вскинул руку к кубанке и, стукнув каблуками, отчеканил

— Есть подобрать пластунов, товарищ командующий!

И вызвал он к себе двух кавалеристов, своих племяншей Никиту и Митрофана, объяснил им задачу, а в заключение предупредил:

— Вот, даю вам возможность полностью искупить свою вину перед Советской властью. Надеюсь на вас. А подведете — под землей найду!

Митрофан тряхнул чубом:

— Можете не сумлеваться, дядя.

— Опять — дядя? — строго глянул на него Воронов.

— Извините, товарищ комбриг! — исправил оплошку Митрофан.

2-й стрелковый полк и Коммунистический отряд начали готовиться к наступлению. Развернувшись в цепи, широким фронтом красноармейцы короткими перебежками сосредоточивались в поросшей камышом балке, из которой должна была начаться атака.

Кавбригада Воронова, пройдя около двух верст строго на восток, повернула затем на север и двинулась через болото во фланг неприятелю. Левее кургана расположилось несколько батарей. Командный пункт Левандовского обосновался на вершине кургана.

Когда над балкой взвилась красная ракета, командующий приказал открыть артиллерийский огонь. С воем и свистом полетели снаряды на позиции белогвардейцев, вздымая султаны черного дыма и пятная синее небо белыми барашками ирапнельных разрывов. Не отры-

вая окуляров своего цейса от глаз, Левандовский напряженно наблюдал за людьми, все еще стоявшими перед линией обороны белогвардейцев. Надо было начинать атаку, но командующий медлил, не подавал сигнала, так как хорошо знал, что атакующие не станут стрелять в мирных людей и неизбежно попадут под губительный огонь пулеметов противника, спрятавшегося за живой стеной.

Напряжение нарастало с каждой секундой. И пехота, и конница ждали сигнала. Артиллеристы продолжали стрельбу...

Людская стена вдруг повалилась на землю. Из груди Левандовского вырвался вздох облегчения. В небо полетела вторая красная ракета, и пехотинцы ринулись в атаку.

Воронов не обманулся в своих племянниках. По овражкам, по топким низинам, сквозь камыши и кустарники они без передышки доползли до бугра, в нескольких шагах от которого стояли женщины, старики и дети. На добрую версту протянулись шеренги измученных жаждой, долгим стоянием, оборванных и избитых людей. Совсем близко от них, в мелких окопчиках, скрывались белогвардейцы.

При первых разрывах снарядов, падавших в расположении белых, людская стена дрогнула. Некоторые бросились бежать, но тут же были сражены выстрелами в спину. Раздались отчаянные женские и детские крики. Братья Вороновы неожиданно появились на бугре, дали из ручных пулеметов огонь по врагу. Это внесло панику в ряды белогвардейцев. Никита и Митрофан воспользовались их замешательством, изо всей силы закричали обреченным:

— Ложись! Быстро!

Когда улагаевцы опомнились, то людская стена уже лежала на земле. Из балки выскочили атакующие, открыли ураганную пальбу по залегшим цепям противника. Одновременно со стороны плавней показалась конница, впереди которой во весь опор неся на Ратнике Виктор Левицкий, держа сверкающую шашку понизу, а за ним на Кристалле его адъютант Демка Вьюн. Немного правее, почти бок о бок с сотней Левицкого мчался Терентий Аншамаха со своим чоновским отрядом. Юнька Шмель, припав к шее Вихря, ни на шаг не отставал от своего командира...

Белогвардейцы упорно сопротивлялись, но вскоре были вынуждены отойти на новые оборонительные рубежи, где на подмогу им подоспели кавалерийские части генерала Шифнер-Маркевича. Белые воспрянули духом, перешли в контратаку, однако вернуть утерянных позиций так и не сумели. Шифнер-Маркевич как угорелый метался из стороны в сторону, что-то кричал офицерам, отдавал какие-то распоряжения. Теперь он утратил тот первоначальный лоск, с которым прибыл из Крыма на Кубань, выглядел неряшливо, растрепанно. Отдавая приказ об отступлении, он проскакал вдоль фронта вверенной ему 2-й Кубанской конной дивизии на своем золотисто-гнедом скакуне с белой проточиной на лбу и, окруженный сотней казаков, первый помчался по полю в сторону Гривенской.

* * *

На берегу Понуры меж курчавых верб бойцы поспешно рыли братскую могилу. Погибшие лежали в два ряда на траве со скрещенными на груди руками. Правофланговым в первом ряду находился Охрименко. Его труп нашел Лаврентий Левицкий под Новониколаевской в окопе, перед которым валялась груда тел белогвардейских кавалеристов вместе с их лошадьми. И Лаврентий привез его сюда, чтобы похоронить в одной могиле с бойцами, служившими с ним в одной сотне и погибшими в последнем бою. Проститься с боевыми друзьями пришла вся поредевшая часть Виктора Левицкого.

Лаврентий стоял перед Охрименко с обнаженной головой, мял в руках черную кубанку. Остренькие усики его мелко подрагивали в нервном ознобе. Рядом с ним были и Демка с Юнькой. Глаза у них припухли, покраснели от слез.

Последним на похороны примчался со своим отрядом Аншамаха. Растерянный его взгляд встретился со взглядом Лаврентия Левицкого, жемчужные капельки повисли у них на ресницах. К Аншамахе подбежал Юнька и, указав на Охрименко, в голос зарыдал:

— Тереша! Наш Матвей Федорович погиб!

Аншамаха упал на колени, положил на землю свою неизменную шляпу, поцеловал в посиневший лоб Охрименко, простонал:

— Прощай, дорогой друг. Ты спас меня, а вот себя не уберег. Так уж, видать... это самое... такая твоя судьба.

Убитых уложили рядами в могиле. Виктор поднялся на свежий холм земли и, обратясь к бойцам, стоявшим с обнаженными головами, сказал:

— Товарищи! Мы собрались у этой могилы, чтобы проститься со своими братьями по оружию и проводить их в последний путь. Погибли они в сегодняшнем жестоким бою с озверелым врагом Советской власти. Это были храбрые, бесстрашные воины-борцы, отчетливо понимавшие, за что идут на смерть. Вера в победу давала им силы. Пусть будет им пухом наша добрая, многострадальная, могучая русская земля! Вечная им слава! Вечная память и вечный покой!

Наступила минута молчания... Потом грянули троекратные залпы салюта, и саперы стали засыпать яму, над которой вскоре вырос высокий могильный холм, увенчанный обломками двух воткнутых в землю шашек.

* * *

Всю ночь ждал Воронов Никиту и Митрофана и уже было потерял надежду на их возвращение. О том, что они с честью выполнили задание и спасли от смерти многих людей, знали и пехотинцы, и конники, и артиллеристы. Но куда исчезли после атаки, никому не было известно.

Однако Никита и Митрофан вернулись на рассвете. Митрофан нес Никиту на спине, поддерживая его под колени, а тот держался за плечи брата и скрежетал зубами от боли. Так они и появились перед Вороновым.

— Живы? — обрадованно закричал комбриг.

— Живы, да не совсем, — ответил Митрофан, осторожно, с помощью бойцов спуская раненого брата со спины. — Миките ногу прошили, собаки!

Пострадавшего посадили на землю. Он громко застонал и лег на спину. Митрофан вытер рукавом черкески пот на лице и устало опустился на траву, рядом с братом, проговорил:

— перевязку надо сделать.

Воронов поднял руку:

— А ну-ка, Шмель, сбегай-ка! И санитары пушай придут.

Юнька помчался к посадке, в которой находился перевязочный пункт. А вскоре явились два дюжих санитаря, прибежали и Соня с Марьяной, начали перевязывать Никите ногу.

Виктор стоял в стороне и, переминаясь с ноги на ногу, изредка поглядывал на Соню.

Никита был ранен в мякоть бедра. Воронов, услышав об этом, успокоительно сказал:

— Заживет!

Санитары положили Никиту на носилки и понесли в посадку. За ними парами пошли Виктор с Соней и Юнька с Марьяной... Воронов подсел к Митрофану, спросил:

— Где же вы пропадали всю ночь?

Митрофан потупился, буркнул:

— Не хотели мы... Он сам полез...

— Кто? — не понял Воронов.— Ты о Никите?

— Нет, про Ивана... Стоит он перед глазами, покоя не дает. Ежели б чужой, а то ведь брат... Лежал он за станковым пулеметом на пригорке и косил нас как траву. Заставил залечь, головы не давал поднять. Ну, мы и порешили с Микитой заткнуть глотку тому пулемету... еще не знали, что за ним Иван.

— Как же вы это сделали? — нетерпеливо спросил Воронов.

— Да так,— продолжал Митрофан.— По канаве бочком, бочком, в болото залезли и стороной, значит, меж осокой, как те ящерики, поползли, далеко в сторону забрали. В одном месте мало в муляке не загрузили, но все-таки добрались до пригорка, с тыла. Приготовили гранаты. Уже пулеметчик — вот, рукой подать. Бачим, офицер, как клещ, за ручки затыльника уцепился. То долгими, то короткими очередями садит. Привстал Микита на колени, замахнулся гранатой, а тут офицер возьми да и оглянись. Мы и рты раззявили. За пулеметом лежал Иван, братуха наш! Мы на него зыркаем, а он на нас. Микита держит гранату над головой, наче закаменел. Тут Иван и крикнул: «Ты что, сволочь, на брата руку поднимаешь? Предатель!» А Микита ему: «Руки вверх, белый гад!» Поднялся на ноги и прямо на Ивана прет, требует, чтоб сдавался по-доброму. Я и оком не успел моргнуть, как Иван выхватил наган и торох в Микиту, раз и другой. Бачу, Микита падает, хватается за ногу. Я и сам не знаю, что случилось со мной. Размахнулся гранатой, кинул ее прямо под пулемет. Сильно рвануло, дюже сильно. Но сдается мне, что крик Ивана был еще сильнее взрыва. Я кинулся на бугор. Иван весь в крови, глядит на меня, лопочет что-то. А я махнул красноармейцам: «Вперед, братцы!...» Но тут чую, наче силы из меня вылетают, упал

прямо на Ивана... на мертвого.— Митрофан заскрипел зубами.— Не хотел я... Сам он виноват. Зачем в Микиту стрелял?..

XXIV

Улагаевцы отходили через Гривенскую к Ачуеву. С наступлением темноты они прекратили попытки отеснить красных от ерика и захватить еще несколько улиц на левом берегу. Но тем не менее Ковтюх решил совершить ночную вылазку за ерик и полностью закрыть противнику путь через станицу. Настроение у всех было боевое. Канонада, не прекращавшаяся почти весь день где-то в районе хутора Лебеди, говорила им о том, что части 9-й Красной армии ведут наступление на Гривенскую, стремясь как можно поскорее соединиться с десантом. Это воодушевляло Ковтюха и его бойцов.

Обсудив с командирами десанта план ночной атаки, выработанный им совместно с комиссаром, он направил свои части готовиться к вылазке, намеченной на два часа ночи.

Наступила тишина. Лишь на северо-западной окраине станицы слышался непрерывный шум колес, доносилось цоканье копыт. Это по улицам, ведущим к Ачуевскому тракту, единственному проходу к морю, двигались сплошным потоком обозы и войска отступающего противника.

Разведка красного десанта перебралась через ерик благополучно. Потянулись минуты напряженного ожидания.

В нескольких кварталах, занимаемых улагаевцами, вспыхнули пожары. Пламя разгоралось все ярче и ярче, озаряло улицы, хаты, дворы. Загремели взрывы гранат, и сейчас же в стане белых забухали пушки. Их басовитый рев слился с клетотом пулеметов и грохотом ружейных залпов.

Эскадрон красных вырвался из засады. Перемахнув вброд мелководный ерик, он настиг улагаевцев и, рубя их саблями, быстро продвигался к Ачуевскому тракту. На подмогу кавалеристам подоспели пехотинцы, и к рассвету правобережная часть станицы полностью была очищена от белогвардейцев.

Утром 26-я пехотная бригада и 2-й стрелковый полк подошли к Гривенской. Их встретили Ковтюх и Фурманов. Подойдя к машине, командующий десантом охриплым голосом отрапортовал:

— Рад доложить, товарищ командарм: задание по разгрому врага в Гривенской десант выполнил! — И весело добавил: — Добре турнули бисовых душ!

— Молодцы, товарищи! — похвалил Левандовский.

Орджоникидзе повернулся к нему, сказал:

— Думаю, что за эту операцию командарм непременно представит и командующего, и комиссара десанта к награде. Как, по-вашему, Михаил Карлович, стоит им по ордену Красного Знамени дать?

— Стоит, Григорий Константинович! — согласился Левандовский и взглянул на Ковтюха. — А тебе, Елифан Иович, предстоит еще одна ответственная операция.

Ковтюх подмигнул Фурманову:

— Чуешь, Дмитрий Андреевич! Мабуть, сразу по два ордена получим.

Орджоникидзе рассмеялся:

— Не зря говорят, аппетит приходит во время еды.

— То я так, пошутковал, — ответил Ковтюх и снова обратился к Левандовскому: — Я слушаю вас, товарищ командарм.

— Готовь своих хлопьят к погрузке на пароходы, — сказал Левандовский

— Опять десант?

— Нет, на сей раз тебе придется бить новый десант белых под станицей Петровской

Отряд Ковтюха снова стал грузиться на пароходы и баржи, стоявшие на Гривенской пристани. Гармонисты в поте лица наяривали на гармониках, и над рекой не смолкали удалые песни. Особенно повезло на плясунов и песенников «Благодетелю». Поглядывая на них, Фурманов, стоявший на капитанском мостике, записывал в блокнот частушки удивительно изобретательных импровизаторов.

В круг, образованный бойцами, выскочил низенький огненно-рыжий моряк в тельняшке и, мелко отбивая четку, выкрикнул:

Эх, яблочко,
От солнца шурится!
Улагайка вот-вот
Окочурится!
И Америка,
И тетя Англия
Отходную поют
Банде Врангеля!

Его сменяет толстый круглолицый казак, обладатель смехотворно визгливого голоса:

Эх, яблочко,
Ще й конопельки!
Распустил Филимонов
Со страху сопельки!

От взрыва хохота, казалось, покачнулся весь пароход. А гармонист, высоко вскинув гармошку, заиграл еще задорнее.

К Фурманову поднялся тщедушный на вид красноармеец, целовко приложил руку к козырьку буденовки:

— Товарищ комиссар, разрешите обратиться?

— Что у вас? — спросил Фурманов.

Красноармеец достал из кармана брюк сумочку, похожую на кисет, сказал:

— Вот, возьмите мешочек этот. Я нашел его на улице в Гривенской. Золото в нем: кольца, сережки, николаевские пятерки и зубы золотые. Видно, кто-то потерял награбленное.

Фурманов раскрыл сумочку и, увидев в ней драгоценности, перевел взгляд на бойца, сказал:

— Вы честный человек. Далеко не каждый расстался бы с такой находкой.

— Присвоить награбленное? Нет, нет! — ответил боец.

— Спасибо, дорогой,— Фурманов пожал ему руку.— Я направлю все это по назначению.

* * *

Кавбригада Воронова расположилась в станичных садах вдоль ерика. Используя кратковременный отдых, бойцы купали лошадей, приводили в порядок обмундирование, писали письма в родные станицы.

Воронов собрал командиров и комиссаров всех подразделений, входивших в состав его бригады. Совещались в поповском саду под густыми ветвями яблонь и

груш. На деревьях щебетали птицы, вокруг ульев гудели пчелы, пахло медом и спелыми фруктами.

Воронов стоял у карты, повешенной на яблоневый сучок, и, щурясь от солнца, пробивавшегося сквозь листву, говорил:

— Нас перебрасывают на Тамань.— Он обвел пальцем полуостров.— Вот сюда. Надо кончать с десантом Харламова. 1-й Афипский полк мы оставляем в Славянской. Оттуда он вместе с отрядом Ковтюха пойдет к станции Петровской и ударит по Буряку. Таким образом, кавбригада на некоторое время расчленяется на две части: основные силы идут со мной на Тамань и вместе с 22-й стрелковой дивизией будут там сражаться против генерала Харламова, а 1-й Афипский полк, включающий сотню Левицкого и отряд Аншамахи, поступает в распоряжение Ковтюха. Надеюсь, товарищи, что вы не ударили лицом в грязь и приумножите боевую славу нашей бригады.

После совещания 1-й Афипский полк начал сосредоточиваться на влажном песчаном берегу Протоки, поодаль от пристани. Виктор Левицкий осадил Ратника впереди своей сотни, поднялся на стременах и направил бинокль на медленно отступавшего врага. Заметив сына, Лаврентий подъехал к нему и, взяв у него бинокль, посмотрел на скопления неприятеля.

— Ого! — воскликнул он.— Аж в четыре пыжа отходят!

Во втором часу дня 3-я Отдельная казачья кавбригада покинула Гривенскую. На дороге закружилась пыль. В голове колонны шла на рысях сотня Левицкого. Лошади мотали головами, позвякивали колечками сбруи, раздавался ритмичный цокот копыт.

За Ангелинским ериком дорога свернула к югу. Бойцы замедлили бег разгоряченных коней. Запевала передовой сотни громко затянул походную:

Рано утром, только солнышко взойдет,
Вдоль по фронту кавалерия идет.

Бойцы единым духом подхватили:

Кони резвые копытами стучат,
Шашки острые на солнышке блестят.

Песня разлилась от края и до края, и уже пел ее весь полк, следовавший за сотней...

Миновав Староджерелиевскую, бригада вскоре въехала в Полтавскую, потянулась мимо железнодорожной станции, которая была забита хлебными обозами, захваченными у белогвардейцев. Казаки и казачки перебрасывали мешки с подвод в вагоны товарного поезда. Завидев красную кавалерию, они прервали работу и замахали приветственно руками, шапками, платками.

Лаврентий попытался было подсчитать подводы с хлебом, но, заметив, что Демка Вьун наблюдает за ним, сбился со счета.

За мостом, только что восстановленным саперами, широко раскинулась станица Славянская. Там бригада сделала привал. Бойцы рассыпались на берегу Протоки, задали коням овса в саквы и помчались к походным кухням за обедом.

Лаврентий пристроился под вербой, поставил котелок с кашей на колени, отыскал в своем сидоре луковицу, последнюю из тех, которые они вместе с Охрименко припасли под Новониколаевской. Перед глазами, как живой, встал Охрименко, с гармошкой за спиной. Тоскливо заняла душа Лаврентия. Уставившись на луковицу, он горестно покачал головой.

Кто-то робко окликнул его. Он поднял глаза и увидел Соню.

— Что тебе, дочко?

— Витю вы не видели? — смутившись, спросила Соня.

— Десь тут был, — оглядываясь по сторонам, проговорил Лаврентий. — Мабуть, у Воронова. — И, расстелив на траве синий башлык, сказал: — Сидай, невестушка, як шо не торопишься.

Щеки Сони густо покраснели. Из вербовых кустов вышел Виктор. Лаврентий указал:

— А вот и Витька, легкий на помине.

Соня пошла ему навстречу, и они направились к высокой круче. Мимо них на пулеметной тачанке проехала Аминет. Бойцы проводили ее глазами, подмигнули друг другу.

— Ну и дивчина! — воскликнул кто-то за спиной Лаврентия.

Он оглянулся. Позади стоял Митрофан и не спускал глаз с удалявшейся тачанки.

— Дивчина — я тебе дам! — сказал Лаврентий, улыбаясь. — Только дюже опасная. Вишь, пулемет у нее!

— Такую мне и нужно,— вытянулся в струнку Митрофан.

— Ишь ты! — кончая обедать, шутил Лаврентий.— У нее есть жених, и тоже пулеметчик.

— Жених, кажется? — Митрофан поскреб затылок.— Это хуже.

Соня и Виктор увидели Юньку и Марьяну.

Свесив ноги с кручи и прильнув друг к другу, они сидели на мягком спорыше. Внизу шумели водовороты. Пенистые буруны, облизывая берег, стремительно мчали клочки соломы, карчи, мелкую щепу.

Увлеченные разговором, ни Юнька, ни Марьяна не заметили, как рядом с ними в земле образовалась глубокая трещина. Она быстро ширилась, и глинистая глыба медленно сползала вниз и вдруг рухнула в реку так, что взметнулся огромный столб воды... Сердце Марьяны замерло от страха. Юнька схватил ее за руку, оттащил в сторону.

— Сесть бы нам чуточку правее, и мы были бы уже в мутных волнах! — сказал он с дрожью в голосе.— Смерть прошла мимо нас.

— Ой! — схватившись за локоть Юньки и глядя округленными глазами на обвалившийся берег, простонала Марьяна.— Какой случай!

Юнька обнял ее, поцеловал.

— Успокойся. Теперь все уже прошло.

Горнист проиграл сбор. Кавбригада начала готовиться к походу, но бойцы 1-го Афипского полка и Ахтарского чоновского отряда оставались на месте.

Воронов вздыбил коня, проскакал вдоль выстроившейся колонны, подал команду:

— Становись в пары! Шагом марш!

Колонна двинулась в путь, вытягиваясь на ходу в длинную цепочку, помчалась по дороге.

XXV

Части 9-й Красной армии теснили белогвардейцев к морю на всех трех фронтах — от Таманского полуострова до Гривенской.

Бригада Демуса, что называется, наступала врагу на пятки, гнала его по всему Ачуевскому тракту, нигде не давала закрепиться. Орджоникидзе и Левандовский сле-

довали за передовыми войсками на «фордике». Задержались у прорвы, через которую недавно переправлялись улагаевцы. Жуткую картину представляла собой гать из повозок, загнанных в болото вместе с лошадьми. Берега прорвы были изрыты воронками от снарядов и завалены трупами убитых солдат. Здесь же торчали вверх колесами две пушки.

Петька Зуев осадил гнедого дончака и, приветствуя командующего армией и Чрезвычайного комиссара, взял под козырек, улыбнулся безусым загорелым лицом шоферу, спросил:

— Почему остановились? Бойтесь, переправа не выдержит?

— Чем черт не шутит! — ответил шофер.

— Ничего, не бойтесь! — сказал Петька, забирая в левую руку повод и трогая коня шенкелями. — Белые всю свою армию переправили по этому настилу. Да и наших частей сколько уже перебралось.

Шофер обернулся к военачальникам, спросил:

— Ну что? Поедем?

Орджоникидзе и Левандовский, беседовавшие вполголоса о чем-то, только сейчас заметили, что машина их стоит, посмотрели через ветровое стекло вперед.

— Что там? — спросил комиссар.

— Переправа ненадежная, — ответил шофер. — Что прикажете делать?

Орджоникидзе и Левандовский вылезли из машины, осмотрели зыбкую гать, лежавшую на убитых лошадях, как на резиновых подушках, попробовали ее крепость ногами, но она даже не покачнулась от их усиленных толчков.

— Давай, дорогой! — махнул рукой Орджоникидзе.

Шофер включил мотор, и машина медленно поползла по бревенчатому настилу, качаясь словно на волнах. Потом командующий и комиссар заняли в «фордике» свои места и пустились догонять части, ушедшие уже далеко от них...

По мере приближения к морю песчаные берега Протоки становились все ниже и ниже. Слева и справа поднимались камыши да сверкали зеркала лиманов.

У Ачуева для переправы войска на левый берег Протоки белые использовали четыре парома, лодки, байды и наспех сколоченные плоты. Правый берег был запружен солдатами, которые никому теперь не подчинялись и дра-

лись между собой за каждую лодку. Многие бросались вплавь, но мало кто добирался до противоположного берега. Вперемешку с пехотинцами плыли на лошадях и кавалеристы. Храпя и фыркая, кони наталкивались на переполненные людьми лодки и опрокидывали их.

На одном из паромов, когда он находился на самой стремнине, оборвался канат. Течение подхватило тяжело нагруженный паром и понесло к морю.

Паром подминал байды, пловцов, лошадей, и, прежде чем подтянули его к берегу, под ним погибло больше ста человек.

Комендантская группа, созданная из отборных офицеров, вместе с генералами, растерявшими свои войска, пыталась навести порядок во всей этой каше, отправить хоть бы несколько сот солдат на подмогу арьергарду, но все ее усилия не имели никакого успеха. Размахивая парабеллумом, Бабиев кричал срывающимся голосом:

— Именем командующего приказываю отойти от берега и занять оборону!

На лице его багровели три кровоподтека. Темно-синяя черкеска с оборванной полкой залита грязью, серебряные газыри рассыпались, погон остался один, и тот болтался на ниточке, штанина на галифе с кожаными леями разорвана от кармана до колена.

— Ни шагу назад! — в бешенстве горланил Шифнер-Маркевич, паля из нагана в воздух. — Защищаться до последнего патрона!

Но в генералов полетели кочки, камни, и они вынуждены были укрыться на баркасе от разъяренных солдат и уплыть на левый берег Протоки.

Шифнер-Маркевич безнадежно развел руками:

— Остановить стихию мы бессильны.

Вся гряда, протянувшаяся от Ачуева до моря, кишела белогвардейцами, которые направлялись к косе, расположенной между устьем Протоки и Сладким гирлом. Ее площадь — длиной в пять-шесть верст и шириной не более пятидесяти сажен — была заполнена войсками, военным имуществом и обозами, прибывшими сюда еще с вечера.

На рейде стояли военные и транспортные суда. Речная флотилия, мобилизованная у рыбаков, непрерывно перебрасывала на них белогвардейцев, скопившихся на берегу. На резиновых надувных понтонах перевозили военное имущество и технику...

Время от времени из-за синих туч то выныривали два самолета, то снова скрывались за облаками...

Улагай со своим штабом находился на линейном корабле «Буг», который как бы прятался за остальными судами и транспортами, стоял на почтительном расстоянии от берега. Сюда, в район Ачуева, были стянуты десятки пароходов, больших и малых.

На флагмане царила гнетущая атмосфера растерянности и подавленности. Все распоряжения Улагая Драценко встречал в штыки, стараясь при каждом удобном случае больно задеть самолюбие командующего. В конце концов тот не выдержал. Вызвав Драценко к себе в каюту, гневно сказал:

— Послушайте, генерал, или вы будете безоговорочно выполнять мои приказы, или я вынужден буду отстранить вас от должности начальника штаба!

— Вот как! — воскликнул Драценко. — Что ж, воля ваша, господин командующий. Сожалею, что вам не пришлось это в голову раньше. По крайней мере, я был бы избавлен от необходимости выполнять те ваши приказы, которые привели к столь плачевному финалу наш поход на Кубань!

— Вы злорадуетесь по поводу этой страшной трагедии?

Драценко побледнел:

— Вы не смеете так говорить! Я глубоко переживаю эту катастрофу!

— Не похоже! — раздраженно бросил Улагай. — Вы мешали мне на каждом шагу, плели интриги, занимались бабскими сплетнями и сейчас, когда все мои мысли заняты только тем, как спасти то, что еще можно спасти, мешаете мне, саботируете мои приказы и распоряжения!

— Например?

— Я давал указание поставить «Буг» поближе к берегу, а его оттянули к чертям на кулички. Кто это сделал?

— Флагман не может находиться в зоне артиллерийского обстрела противника!

— Вы, конечно, как всегда, ни при чем! — сердился Улагай. — Но учтите: я не снимаю с себя ответственности за крах десантной операции, но не возьму на свои плечи и вашей вины, господин генерал. А она, надо сказать, увесиста. Лично вы убедили Врангеля в том, что нас

на Кубани встретят десятки тысяч казаков с распростертыми объятиями. А что вышло?

Этот упрек задел Драценко за живое, и он вспыхнул:

— Такое мнение было не только у меня!

— Вот и отвечайте за это со своими единомышленниками! — сказал Улагай. — А пока извольте выполнять мои распоряжения... Поднимите на ноги всех своих штабных офицеров и обеспечьте быстрейшую переброску войск с берега на суда. В противном случае ваша вина возрастет во сто крат.

Глаза Драценко яростно заблестели.

— Что можно сделать в таком хаосе?

— Выполняйте приказ! — потребовал Улагай. — Хотя бы с той целью, чтобы потом скрыться за моей спиной. — Он взглянул на часы. — Не будем терять время. Идите и занимайтесь делом!

«А ведь он действительно может сыграть со мной злую шутку!» — подумал Драценко и, не сказав ни слова, покинул каюту.

Улагай поднялся на палубу и увидел там Бабиева и Шифнер-Маркевича. Не обращая внимания на их внешность, он спросил с нескрываемым раздражением:

— А вы, господа, почему здесь?

Бабиев приложил руку к папахе:

— Разрешите доложить, ваше превосходительство?

— Немедленно на берег! — закричал Улагай. — Ни на минуту не оставляйте солдат без присмотра.

— Это бесполезно, господин командующий! — ответил Шифнер-Маркевич, сдерживая себя внешне. — Солдаты никому уже не подчиняются.

— Улагай положил руки на поручень, устремил глаза на берег, забитый его войсками, потом вдруг повернулся к генералам, бросил:

— Стыдно, господа, стыдно!

Генералы отдали честь, поспешно спустились по трапу на катер и направились к косе. К «Бугу» подошла моторная лодка, на которой прибыл Рябоконец. Улагай пригласил его к себе в каюту, сказал:

— Господин хорунжий, знаете, зачем я вызвал вас?

— Догадываюсь, ваше превосходительство.

— Как вы смотрите на то, чтобы остаться на Кубани до второго нашего прихода?

— Я — солдат русской армии. Если прикажете, ваше

превосходительство, я готов выполнять любое ваше требование.

— Приказа мало. Тут нужен своего рода внутренний импульс,— сказал Улагай.— Та сила, которая двигала полковником Скакуном. К сожалению, его сердце катастрофически сдает.

— Ненависти к большевикам хватит у меня! — заявил Рябокось.

— Значит, остаетесь?

— Остаюсь!

Улагай вручил Рябокосью заготовленные документы особоуполномоченного штаба генерала Врангеля, дающие ему право формировать партизанские отряды и руководить их действиями.

— А теперь отправляйтесь в Ачуев,— сказал Улагай.— Там вас ждет Сергей Борисович. Он уже подобрал группу казаков из двадцати семи человек, имеющих большой опыт ведения боевых действий в плавнях. Они полностью обеспечены оружием, боеприпасами и достаточным количеством продовольствия.

В ночь со второго на третье сентября хорунжий Рябокось вместе со своей группой отплыл на пятнадцати байдах из Ачуева в сторону Темрюкского гирла и в ту же ночь прибыл в район Щучьего лимана. Спрятав на одном из плавунцов сто винтовок и тридцать тысяч патронов, он с группой выехал в приморско-ахтарские плавни.

* * *

Близился вечер. Перевозка солдат с косы на корабли не прекращалась, а количество войск на берегу, казалось, не убывало. Улагай перебрался на катер «Кагул» и курсировал вдоль косы, наблюдал за погрузкой. Суда, имевшие небольшую осадку, подходили к песчаным отмелям, и солдаты брели к ним по грудь в воде. У основного причала останавливались более крупные пароходы. По распоряжению командующего было выделено две канонерки для несения комендантской службы. Установленные на них пулеметы держали под прицелом берег. И офицеры, и солдаты были предупреждены, что в случае нарушения установленного командующим порядка канонерки откроют огонь по группам нарушителей. Причал охранялся вооруженными до зубов офицерами. Они зорко следили за проходом, по которому двигались солдаты, шла погрузка на суда.

Передовые части красных были уже совсем близко. Их продвижение сдерживалось непроходимыми болотами, через которые пролегла единственная дорога на Ачуев. Белогвардейские пулеметчики, засев в камышах, осыпали каждую пядь этой дороги градом пуль. Не менее ожесточенно красные артиллеристы обстреливали участок реки, где велась все еще не прекращавшаяся переправа. Но теперь вышли из строя все паромы, причалы, понтоны...

В гирле лимана Бойко внезапно появились военные суда красных. Развернулись в боевой порядок и начали бить по косе и по судам, стоявшим на рейде перед Ачуевом. Улагай отдал приказ открыть ответный огонь из дальнобойных орудий.

Завязалась артиллерийская дуэль. Канонада над морем гудела до сумерек, и тишина наступила лишь после того, как стало невозможно вести прицельную стрельбу

XXVI

Отряд Ковтюха, 1-й Афипский полк и Ахтарский отряд взломали линию обороны буряковцев, сбили их с укрепленных позиций и овладели Черноерковским хутором. При отступлении белогвардейцы взорвали мост через небольшую речушку Черный Ерик, чем на некоторое время задержали продвижение красных.

Надо было срочно восстанавливать переправу. Ковтюх посоветовался с хуторянами, как это сделать побыстрее, и те взялись навести за ночь наплавной мост на баркасах. На берегах ерика запылали костры, и работа закипела. Поднялся ветер. Он быстро нагонял черные тучи, шумел, метался по камышам... Сверкнула молния, озарив копошившихся у ерика людей, волнующийся камыш, и наконец хлынул крупный холодный дождь. Бойцы бросились под навесы, в хаты. Оставались на местах лишь дозорные да саперы, работавшие с хуторянами на ерике.

Сотня Левицкого расположилась в двух рыбосушильных сараях на северной окраине хутора. Невдалеке, под навесами, отдыхали бойцы из отряда Аншамахи.

Виктор сидел со своим ординарцем в сенцах халупы, отведенной под перевязочный пункт. За раскрытой дверью в тесной комнатухе, освещенной тремя сальными свечами, у тяжелораненых бойцов, лежавших на соломе,

дежурили Соня и Марьяна. Тут же с подругами коротала ночь и Аминет. Слышались сдержанные стоны раненых. Сырой, душный воздух в халупе был пропитан смешанным запахом йода и заношенной, пропитанной потом одежды.

Ливень не унимался. Иссиня-белые молнии поминутно озаряли нахохлившийся хуторок. Раскаты громаходили на нестройные залпы крупнокалиберных орудий. При вспышках молний Виктор видел из сенец двор, превратившийся в лужу, и крытые камышом сараи, вокруг которых жались друг к другу кони.

Громко шлепая сапогами по луже, во двор вбежал Аншамаха, крикнул:

— Левицкий!

— Я здесь,— откликнулся Виктор.

Аншамаха вошел в сенцы, отряхнул шляпу. Из-под расстегнутого брезентового плаща на его груди блеснул орден Красного Знамени, врученный ему за разведку, совершенную в стан Хвостикова, и добычу ценных штабных документов.

— Это самое...— заговорил он,— связной с Горького лимана прибыл. Баркасы уже там. Нам надо идти. Кстати, погода самая подходящая.

— Нужно доложить Ковтюху,— сказал Левицкий, накидывая на плечи плащ с капюшоном.

Вышли на улицу и под проливным дождем направились в глубь хутора.

Несмотря на позднее время, почти во всех хатах светились окошки тусклыми огнями. Внезапно в темноте показалась черная фигура, послышался оклик:

— Стой, кто идет?

Аншамаха узнал по голосу Вьюна, отозвался:

— Свои!

— Начальство тут? — спросил Левицкий.

— Тут,— ответил Вьюн.

В небольшой комнате на столе чадил каганец. Язычок пламени трепетал и, казалось, вот-вот погаснет. Из-за холщовой занавески на широкой русской печи выглядывали ребятишки. На кровати сидели старик и старуха. У стола перед осколком зеркала брился Ковтюх. На низенькой скамейке переобувался Фурманов.

— А, це вы, хлопцы? — обернувшись к вошедшим, протянул Ковтюх.— Ну, шо там чуты?

— Можно выступать, Епифан Иович,— доложил Левицкий.

— Пять моторных баркасов и четыре шлюпки уже ждут нас на лимане,— поспешил добавить Аншамаха.

— Добре! — Ковтюх неторопливо вытер бритву о клочок газеты, сунул в футляр, поднялся.— Ну шо ж, як кажуть, с богом, хлопцы. Возьмите Сладкое гирло на такой замок, чтоб ни один буряковец не прорвался в Азовское море. А мы их с этой стороны шуганем.

— Дождь не помешает? — спросил Фурманов.

— Наоборот, на руку он нам,— сказал Аншамаха.

— Точно! — сказал Ковтюх.— Мы народ не сахарный, не растаем. Дуйте, хлопьята, благословляю!

Фурманов улыбнулся:

— Ты, Епифан Иович, как поп: «с богом», «благословляю».

— Ну и скупой же ты, Андреевич,— лукаво прищурился Ковтюх.— В попы меня произвел, когда мне по чину архиереем положено быть.— Он пожал руки Аншамахе и Левицкому.— Надеюсь на вас, хлопцы. Желая удачи!

— Спасибо, товарищ командующий! — ответил Левицкий.

* * *

Пробираясь сквозь заросли, по узким тропам и лазам, раскисшим от дождя, конники в середине ночи прибыли к флотилии, укрытой за стеной камыша на берегу лимана. Казаки спешились и, передав лошадей коноводам, начали грузиться на баркасы.

Аминет, Соня и Марьяна разместились в небольшой каюте, зажгли плошку, сбросили с себя мокрые шуршащие плащи.

Послышался глухой стук мотора. За кормой забурлила вода. Баркас задрожал, качнулся и плавно отчалил от берега. За ним вереницей потянулась вся флотилия...

На носу головного судна в окружении бойцов стояли Левицкий и Аншамаха. Все зорко вглядывались во тьму. До Сладкого гирла оставалось не больше двадцати верст. Кто мог поручиться, что в плавнях нет вражеских разведчиков или скрытой засады?

Баркасы шли медленно, будто на ощупь, напоминая

пластунов-разведчиков, пробирающихся под носом у противника.

Вот уже прошли первый и второй проливы, соединявшие части Горького лимана, разорванного болотами. За монотонным шумом дождя почти не было слышно плеска воды у гребных винтов, а частые раскаты грома почти скрывали стук моторов.

Уже всходила утренняя звезда, когда баркасы приблизились к проливу, ведущему в Сладкий лиман, на котором Буряк концентрировал основные силы отряда.

Левицкий дал команду глушить моторы. Головной баркас, сделав разворот, остановился у высоких камышей. За ним гуськом расположились остальные суда.

Началась высадка. Первым в лодку спустился Вьюн, обвешанный гранатами, с карабином в руке. Грудь его крест-накрест пересекали пулеметные ленты. За ним последовал Шмель. Они приняли от Лаврентия Левицкого и Аминет пулемет и осторожно поставили на носу лодки. Лаврентий ощупал внутренний карман: на месте ли Георгиевские кресты. Затем спрятал кисет за смушек шапки, чтобы, не дай бог, не подмочить табак.

— Ты шо там колдуешь, Лавруха? — спросил его один из казаков.

— В такую ночь только и колдовать, — отшутился Лаврентий. — Водяному гостинец готовлю, чтоб на дно меня не потянул.

Лодка заполнилась бойцами. Последним в нее спустился Виктор Левицкий. Гребцы взмахнули веслами, направились по проливу к косе, прилегавшей всей своей шестиверстной длиной к морю. Вскоре на баркасах остались лишь шкиперы, мотористы да несколько казаков для охраны флотилии.

Дождь утихал. Засада была устроена на берегу Сладкого гирла. Лаврентий залег в осоке рядом с небольшим бугорком, на котором Аминет установила свой пулемет.

— И тебе не боязно? — спросил ее Лаврентий.

— А чего бояться? — пожала плечами Аминет. — В астраханских песках я видела не такие страхи, и то ничего...

— Ни, ты, мабуть, все же по ошибке дивчиной родилась, — сказал Лаврентий и, помолчав, вздохнул: — Ох и снятся Гаврюхе кислицы. Будет, бедолага, перед пулеметчицей по струнке ходить... Да, факт на лице.

На Ачуевской косе белогвардейцы продолжали грузиться на суда. Оттуда до Сладкого гирла доносился неясный шум. Сквозь тьму невозможно было разглядеть ни косу, ни корабли, стоявшие на рейде.

— Наверно, много еще там врангелевцев,— шепнул Шмель, прислушиваясь к отдаленному шуму.

— Пушку б сюда, да пальнуть по скопищам,— отозвался Вьюн.— Вот бы переполоху было!

— Они и без пушек в пыжи сбились, без оглядки тикают,— сказал Лаврентий.

Дождь совсем перестал. Кое-где из-за туч выглядывали звезды.

Незадолго до рассвета со стороны плавунa, где находились белогвардейцы отряда Буряка, к гирлу подошла моторная лодка. Виктор догадался, что она появилась с разведывательной целью, и поэтому приказал бойцам соблюдать строжайшую тишину. Его догадка подтвердилась. Прошмыгнув по гирлу к морю, лодка повернула назад и медленно заскользила вдоль берега, где притаилась засада.

— Ваше благородие, может, в очерете и на берегу пошарим? — долетело с лодки.

Сидевшие в засаде прижались к земле, не шевелились.

— Нечего время терять,— прозвучало в ответ.— Надо возвращаться.

Лодка направилась к плавуну. Через несколько минут вдаль застучали моторы. Это приближался караван баркасов и лодок, на которых Буряк отправлял с лимана на Ачуевскую косу первую партию солдат и офицеров.

По цепи, залегшей на берегу гирла, тихо от бойца к бойцу пронеслась команда:

— Приготовиться!

Пулеметчики и стрелки припали к оружию. Из-за камышей, покачиваясь на темных волнах, один за другим выплывали баркасы с буряковцами. Без всяких мер предосторожности они полным ходом приближались к Сладкому гирлу и наконец вошли в него. Виктор метнул гранату в головной баркас и громко крикнул:

— Огонь!

Треск винтовых залпов слился с гулким стрекотом пулеметов и взрывами гранат... Уцелело не более деся-

ти шлюпок, из числа тех, которые замыкали караван. Они сразу же развернулись и стали удирать от места побоища к плавуну.

Завершив разгром вражеской флотилии, бойцы из сотни Левицкого и чоновского отряда Аншамахи немедленно покинули берег гирла и присоединились к основным своим силам, сидевшим в камышах близ Кучугурской гряды в засаде.

Загорелось утро. Туман, висевший над лиманами, постепенно окрашивался в малиновый цвет. Под покровом этой пелены бойцы теперь перебрались поближе к морю. Враг находился где-то здесь, недалеко. Порой ветер доносил с плавуну шум голосов и плеск воды. Надо было все время держаться настороже.

С небольшой возвышенности, поросшей кустарником, хорошо просматривались лиман, берег моря и плавуну, разбросанные среди камышей. Виктор со своим ординарцем залег на ней и стал наблюдать за окружающей местностью.

* * *

Утром отряд Ковтюха перешел по наплавному мосту Черный Ерик, начал продвигаться к Сладкому лиману и Кучугурской гряде, но противника там уже не было.

Буряк после разгрома флотилии в Сладком гирле снял все подразделения из-под Черноерковского хутора и перебросил на плавун, находившийся недалеко от залива, на северо-восточной стороне Сладкого лимана. Территория последнего оплота буряковцев не превышала по размеру обычную церковную площадь небольшой кубанской станицы. В камышах лежали мешки с продовольствием, ящики с боеприпасами. Как цепные овчарки, из-за укрытий выглядывали станковые пулеметы.

Теперь полковник Буряк надеялся на этот плавучий остров, который двигался в сторону гряды, отделявшей лиман от моря. Весь восточный край плавуну был облеплен солдатами и белоказаками. Упираясь длинными шестами в илистое дно, они подталкивали плавун. Им помогал попутный ветер, налегавший, как на паруса, на высокие, густые заросли. Белогвардейцы рассчитывали, что им удастся доплыть до гряды, выйти по ней к Ачуевской косе и там погрузиться на корабли. Дозорные вели наблюдение за открытыми плесами, за другими плавунами, но нигде ничего подозрительного не обна-

руживали. На снаряжном ящике среди гребцов, орудовавших шестами, стоял долговязый вахмистр в расстегнутом френче, с ног до головы запачканный грязью, и громко выкрикивал:

— Раз-два — взяли! Ну-ка — нажали!

Когда плавун попадал на мелководье и движение его замедлялось, на помощь гребцам приходили дополнительные команды. Они спускались в воду и напирали на края плавучего острова плечами.

— Ничего, ребята! — подбадривал их вахмистр. — Солдата огонь прокаляет, ветер продувает, а солдат все такой же бывает.

После одного такого аврала к гребцам подошел Буряк. Поглядев воспаленными глазами на промокших, усталых, облепленных болотной тиной солдат, он сказал простуженным голосом:

— Если проберемся к своим, братцы, всем по Георгиевскому кресту дам.

— Как бы нам, ваше высокоблагородие, большевики раньше по деревянному не дали, — угрюмо промолвил чернобородый казак.

— Как тем, что на баркасах, — добавил кто-то.

В воздухе послышался гул самолета. Все подняли головы, зарыскали глазами по небу.

— Всем немедленно укрыться в зарослях! — приказал Буряк.

— А может, это наш аэроплан, — сказал пожилой офицер, глядя в голубую высь.

Гул нарастал, но самолет не показывался. Он кружил где-то в стороне, видимо очень низко над болотом. Белогвардейцы настолько увлеклись наблюдением за воздухом, что перестали работать шестами. Плавун медленно полз по лиману, приближался к косе, на которой засели казаки сотни Левицкого и чоновцы Аншамахи. Вот он коснулся прибрежных камышей и заскользил по мелководью.

Виктор обернулся к Аминет, взмахнул рукой. Пулемет вздрогнул и огласил лиман заливистым стрекотом. Пули летели в самую гущу белогвардейцев. Вслед за станковым пулеметом застрочили ручные, раздались дружные винтовочные залпы, заухали взрывы гранат.

Белогвардейцы заметались по плавуну.

— В ружье! Огонь! — орал Буряк.

Но его крик уже не мог восстановить порядок. По-

няв это, полковник побежал к середине плавуна в надежде, что там удастся создать пулеметный заслон.

С небольшой группой офицеров и белоказачков Буряк выбрался на южный край плавуна, где на привязи стояло несколько байд. Он не видел иного пути к спасению, как только уйти на лодках в камыши и спрятаться там до ночи. Судьба солдат его уже не волновала. Пользуясь тем, что они пусть неорганизованно, но все еще оказывали какое-то сопротивление красным, он надеялся добраться до камышей.

Группа быстро разместились в лодках, отчалила от плавуна. Гребцы изо всех сил налегли на весла. Все внимание беглецов было приковано к плавуну. Одна за другой лодки обогнули болотистый мысок, скрылись за камышами.

— Ну, слава богу, кажись, ушли! — облегченно вздохнул Буряк и невольно пригнулся от свиста пуль, пронесшихся над лодкой.

В следующее мгновение раздался повелительный окрик:

— Руки вверх, ни с места!

Белогвардейцы оглянулись и увидели носы лодок, торчавшие из камыша. На каждом носу был установлен пулемет, зловеще глядевший на врагов черным глазком тупорылого дула.

— Не шевелись! — снова донеслось из зарослей.— Сказано, руки вверх! Ну!

Буряк поднял руки. За ним подняли и остальные. Зашуршал, раздвигаясь, камыш. Из него выплыли две лодки с чоновцами, державшими карабины на изготовку. На передней стоял Аншамаха. Пока он разоружал группу Буряка, на плавуне затихли последние выстрелы: гарнизон плавучего острова сдавался в плен.

* * *

А под Ачуевом все еще продолжался бой. Улагай предпринимал отчаянные попытки как можно дольше удержать в своих руках левый берег Протоки и тем самым обеспечить переброску на суда возможно большего числа своих солдат с Ачуевской косы.

К вечеру, когда на западном небосклоне показался узенький серп молодого полумесяца, торчавшего рожками чуть ли не кверху, подразделения кавбригады Дему-

са форсировали реку в двадцати верстах от Ачуева и, поспешно тесня юнкерские части, начали приближаться к косе по левому берегу Протоки.

Все корабли, находившиеся в распоряжении Улагая, вели огонь из дальнобойных орудий по кавбригаде Демуса и по красной флотилии, которая обстреливала косу и мешала эвакуировать войска с берега.

Во второй половине ночи сухопутные части Демуса подошли к Ачуеву. Видя, что задерживать флот у берегов косы уже нельзя, Улагай отдал приказ прекратить посадку на корабли и взорвать причалы.

В три часа ночи к черному небу взметнулось огромное пламя, осветив все вокруг на десятки верст. Земля и воздух содрогнулись от чудовищного взрыва. Причалы стремительно поднялись ввысь и, разлетаясь на куски, с тяжелым шумом и треском рухнули в воду.

Остатки десантной армии генерала Улагая отбыли в Крым.

XXVII

К Ачуевской пристани пришвартовались пароходы и баржи, прибывшие на рассвете. Вокруг были видны свежие следы боя. Во многих дворах на месте хат дымились пепелища. В стенах домов зияли пробоины. Земля была изрыта воронками. У берегов Протоки громоздились разбитые паромы, понтоны, лодки. С телеграфных столбов свисали провода. И повсюду трупы коней и белогвардейцев. На площади и в улицах стояли толпы пленных, окруженные конвоирами.

К пристани свозили трофеи. Бойцы разгружали подводы и переносили военное имущество в трюмы барж. Несмотря на то, что израненный Ачуев выглядел довольно мрачно, в красных войсках и среди жителей поселка царил атмосфера приподнятости и одушевления.

Отряд Ковтюха уже находился на пароходах, все на тех же «Благодетеле», «Пророке» и «Гайдамаке», которые доставили красный десант под Гривенскую. Раненые были размещены в каютах и на палубе «Благодетеля». Их сопровождали медсестры из санитарной дружины Аннушки Балышеевой.

На пристань провожать своих товарищей пришли много конников из 1-го Афипского полка, сотни Левиц-

кого и Ахтарского чоновского отряда. Виктор, конечно, не мог не попрощаться с Соней, а Юнька с Марьяной. Тут же волчком вертелся и вездесущий Вьун. Лаврентий стоял поодаль от парохода, дымил сигаркой и, наблюдая за сыном и Соней, довольно покручивал усы. Чувствовал он, что сердце Виктора окончательно охладело к Оксане, а Лаврентий не представлял себе невестки лучшей, чем Соня.

На пристань прибыли Орджоникидзе, Левандовский, Ковтюх и Фурманов. Перед отъездом в Екатеринодар они побывали на Ачуевской косе и у Сладкого гирла, забитого потопленной флотилией Буряка.

Над Ачуевом появился самолет. Покружившись, он сел на косе. Это прилетели Жебрак и Соловьев.

— Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил у них Левандовский.

— Могло случиться, да пронесло мимо, — ответил Жебрак.

Взошли по трапу на «Благодетель», и в каюте Левандовский остановил взгляд на комиссаре.

— Что же произошло? — спросил он, волнуясь.

— Пусть Геннадий Иннокентьевич доложит, — сказал Жебрак. — Я прилетел в Екатеринодар из-под Армавира, как говорится, к шапочному разбору.

— Неладно было у нас в Екатеринодарском гарнизоне, товарищи, — сказал Соловьев. — В Интернациональном полку готовился мятеж.

Орджоникидзе взглянул на Левандовского, потупил глаза.

— Оце так новость! — воскликнул Ковтюх. — Мы тут воюем и не куем, не мелем, что нам в спину удар готовят.

— Товарищ Батурин нащупал группу заговорщиков и дал знать Атарбекову, — продолжал Соловьев. — Минувшей ночью мы арестовали их и разоружили полк.

— Значит, полковник Гейдеман скрыл от Атарбекова этот заговор? — спросил Орджоникидзе.

— Нет, он не знал, что Шадур готовит в гарнизоне восстание, — ответил Соловьев. — Шадур был связан непосредственно с Улагаем не через Гейдемана, а через какое-то другое лицо из своей контрразведки.

— Хитро задумано, — сказал Жебрак.

— На допросе заговорщиков выяснилось, — рассказывал Соловьев, — что в те дни, когда мы перешли

в контрастступление и начались бои за Тимашевскую, Улагай дал указание Шадур, чтобы тот поднял мятеж в Екатеринодарском гарнизоне с целью оттянуть с фронта некоторые части, действовавшие против десанта под Тимашевской.

— Хитер этот Улагай! — заметил Фурманов.

— План заговорщиков сводился к следующему, — продолжал Соловьев. — Хорунжий Страхов — командир 3-й роты Интернационального полка — в ночь перед тем, как вспыхнуть мятежу, должен был дежурить по гарнизону. Расстановка постовых караулов была возложена на полковника Уварова. Предполагалось снять караулы с железнодорожного моста и у помещения, где расквартированы белые офицеры, подлежащие включению в Красную Армию. В этих местах намечалось выставить постовых из числа военнопленных. Организаторы заговора держали постоянную связь с группами бывших военнопленных, входивших в состав других воинских частей.

— Это моя вина, — сказал Левандовский. — И Уваров и Страхов — бывшие белые офицеры. Я поверил в их чистосердечное раскаяние.

— В документах, захваченных в ставке Улагая, — продолжал Соловьев, — обнаружена дислокационная карта нашей армии. Пленный генерал Караваяев — заместитель начальника штаба Драценко — показал, что эту карту передал ему Шадур через Губаря. Он же, Шадур, является и организатором убийства Цветкова.

С минуту все сидели молча. Левандовский перевел взгляд на Жебрака:

— А как обстоит дело под Армавиром?

— Думаю, что теперь, после ликвидации улагаевского десанта, Хвостиков не продержится там долго, — ответил комиссар и подробно доложил обстановку на фронте.

* * *

Команды отдали швартовы, и пароходы один за другим потянулись вверх по Протоке. Гребные колеса, шумно шлепая лопастями по воде, гнали к берегам мутные, покрытые пеной волны. Провожающие толпились на пристани, бойцы с пароходов махали им руками, шапками, буденовками.

Соня и Марьяна стояли на верхней палубе «Благо-

детеля». Виктор пустил Ратника в намет по берегу Протоки следом за пароходом. Юнька и Демка слегка приподнялись на стременах, понеслись вдогонку за командиром. Девушки любовались верховой ездой хлопцев. Марьяна послала Юньке воздушный поцелуй, прижалась к бортовому поручню и, обнявшись с Соней, помахала платком.

— До встречи в Екатеринодаре!— выкрикнул Виктор и остановил Ратника.

— До скорой встречи!— подхватил Юнька.

— До свидания, девчата!— гарцуя перед плывущим пароходом, закричал Демка.— Не забывайте!

Все дальше и дальше уходил караван речной флотилии, натужно и медленно преодолевая встречное течение реки.

Виктор вдруг увидел Шкрумова.

— О, какими судьбами вы здесь, Иван Степанович?

— С Тамани на катере прибыл,— ответил Шкрумов и, поздоровавшись за руку, сказал:— После разгрома харламовского десанта я подобрал десяток дружков-охотников, и мы вместе с казаками из вороновской бригады вылавливали в камышах золотопогонную дичь. Охота была удачная. А теперь посылают меня в Екатеринодар, в горно-егерский отряд, который будет вести борьбу с бандами в горах. У меня как-никак большой опыт по части горной охоты...

Подошел Лаврентий. Виктор спешил и познакомил отца с охотником.

— Так вы и есть тот самый Шкрумов? — с удивлением сказал Лаврентий.— Витька рассказывал, как вы под Сукко сукиных сынов били...

* * *

Извилистой песчано-желтой лентой тянется Протока в низких, доверху наполненных водой зеленых берегах. Делая крутые повороты на коленях капризного ее русла, пароходы плыли мимо тех мест, где еще вчера клочкотал огонь сражений.

Бойцы сидели и лежали в тени палубных тентов или, сбросив гимнастерки, подставляли мускулистые спины под солнечные лучи.

Орджоникидзе сидел в кубрике за небольшим столиком и, сочиняя телеграмму, писал карандашом на листке в блокноте:

Десант в районе Ахтырка — Черноморская (главные силы) разбит и загнан в болото и камыши на берегу моря... Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен... Казачество, почувствовав нашу силу, ведет себя довольно прилично. Надежды Врангеля не оправдались... В общем, чувствуем себя крепко, гораздо крепче, чем до десанта.

Он хотел поставить под ней сегодняшнюю дату, но, подумав, решил датировать ее вчерашним числом (7 сентября, днем ухода десанта с Кубани), затем подписался и, так как на пароходе не было радиостанции, чтобы послать телеграмму в Москву, спрятал ее в планшетку и вышел на палубу.

Соня и Марьяна дежурили в каюте, где лежали раненые. Аннушка Балышеева не уходила с палубы, как узнала о появлении Соловьева на пароходе. Она ждала, пока он освободится у командующего и поднимется наверх. Наконец Соловьев вышел на палубу и, увидев Аннушку, направился к ней. Она встретила его улыбкой, взяла за руки, спросила:

— Давно был у нас?

— Нет,— протянул Соловьев.— Навещаю почти каждый день.

— Как мама?

— С маленькой Любочкой не расстается.

— Плачет?

— На то она и мама.

— А папа?

Соловьев помолчал, потом ответил:

— Назар Борисович — мужественный человек...

Они прошли к флагштоку, уселись на сложенном канате, подставив лица встречному ветру... На шканцы поднялись Левандовский, Жебрак, Ковтюх и Фурманов. К ним обернулся Орджоникидзе, стоявший у борта, указал на бойцов, спросил:

— Епифан Иович, это ваши люди?

— Мои, Григорий Константинович,— ответил Ковтюх, не понимая смысла заданного вопроса.

— Почему же порядка нет? — Орджоникидзе лукаво подмигнул Жебраку и посмотрел на Фурманова.

— Ей-богу, не разумею, товарищ Серго,— просиял улыбкой Ковтюх.

— Где же песни? Где смех? Самый настоящий беспорядок, товарищ командующий! — Орджоникидзе оки-

нул взглядом палубу, тряхнул черной шевелюрой и крикнул бойцам:— Что приуныли, товарищи?

Красноармейцы зашевелились, лица повеселели, в глазах заблестели огоньки радости.

— Не приуныли, товарищ Серго,— донеслось в ответ.— Жара нас разморила после всей этой кутерьмы с Улагаем.

— Да, в боях действительно жарко было,— сказал Орджоникидзе,— а тут, на солнышке, истинная благодать!— И, помолчав, спросил:— А может, споем, товарищи?

— Дельное предложение!

— Правильно, товарищ Серго.

— Эй, запевалы!— раздался голоса.

Орджоникидзе поднял руку:

— Разрешите мне, товарищи? Я запевать буду.

По палубе прокатились дружные аплодисменты.

— Просим! Просим, товарищ Серго!

Орджоникидзе остановился у грот-мачты и, откашлявшись, запел громко, воодушевленно:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе...

Ковтюх, как дирижер, взмахнул руками, и все бойцы слаженно подхватили вместе с ним:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

На трап, ведущий к рулевой рубке, взбежал молодой командир взвода с тонкими черными усиками и курчавой шевелюрой.

— Ребята!— закричал он, обращаясь к бойцам.— Давайте попросим Соню, чтобы она спела нам что-нибудь.

Соня будто застыла на месте, ее щеки покрылись густым румянцем. А над палубой уже шумел вихрь рукоплесканий. Аплодировали все: и Орджоникидзе, и Левандовский, и даже шкипер, стоявший на мостике. Отовсюду наперебой летело:

— Сестрица, просим!

— Не робей, девушка!

— Давай про криниченьку!

Соня растерянно оглянулась по сторонам. К ней подошел Жебрак, дотронулся до плеча.

— Ну, чего ты смутилась? Здесь же все свои! Спой.

— Боязно, Николай Николаевич,— шепнула Соня.— Людей много.

Взводный уже стоял с гармошкой в руках на площадке у рубки и, подзывая Соню к себе, говорил:

— Сюда, сюда, сестрица!

Соня поднялась на площадку, повела глазами вокруг, как бы спрашивая взглядом: «Что же спеть вам?» Все притихли, ждали. И Соне вдруг пришел на ум вечер, когда она сидела с Виктором на берегу Кубани. В черной воде купался месяц. Тихо шелестели вербы. Где-то за рекой, в долине, пели девчата какую-то песню. Соня вспомнила об этом и, кивнув головой, сказала взводному:

— А мы споем про любимую нашу Родину.

— Есть про Родину!— согласился взводный.

Он растянул мехи гармони. Соня выпрямилась и, взяв ноту, запела:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля —
Это русское раздолье,
Это Родина моя.

В песню она вкладывала всю свою душу. Ее голос — высокий, звенящий — таял серебристой струей над быстрыми волнами Протоки, над бескрайними камышами, отзывался в позолоченных солнцем плавнях. Бойцы, казалось, не дышали. Песня наполняла их сердца нежным, ласковым теплом.

Соня потупила глаза, голос ее замер. Орджоникидзе шепнул Жебраку:

— Настоящий талант!.. В консерваторию просится!

Бойцы не могли оторвать глаз от Сони и не решились нарушить торжественную тишину, сквозь которую тянулись незримые нити от исполненной песни к их сердцам.

— Спасибо, сестра!— наконец, выйдя из оцепенения, крикнул пулеметчик, стоявший у трапа.— Спасибо, дорогая!

По палубе пронеслась волна бурного восторга. От аплодисментов и гула голосов у Сони звенело в ушах. Левандовский с улыбкой подмигнул товарищам:

— Ну что ж, Григорий Константинович все-таки навел порядок!

— Да...— многозначительно протянул Фурманов.— На то он и Чрезвычайный комиссар.

Вдали сквозь легкую лазурную кисею марева показалась Славянская, утопающая в ярко-зеленом разливе садов. А за ней до самого горизонта тянулись широкие, необъятные, как море, просторы солнечной кубанской степи.

Конец второй книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ	3
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	201

Петр Павлович Радченко

НА ЗАРЕ

Четвертое, переработанное издание

Редактор П. С. Макаренко

Художественный редактор С. В. Таранки

Технический редактор Е. П. Леонидова

Корректоры З. И. Нестерова, Т. В. Федорова

ИБ 1891

Сдано в набор 16.03.88. Подписано в печать 02.06.88. МА 02509.
Формат бумаги 84×108/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура шрифта литературная. Высокая печать. Усл. печ. л.
19,32. Усл. кр.-отг. 20,05. Учетно-изд. л. 20,46. Тираж 30 000.
Заказ 095. Цена 1 руб. 40 коп.
Краснодарское книжное издательство. 350063, Краснодар,
ул. Кирова, 3. Адыгблполиграфобъединение управления изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского
крайисполкома. 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.

